

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

R. N. Krivko (*Austria*); I. Hristova-Shomova, A. Nikolov (*Bulgaria*);
M. Mihaljević, M. Kapović (*Croatia*);
V. Čermák (*Czech Republic*);
R. Marti, B. Wiemer (*Germany*);
A. Zoltán (*Hungary*); M. Garzaniti
(*Italy*); J. Schaeken (*Netherlands*);
E. I. Kislova, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Редакционная коллегия

Р. Н. Кривко (*Австрия*); А. Николов,
И. Христова-Шомова (*Болгария*);
А. Золтан (*Венгрия*); Б. Вимер,
Р. Марти (*Германия*); М. Гарзанити
(*Италия*); Й. Схакен (*Нидерланды*);
свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, М. М. Макарец,
Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев
(*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*);
А. Жолковский, Р. Романчук,
А. Тимберлейк, У. Федер (*США*);
М. Михалевич, М. Капович
(*Хорватия*); В. Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 12

№ 2

Moscow

2023

Москва

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow
T. I. Afanasyeva, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS, Moscow
E. I. Kislova, HSE University, Moscow

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken
D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow
M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

Managing Editors

T. I. Afanasyeva, A. O. Burtseva, E. I. Kislova,
A. K. Polivanova, M. N. Saenko, A. E. Soboleva

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, M. S. Yakovleva

English Language Copy Editors, Proofreaders

A. A. Andreev, N. S. Berseneva

Layout Editor M. N. Tolstaya

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва
Т. И. Афанасьева, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Москва
Е. И. Кислова, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва
Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен
Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва
М. Н. Саенко, Институт славяноведения
РАН, Москва

Редакторы выпуска

Т. И. Афанасьева, А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
А. К. Поливанова, М. Н. Саенко, А. Е. Соболева

Технические редакторы

А. О. Бурцева, А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

**Литературные редакторы, корректоры
(русский язык)** А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
М. С. Яковлева

**Литературные редакторы, корректоры
(английский язык)** А. А. Андреев, Н. С. Берсенева

Верстка М. Н. Толстая

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолаев

Slovène = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 12. № 2. — Москва: Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2023. — 266 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ
"Современное Естествознание" и "Лаборатории ненужных вещей".

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons "Attribution-NoDerivatives"
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2023

© Authors, 2023

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Статьи / Articles

- 7 А. Ю. Виноградов, В. Н. Чхаидзе (Москва). *О христианских именах и политическом статусе Ростислава Тмутараканского*
A. Yu. Vinogradov, V. N. Chkhaidze (Moscow). *Towards Christian Names and Political Status of Rostislav of Tmutarakan*
- 19 Е. В. Буденная, К. И. Гуревич, А. А. Калинин, Д. В. Герасимов (Москва). *Вариативность древнерусских личных имен: основные случаи и возможные трактовки*
E. V. Budennaya, K. I. Gurevich, A. A. Kalinin, D. V. Gerasimov (Moscow). *Name Variation in Old Russian: Main Cases and Possible Interpretations*
- 47 М. Л. Лавренченко (Ярославль). *Заложники в средневековой Руси*
M. L. Lavrenchenko (Yaroslavl). *Hostages in the Medieval Rus'*
- 72 А. М. Введенский (С.-Петербург). *Датировка путешествия Афанасия Никитина за три моря: новый взгляд*
A. M. Vvedenskiy (St. Petersburg). *Dating of Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas: A Fresh Approach*
- 83 П. В. Лукин (Москва). *«Весь господарь Великий Новгород» в германоязычных документах XV века*
P. V. Lukin (Moscow). *"All Sovereign Novgorod-the-Great" in Fifteenth Century Documents in Germanic Languages*
- 97 И. В. Вернер (Москва). *К вопросу о европейских источниках перевода Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670-е — 1680-е гг.): греческие рукописи и печатные издания*
I. V. Verner (Moscow). *On the Question of European Sources for the Translation of the New Testament by Epiphany Slavinetsky and Eofimiy Chudovsky (1670s–1680s): Greek Manuscripts and Printed Editions*
- 127 А. Л. Лифшиц (Москва). *Неизвестное сочинение Семена Ивановича Шаховского о пожаре в Успенском соборе Великого Устюга*
A. L. Lifshits (Moscow). *Unknown Work by Semyon Ivanovich Shakhovskoy about the Fire in the Dormition Cathedral of Veliky Ustyug*
- 143 Д. А. Челнокова, А. В. Вдовин, В. Б. Орехов (Москва). *Как «толстый» журнал изменил заглавия русских романов: эволюция 2000 заглавий (1763–1917)*
D. A. Chelnokova, A. V. Vdovin, B. V. Orekhov (Moscow). *How "Thick" Journal Changed the Titles of Russian Novels: The Evolution of 2000 Titles (1763–1917)*

Заметки/Notes

- 168 Ю. С. Белянкин (Москва). *Исторические записи XVII в. на кириллических изданиях: новые находки*
Yu. S. Beliankin (Moscow). *Historical Inscriptions of the 17th Century in Cyrillic Books: New Findings*

Публикации/Publications

- 178 О. В. Русаковский (Ереван). *Индекс химических веществ и растений в «Воинской книге» 1607 г.*
O. V. Rusakovskiy (Yerevan). *An Index of Chemical Substances and Plants in the Military Book of 1607*
- 210 А. А. Бульчев (Москва). *Заметки о славянских изданиях кирилловского шрифта XVI–XVIII столетий из собрания РГАДА: III. О попытке торговли украинскими и белорусскими книгами в Москве в начале 1673 года (находка двух «фантомных» изданий киевской печати конца 1660-х — начала 1670-х годов)*
A. A. Bulychev (Moscow). *Notes on Slavonic Editions in the Cyrillic Font in the 16th–18th Centuries from the Collection of RGADA: III. About an Attempt to Trade Ukrainian and Belarussian Books in Moscow in Early 1673 (the Discovery of Two “Phantom” Editions of the Kiev Press of the Late 1660s–Early 1670s)*

In memoriam

- 246 Н. И. Киреев (Париж, Москва), О. Азам (Париж), В. А. Плунгян (Москва). *Владимир Антонович Дыбо*

О христианском имени и политическом статусе Ростислава Тмутараканского

**Андрей Юрьевич
Виноградов**

Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**Виктор Николаевич
Чхаидзе**

Институт археологии РАН,
Москва, Россия

Towards Christian Name and Political Status of Rostislav of Tmutarakan

Andrey Yu. Vinogradov

HSE University,
Moscow, Russia

Viktor N. Chkhaidze

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается вопрос о христианском имени Тмутараканского князя Ростислава Владимировича. Новонайденная печать показывает, что он носил христианское имя Гавриил (в честь архангела Гавриила), которое пришло к Рюриковичам, возможно, из болгарской династии Комитопулов. Греческая легенда на печати Ростислава, вероятно, говорит о его саморепрезентации как правителя грекоязычной территории.

Цитирование: Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. О христианских именах и политическом статусе Ростислава Тмутараканского // *Slověne*. 2023. Т 12, № 2. С. 7–18.

Citation: Vinogradov A. Yu., Chkhaidze V. N. (2023) Towards Christian Names and Political Status of Rostislav of Tmutarakan. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 7–18.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.01

Ключевые слова

Древняя Русь, Тмутаракань, печати, Ростислав Владимирович, Благовещение

Abstract

The article deals with the question of the Christian name of Rostislav Vladimirovich the prince of Tmutarakan. The newly found seal of Rostislav Vladimirovich shows that he bore the Christian name Gabriel (in honour of the archangel Gabriel), which came to the Rurikids probably from the Bulgarian Kometopouloi dynasty. The Greek legend on the seal of Rostislav speaks probably about his self-presentation as the ruler of the Greek-speaking territory.

Keywords

Old Rus', Tmutarakan, seals, Rostislav Vladimirovich, Annunciation

Тмутараканское княжество, как хорошо известно, представляло собой редкий политический феномен. Его правитель, с одной стороны, был включен в лествичную систему Рюриковичей и, следовательно, в систему управления Древнерусским государством. С другой стороны, он правил преимущественно неславянским (в основном грекоязычным) населением Тмутаракани-Таматархи и соседними племенами (хазарами, касогами и др.) и не позднее конца XI в. представлял из себя византийского чиновника — «архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии» [Чхайдзе 2012: 258–265]. При этом наши сведения о тмутараканских князьях довольно скудны и происходят преимущественно из русских летописей. Настоящая работа посвящена одному из тмутараканских князей, его христианскому имени и политическому статусу.

Княжение Ростислава Тмутараканского представляет собой один из самых ярких, хотя и краткосрочных политических феноменов домонгольской Руси. Он был первенцем старшего сына и наследника Ярослава Мудрого — новгородского князя Владимира, получившего свое имя в честь знаменитого деда — Владимира Святого. Дата рождения Ростислава не отмечена в летописях: В. Н. Татищев указывает 1038 г. [Татищев 1773: 107], и, хотя эта дата, скорее всего, результат его вычислений, князь действительно должен был появиться на свет примерно в это время, так как его отец родился в 1020 г., а в 1067 г. у Ростислава было уже не менее троих детей. Но после смерти Владимира Ярославича в 1052 г., т. е. еще при жизни Ярослава, Ростислав потерял право старшинства среди Рюриковичей, а после смерти своего деда в 1054 г. был оттеснен своими дядьями на периферию династии и стал первым русским князем-изгоем. Дальнейшая его судьба неясна: только поздние Никоновская летопись и Тверской сборник [ПСРЛ, IX: 92; XV:

154] указывают на его нахождение в 1064/5 г. в Новгороде, однако князем там перед 1067 г. был Мстислав Изяславич. Указание Татищева [Татищев 1773: 117] на правление Ростислава в Ростове и Суздале, а затем на Волыни не находит подтверждения в источниках, однако А. В. Гадло обращал внимание на то, что сыновья Ростислава получили впоследствии надель в Червенских городах, в которых мог править и он сам [Гадло 2004: 267–268]. Как бы то ни было, недовольный своим положением, Ростислав в 1064–1065 г. вместе с новгородскими воеводами Пореем и Вышатой Остромиричем, связанными с его отцом, изгнал из Тмутаракани своего двоюродного брата Глеба Святославича. В следующем году Святослав Ярославич восстановил своего сына на этом столе; Ростислав, не хотевший воевать с дядей, после его ухода вернулся и снова выгнал Глеба из Тмутаракани. С Ростиславом был как-то связан Никон Печерский, ушедший на Таманский полуостров после конфликта с Изяславом Ярославичем и покинувший его после смерти Ростислава. Наконец в 1067/8 г. катепан Херсона, недовольный усилением русского князя, бравшего дань с соседних адыгских племен, отравил Ростислава [Назаренко, Котляр 2014: 686–687].

Не менее сложна ситуация с имянаречением Ростислава Владимировича. С ним нехристианское имя Ростислав появляется впервые у Рюриковичей и на Руси вообще. С одной стороны, имена на -слав были типичны для сыновей и внуков Ярослава: Изяслав, Святослав и Вячеслав Ярославичи, Мстислав Изяславич. С другой стороны, имя Ростислав (как и Святополк) в качестве княжеского известно у западных славян: его носил знаменитый Ростислав Моравский, пригласивший Кирилла и Мефодия, причастный к созданию славянской письменности и отмеченный потому в Повести временных лет [ПСРЛ I: 26; II: 18]. После Ростислава Владимировича это имя закрепляется в династии. Имя Ростислав получили его двоюродный племянник (неизвестно, до или после его смерти), сын Мстислава Изяславича, и его двоюродный брат, сын Всеволода Ярославича, родившийся в 1070 г., т. е. через три года после его гибели. Вероятно, в честь убитого в 1093 г. Ростислава Всеволодовича (а возможно, и умершего в тот же год Ростислава Мстиславича) был назван его внучатый племянник Ростислав Мстиславич, родившийся в 1097–1099 гг. (т. е. через 4–6 лет после смерти тмутараканского князя), а также, возможно, другой его внучатый племянник — сын Юрия Долгорукого. Наконец, в честь этого Ростислава Мстиславича, князя смоленского и киевского, самого успешного из носителей данного имени, был назван его внук Ростислав Рюрикович, родившийся в 1172 г., через 5 лет после смерти своего деда. Параллельно имя Ростислав закрепляется и у черниговских Рюриковичей, потомков Святослава Ярославича: так

звали и сына Давыда Святославича, умершего в 1120 г., т. е. сверстника Ростислава Мстиславича или даже Ростислава Всеволодовича, и внука Всеволода Ольговича — Ростислава Ярославича (род. в 1171 г.), и его праправнука — Ростислава Михайловича (род. в начале XIII в.). Более того, оно рано появляется даже у полоцких князей, не бывших потомками Ярослава: Всеслав Брючиславич назвал так своего сына, родившегося в 1070 г., т. е. опять же через три года после смерти Ростислава Владимировича [Литвина, Успенский 2006: 599–602]. Таким образом, имя Ростислав присутствовало среди ближайших потомков четырех сыновей Ярослава и даже у сына его внучатого племянника Всеслава Полоцкого, но первым из них оказывается именно Ростислав Владимирович, после чьей смерти это имя быстро распространилось среди всех ветвей Рюриковичей.

Как было отмечено исследователями [Литвина, Успенский 2006: 599–602], многие из домонгольских князей Ростиславов носили христианское имя Михаил, которое передавалось им, видимо, также по наследству. Это имя точно носили Ростислав Рюрикович и его дед Ростислав Мстиславич, а также, по всей видимости, двоюродный дед последнего — Ростислав Всеволодович: в год его рождения отец княжича заложил церковь архангела Михаила в Выдубицком монастыре (ср. ниже). Такая связь, очевидно, натолкнула Татищева [Татищев 1773: 107] на идею дать христианское имя Михаил и Ростиславу Владимировичу. Действительно, это имя было крайне популярно среди внуков Ярослава Мудрого: его носили Святополк Изяславич, Олег Святославич и, по всей вероятности, Ростислав Всеволодович (см. выше). Это не удивительно, учитывая, что в 1034–1078 гг. византийский престол занимали четыре василевса с таким именем, ставшим императорским *par excellence*. Впрочем, связь имен Ростислав и Михаил не была обязательной: так, Ростислав Ярославич был крещен Иоанном.

Вопрос о христианском имени первого из русских Ростиславов — сына Владимира Ярославича, как кажется, позволяет решить печать, найденная недавно (до 2016 г.) в Белоруссии, близ дер. Черствяды Ушацкого района Витебской области, и хранящаяся ныне в частной коллекции (ил. 1)¹. Печать диаметром 1,62 см по своему типу относится к XI в. Она имеет механическое повреждение на правом краю аверса и левом краю реверса, что не мешает, однако, ее полному прочтению.

На аверсе изображена в круговой рамке сцена Благовещения: слева крылатый архангел Гавриил в трехчетвертном повороте поднимает правую руку в жесте благовестия навстречу стоящей справа Марии,

¹ Есть информация о находке близ Друцка (тоже в Полоцкой земле) аналогичной печати, однако она хранится в частной коллекции и не введена в научный оборот.

Ил. 1. Печать Ростислава-Гавриила из Черствяд (частная коллекция)

обращенной в три четверти влево и чуть приподнимающей руки в сторону архангела; внизу между ними вертикальная линия с шариками на ней (левая ножка трона Марии?). Наверху между фигурами видны остатки надписи:

○

Ǻ

! [P] A

‘Ο Χαί[ρ]α[ιτισμός]. «Приветствие».

Справа от фигуры Марии друг под другом видны остатки двух букв, вероятно, Т и А: ‘Ο это остатки надписи Χαίραιτισμός или часть надписи [μ]ε]τὰ σοῦ (тогда не сохранилось ее начало: Ο Κ̅ ΜΕ «Господь с Тобою»). Надпись на аверсе необычна для сцены Благовещения [Шандровская 2019: 422–426, ил. 1–4].

На реверсе в круговой рамке размещена пятистрочная надпись:

+ ΘΚΕ

.ΩΖΕΓΑ

...ΗΛ ΡΩ

.ΙΣΘΛΑ

ΒΩ

+ Θεοτόκε, [σ]ῶζε Γα[βρ]ιήλ Ρω[στ]ισθαλάβω

«Богородице, спаси Гавриила Ростислава»

В строке 4, судя по месту, остающемуся только для одной буквы, ΣΤ были написаны в лигатуре. В имени Ростислав мы видим ошибку в падеже (дательный вместо винительного), которая может объясняться как сбивкой в падежах при глаголе σώζω, так и неудачным (но обычным) изменением формулы Θεοτόκε βοήθει «Богородице, помоги»

(например, во время нового правления): действительно, известны аналогичные печати с Благовещением на аверсе и надписью Θεοτόκε, βοήθει Γαβριήλ на реверсе (см. ниже). Написание имени Ростислав в греческих источниках не фиксируется: омега вместо ожидаемого омикрона могла появиться в нем под влиянием написания слова Ῥῶς. С другой стороны, такое написание исключает принадлежность печати представителю южно- или западнославянского мира, где это имя имело форму Растислав. Редкое соединение христианского и родового имени русского князя в одной греческой надписи известно нам по печатям Андрея-Всеволода Ярославича (1030–1093), Меркурия-Вячеслава Ярославича (1036–1057) и Василия-Владимира Мономаха (1053–1125) [Янин 1970: 15–16, 168–170, № 14–22, табл. 2–3, 34–35; Янин, Гайдуков 1998: 29–21, 114–115, № 15-2, 16а, 20а, 22а, табл. 1–2, 52–53; 2000: 286, № 15-3, 15-4, 18-2, 20-2; 2001: 181–182, № 16а-2, 18-3, 20-3, 20б, рис. 1; 2003: 353, № 14а-1–2, рис. 2; 2005: 94, № 16а-2, 17-2, 18а, рис. 2; 2006: 80, № 20-4; 2008: 65, № 16аа-1–2; Артюхин 2011: 372, № 8; 2013: 95–96, № 1; Алфьоров 2012: 175–193, 203–204, 205–206, № 5–25].

Нет сомнения, что владелец печати носил два имени: нехристианское Ростислав и христианское Гавриил, и потому выбрал для своей печати иконографию Благовещения, где надпись подчеркивает роль архангела Гавриила. Большинство русских печатей с изображением Благовещения связано с Всеволодом-Гавриилом (ок. 1095/1103–1138), старшим сыном Мстислава Великого [Янин 1970: 108–110, 193–194, № 133-1–6, 134-1–12, 135, 136-1–5, 137-1–13, табл. 13, 46–48; Янин, Гайдуков 1998: 43, 129–130, № 133-7–11, 134-13–20, 135-2, 136-7–8, 137-14–18, 137а, табл. 7, 68–71; 1998б: 344, № 134-21–22; 2000: 290–291, № 133-12–14, 134-23–24, 137-19, 137б, рис. 10; 2001: 184, № 133-15, 137-20; 2002: 161, № 133-16–18, 134-25–26, 137-21; 2003: 356–357, № 134-27, 136-9, 137-22–24; 2004, 144, № 133-20, 134-28, 136-10, 137-25–27; 2005: 98, № 137-28; 2006: 84, № 134-29–30, 137-29-31; 2008: 69, № 133-20–21, 134-31–32)]. У Всеволода-Гавриила был брат по имени Ростислав (ок. 1107/1109–1167), однако он носил крестильное имя Михаил [Литвина, Успенский 2006: 600–601]. Датировка нашей печати XI в. и сочетание имен Ростислав и Гавриил сужает круг претендентов на роль ее владельца до четырех князей с именем Ростислав: Ростислава Владимировича Тмутараканского (ок. 1038–1067/8), сына Владимира Ярославича, и его малоизвестных двоюродных племянников: Ростислава Мстиславича (ум. 1093), сына Мстислава Изяславича Новгородского, Ростислава Давыдовича (ум. 1120), сына Давыда Святославича Черниговского, и Ростислава Всеславича (ок. 1170 — после 1130), сына Всеслава Брячиславича Полоцкого. Их христианские имена неизвестны, тогда как Ро-

стислав Всеволодович, сын Всеволода Ярославича, и вышеупомянутый Ростислав Мстиславич, сын Мстислава Владимировича, в XI в. носили крестильное имя Михаил [Литвина, Успенский 2006: 599–601].

На первый взгляд, находка печати на территории Полоцкого княжества говорит в пользу Ростислава Всеславича, который, возможно, был среди полоцких князей, изгнанных в 1129 г. в Византию [ПСРЛ, II: 290–293]. Однако против такого отождествления говорит тот факт, что все ранние полоцкие князья, вплоть до Глеба Всеславича Минского (ум. 1119) и прп. Евфросинии (ум. 1167/1173), использовали печати только со славянскими, но не греческими надписями [Янин 1970: 231–232, 234, № 121а, табл. 32, 75; Янин, Гайдуков 1998: 41, 127, № 121д–ж, табл. 6, 66; Алфьоров 2013: 490; Эйдель 2014: 179, 186, рис. 7].

Напротив, греческая строчная надпись известна на одном из 4 типов печатей Изяслава Ярославича (1024–1078) [Янин 1970: 166–167, № 3, табл. 1, 33], однако печать его сына Мстислава-Феодора Изяславича Новгородского — отца Ростислава Мстиславича Брестского (о котором ничего, кроме даты его смерти, не известно), совершенно не похожа на рассматриваемую по типу [Янин 1970: 208, № 214, табл. 19, 33; Янин, Гайдуков 2000: 294, № 214-3, рис. 16; 2001: 186, № 214-4]. Греческие строчные надписи имеются и на печатях черниговских Рюриковичей, в том числе Давыда Святославича [Янин 1970: 20, 171, № 26–27, 28-1–3, табл. 3, 36; Янин, Гайдуков 1998: 21–22, 115, № 26-2, табл. 2, 53; 2005: 95, № 26-3; 2007: 144, № 28-4; Булгакова 2008: 320–321, № 39], отца Ростислава Давыдовича. Однако мы ничего не знаем о деятельности Ростислава Давыдовича и тем более о том, как он мог быть связан с Полоцким княжеством. Важно также, что имя Гавриил как крестильное у Святославичей вообще не известно.

В случае же Ростислава Владимировича связи с Полоцком понятны, если он до Тмутаракани действительно правил в соседних Червенских городах (см. выше). Греческие надписи на печати хорошо объяснимы и для правителя Тмутаракани-Таматархи в 1064–1067/8 гг.: они известны и для другого местного князя-Рюриковича — Олега-Михаила Святославича (ум. 1115), который, находясь на византийской службе, последовательно назывался *архонтом* и *дукой* Матрахи и всей Хазарии, затем *архонтом* и *дукой* Зихии, Матрахи и всей Хазарии и, наконец, *архонтом* Матархи, Зихии и всей Хазарии [Степаненко 2013: 157–163; Чхайдзе 2016: рис. 11–15; 2018: 11–14, 721–725, рис. 1]. С Полоцким княжеством Ростислав Владимирович мог контактировать и из Тмутаракани, вступив в союз с его независимым правителем Всеславом Брячиславичем, который, как и Ростислав, с 1065 г. конфликтовал с триумвиратом Ярославичей.

Ил. 2. Печать Гавриила из Псковской области (частная коллекция)

Атрибуция печати из Черствяд Ростиславу-Гавриилу Владимировичу позволяет выдвинуть гипотезу и о владельце моливдовула XI в. с изображением Благовещения на аверсе и надписью на реверсе: Κ(ύρι)ε, βο(ή)θει τῷ σ[ῶ] δούλῳ Γαβριήλ «Господи, помоги Твоему рабу Гавриилу», известного в двух экземплярах (оба в частных коллекциях): из Курской (?) области [Янин, Гайдуков 2004: 141–142, № 40Аа, рис. 2] и с юга Псковской области (ил. 2). Его аверс очень близок по композиции и деталям аверсу печати из Черствяд, хотя и хуже проработан. Вполне вероятно, что эта печать также принадлежит Ростиславу-Гавриилу Владимировичу (ср. выше, о возможном изменении формулы на черствядской печати) и может свидетельствовать о его контактах и с Черниговским княжеством².

Ил. 3. Печать Гавриила (?) из Львовской области (частная коллекция)

² В той же коллекции хранится найденная в Золочевском районе Львовской области верхняя часть печати диаметром 1,6 см с грубым изображением Благовещения на аверсе и надписью Κ(ύρι)ε, βο(ή)θει τῷ σ[ῶ] δούλῳ τῷ δεῖνα («Господи, помоги рабу Твоему имярек») на реверсе (ил. 3) и ὁ Χαιρετ(ισμός) («Приветствие») на аверсе. Однако она может принадлежать и к другой традиции, связанной, вероятно, с Всеволодом-Гавриилом Мстиславичем [Янин, Гайдуков 1998: № 138, рис. 138; Чукова 2004: 133–140].

Таким образом, новонайденная печать с наибольшей вероятностью принадлежит именно Ростиславу Владимировичу Тмутараканскому. В пользу того, что он носил христианское имя Гавриил, говорит еще один факт. Как мы видели выше, этот князь родился около 1038 г. Между тем, «Повесть временных лет» сообщает в сводной статье 1037/8 г. о возведении первой Благовещенской церкви на Руси, построенной Ярославом Владимировичем на Золотых воротах Киева:

заложѣ Ярославъ. городъ великыи кыевъ. оу негоже града врата суть золата заложѣ же и црѣвь. стѣя софѣя. премудрость бѣю митрополью. и посемь. церькѣвь на золатыхъ вратѣхъ камену стѣя бѣа благовѣщение сии же премудрыи князь Ярославъ. то того дѣла створи блгв(ѣ)щние на вратѣхъ. дати всегда радость градуу тому стѣмь блгвѣщениемь. г(с)нимь и млтвою стѣя бѣа. и архангѣла. гаврила посемь стѣго геургия монастырь и стѣя шрины» [ПСРЛ, I: 151; II: 139].

Последние исследования показывают, что Св. София была освящена в 1037 г., а Благовещение на Золотых воротах построено примерно тогда же [Виноградов 2023]. Подчеркивание роли архангела Гавриила в летописной статье (как и в «Слове о законе и благодати» митр. Илариона (до 1051 г.), упоминающего данный храм) указывает на связь посвящения храма с крестильным именем наследника Ярослава. Точно так же — вскоре после рождения Всеволода-Гавриила в 1103 г. — его отец Мстислав Владимирович закладывает на новгородском Городище храм Благовещения [ПСРЛ III: 19, 203].

Откуда же имя Гавриил могло появиться в династии Рюриковичей в середине XI в.? В Византии никаких значимых персонажей с этим именем в X–XI вв. не было, а само оно в византийском мире не принадлежало к числу популярных. Давно отмечалось [Литвина, Успенский 2006: 477–478, 520–522], что в первой половине XI в. часть имен Рюриковичей связана с Болгарией, причем как нехристианских (например, Борис), так и христианских (например, Давид и Роман). Действительно, в той же болгарской династии Комитопулов, откуда на Русь, по всей видимости, пришло имя Давид, существовало и имя Гавриил, которое носил сын знаменитого царя Самуила (997–1014) — Гавриил-Радомир-Роман, царь Болгарии в 1014–1015 гг. [Златарски 1971: 704–723; Мутафчиев 1986: 230–231; Атанасов 1999: 107–109, обр. 35]. В связи с этим можно предположить, что христианское имя Гавриил носил кто-то из сыновей Владимира (для большинства из них оно неизвестно), в честь которого его и получил Ростислав Владимирович.

Сокращения

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

Библиография

Алфьоров 2012

Алфьоров О. А., Сфрагистика князя Всеволода–Андрія Ярославича–Георгійовича, *Спеціальні історичні дисципліни*, 20, Київ, 2012, 170–208.

——— 2013

Алфьоров О. А., Жіночі печатки Київської Русі, *Спеціальні історичні дисципліни*, 22–23, Київ, 2013, 488–502.

Артюхін 2011

Артюхін О., Формування типології князівської булли на прикладі печаток Ярослава Мудрого та його нащадків другої половини XI ст., *Сфрагістичний щорічник*, I, Київ, 2011, 367–374.

——— 2013

Артюхін О., Іконографічні зміни зображень на княжих буллах династії Мономаховичів XI–XIII ст., *Сфрагістичний щорічник*, IV, Київ, 2013, 95–107.

Атанасов 1999

Атанасов Г., *Инсигните на средновековните Български владетели. Корони, скипетри, сфери, оръжия, костюми, накити*, Плевен, 1999.

Булгакова 2008

Булгакова В. И., Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.), *Сугдейский сборник*, III, Киев, Судак, 2008, 296–330.

Виноградов 2023

Виноградов А. Ю., Происхождение и судьба византийских строителей Владимира Святославича и его сыновей: «константинопольское» и «неконстантинопольское» в зодчестве Руси конца X – середины XI века, *Искусство византийского мира 2: Сборник статей памяти О. С. Поповой*, Москва, 2023, 38–69.

Гадло 2004

Гадло А. В., *Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе*, С.-Петербург, 2004.

Златарски 1971

Златарски В., *Историята на Българската държава през средните векове. Том I. Първо Българско царство. Част 2. От славянизацията на Държавата до падението на Първо царство*, София, 1971.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

Мутафчиев 1986

Мутафчиев П., *История на българския народ (681–1323)*, София, 1986.

Назаренко, Котляр 2014

Назаренко А. В., Котляр Н. Ф., Ростислав Владимирович, *Древняя Русь в средневековом мире*, Москва, 2014, 686–687.

Степаненко 2013

Степаненко В. П., Архонт и дука Тмутаракани в конце XI века, *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ 01: «империя» и «полис»*, Севастополь, 2013, 157–168.

Татищев 1773

Татищев В. Н., *История Российская*, 2. Москва, 1773.

Чукова 2004

Чукова Т. А., Древнерусские печати с изображением Благовещения, *Сфрагистика и история культуры*, С.-Петербург, 2004, 129–141.

Чхаидзе 2012

Чхаидзе В. Н., Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI в., *Сугдейский сборник*, V, Киев, Судак, 2012, 251–270.

— 2016

Чхаидзе В. Н., «Хазария» XI века: к вопросу о локализации (по данным византийских моливдовулов), Москва, 2016.

Шандровская 2019

Шандровская В. С., *Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской*, С.-Петербург, 2019.

Эйдель 2014

Эйдель Е. М., К вопросу о датировке женских древнерусских печатей на примере контрмаркирования буллы Ефросиньи Полоцкой, *Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»*, С.-Петербург, 2014, 179–193.

Янин 1970

Янин В. Л., *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.*, I: Печати X–начала XIII в., Москва, 1970.

Янин, Гайдуков 1998

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.*, III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг., Москва, 1998.

— 2000

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг., *Новгород и новгородская земля*, 14, Великий Новгород, 2000, 283–314.

— 2004

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г., *Новгород и новгородская земля*, 18, Великий Новгород, 2004, 137–160.

Pseudo-Kodinos 1966

Pseudo-Kodinos, *Traité des offices*, Verpeaux J., ed., *Le Monde Byzantin*, 1, Paris, 1966.

References

Alfiorov O. A., Sfrahistyka kniazia Vsevoloda–Andriia Iaroslavicha–Heorgiiovicha, *Spetsial'ni istorichni distsiplini*, 20, Kyiv, 2012, 170–208.

Alfiorov O. A., Zhinochi pechatky Kyivs'koi Rusi, *Spetsial'ni istorichni distsiplini*, 22–23, Kyiv, 2013, 488–502.

Artiukhin O., Formuvannia tipolohii kniaziv-s'koi bully na prykladi pechatok Iaroslava Mudroho ta ioho nashchadkiv druhoi polovyny 19 st., *Sfrahistychnyi shchorichnyk*, 1, Kyiv, 2011, 367–374.

Artiukhin O., Ikonohrafični zminy zobrazhen' na kniazhykh bullakh dynastii Monomakhovyčiv 11–13 st., *Sfrahistychnyi shchorichnyk*, 4, Kyiv, 2013, 95–107.

Atanasov G., *Insignite na srednekovnite Bulgarski vladeteli. Koroni, skipetri, sferi, oruzh'ia, kostiumi, nakiti*, Pleven, 1999.

Bulgakova V. I., Sigillograficheskii kompleks porta Sugdei (materialy podvodnykh issledovaniy 2004–2005 gg.), *Sugdeiskii sbornik*, 3, Kyiv, Sudak, 2008, 296–330.

Chkhaidze V. N., Tmutarakan' — vladenie Drevnerusskogo gosudarstva v 80-e gg. 10 — 90-e gg. 11 v., *Sugdeiskii sbornik*, 5, Kyiv, Sudak, 2012, 251–270.

Chkhaidze V. N., «Khazariia» 11 veka: k voprosu o lokalizatsii (po dannym vizantiiskikh molivdovulov), Moscow, 2016.

Chukova T. A., *Drevnerusskie pečati s izobrazheniem Blagoveshcheniia, Sfragistika i istoriia kul'tury*, St. Petersburg, 2004, 129–141.

Eidel E. M., K voprosu o datirovke zhen-skikh drevnerusskikh pečatei na primere kontr-markirovaniia bully Efrosin'i Polotskoi, *Mezhdunarodnaia numizmaticheskaia konferentsiia "Epokha vikingov v Vostochnoi Evrope v pamiatnikakh numizmatiki 8–11 vv."*, St. Petersburg, 2014, 179–193.

Gadlo A. V., *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*, St. Petersburg, 2004.

Litvina A. F., Uspenskii F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.

Mutafov P., *Istoriia na bulgarskii narod (681–1323)*, Sofia, 1986.

Nazarenko A. V., Kotlyar N. F., Rostislav Vladimirovich, *Drevniaia Rus' v srednevekovom mire*, Moscow, 2014, 686–687.

Stepanenko V. P., Arkhont i duka Tmutarakani v kontse 11 veka, *HERSONOS THEMATA 01: "imperiia" i "polis"*, Sevastopol, 2013, 157–168.

Vinogradov A. Yu., Proiskhozhdenie i sud'ba vizantiiskikh stroitelei Vladimira Sviatoslavicha i ego synovei: "konstantinopol'skoe" i "nekonstantinopol'skoe" v zodchestve Rusi kontsa 10 – serediny 11 veka, *Iskusstvo vizantiiskogo mira 2: Sbornik statei pamiati O. S. Popovoi*, Moscow, 2023, 38–69.

Yanin V. L., *Aktovye pečati Drevnei Rusi 10–15 vv., 1: Pečati 10–nachala 13 v.*, Moscow, 1970.

Yanin V. L., Gaidukov P. G., *Aktovye pečati Drevnei Rusi 10–15 vv., 3: Pečati, zaregistrirovannye v 1970–1996 gg.*, Moscow, 1998.

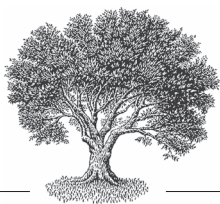
Yanin V. L., Gaidukov P. G., Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrirovannye v 1998–1999 gg., *Novgorod i novgorodskaia zemlia*, 14, Veliky Novgorod, 2000, 283–314.

Yanin V. L., Gaidukov P. G., Drevnerusskie vislye pečati, zaregistrirovannye v 2003 g., *Novgorod i novgorodskaia zemlia*, 18, Veliky Novgorod, 2004, 137–160.

Андрей Юрьевич Виноградов, кандидат исторических наук,
доктор филологических наук,
профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4с1
Россия / Russia
auvinogradov@hse.ru

Виктор Николаевич Чаидзе, кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института археологии
Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
Россия / Russia
chkhaidze.v@yandex.ru

Received November 16, 2022

Вариативность
древнерусских
личных имен:
основные случаи
и возможные
трактовки*

**Евгения Владимировна
Буденная**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия

**Каролина Игоревна Гуревич
Анатолий Андреевич
Калинин
Данила Викторович
Герасимов**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Name Variation
in Old Russian:
Main Cases
and Possible
Interpretations

Evgeniya V. Budennaya

HSE University;
Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

**Karolina I. Gurevich
Anatoly A. Kalinin
Danila V. Gerasimov**

HSE University,
Moscow, Russia

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 23-00-007 «Русские имена в исторической перспективе» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Цитирование: Буденная Е. В., Гуревич К. И., Калинин А. А., Герасимов Д. В. Вариативность древнерусских личных имен: основные случаи и возможные трактовки // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 19–46.

Citation: Budennaya E. V., Gurevich K. I., Kalinin A. A., Gerasimov D. V. (2023) Name Variation in Old Russian: Main Cases and Possible Interpretations. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 19–46.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.02

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

Резюме

В статье рассматриваются случаи вариативности форм христианских и исконно славянских имен древнерусских персонажей. На материале древнерусских летописей, берестяных грамот и деловых документов прослеживаются изменения формы одного и того же имени, отмечаются особенности контекста и предлагаются возможные объяснения каждой дистрибуции. Отдельно рассматриваются гипокористические формы христианских имен (*Михалко, Янка*), которые в исследуемый период чаще всего не несли уменьшительного или уничижительного значения, но могли выполнять нейтрализующую функцию во взаимодействии славянского и иноязычного именословов: в более раннем ростовском летописании Михаил Черниговский фигурирует под формой *Михалко*, тогда как в более поздних источниках он последовательно упоминается как *Михаил*. Кроме того, анализируются вариации грецизированной и народной древнерусской форм имени в контексте нарративных изменений (*Алексей/Олексей, Стефан/Степан*), обсуждается зависимость в смене данных форм от конкретных событий повествования (в контекстах, связанных со смертью и/или участием персонажа в строительстве церкви, некоторые новгородские посадники упоминаются под канонической формой имени, тогда как при описании остальных событий — последовательно под народной формой). Отдельное внимание в статье посвящено влиянию графических систем древнерусских источников на чередование форм христианских имен, а также границам вариативности исконно славянских имен (*Мирошка/Мирослав, Жироха/Жирослав*) в контексте личной переписки в берестяных грамотах в сопоставлении с летописными источниками.

Ключевые слова

древнерусский язык, антропонимика, вариативность имен, славянское имя, христианское имя, гипокористика

Abstract

The study considers several cases of the variation of Christian and original Slavic names of persons in Medieval Rus. Based on chronicles, birch bark letters, and business documents, the article traces the changes in the form of one and the same name, investigates the context, and offers possible explanations for each distribution of name forms. First, the article addresses hypocoristic forms of Christian names (*Mikhalko, Yanka*), which in the period under study most often did not carry a diminutive or pejorative meaning but could perform a neutralizing function in the interaction between original Slavic and foreign name systems: in an earlier Rostov chronicle Michael of Chernigov appears under the form *Mikhalko*, while in later sources he is consistently mentioned under the form *Mikhail*. Second, the variations between canonical and popular forms of the same Christian name (*Aleksey/Oleksey, Stefan/Stepan*) are analyzed in the context of narrative changes. We found that in contexts related to their death and/or participation in the construction of a church, many *posadniks* [city mayors] of Novgorod are mentioned by the canonical form of their name, while in the description of other events—consistently by the pop-

ular form). Finally, special attention in the article is devoted to the influence of the graphic systems of Old Russian sources on the alternation of the forms of Christian names, as well as to the limits of variation of native Slavic names in the context of personal correspondence in birch bark letters as compared with the chronicles.

Keywords

Old Russian language, anthroponymy, name variation, Slavic name, Christian name, hypocoristics

Введение

Персонажи древнерусской литературы представляют собой большое поле для исследования сложной системы имянаречения. В работах А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского [2006; 2015; 2020] широко обсуждается феномен древнерусской многоименности, при котором один и тот же человек (в раннедревнерусских памятниках — обычно князь; позднее также другие лица) мог иметь более одного имени. Так, до XIV в. многие князья-рюриковичи одновременно обладали и родовым¹, и крестильным христианским именами: например, Владимир Мономах имел в крещении имя *Василий*, а его сын Мстислав Великий получил при крещении имя *Федор*, известное, в частности, из Мстиславова Евангелия:

- (1) Ѓи Бе ѿць нашихъ, Авраамовъ, Исаковъ, Яковль, и сѣмене ихъ правдынааго, съподобивый мя грѣшьнааго раба своего Алексу написати сіе Еуангеліе блѣгвѣрнууму и Хръстолюбивоому и Бгмъ чѣстимоому Князю **Ѡеодору**, а мирьскы **Мѣстиславу**, вѣнуку сущю Вьсеволожю, а сыну Володимирю, Князю Новѣгородьскуому (*МЕ*, л. 212г–213а)

Впоследствии, с постепенным вытеснением исконно славянских имен из княжеского именованья, в древнерусском княжеском обиходе распространилась так называемая христианская двуименность, при которой один и тот же князь имел более одного христианского имени — непубличное календарное, совпадающее с именем святого, память которого приходилась на день его рождения, и родовое публичное некалендарное. Так, Василий III имел календарное крестильное имя *Гавриил*:

- (2) Того ж(е) лѣта родися великому кн(я)зю с(ы)нѣ **Гаврило** м(е)с(я)ца марта 26², и нарекоша имя ему **Василеи** (*Соф. II*, с. 287).

¹ В редких случаях они могли иметь более одного родового имени — например, Мстислав Великий в скандинавских источниках фигурирует под именем Харальд.

² Древнерусские числа даются в современной арабской передаче.

Тем не менее контексты, при котором различные имена героя последовательно фигурируют в одной и той же предикации, крайне редки: как правило, персонаж упоминается только под каким-то одним из имеющихся имен — что, в свою очередь, нередко вызывает мисинтерпретации (примеры см.: [Литвина, Успенский 2020: 71]). Взаимосвязь различных имен одного и того же персонажа и классификация контекстов, в которых с большей или меньшей вероятностью фигурирует то или иное имя, представляет собой отдельную научную проблему, лишь недавно ставшую объектом широких научных исследований (см., в частности: [Литвина, Успенский 2006, 2020; Litvina, Uspenskij 2019; Авдеев et al. 2022]).

Однако еще меньше — по сравнению с распределением самих имен — изучена взаимосвязь различных форм одного и того же имени конкретного персонажа в различных древнерусских текстах. Так, известно, что функции древнерусских гипокористических имен (*Михалко, Мирошка, Петрило* и др.) значительно отличались от современных: за возможным исключением форм на *-ец*, которые в ряде случаев имели уменьшительно-уничижительное значение [Селищев 2003: 416], в древнерусских гипокористических именах не прослеживается никакой явной уменьшительной или пейоративной семантики [Селищев 2003: 408–409; Зализняк 1986: 147; Литвина, Успенский 2006: 131], а также однозначной связи с социальным статусом и языковым регистром — гипокористики свойственны как князьям, так и рядовым горожанам и фигурируют как в летописях, так и в берестяных грамотах:

- (3) В лѣт . 6685 Прѣстависа блѣговѣрнѣи и хрѣтолюбивѣи князь Михалко сѣнь Гюргевь внукъ Мономаха Володимера (*Лавр., л. 128 за 1176 г.*);
- (4) и вѣнчанъ быѣ блѣгороднѣи князъ Василко с своею княгынею в цркви сѣтя Бѣа Блѣговѣщенѣя (*Лавр., л. 154об. за 1227 г.*);
- (5) Томъ (ж) лѣ(т) прѣстави са мирошьска· посадникъ новѣгородскѣи постригъ са оу сто(т) георгиа· и по то(т)· даша посадницьство мѣхалкоу степаницу (*НПЛ, Синодальный список, л. 64 за 1205 г.*);
- (6) Ѡ радѣка къ отьцьви покланание товариць есьмо посьлалъ смольньскоу а поутилоу ти оубили а хотать ны ати въ оомоу съ вацьшьскою (*952³, XII в.*);
- (7) оударивса розбоемъ на михаилицьнѣ дворѣ на сѣна ево на ива(н)[ка] д[во]рѣно^в а жигала с сыно^м с офоноско^м : игнаткѣ симуевѣ з братомъ с макхи[мк]о^м ва[си]лѣ вѣцѣркѣ грихнѣ ва^слко климѣнтѣикѣ стѣхнѣо^в мартынѣ [т]атаа храпѣ [с]ѣ[люе^в] крѣстни^к да дворѣ розграбили а животь въз^а (*496, XIV в.*)

³ Цифрами в источниках обозначены номера древнерусских берестяных грамот (ДБГ).

В работе [Литвина, Успенский 2006] высказывалось предположение о том, что в раннедревнерусский период гипокористические формы, образованные от христианских имен, могли выполнять своего рода нейтрализующую функцию, адаптируя для древнерусского уха иноязычный антропонимикон, используемый в отношении светских лиц [Ibid.: 131–137; см. также: Успенский 2005: 14]. Эта гипотеза была в дальнейшем проверена в работе [Буденная 2021] и подтвердилась для раннедревнерусских князей — в первую очередь носителей имен *Василий* и *Михаил*: по данным летописей князя, крещенные под этими именами, до середины XIII в. в нарративе упоминались преимущественно в гипокористическом варианте (*Василько Теребовльский*, *Василько Леонович*, *Михалко Вячеславич*, *Михалко Юрьевич* и др.), а полные формы применялись только в отношении святых и духовных лиц и в контексте крестильных формул. Дополнительным аргументом в пользу «промежуточного» характера гипокористических вариантов христианских имен в контексте общей эволюции древнерусского наречения стала замена этих форм полными вариантами имен в более поздних списках одного и того же текста (см. Раздел 1).

Однако для большинства других имен подобной четкой эволюции прослежено не было, и функции древнерусских гипокористических форм, образованных от них, по-прежнему остаются предметом исследований. Так, за кадром остаются многочисленные гипокористические формы, образованные от исконно славянских имен — *Мирошка*, *Жирохно*, *Милонезко* и др., — которые ранее рассматривались в литературе лишь с точки зрения морфологических особенностей [Зализняк 1986; 2004], но не в контексте распределения с полными формами и/или другими гипокористическими. Дополнительную сложность в исследовании дистрибуции различных форм конкретного имени вызывает и то, что носители подавляющего большинства гипокористических имен, представленных в тех же берестяных грамотах, зачастую фигурируют только под какой-либо одной формой имени, не представлены в других памятниках и остаются неизвестными. Тем не менее в некоторых случаях проследить и полные, и гипокористические формы имени одного и того же персонажа по памятникам оказывается возможным.

В связи с этим настоящая статья ставит своей целью выделить основные случаи подобного рода и классифицировать найденные контексты. В фокусе внимания статьи будут как не рассмотренные ранее христианские, так и исконно славянские имена в полном и гипокористическом варианте. Материалом исследования являются древнерусские летописи — Лаврентьевская (*Лавр.*), Ипатьевская (*Ипат.*), Новгородская Первая (*НПЛ*), Московско-Академическая летопись (Академиче-

ский список Суздальской летописи, МАС), а также берестяные грамоты и деловые документы — в первую очередь грамоты Великого Новгорода и Пскова (ГВНП). Раздел 1 будет посвящен не рассмотренным ранее христианским именам. В разделе 2 будут рассмотрены некоторые двухосновные исконно славянские имена, употребляющийся как в полном, так и в гипокористическом варианте. В Заключение будут представлены основные выводы по проанализированному материалу.

1. Христианские имена

1.1. Вариативные гипокористические формы как способ нейтрализации иноязычного именованного

В работе [Буденная 2021] было обнаружено, что князя *Василько Теробовльский*, *Михалко Вячеславич* и *Михалко Юрьевич* в *Лавр.* представлены исключительно под гипокористическими формами, однако в более позднем Ипатьевском списке по крайней мере по одному разу названы полными именами; аналогичная эволюция была также выявлена для четырех других персонажей — двух посадников (Василий, посадник князя Святополка Изяславича представлен как *Василь* в *Лавр.* и как *Василий* в одном из аналогичных контекстов *Ипат.*; новгородский посадник Дмитрий Завидич представлен как *Дмитр* в контексте патронима в *НПЛ* старшего извода и как *Дмитрий* в аналогичном контексте *НПЛ* младшего извода) и двух рядовых горожан (владимирец Василий, участвовавший в ослеплении Василька Теробовльского, в одном из контекстов *Ипат.* назван *Васильем*, тогда как в *Лавр.* — последовательно *Василь*; киевлянин Михаль, свидетель убийства князя Игоря Ольговича, в *Ипат.* назван *Михилом*⁴, тогда как в *Лавр.* последовательно *Михаль* [Ibid.: 36–37]). К XIV в. эти имена начинают последовательно употребляться в полной форме в отношении различных светских лиц, тогда как представленные выше гипокористические формы выходят из употребления. За этим явлением можно видеть подтверждение тезиса о нейтрализующей функции гипокористических форм (в первую очередь с формантом *-ко* и с усечением основы) для данных имен на раннедревнерусском этапе; впоследствии, укоренившись в языке и утратив изначальную чужеродность своего фонетического облика, эти имена продолжают употребляться только в полном варианте⁵.

⁴ В данном разделе мы не разграничиваем летописные формы *Михаиль* и *Михило* и причисляем обе к полным — в противоположность гипокористическим типа *Михалко*; о некоторых особенностях распределения этих форм *Михаиль* и *Михило* применительно к конкретным персонажам см. Раздел 1.2.

⁵ Следует отметить, что в XVI–XVII вв. гипокористические формы (однако образованные несколько иначе, преимущественно с помощью форманта *-ка* с

Схожее явление также было обнаружено в формах имени князя Михаила Всеволодовича Черниговского (1179/1195–1246) при сопоставлении различных летописных списков. В *Лавр.*, а также в *Ипат.* и *НПЛ* он является первым носителем имени *Михаил*, который ни разу не фигурирует под гипокористической формой *Михалко*, в отличие от более ранних князей-носителей этого имени — Михалко Вячеславича (?–1129) и Михалко Юрьевича (1145/1153–1176). Последовательное упоминание Михаила Черниговского с помощью полной формы имени можно видеть в (8):

- (8) В лѣтѣ 6754 Стославъ Иванъ князъ с сѣвци своими приѣхаша ис Татаръ в свою вѣчину Тогожъ лѣтѣ **Михаило** | князъ Черниговьскыи со внукомъ своимъ Борисомъ поѣхаша в Татары и бывшій имъ в станѣхъ посла Батыи к **Михаилу** князю вела кму поклонитиса угневи и болваномъ ихъ **Михаило** же князъ не повинуса велѣнью ихъ но укори и и глухыя кго кумиры и тако безъ млѣсти ѿ нечѣстыхъ заколенъ быѣ и конецъ житыю приять (*Лавр.*, л. 165 за 1246 г.).

Однако в *МАС* в сообщении о гибели он представлен под именем *Михалко*:⁶

- (9) В лѣтѣ . 6754 поиде Стославъ [в Урду] В про свою вѣчину . и пожалованъ быѣ . того же лѣта оубьенъ быѣ **Михалко** Черниговьскыи сеи к (*МАС*, л. 246об. за 1246 г.).

Данный фрагмент является единственным, где князь Михаил Черниговский представлен под гипокористической формой имени. Примечательно, что в сообщениях *МАС* за более ранние годы он последовательно упоминается под полной формой:

- (10) В лѣтѣ. 1229 прїиде кнзъ **Михаило** ич Чернѣгова в Новѣгород и радѣ быша Новгородци [...]. рече кнзъ **Михаиль** не лѣпо естъ сему граду быти безо влдкы и избраша черныца дьякона стго Ёгорыиа именемъ Спиридона а инѣи Иѡсифа Володимерьскаго и Вельньскаго а инѣи Гречина [...] и рече кнзъ **Михаиль** . положимъ трѣ жребїи на прѣтлѣ во имена ихъ кого намъ Бѣ дастъ стѣла (*МАС*, л. 235об. за 1229 г.).

На первый взгляд, эти факты противоречат идее о том, что полные имена характерны для более поздних упоминаний и/или более поздних

дополнительным усечением основы — *Васька*, *Тимошка*, *Гришка* и др.) начинают последовательно ассоциироваться с более низким социальным статусом носителя и последовательно употребляются в челобитных, получая таким образом новый виток развития. Однако данный период является значительно более поздним по сравнению с исследуемым и выходит за рамки нашей работы.

⁶ На этот факт впервые обратила внимание К. Г. Щипакова.

списков того же текста. Однако это противоречие мнимое, поскольку фрагмент (9) относится к событиям с конца 6746 (1238) по 6927 (1419) г., представляющим совершенно отдельную самостоятельную часть МАС, основанную на ростовском своде, тогда как фрагмент (10), относящийся к более ранним годам, представляет собой второй список Радзивилловской летописи XV в. [Лурье 1989], где Михаил Черниговский последовательно фигурирует под полной формой имени, аналогично *Лавр.*, *Ипат.* и *НПЛ*. Фрагмент (9) в данной части МАС представляет собой единственное вхождение о Михаиле Черниговском в этом тексте. Учитывая текстологию МАС, можно утверждать, что фрагмент (9) имеет иное происхождение по сравнению с более ранними сообщениями МАС, а сама форма *Михалко* в (9) не является списком с более ранних полных форм, представленных в *Лавр.* в (8). В этой связи примечательно, что более поздняя Устюжская летопись XVI в., восходящая к общему протографу с ростовским сводом, представленным в третьей части МАС, а также Сокращенный летописный свод конца XV в. в аналогичном контексте о смерти Михаила Черниговского уже содержат полную, а не гипокористическую форму имени князя:

- (11) В лето 6755. Убиен бысть в Орде князь **Михаило** Чернеговской и боярин его Феодор за веру христианскую от безъбожнаго Батыя царя (*Устюжская летопись*, список Мацевича, л. 50об. за 1247 г.).
- (12) В лето 6755. Убиенъ бысть в Ордѣ князь великии **Михаило** Черниговскии и воевода его Феодор за вероу христовоу от безбожнаго поганого царя Батыя (*Сокращенный летописный свод*, Погодинский список, л. 72об. за 1247 г.).

Таким образом, в списках, восходящих к единому ростовскому протографу — третьей части МАС, Сокращенном летописном своде и Устюжской летописи представлена та же эволюция формы имени, что и ранее была обнаружена для других древнерусских персонажей: в самом раннем списке — третьей части МАС — князь Михаил Черниговский еще упоминается в гипокористической форме (9), как и более ранние древнерусские князья, носящие данное имя, однако в более поздних списках — Сокращенном летописном своде и Устюжской летописи — Михаил Черниговский уже фигурирует под полной формой имени. При этом в суздальском (*Лавр.*) и галицко-волынском (*Ипат.*), а также новгородском летописании он уже последовательно именуется полной формой имени. Можно полагать, что к XIV в. нейтрализующая функция гипокористических форм в процессе адаптации иноязычных имен уже была практически утрачена, однако некоторые ее реликты — в частности, в ростовском летописании — еще можно проследить на примере Михаила Черниговского.

Аналогичный процесс можно также предположить и для имени княжны Янки Всеволодовны (ум. в 1110-х гг.), сестры Владимира Мономаха. В летописях она фигурирует исключительно под гипокористической формой *Янка* (см., в частности, 13), в связи с чем восстановление ее полного имени — *Иоанна vs. Анна* — представляет определенные трудности (подробнее см.: [Успенский, Успенский 2017: 153–154; Щипакова, Можаровская 2024]):

(13) В се лѣто иде **Янька** [в Грекъы дщи] Всеволожа . наречная преж [и] приведе **Янка** митрополита Івана скопъчину (*Лавр.*, л. 69об. за 1090 г.).

В указателях к *Лавр.* и *Ипат.* ее имя возводят к Анне, тогда как в примечании к указателю *НПЛ* А. А. Гиппиус акцентирует внимание на более вероятной трактовке имени как Иоанна. Более поздние памятники — в частности, Степенная книга XVI в. — напрямую связывают имя Янки Всеволодовны с Анной [Щипакова, Можаровская 2024]. Учитывая крайнюю редкость имени Иоанна на Руси (по данным К. Г. Щипаковой и Е. С. Можаровской, это имя, за исключением одной из жен-мироносиц в Евангелии от Луки, в древнерусских памятниках в данном виде не встречается [Ibid.]), можно предположить, что в раннедревнерусский период до XII в. имя Иоанна изначально фигурировало в гипокористической форме *Янка* (со стяжением первых двух гласных), а впоследствии — уже в полной литературной форме *Яна*. В корпусе берестяных грамот XII в. представлено 5 вхождений этого имени, из которых 2 — в форме *Янка* (731, 1091) и 3 — в форме *Яна* (506, 553, 595). Можно предположить, что первые гипокористические вхождения типа *Янка* достаточно быстро сменились полной формой типа *Яна*, однако данное имя не получило большого распространения на Руси применительно к знатым светским женщинам. В связи с этим в более поздних памятниках полное имя княжны Янки Всеволодовны стало связываться уже не с Иоанной, а с Анной, поскольку последнее имя, в отличие от Иоанны, никогда не выходило из употребления.

1.2. Непроизводные вариативные формы в составе единого нарратива

Помимо производных гипокористических форм, в древнерусских текстах встречаются и другие формы вариативности христианских имен — в частности, колебания между церковнославянской/грецизированной и народной древнерусской формой (*Алексей/Олексей, Стефанъ/Степанъ* и др.). Примером подобного текста может служить Комиссионный список *НПЛ*, в котором варьирование формы имени представлено у многих персонажей. В попытках ответить на вопрос о том, что может стоять за такой дифференциацией, была выдвинута гипотеза о возможном влия-

нии летописного нарратива на употребление конкретной формы имени. Идеальной реализацией этой гипотезы представляется следующая ситуация: до события X какой-либо персонаж именуется только формой имени А, а после события X — только формой имени В.

Такая картина действительно прослеживается на формах имени новгородского архиепископа Алексея (ум. 1389):⁷ сразу после поставления в архиепископы (1360 г.) в его имени взамен начальному *о* стало употребляться начальное *а*, и такое употребление продолжалось вплоть до статьи с известием о его смерти. Подобное изменение не выглядит случайным: на пять форм с начальным *о* приходится около тридцати форм с начальным *а*, все из которых употреблены начиная со статьи 1362 г. — после нее форма с начальным *о* не употребляется по отношению к Алексею ни разу:

- (14) И избраша три мужи: **Олексеѣя** чернца, ключника дому святыя Софѣя, и Саву, игумена Онтонова монастыря, и Ивана, попа святыя Варвары (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 217об. за 1359 г.).
- (15) И избра богъ, святая Софѣя святителя имѣти мужа добра, разумна и о всемь рассмотрелива **Олексиа** чернца (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 218 за 1359 г.).
- (16) И съиха владыка Моисѣи из монастыря и **Олексеѣи**, пойма съ собою анхимандрита и игумены (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 218об. за 1359 г.).
- (17) В лѣто 6868 [1360]. Поиха **Олексеѣи** на поставление владычества в Володимирь (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 218об. за 1360 г.).
- (18) И поставленъ бысть **Олексеѣи** архиепископом Новуграду, въ преименитѣи церкви въ святѣи Богородици володимерьской пресвященнымъ митрополитомъ Олексиемъ всея Руси (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 219 за 1360 г.).
- (19) Того же лѣта постави архиепископъ новгородчкыи **Алексеѣи** церковь каменную святое Рождество на сѣнех (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 219об. за 1362 г.).
- (20) Повелѣниемъ боголюбиваго архиепископа новгородчкого **Алексеѣя** (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 220 за 1363 г.).
- (21) В лѣто 6873 [1364]. Постави владыка **Алексеѣи** церковь камену святого Устрѣтениа на воротехъ въ Онтовѣ монастырѣ (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 220об. за 1364 г.).
- (22) Тои же зимѣ преставися архиепископъ новгородчкыи владыка **Алексеѣи**, мѣсяца февраля въ 3, на память святого Симеона Богоприимца (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 230об.–231 за 1389 г.)

⁷ См. *Алексей (Олексий)* в указателе личных имен [*НПЛ*: 597].

В этих примерах видно, как происходит «откат» от уже русифицированного варианта записи имени с начальным *о* (14–18) к варианту с более возвышенной церковнославянской графикой (19–22), что по датам совпадает с поставлением Алексея в архиепископский сан. Данная закономерность, однако, не является абсолютной, поскольку следующий новгородский архиепископ Иоанн III (см. в указателе [НПЛ: 618]) поначалу упоминается именно как *Иоаннъ*, после чего по отношению к нему чередуются и, по-видимому, используются в качестве взаимозаменяемых формы *Иоаннъ*, *Иоанъ* и *Иванъ*, и в отношении форм его имени такого же четкого распределения, как с Алексеем, отметить нельзя: Можно полагать, что упоминание персонажа под церковнославянской формой имени могло быть дополнительным средством, подчеркивающим изменившийся социальный статус героя, однако данный прием не использовался последовательно в отношении всех имен и сам по себе был факультативен⁸.

Вопрос о зависимости используемой в тексте формы имени от конкретной нарративной ситуации подробно исследователями не освещался, однако отдельные наблюдения высказывались в работах А. Бэклунд. Так, в [Bæcklund 1959] было выдвинуто предположение о том, что для именованного одного и того же персонажа в более возвышенном («solemn») контексте имя могло употребляться в иной форме, нежели чем в остальных (более обыденных) контекстах. Такое замечание исследовательница сделала относительно употреблений форм имени новгородского посадника Степана Твердиславича (ум. 1243), при описании жизни которого и в Синодальном, и в Комиссионном списках НПЛ используется форма имени *Степанъ*, но в известии о смерти оказывается употреблена иная форма — *Стефанъ*. Бэклунд предполагает, что последняя более грецизированная форма употребляется не только из-за факта смерти, но и из-за самой формулировки — «преставился» (т. е. «перед Богом»). Преимущественно же форма имени *Стефанъ* использовалась, по данным Бэклунд, при упоминаниях церковных деятелей [Bæcklund 1959: 139].

Нами были отобраны еще несколько примеров изменения имени в ситуации смерти лица или в ином «возвышенном» контексте (к такому мы отнесли также участие в строительстве храма). При отборе учиты-

⁸ Парадоксальным образом в имени другого летописного персонажа — архиепископа Феоктиста (см. *Феоктист* в указателе личных имен [НПЛ: 642]) — в Синодальном списке НПЛ выстраивается обратная система употребления двух конкурирующих форм имени: до поставления в архиепископы (НПЛ, Синодальный список, л. 151 об.–152 за 1300 г.) его имя записывается исключительно в церковнославянской передаче (*Феоктист*), тогда как в дальнейшем он фигурирует исключительно под народной формой *Фектист*.

валось многократное (2 и больше) употребление имени лица внутри нарратива и изменение формы имени внутри этого нарратива. При таких условиях было найдено десять примеров вариативности в именах посадников, схожей с той, что была описана в работе [Væcklund 1959]. Так, помимо Степана (Стефана), распределение было обнаружено для следующих персонажей:⁹ Андрей Климович (Ондрѣй), Смен Михайлович (Семеонъ), Смен Климович (Семеонъ), Смен Борисович (Семеонъ), Остафий Дворянинец (Еустафий), Онанья Фефилатович (Ананья), Александр Фоминич (Олександр), Кюрила Дмитриевич (Кирила), Федор Данилович (Феодор); всего в указанный список примеров вошли все изменяющиеся по ходу текста имена посадников, упомянутые в *НПЛ*:

- (23) Убиша **Ондрѣя** Климовича (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 196 за 1315 г.).
- (24) Бысть мятеж великъ в Новѣгородѣ на **Смена Михайловича**: въста на него весь Новѣгород безъ исправы [...] Семеонъ прибѣжа къ владыцѣ, и владыка провади въ святую Софѣю; и тако ублюде богъ, и заутра снидошася в любовь. **Семеонъ** же по малѣ дни разболѣся болѣзною; лежавъ нѣколикo дни, преставися (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 188–188об. за 1287 г.).
- (25) Постави **Семеонъ Климович** церковь камену на градныхъ воротехъ от Пруской улицы (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 193 за 1305 г.).
- (26) Въ то же лѣто создаста **Семеонъ Борисовицъ** церковь камену святого Павла, и святого Семеона Богоприимыца... (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 146 за 1225 г.).
- (27) Индикта лѣто 3-е, поновлена бысть церкви си святыи Георгии покровомъ, при великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ, при архиепископѣ новѣгородскомъ Василии, при посадницѣ **Еустафьи**, при тысяцьскомъ Аврамѣ (*НПЛ*, Синодальный список, л. 168 за 1345 г.).
- (28) И къ госпожину дни умре **Ананья** посадникъ, а на зиму убиша Михалка посадника новгородци. (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 176 за 1257 г.).
- (29) Того же лѣта преставистася в мнишьскомъ чину два посадника: Федор Тимофѣевич, **Олександр Фоминич** (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 252об. за 1421 г.).
- (30) Тои осени свершиша церковь камену святую Еуфимию въ Плотничкомъ концѣ. Пострижеся владыка Иоанн въ скиму; а посадникъ **Кирила Дмитриевич** преставися (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 246об. за 1414 г.).
- (31) Того же лѣта заложи владыка Василии со своими дѣтми с посадником **Феодором** [по Толст. списку Феодором. — *Е. Б., К. Г., А. К., Д. Г.*] **Даниловицемъ** (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 203об. за 1335 г.).

⁹ Каждый из них преимущественно называется тем именем, которое стоит вне скобок, но в какой-то одной ситуации форма имени изменяется на поставленную в скобки.

Все контексты обнаруженной вариативности условно можно поделить на две группы: смерть (23–24, 28–30) и участие в строительстве церкви (25–27); при этом к первой группе относятся как простые констатации смерти («умре», «убиша»), см. (23, 28), так и более стандартизированные обозначения (что отмечала по отношению к имени *Стефан* А. Бэклунд) — «преставися» (24, 29, 30). Парадоксальным образом посадники Андрей Климович (23) и Александр Фоминич (29) в известиях о смерти упоминаются не под канонической, а под народной формой имени; данная особенность заслуживает отдельного исследования. Можно предположить, что для некоторых имен с канонической формой с начальным *а* (*Андрей*, *Александр*) народные альтернативные формы на *о*, наоборот, могли свидетельствовать об особом отношении летописца.

Любопытное наложение мотивов можно увидеть в описании жизни посадника Смена Михайловича (24): его имя меняется на *Семеон* с того момента, как, спасаясь от разъяренных новгородцев, он забегает в храм. Смена формы имени, с учетом скоростижной кончины после этого, на ту, которая в случае других посадников с именем Семен/Смен маркирует ситуацию смерти, может позволить иначе прочитывать приведенный выше абзац: летописец будто бы подсказывает, что ждет Семеона дальше в тексте. Пример другого посадника — Семеона Борисовича (26) интересен тем, что полная форма имени явственнее помогает подчеркнуть связь между «создающим» церковь Симеоном Борисовичем и тем святым, в честь которого эта церковь освящается, — Симеоном Богоприимцем.

Таким образом, в контексте вариативности имен посадников можно говорить о сознательном приеме — в более торжественный момент выбиралась более полная и грецизированная форма имени (Стефан, Феодор, Семеон, Еустафий, Ананья). Однако для некоторых имен (Андрей, Александр) наблюдается обратная картина. Данный факт может быть как случайностью, так и сознательным выбором летописца, однако он заслуживает отдельного исследования. И неизбежно возникает вопрос, почему не у всех посадников в сходных контекстах изменяется форма имени. Как и в случае с формами имен архиепископов, данный прием можно оценивать как факультативный, зависящий от конкретного имени и/или отношения к персонажу.

1.3. Непроизводные вариативные формы, относящиеся к разным почеркам

Выбирая *НПЛ* — или любую другую летопись — в качестве материала для изучения древнерусского имянаречения, необходимо помнить, что памятники письменности этого вида являются до известной степени лингвистически неоднородными [Гиппиус 2006]: языковые явления могут отражать устройство не столько древнерусского языка вообще,

сколько диалекта отдельно взятого писца, и какое-либо языковое явление, которое мы можем наблюдать у одного из писцов, может не обнаружиться у других. В данном разделе мы продемонстрируем, что именная вариативность также может быть следствием того, что в переписывании летописного текста участвуют несколько авторов и каждый способствует лингвистической гетерогенности списка. В этом отношении Синодальный список весьма удобен: он очень близок во времени к своему протографу (см.: [Гиппиус 2006: 121]), что отличает его от Комиссионного списка и других древнейших летописей: они являют собой продукт многократной переработки и редактуры, каждая следующая ступень которых размывает границы зон лингвистической гетерогенности предыдущего списка.

Обратим внимание на пятерых князей, по отношению к которым в Синодальном списке употребляется только полная форма имени Михаил: Михаил (Кюр) Всеволодович (32, 33), Михаил Всеволодович Черниговский (34–37), Михаил Ярославич (Старший) (38), Михаил Ярославич Тверской (39, 40) и Изяслав (Михаил) Ярославич (см. указатель [НПЛ: 624–625]). По отношению к ним в тексте Синодального списка употребляется две формы имени, *Михаилъ* и *Михаило*, об их связи известно достаточно много: *Михаилъ* является церковнославянской формой, тогда как *Михаило* с высокой долей вероятности является результатом адаптации на уже древнерусской почве¹⁰.

- (32) Кюръ **Михаилъ** побеже преди ис Проньска [НПЛ, Синодальный список, л. 74 за 1209 г.]
- (33) Сънъмъшемъся всѣмъ на исадѣхъ на порядѣ: Изяслав, кюръ **Михаилъ**, Ростислав, Святослав, Глѣбъ, Романъ (НПЛ, Синодальный список, л. 88об. за 1218 г.).
- (34) Въ то же лѣто поиде князь Всеволодъ... и приеха къ нему отецъ Гюрги съ пълкы и брат его Ярославъ и Василко Костянтиновицъ съ ростовци, **Михаилъ** съ черниговьци (НПЛ, Синодальный список, л. 100 за 1224 г.).
- (35) Приде князь **Михаилъ** ис Чѣрнигова въ Новъгородъ (НПЛ, Синодальный список, л. 108 за 1229 г.).
- (36) **Михаило** выступи ис Чернигова (НПЛ, Синодальный список, л. 119об. за 1235 г.).
- (37) **Михаило** сѣде в Галичи (НПЛ, Синодальный список, л. 119об. за 1235 г.).
- (38) И совкупившеса вси князи в Новъгородъ: Дмитрии, Святъславъ, брат его **Михаило**, Костянтинъ, Юрьи, Ярополкъ, Довмонтъ (НПЛ, Синодальный список, л. 143об. за 1268 г.).

¹⁰ О происхождении формы *Михаило* см. [Unbegaun 1935: 59].

- (39) Сопростася два князя о великое княжение: **Михаило** Ярославич Тѣмьрьскыи и Юрьи Данилович Московскыи (*НПЛ*, Синодальный список, л. 154об. за 1304 г.).
- (40) И по миру князь **Михаило** призва к собѣ князя Афанасья (*НПЛ*, Синодальный список, л. 159об. за 1315 г.).

Написание *Михаило* начинает встречаться в летописи только с л. 119об., описывающего события 1235 г., и продолжает использоваться по отношению к Михаилу Черниговскому и Михаилу Тверскому вплоть до л. 159об. До этого в качестве княжеского имени используется только форма *Михаилъ* (см. примеры 32–40). Такое распределение очень точно совпадает с границей почерков в Синодальном списке *НПЛ*, проходящей между л. 118об. и л. 119 (см.: [Гиппиус 2006: 119]). Примечательно, что другие христианские имена на -ил (*Гавриил*, *Даниил*) второй писец употребляет аналогично форме *Михаило* — только в формах *Данило*, *Гаврило*; ср. употребление этих двух имен в следующих примерах:

- (41) Въниде ис Кыева **Даниль** посадницитъ Новугороду (*НПЛ*, Синодальный список, л. 12об. за 1129 г.).
- (42) И прибегоша оканьнии Половчи, избьеныхъ избытъкъ, Котьянь с ынѣми князи, а **Даниль** Кобяковиць и Гюрги убьена быста (*НПЛ*, Синодальный список, л. 96об. за 1224 г.).
- (43) Поиде князь Володимиръ Рюриковичъ съ кыяны и **Данило** Романовичъ с галичаны на Михаила Всеволодича Чермного (*НПЛ*, Синодальный список, л. 119–119об. за 1235 г.).
- (44) А заутра побѣгоша къ князю на Городище тысячскыи Ратиборъ, **Гаврило** Кыяниновъ и инии приятели его (*НПЛ*, Синодальный список, л. 148 за 1270 г.).

Обоснованность проведения такой корреляции между писцом и употребляемыми им формами имени можно подтвердить и рядом других явлений, отмеченных в работе [Гиппиус 2006]. Так, Синодальный список четким образом распадается на две части, границы которых совпадают с границами почерков, — до л. 118об. и начиная с л. 119 соответственно. Каждая из частей Синодального списка обладает характерными языковыми особенностями. Это, например, смешанное употребление *ѣ* и *ѿ* в первой его части (в том числе в личных именах), противопоставленное употреблению только *ѣ* для передачи фонемы /f/ во второй его части (см.: [Гиппиус 2006: 138]):

- (45) Том же лѣтъъ заложи Воигость церковь святого **Федора** Тирона, априля въ 28 (*НПЛ*, Синодальный список, л. 8об. за 1115 г.).

- (46) И начаша дѣлати [ц. Спаса на Нередице. — Е. Б., К. Г., А. К., Д. Г.] мѣсяця юня въ 8, на святого **Федора**, а кондяша мѣсяця сентября (НПЛ, Синодальный список, л. 66об. за 1198 г.).
- (47) Того же лѣта постави церковь святого Савы **Федоръ** Хотовичъ (НПЛ, Синодальный список, л. 150об. за 1271 г.).
- (48) Того же лѣта безъ князя и без новгородцевъ загорѣся Ондрѣшковъ дворъ въ Плотникѣхъ, и погорѣ и до **Федора** святого (НПЛ, Синодальный список, л. 166 за 1329 г.).

Таким образом, на примере Синодального списка *НПЛ* можно видеть, что употребление разных форм имени по отношению к одному и тому же персонажу может рассматриваться как часть лингвистической гетерогенности памятника.

2. Исконно славянские имена

Христианские имена с их сложной системой варьирования в древнерусских текстах, очевидно, не являются исключительно результатом заимствования византийской культуры. Можно говорить скорее о наложении и взаимодействии двух антропонимических систем, где славянский субстрат в начальный период оказывает значительное влияние на усвоение греческого именовслова, входящего в обиход после крещения Руси. Вместе с тем исконно славянские имена обладают рядом специфических особенностей, не сводимых к варьированию, свойственному христианским именам. Если обратиться непосредственно к исконно славянским именам и попытаться проследить их варьирование в различных контекстах, можно обнаружить, что ситуация в этом поле гораздо более сложная и значительно менее изученная.

Основной источник исконно славянских имен — это деловые документы и берестяные грамоты, в меньшей степени — летописи. В берестяных грамотах славянские имена встречаются в списках должников и кредиторов, в многочисленных обращениях и ссылках на третьих лиц, а также в особой категории географических названий, произведенных от имен собственных. По существующему корпусу грамот и документов составлен пространный список дохристианских имен [Зализняк 2004: 204; 834–839].

Сложность в построении выводов о распределении форм одного имени в славянской антропонимике заключается главным образом в невозможности определить, от какой полной основы была образована та или иная гипокористическая форма славянского двусосновного имени. Так, имя *Домка* могло восходить к именам *Домагость*, *Домажиръ*, *Доманъгъ* или *Домаславъ*. *Милята* могло быть производным от *Мило-*

гость, Милонѣгъ или Милославъ. Нежка можно считать формой *Нѣговитъ*, *Нѣгорадъ*, *Нѣгосъмъ*, *Нѣжебудъ*. Объяснение подобной множественности интерпретаций стоит искать, по-видимому в относительной самостоятельности первой части двуосновного имени [Зализняк 2004: 71]. Но в ряде случаев вариативность исконно славянских имен удается зафиксировать. Так, в летописях, в берестяных и договорных грамотах люди, действующие в одних и тех же условиях и временных диапазонах, могут именоваться разными формами. Ниже будут рассмотрены самые показательные примеры: новгородский посадник Мирослав (Мирошка) Несдинич и новгородские тысяцкие Жирослав (Жироха, Жирохно) и Милонег (Милонежо).

2.1. Мирослав vs. Мирошка

Новгородский посадник Мирослав Несдинич, находившийся в должности с 1189 по 1204 г., в большинстве случаев упоминается как Мирошка. Так, в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами, составленной в самом конце XII в., присутствует именно эта гипокористическая форма (49):

(49) Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадникомъ с **Мирошкою**, и с тысяцкымъ Яковомъ, и съ всѣми новгородъци (*ГВНП*, №28, с. 55).

Она же употребляется и в НПЛ, фиксирующей начало посаднической деятельности Мирослава под 1189 г. (с графическими различиями между Синодальным и Комиссионным списками):

(50a) Томъ же лѣтѣ отяша посадничество у Михаля и вдаша **Мирошки Несдиницю** (*НПЛ*, Синодальный список, л. 49об. за 1189 г.)

(50б) Того же лѣта отгяша посадничество у Михалка и даша **Мирожкѣ Несзаницю** (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 119об. за 1189 г.).

Все остальные именованья посадника в *НПЛ* также встречаются в гипокористической форме, включая описание его двухлетнего удержания великим князем Всеволодом Большое Гнездо и последующего возвращения (с графическими различиями между Синодальным и Комиссионным списками):

(51a) И послаша новгородъци къ нему **Мирошку** посадника [...] И прия Всеволодъ **Мирошку** и Бориса и Иванка и Фому, и не пусти ихъ въ Новъгородъ (*НПЛ*, Синодальный список, л. 56–56об. за 1195 г.).

(51б) И послаша новгородци к нему **Мирошкѣ** [Мирожку в Акад. и Толст. списках] посадника [...] И прия Всеволод посадника **Мирожку** [Мирошку

в Акад. и Толст. списках] и Бориса и Иванка и Фому, и не пусти их в Новъгород (*НПЛ*, Комиссионный список, л. 122 за 1195 г.).

В Синодальном списке *НПЛ* также встречается форма с подчеркнуто гипокористической формой (что может быть опиской писца или стремлением добавить «обязательный» суффикс в имени посадника):

(52) Томъ же лѣтъ прѣставися **Мирошьшка**, посадникъ новъгородскыи (*НПЛ*, Синодальный список, л. 64об. за 1203 г.).

В Лаврентьевской летописи, описывающей поход новгородской делегации к великому князю, также встречается притяжательное образование от диминутива *Мирошка*:

(53) Тою же весни придоша Новгородци лѣпшиѣ мужи **Мирошьчина** чадь к великому князю Всеволоду с поклономъ и с молбою (*Лавр.*, л. 141об. за 1200 г.).

Таким образом, можно видеть, что летопись сохраняет постоянство при именовании посадника гипокористической формой: с одной стороны, это позволяет всегда однозначно определить персоналию, с другой — гипокористическая форма контрастирует с появляющимися в контексте полными славянскими формами имен князей (Ярослав, Всеволод, Изяслав — в *НПЛ*, Ярослав, Всеволод, Святослав — в *Лавр.*), позволяя разграничить статусы действующих лиц.

В то же время летописные примеры (49–53) наводят на мысль, что гипокористическая форма имени по каким-то причинам может всегда ассоциироваться с новгородским посадником. Однако данные берестяных грамот это не подтверждают: в них данный посадник упоминается как под полной (54, 55), так и под гипокористической формой имени (56, 57):

(54) ѿ **Мирслава** к Олисьеви ко Грициноу (502, XII в.).

(55) [ѿ] Смолигу къ Грецинови и [к] **Мирославоу** (603, XII в.)¹¹.

(56) Отъ Ивана къ **Мирошекѣ** же (936, XII в.).

(57) (Поклан)[А]ние ко [И](в)анокоу и ко **Мирошь[к](е)** (226, XII в.).

Можно видеть, таким образом, что в простую бинарную оппозицию по жанровому признаку «официальные документы и летописи — краткая форма имени vs. берестяные грамоты — полная форма имени» чередование *Мирослав* — *Мирошка* не выстраивается. Тем не менее некоторые наблюдения по данным берестяных грамот все же сделать можно. Так,

¹¹ См. там же о соотносительности посадника *Мирошки Несдинича* с *Мирославом*.

при самоименовании посадник не выбирает гипокористический вариант имени, отдавая предпочтение только полному (54). Когда же посадник выступает в роли адресата, адресант грамоты может либо повторить полную форму имени (55) — возможно, под влиянием нескольких других полных имен, упомянутых в грамоте ранее, — либо отдает предпочтение гипокористике (56, 57). Примечательно, что в обсуждаемый период гипокористическая форма не исключает уважительного отношения к адресату, в отличие от более поздних норм. Так, «ко Иванку и ко Мирошьке» сочетается с «поклонянием», а далее следует еще редкая в XII в. формула «вы моя господина» [Гиппиус 2003].

2.2. Жирослав vs. Жироха/Жирохно

Еще одним интересным примером варьирования формы исконно славянского имени может служить различное именование новгородского тысяцкого Жирослава (в должности с 1257 по 1264 г.). С посадником Мирославом Несдиничем Жирослава объединяет не только новгородское «гражданство», но и участие в переговорах с немецкими городами о торговле. Так, имя новгородского тысяцкого в полной форме фиксирует Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262–1263 гг.:

(58) Се азъ князь Олександръ и сынъ мои Дмитрии, с посадникомъ Михаилъмъ, и с тысяцькимъ **Жирославомъ**, и съ всеми новгородци докончахомъ миръ с посломъ нѣмыцкимъ Шивордомъ, и с любыцкимъ посломъ Тидрикомъ, и с гъцкимъ посломъ Ольстенъмъ, и съ всемъ латиньскимъ языкомъ (ГВНП, №29, с. 56).

В сообщении о поставлении Жирослава тысяцким Новгородская Первая летопись старшего извода дает форму *Жироха*, с древним суффиксом *-хъ*:

(59a) Тои же зимы даша посадничъство Михаилу Федоровичю, выведше из Ладогы; а тысячьское **Жироху** даша (НПЛ, Синодальный список, л. 137 за 1257 г.).

В Новгородской Первой летописи младшего извода можно найти еще более примечательную форму *Жирохно*, с объединением двух древних суффиксов по модели «-х+ън-о», где *-ън-* представляет собой отдельный суффикс:

(59б) Тои же зимы даша посадничъство Михаилу Федоровичю, выведше изъ Ладогы; а тысячькое даша **Жирохну** (НПЛ, Комиссионный список, л. 177 за 1257 г.).

В списке посадников и тысяцких, помещенном в той же рукописи Археологической комиссии, которая включает Комиссионный список Новгородской Первой летописи (в статьях, предшествующих своду), Жирослав именуется формой с характерным новгородским окончанием — *Жирохне*:

(60) Миронѣгъ, Якунѣ Намнѣжичъ, Вячеславъ, Борисъ Нѣгочевичъ, Микита Петриловичъ, Климъ, **Жирохне**, Кондратъ, Ратиборъ Клуковичъ, Иоаннъ, Андрѣанъ Ельферевич... (НПЛ, Прилож. 2, л. 18)

Таким образом, в летописи используется только гипокористическая форма. При этом само имя *Жирослав* нередко появляется на страницах летописей и представлено различными формами¹². Почему же одного персонажа летопись называет полной, а другого — гипокористической формой имени? Версия о симпатиях летописца и употреблении полной формы имени не подтверждается как раз на примере имени *Жирослав*. Галицкий боярин 1220-х гг. Жирослав в Ипатьевской летописи последовательно именуется полной формой имени, но при этом представлен книжником в самом негативном ключе: летописец не скупится в его описании на такие характеристики, как «лживый», «льстивый», «лжеименѣць» и «лоукавыи льстѣць» [ПСРЛ, 2, л. 251об. за 1219 г.]. Т. е., как и в случае выражения уважения, выбор между полной и гипокористической формой имени персонажа в рамках Ипатьевской летописи не определяется отношением к нему пишущего.

Сравнивая употребление имен *Мирошка/Мирослав* и *Жироха/Жирослав*, можно заметить, что картина во многом схожая. В случае посадника *Мирослава* и тысяцкого *Жирослава* летопись последовательно избирает гипокористическую форму, тогда как полной формы придерживаются лишь некоторые грамоты. Данный факт можно считать характерной особенностью летописного повествования: устойчивое именование этих должностных лиц единообразно, без варьирования форм. Это иногда может облегчить идентификацию персоналий и разграничивать тезок: например, Новгородская Первая летопись знает Ми-

¹² Летописи знают киевского тысяцкого Жирослава Андреевича, новгородских посадника и тысяцкого Жирославов, галицкого боярина Жирослава и владимирского воеводу Жирослава. Так, новгородский посадник 1170-х гг. Жирослав, в отличие от тысяцкого, именуется в летописях полной формой: «Того же лѣта отъяше князь Рюрикъ посадничество у *Жирослава*» (НПЛ, Комиссионный список, л. 113об. за 1171 г.), а гипокористической лишь в берестяных грамотах, где он предположительно упоминается: № 824 (*Жирѣко*), № 851 (*Жирочька*), № 879 (*Жирѣта*), № Ст. Р. 17 (*Жирошька*). При этом полные формы также встречаются в грамотах этого периода № 573 и № 657: «имѣвъложѣ *Жирѣсла(ѣ)*», «съ сѣе дѣла варѣвре въверице твое въ городъ ѿ домацка а оу Жирослава соуть».

рослава Гюрятинича, посадника 1126–1128 и 1135–1136 гг., и Мирошку Несдинича, посадника 1189–1204 гг.; Жирослава, посадника 1170–1171, 1171–1172 и 1175 гг., и Жирохну, тысяцкого 1257–1264 гг. Заметим, что Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, менее локально ориентированные, допускают сосуществование многих Жирославов, Мирославов и т. д. в разные периоды, однако даже в разных летописях одно и то же лицо будет называться одинаково.

2.3. Милонег vs. Милонежко

Среди нехристианских имен также привлекает внимание вариативность форм имени *Милонег*. Будущий¹³ новгородский тысяцкий именуется полной формой этого имени в летописном известии под 1185 г. в связи с закладкой каменной церкви Вознесения на Прусской улице в период правления Мстислава Давыдовича:

(61) Того же лѣта заложи церковь камену святого Вознесения **Милонѣгъ** при архиепископѣ Ильи (НПЛ, Синодальный список, л. 118 за 1185 г.).

Шестью годами позже, в 1191 г., летопись сообщает об освящении этой церкви действующим тысяцким, именуя его также полной формой:

(62) В том же лѣтѣ святи церковь архиепископѣ боголюбивыи Гаврила святого Възнесения, создана **Милонѣгомъ** тысяцкымъ (НПЛ, Синодальный список, л. 119об. за 1191 г.).

Однако в сравнении с вариативностью имен *Жирослав/Жирохно* и *Мирослав/Мирошка* в употреблении имени *Милонег* можно увидеть интересную особенность: летопись, помимо полной формы имени, дает и гипокористическую. Так, под 1177 г. в Лаврентьевской летописи читаем сообщение о приходе на помощь к Всеволоду Большое Гнездо «Милонежковой чади» из Новгорода:

(63) В то же время приѣхали к нему Новгородци Милонѣжкова чадь (Лавр., л. 130об. за 1177 г.).

Хронологически и географически Милонег-тысяцкий из более поздних сообщений соотносится с Милонежком из приведенного выше примера. Употребление понятия «чадь», близкого к «дружине» и указывающего на верховенство конкретной личности [Львов 1975: 231], подтверждает высокий статус тысяцкого. Тем не менее важно еще раз

¹³ Предположение о том, что Милонег еще не был в этот период тысяцким, см. в [Янин 2003: 155].

подчеркнуть, что разные формы имени одного и того же лица даны в разных летописях: полной формой Милонег именуется *НПЛ*, тогда как в *Лавр.* он представлен только под гипокористикой. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что в *Лавр.* в аналогичной притяжательной гипокористической форме представлен и новгородский посадник Мирослав (Мирошка) Несдинич, ср. (53). Можно предположить, что притяжательное употребление без прямого указания на персонажа, дополнительно способствовало выбору именно гипокористической формы в *Лавр.*

Размышляя о выборе между полными и гипокористическими формами, стоит рассмотреть влияние экономического фактора. Гипотезу о том, что гипокористические формы имени носят менее обеспеченные лица, а полные — более обеспеченные, удастся проверить именно на паре *Милонег/Милонешко*. В одной из новгородских грамот позднего периода, представляющей собой список крестьянских повинностей, встречается три созвучных нехристианских имени (что могло быть типичным для родственников [Зализняк 2004: 527]): Милослав, *Милонег* и, возможно, Милогост (64):

(64) оу Милъслава со **Милонего** .9. деже (320, 1-я половина XIV в.).

Тем самым новгородские грамоты удерживают от интерпретации вариативности полной и гипокористической форм в сословных категориях: один из богатейших новгородских тысяцких Милонег vs. новгородский крестьянин Милонег¹⁴.

Сопоставление полных и гипокористических форм различных исконно славянских имен позволяет прийти к ряду интересных наблюдений. Во-первых, за личностью не закреплена одна форма нехристианского имени, зависящая от статуса и материального положения. Выбор между полной и гипокористической формой имени в раннедревнерусских источниках также не обусловлен этикетными соображениями (например, желанием продемонстрировать уважение к адресату в грамотах) или личным отношением именуемого к именуемому лицу. Во-вторых, жанровая принадлежность текста (летопись или грамота) не определяет полностью формы имени (например, только полные в одном типе текста, только гипокористические в другом). Тем не менее в летописях одна и та же личность будет именоваться чаще единообразно

¹⁴ Отметим интересный пример появления другого Милонег в необычном контексте — двуименной паре — что было нечастым явлением в не княжеской среде. В похвале Рюрику Ростиславичу под 1199 г. летописец прославляет в том числе и архитектора и строителя подпорной стены киевского Выдубицкого монастыря: «[...] а изобрѣте бо подобна дѣлоу и хожоженю и во своихъ си приателехъ. имене Милонѣгъ Петръ же по крещению» (*Inam.*, л. 244 за 1199 г.).

(но, возможно, исключением являются притяжательные формы, в которых в *Лавр.* во всех случаях употреблена гипокористическая форма). В свою очередь, грамоты допускают разнообразие форм, однако адресант будет именоваться скорее полной формой.

В этой связи можно предполагать, что нехристианские имена органично встраиваются в трансформирующуюся систему двуименности с помощью варьирования полных и гипокористических форм, отражая разнообразие социальных связей и жанровые традиции древнерусских текстов.

Заключение

В работе были рассмотрены возможные причины вариативности древнерусских имен — как исконно славянского, так и христианского происхождения — в различных летописях, а также некоторых берестяных и договорных грамотах до XIV в. Анализ текстов и сопоставление различных форм имени одного и того же персонажа показал, что за подобным варьированием могут стоять следующие факторы:

1. У гипокористических христианских имен в домонгольский период обнаруживается нейтрализующая адаптивная функция, способствующая их более скорому освоению языком. Так, носители некоторых первых христианских имен (в частности, князья, крещенные под именами *Михаил* и *Василий*) первоначально упоминаются в летописях под гипокористическими формами; к XIV в., с освоением этих имен в языке, в других источниках эти же персонажи фигурируют уже под полными формами имени. Данная особенность была ранее обнаружена в работе [Буденная 2021] для князей Василия (Василько) Теремовльского и Михаила (Михалко) Юрьевича, а также некоторых других лиц (подробнее см. Раздел 2.1); в данной статье аналогичное явление было обнаружено для имени князя Михаила Черниговского: *Михалко* в раннем ростовском летописании (третья часть МАС, Сокращенный летописный свод и Устюжская летопись) и *Михаил (Михаило)* в более поздних источниках. Возможный аналогичный процесс также можно с определенной вероятностью реконструировать и для имени княжны Янки Всеволодовны.

2. У варьирующих форм христианских имен, не являющихся гипокористиками, можно видеть влияние нарратива: в контекстах о смерти персонажа, а также о его участии в строительстве церкви, ряд новгородских посадников в *НПЛ* упоминается под церковнославянской/гречизированной формой имени (*Стефан, Семеон, Феодор, Еустафий, Аналия*), тогда как в прочих контекстах их имена употребляются в народной форме (*Степан, Смен, Федор, Остафий, Онанья*). Однако для некоторых

имен (*Александр, Андрей*) наблюдается обратная картина: в аналогичных «возвышенных» контекстах посадники — носители этих имен фигурируют под народными формами *Олександр* и *Ондрей*. Данный факт заслуживает отдельного исследования. Кроме того, за варьирующими формами *Михаиль* и *Михаило* в НПЛ по отношению к Михаилу Черниговскому и Михаилу Тверскому прослеживаются разные почерки, что может говорить об индивидуальной склонности конкретного автора к одному из двух возможных вариантов имени.

3. Для варьирующих исконно славянских форм (полные vs. гипокористические формы) картина выглядит более пестрой в силу того, что в летописях, по которым можно установить приблизительный социальный статус персонажа и/или какие-либо факты его биографии, подобные формы крайне редки, а в берестяных грамотах, наоборот, частотны, но сведений о носителе практически никогда нет. Тем не менее на примере трех персонажей, фигурирующих как в летописях, так и в берестяных грамотах — новгородского посадника Мирослава (Мирошки) Несдинича и тысяцких Жирослава (Жирохне) и Милонег (Милонезко), — удастся проследить следующие особенности варьирования имен: в НПЛ — возможно, с целью разграничения тезок — по отношению к ним последовательно используется только гипокористические формы, тогда как грамоты допускают как полные, так и гипокористические варианты, при этом адресант фигурирует преимущественно под полной формой имени.

Безусловно, эти особенности не объясняют всех загадок, стоящих за варьированием древнерусских имен. Так, например, неясно, почему вариативность некоторых имен (в частности, *Иван/Иоанн/Иванко* и др.) не укладывается в схему, свойственную именам *Василий* и *Михаил*, и почему одни имена в целом более склонны к вариативности, а другие последовательно употребляются в канонической форме уже в самых ранних грамотах (в частности, *Петр, Лука, Фома*). В типологической перспективе за рамками работы также остается вопрос о функциях христианских гипокористических имен на *-ко* в других славянских языках (болг. *Петко*, серб. *Йованка* и др.), а также более общий вопрос о территориальной распространенности отдельных словообразовательных вариантов. Все эти особенности остаются предметом дальнейших исследований. Однако попытка систематизации различных примеров древнерусской именной вариативности, предпринятая в настоящей статье, безусловно, поможет будущим исследователям в этой области.

Библиография

Источники

ГВНП

Валк С. Н., ред., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва, Ленинград, 1949.

ДБГ

Древнерусские берестяные грамоты, <http://gramoty.ru>.

Ипат.

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Изд. 5-е, Москва, 1998.

Лавр.

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Изд. 4-е, Москва, 1997

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, 2000.

МЕ

Жуковская Л. П., Владимирова Л. А., Панкратова Н. П. (ред.), *Апракос Мстислава Великого*, Москва, 1983.

Сокращенный летописный свод

Полное собрание русских летописей, 27, Москва, Ленинград, 1962, 163–367.

Соф. II

Полное собрание русских летописей, 6, 2: Софийская вторая летопись, Москва, 2001.

Устюжская летопись

Полное собрание русских летописей, 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв., Ленинград, 1982.

Литература

Авдеев et al. 2002

Авдеев А. Г., Литвина А. Ф., Радеева О. Н., Успенский Ф. Б., Светская христианская двуименность в эпитафиях Московской Руси (вокруг трех неопубликованных надписей XVI–XVII вв.), *Slovene*, 11 (2), 2022, 317–346.

Буденная 2021

Буденная Е. В., Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке, *Вопросы языкознания*, 3, 2021, 26–46.

Гиппиус 2003

Гиппиус А. А., Комментарий к берестяной грамоте № 226, *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*, Москва, 2003.

——— 2006

Гиппиус А. А., Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, Москва, 2006, 114–251.

Зализняк 1986

Зализняк А. А., Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, *Новгородские грамоты на бересте*, 8: (Из раскопок 1977–1983 гг.), Москва, 1986, 89–219.

——— 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.

Львов 1975

Львов А. С., *Лексика «Повести временных лет»*, Москва, 1975.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

——— 2019

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв., *Slovene*, 8 (1), 2019, 133–161.

——— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «*Се яз раб Божий...*»: Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

Лурье 1989

Лурье Я. С., *Летопись Московско-Академическая, Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2, 2, Ленинград, 1989, 45–47.

Селищев 2003

Селищев А. М., Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ, *Idem, Труды по русскому языку*, 1, Москва, 2003, 387–422.

Успенский 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен (история ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

Успенский 2005

Успенский Ф. Б., *Словарь Н. М. Тупикова и принципы родового имянаречения в Древней Руси (предисловие к словарю Н. М. Тупикова)*, Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Москва, 2005, 7–23.

Успенский, Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Щипакова, Можаровская 2024

Щипакова К. Г., Можаровская Е. С., Реконструкция полного имени Янки Всеволодовны на фоне картины древнерусского антропонимикона, *Русская речь*, 2024, (в печати).

Янин 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, 2-е изд., перераб. и доп., Москва, 2003.

Wæcklund 1959

Wæcklund A., *Personal Names in Medieval Velikij Novgorod*, Stockholm, 1959.

Litvina, Uspenskij 2015

Litvina A., Uspenskij F., The Prince and his Names in the 12th Century (A Philological Approach to Medieval Political History), *Die Welt der Slaven*, 60, 2015, 346–364.

References

Avdeev A. G., Litvina A. F., Radeeva O. N., Uspenskij F. B., Secular Christian Dual Naming in the Epitaphs of Moscow Rus (Around Three Unpublished Inscriptions of the 16th–17th centuries), *Slovene*, 11 (2), 2022, 317–346.

Wæcklund A., *Personal Names in Medieval Velikij Novgorod*, Stockholm, 1959.

Budennaya E. V., Hypocoristic forms of Old Russian Christian names, *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 2021, 26–46.

Gippius A. A., *Kommentarii k berestianoi gramote № 226, Berestianye gramoty: 50 let otkrytija i izucheniia*, Moscow, 2003.

Gippius A. A., *Novgorodskaja vladychnaia letopis' 12–14 vv. i ee avtory (Istorija i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii)*, *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istorija russkogo iazyka*, Moscow, 2006, 114–251.

Lvov A. S., *Leksika "Povesti vremennykh let"*, Moscow, 1975.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v 10–16 vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.

Litvina A., Uspenskij F., The Prince and his Names in the 12th Century (A Philological Approach to Medieval Political History), *Die Welt der Slaven*, 60, 2015, 346–364.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., Male vs Female in the Mirror of Russian Dual Christian Naming (16th–17th Centuries), *Slovene*, 8 (1), 2019, 133–161.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., “Se iaz rab Bozhii...”: Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury, St. Petersburg, 2020.

Lurie Ya. S., *Letopis' Moskovsko-Akademicheskaja, Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2, 2, Leningrad, 1989, 45–47.

Selishchev A. M., Proiskhozhdenie russkikh familii, imen i prozvizhch, Idem, *Trudy po russkomu iazyku*, 1, Moscow, 2003, 387–422.

Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (istoriia udareniiia v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.

Uspenskij F. B., Slovar' N. M. Tupikova i printsipy rodovogo imianarecheniia v Drevnei Rusi (predislovie k slovariu N. M. Tupikova), Tupikov N. M., *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*, Moscow, 2005, 7–23.

Uspenskii B. A., Uspenskii F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Yanin V. L., Novgorodskie posadniki, 2nd ed., Moscow, 2003.

Zaliznyak A. A., Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 8: (Iz raskopok 1977–1983 gg.), Moscow, 1986, 89–219.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Евгения Владимировна Буденная, кандидат филологических наук, доцент
Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4с1
научный сотрудник
Сектора ареальной лингвистики
Отдела типологии и ареальной лингвистики
Института языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1с1
Россия / Russia
jane.sdrv@gmail.com

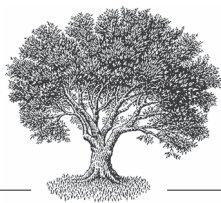
Каролина Игоревна Гуревич, кандидат филологических наук, старший
преподаватель Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4с1
Россия / Russia
kgurevich@hse.ru

Анатолий Андреевич Калинин, студент 4 курса бакалавриата
Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4с1
Россия / Russia
aakalinin_5@edu.hse.ru

Данила Викторович Герасимов, студент 1 курса магистратуры
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ);
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4с1
Россия / Russia
danilagerasimov2212@gmail.com

Received August 18, 2023

Заложники в средневековой Руси*

**Мария Леонидовна
Лавренченко**

Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия

Hostages in the Medieval Rus'

Maria L. Lavrenchenko

P. G. Demidov Yaroslavl State
University,
Yaroslavl, Russia

Резюме

Предоставление заложников-гарантов было широко распространено в различные исторические эпохи, в том числе в ранней истории Восточной Европы. Данная статья посвящена социальному контексту и особенностям осуществления этой практики в средневековой Руси до середины XIII в. согласно материалам древнейших летописей: *Суздальской* (по Лаврентьевскому списку), *Киевской* и *Галицко-Волынской* (по Ипатьевскому списку), *Новгородской первой*. Их тексты содержат целый ряд эпизодов осуществления практики предоставления гаранта, среди которых выделяется группа ситуаций, описывающих взаимодействие Рюриковичей на раннем этапе становления династии с языческими (чаще всего — степными) народами, что характеризует ее как универсальный кросскультурный и межрелигиозный политический инструмент. В XII–XIII вв. заложники-гаранты (также называемые в летописях *тали*) часто фигурируют в известиях о взаимодействии новгородцев с киевскими, суздальскими и черниговскими князьями, псковичей с Рижским епископством и Ливонским Орденом. Хотя

* Работа выполнена в рамках государственного задания на НИР № FENZ-2022-0002.

Цитирование: *Лавренченко М. Л.* Заложники в средневековой Руси // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 47–71.
Citation: *Lavrenchenko M. L.* (2023) Hostages in the Medieval Rus'. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 47–71.
DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.03

предоставление заложников широко использовалось в рамках долгосрочной княжеской политики, эта практика часто служила для решения четко очерченных задач и обеспечивала выполнение конкретного соглашения. В качестве заложников-тали выступали преимущественно младшие родственники политических лиц — сыновья, братья — что отражало значимость личных и семейных связей в политике Руси.

Ключевые слова

политические практики, заложники-гаранты, тали, половцы, Средневековая Русь, Великий Новгород, Псков, Новгородская земля, Новгородская первая летопись, Ипатьевская летопись, Лаврентьевская летопись

Abstract

Providing hostages was a widespread political tool in various historical periods; it was also the case in the Medieval Rus'. Many of the early chronicles' episodes describing this practice are related to the interactions between the Rurikids and pagan tribes (mostly nomads), which demonstrates the versatility of this tool, since it helped to make treaties between rulers from different cultures and religions. First Novgorodian Chronicle mentions hostages (they have a specific name — *tali* — in chronicles) when describing the events of the 12th–13th centuries in North-Western Rus'. Guarantors figured in the relations between Novgorodians and the Kievan, Chernigov or Suzdal Princes, and even in the descriptions of Pskov contacts with the Archbishopric of Riga or the Livonian Order. Although providing hostages was mostly used in the long-term princely policy, it could also be utilized to ensure achieving clearly defined goals and fulfilling specific agreements. When providing hostages, typically the choice fell on the younger relatives of political actors: their sons and brothers, which reflects the importance of personal and family ties in the medieval Rus'.

Keywords

political practices, hostages, medieval Rus', Veliky Novgorod, Novgorod Land, Pskov, cumans, Novgorod First Chronicle, Hypatian Chronicle, Laurentian Chronicle

Предоставление заложников как гарантов в средневековой Руси до середины XIII в. ранее не было темой самостоятельного исследования, и эта статья представляет собой попытку исправить досадное упущение. В работе рассматриваются данные *Суздальской* (по Лаврентьевскому списку), *Киевской* и *Галицко-Волынской* (по Ипатьевскому списку) и *Новгородской первой летописей*. В первой части статьи показаны случаи взаимодействия Рюриковичей с языческими племенами, в которых использовалась эта практика, вторая часть посвящена историческим ситуациям в политических перипетиях Северо-Западной Руси. В статье рассматривается летописный материал в его повествовательной целостности без выборки по достоверности описываемых событий,

поскольку фокус исследования направлен на представление летописца о том, каким образом данная практика могла применяться. Так как предоставление заложника осуществлялось в рамках соглашений между двумя сторонами, отдельные силы, действовавшие в средневековой Руси, такие как представители династии и отдельных ее ветвей, политическое общество города или племени, обобщенно рассматриваются как политические акторы и контрапартнеры.

Любой средневековый конфликт, особенно если он выливался в конкретные военные действия, оказывал значительный негативный эффект на развитие вовлеченных в него земель и в конце концов становился невыгоден обеим сторонам: под удар попадали сельское хозяйство, ремесла, торговля. Умение предотвратить его эскалацию было необходимо любому успешному правителю. С начала становления династии Рюриковичи сформировали собственный политический инструментарий для взаимодействия с окружающими государствами, племенами, а также между собой. В нем существенное место занимали клятвы и крестоцелования, что показывает ориентацию на публичную перформативную культуру, в развитии которой ключевую роль играли обряды и их символика.

Политическое искусство в таких условиях чаще всего заключалось в совершенствовании практик, обеспечивавших верность соглашению, скрепленному клятвой¹. Одной из них было представление заложника. В данной статье под этим термином подразумевается лицо, добровольно или вынужденно посланное политическим актором (князем, городом) в лагерь контрапартнера, причем его жизнь и безопасность с момента отправки находились в прямой зависимости от лояльности отправителя, что вынуждало последнего следовать пунктам договора. Без обязательств не могло быть и самого заложника, поскольку нечего было бы гарантировать, следовательно, практика изначально имела временное измерение, определявшееся условиями договора, а предоставляющая сторона не могла прекратить его действие в одностороннем порядке без ущерба для своего человека [Kosto 2012: 25].

Этот политический инструмент хорошо изучен на европейском материале [Lavelle 2006; Kosto 2012; Мельникова 2012: 114–183 (в контексте сравнительного изучения принесения клятв и их функционирования); Bennett, Weikert 2016; Hicklin 2019: 151–176]. Как справедливо отметил Адам Косто, средневековый заложник имел мало общего с современным: его отправляли, а не захватывали, и сегодня вернее было бы назвать его именно гарантом [Kosto 2012: 2–49]. Как правило, для такой роли избирался юный человек, обладавший высоким статусом,

¹ Для сравнения в Скандинавии: [Hermanson 2019: 111–139].

чаще всего это был младший родственник правителя [Ibid.: 31–32; Мельникова 2012: 169]². Практика предоставления заложников была распространена уже в библейские времена, в древнем Ближнем Востоке и раннем Китае, к ней часто обращались в античной Греции, в Римской республике, затем — империи, она широко представлена в библейских текстах [Kosto 2012: 2–5]. Пик ее развития приходится на европейское Средневековье, и она постепенно угасает с развитием в XVI в. устойчивых институтов власти и становлением государственных границ, так как число фигурировавших в политическом пространстве групп, способных предоставлять заложников: династий, независимых городов, племен и народов уменьшается, а отношения, основанные на личных связях, уступают место развитой дипломатии Нового времени [Ibid.: 4]. Начиная с середины XVIII в. политическими заложниками называются те высокопоставленные лица, которые были захвачены во время военных действий с намерением вынудить противоположную сторону к определенным шагам [Ibid.].

Специальные термины для обозначения заложников-гарантов можно найти во многих европейских языках, начиная с античных времен [Lavelle 2006: 270, 273–274; Kosto: 10–19]. В источниках средневековой Руси они называются *талями* [Срезневский 1912: 922; Словарь русского языка XI–XVII вв. 2011: 210]³, хотя нередки случаи, когда описывается политическая практика без использования специального термина. Предоставление *талей* могло быть как односторонним, так и двусторонним, оно сопровождало заключение соглашения между союзниками или мирный договор между враждующими сторонами. Миссия *таля* может быть рассмотрена в политическом, правовом и семейном контексте, его функция близка посольской⁴, так как он представлял свою сторону во вражеском лагере, при этом его положение опасно приближалось к узническому: даже если уровень жизни гаранта был высоким, свобода его передвижений была ограничена, не говоря уже о том, что статусы почетного делегата и заточенного врага могли стремительно поменяться. В этом свете видится целесообразным анализировать

² Однако не всегда такая возможность существовала, например, Е. А. Мельникова отмечает, что часто викинги «не могли предоставить никаких особо знатных лиц» [Мельникова 2012: 169].

³ Близкородственные слова существуют и в других славянских языках. По мнению Р. Мухи, восточнославянское «таль» близко словам, обозначающим молодые части растений: поросли, саженцы, например, лат. *tālea* «саженец, молодая веточка» [Фасмер 1987: 16]. Эти понятия близки слову «дети», которым в ряде летописных ситуаций обозначаются заложники.

⁴ Функция посла в средневековой Руси не сводилась к передаче информации: он был полноценным представителем своего правителя или города, мог решать многие вопросы на месте в зависимости от ситуации [Дашкевич 1991: 100–111].

не только случаи, описывающие практику передачи *талей*, но и более широкий спектр исторических ситуаций, содержащих обмена и захваты представителей взаимодействующих в политическом поле сторон, а также эпизоды, в которых по каким-либо причинам обмен гарантами не происходил.

Практика отправления заложников была значительной частью политики в античных государствах, затем — в Византийской империи [Kosto 2012: 2–5 и далее; Πατούρα-Σπανοῦ 2013: 1397–1421], с раннего Средневековья она фиксируется в европейских странах, в том числе в Скандинавии⁵. Ахмад ибн Фадлан пишет о том, что сын «царя волжских булгар» был заложником в Хазарском каганате [Ахмад ибн Фадлан 2016: 37]. Таким образом, ближайшие соседи Руси были давно и хорошо знакомы с этой традицией. Византийские императоры требовали предоставления почетных заложников при заключении соглашений с различными нехристианскими и недавно крещеными народами. Среди них часто упоминаются печенеги⁶, с которыми тесно взаимодействовали и Рюриковичи в X–XI вв., что, вероятно, повлияло на характер использования этой практики в средневековой Руси. Летописные известия, упоминающие *талей*, содержатся в *Повести временных лет*, *Сuzдальской*, *Киевской*, *Новгородской первой*, *Галицко-Волынской (Хронике Романовичей) летописях* и по характеру могут быть поделены на эпизоды взаимодействия Рюриковичей со степными или другими языческими народами и описания практик взаимодействия средневековых Новгорода и Пскова с различными политическими силами. Поскольку предоставление *талей* имело характер сложившегося ритуала, рассказ о них может отражать как реальную политику, так и представления книжника о том, какой она должна быть. Эта черта летописных описаний позволяет оставить за скобками исследования текстологическую проблематику, так как изображение обрядовых элементов взаимодей-

⁵ Например, *Saga об оркнейцах* рассказывает о том, как Олаф Трюггвасон крестил Оркнейские острова и взял в качестве гаранта того, что ярл и население островов будут придерживаться христианства, сына ярла Сигурда, по прозвищу Хвельп или Хунди ('Собачка'), но тот быстро умер, и тогда ярл Сигурд и его люди вернулись к старой вере. [Orkneyinga saga 1980: 26–27]. Оригинальный фрагмент этой саги утрачен и восстановлен по тексту XVIII в., однако тот же сюжет можно найти в главе 47 *Саги об Олафе Трюггвасоне*. [Heimskringla 2002: 293].

⁶ Например, об этой практике неоднократно говорится в трактате Константина Багрянородного *Об управлении империей*: «Я полагаю весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры [...] забирать оттуда омиров (ὀμίρωρ), т. е. заложников или поручителей (ὀμιδαρ)» [Константин Багрянородный 1991: 36–37, 42–45 и далее]. Термин ὀμιρ (от *лат.* *obses*) используется автором для уточнения более широкого слова ὀμιρωρ; в дальнейшем повествовании он предпочитает использовать именно ὀμιρ, что может свидетельствовать о специализации практики в описываемых Константином Багрянородным реалиях.

ствия вряд ли выходило за рамки принятых культурных традиций. При этом нельзя исключать и упоминание *талей* в качестве литературного приема, так как принятие заложника показывало правителя в выгодном свете⁷.

Заложники-гаранты в отношениях Рюриковичей с языческими племенами

Упоминание *талей* появляется в описании взаимодействия первых Рюриковичей с печенегами в легендарии языке прошлого Руси. В статье 944 (6452) г. *Повести временных лет* рассказывается о том, что князь Игорь берет заложников у печенегов перед тем, как идти в поход на Византию: «Игорь же, совкупивъ вои многи: варяги, русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ и печенѣги, и тали оу нихъ поя, поиде на греки въ лодьяхъ и на конихъ» [ПСРЛ, 1: 45]. А. А. Горский показал, что перечень племен в войске Игоря мог быть сконструирован летописцем, поэтому и упоминание о заложниках, по словам Е. А. Мельниковой, вероятно является «дополнением летописца, ориентировавшегося на широко распространенную практику его времени» [Горский 2002: 51–53; Мельникова 2012: 170]. Действительно, Константин Багрянородный сообщает, что аналогичным образом василик (византийский чиновник) перед тем, как отправиться в степь, оставляет печенежских заложников на время поездки в крепости Херсонеса или на греческих кораблях [Константин Багрянородный 1991: 42–45]. Однако ничто не мешало самому Игорю использовать эту практику, опираясь на подобные образцы.

Одно из ранних легендарных сказаний *Повести временных лет* показывает, что обмен заложниками мог осуществляться при решении конкретной практической проблемы. В *Сказании о белгородском киселе* жители Белгорода, приглашая осадивших их печенегов посмотреть на изобилие в городе, оставляют заложников-горожан в печенежском лагере перед тем, как делегация из числа этих степняков входит в ворота города: «горожани же рекоша, шедше, печенѣгомъ: “поимете к собѣ тали наша, а васъ до 10 мужъ идете въ градъ и видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемъ”» (статья 997 (6505) г.) [ПСРЛ, 2: 113]. Только при помощи предоставления *талей* сама задумка белгородского старца, вокруг которой строится сюжет сказания, могла осуществиться, причем эта практика фигурирует как понятный слушателю инструмент, позволивший враждующим сторонам коммуницировать в процессе осады.

⁷ Например, предполагается, что описание взятия заложников королями Венгрии при завоевании Трансильвании в «Деяниях венгров» — литературный прием, показывающий Арпадов триумфаторами [Kosto 2012: 18].

Наиболее яркий пример двустороннего обмена заложниками в политической истории Руси можно найти в статье 1095 (6603) г. *Повести временных лет*, где рассказывается о том, как Владимир Мономах заключил мирное соглашение («ротъ [...] ходивъ») с двумя половецкими ханами: Итларем и Кытаном. Владимир Всеволодич отдал своего сына, Святослава Владимировича, Кытану в качестве заложника: «и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали». Из последующего текста летописи становится известно, что тогда же второй половецкий хан, Итларь, отдал своего сына представителю другой линии Рюриковичей — Олегу Святославичу⁸, так как Владимир и Святополк говорят ему: «а се оу тебе есть Итларевичъ» [ПСРЛ, 1: 227–228]. Развитие событий показывает, что практика обмена заложниками не смогла послужить длительному миру: после заключения упомянутого соглашения Владимир Всеволодич дал разрешение Славяте и Ратибору с военными отрядами убить Кытана, Итларя и их людей, а затем Святополк и Владимир отправились в поход на половецкие вежи. Олег же сохранил жизнь сыну Итларя и уклонился от участия в военной кампании [Ibid.]. Описанная система обмена *талями* подразумевала равный вклад сразу нескольких участников: своих детей в чужие руки отдавали и князья Руси, и половецкие ханы, с каждой стороны были задействованы две правящие семьи (при выраженной внутренней конфронтации семейств Владимира Мономаха и Олега Святославича). Очевидно, целью этого обмена было достижение баланса между несколькими политическими силами степи и Руси.

Несмотря на неудачу этого соглашения, обмен заложниками вновь произошел при заключении мира между Рюриковичами и половецкими князьями у Сакова: «и створиша миръ с Половци и пояша тали межю собою месяца сем(тября) въ 15 д(е)нь» (статья 1101 (6609) г.) [ПСРЛ, 1: 275]. Летописец не раскрывает подробностей этого обмена, не говорит он и о том, что в состав группы *талей* входили младшие родственники правящих князей, как в предыдущем эпизоде. Известно, что при обмене заложниками между византийскими чиновниками и печенегами первые предоставляли своих людей [Константин Багрянородный 1991: 44–45], возможно, схожий состав гарантов был и в этой ситуации. Если

⁸ Летописец говорит о том, что Кытан, при котором находился сын Владимира Мономаха, уже после заключения соглашения с Рюриковичами продолжал стоять лагерем между валами рядом с Переяславем, в то время как Итларь находился в городе и, очевидно, предполагал продолжить общение с Рюриковичами. Неизвестно, на какое время Святослав Владимирович был бы отправлен к половцам, разрешись эта ситуация благополучно. Возможно, при окончательном отъезде степняков, он мог быть заменен на другого гаранта, так как домонгольские летописи не содержат информации о длительном пребывании какого-либо молодого Рюриковича у половцев в качестве почетного заложника.

соглашение происходило между правителями крещенного и некрещеного народов, то вопрос доверия словам противоположной стороны был наиболее острым. Рассматривая соглашения между половцами и Рюриковичами, П. С. Стефанович приходит к выводу, что клятвы, которые произносились при их заключении, «стояли вне христианской традиции» [Стефанович 2004: 113], однако не менее вероятно, что они произносились каждым участником в соответствии с обрядом его собственной религии, как это описано в договорах Руси с греками [Мельникова 2012: 153–154]. Очевидно, именно проблема доверия клятве иноверца определила отсутствие упоминания в летописном тексте о самом обряде, вместо которого книжник указывает на использование практики обмена заложниками, так как благодаря своей универсальности, она представлялась действенной обеим сторонам.

Принятие Рюриковичами гарантов от побежденных языческих противников можно видеть в рассказе *Галицко-Волынской летописи (Хроники Романовичей)* о походе Даниила Романовича на ятвягов и победе князя над ними в 1254/55 г. Ятвяги посылают *талей*, чтобы заключить мирное соглашение и обеспечить безопасность захваченных во время военного похода пленников: «наоутрѣя же приѣхаша ятвязѣ, дающе таль и миръ, молящєся, дабы не избиль колодниковъ» [ПСРЛ, 2: 835; МРН, XVI: 372–373]. В руках Даниила оказываются как ятвяги, захваченные ранее, — *колодники*, так и *тали*, приехавшие добровольно позже. Последние в определенном смысле гарантируют сохранность жизни первых: как демонстрируют примеры, приведенные выше, само появление заложников маркировало начало перемирия и тем самым служило делу безопасности пленников. Когда князь начинает думать о следующем походе, ятвяги дополнительно отправляют к нему послов, а также младших родственников, названных *дѣтьми*, — очевидно, под этим словом подразумевается вторая группа заложников: «ятвязи се, послаша послы своя, и дѣти своя, и дань даша [...]» [Ibid.]. При помощи практики предоставления заложников, являвшейся универсальным атрибутом мирного соглашения, ятвяжские правители замораживают конфликт и останавливают новое наступление Даниила.

Итак, различные по характеру и времени написания летописные тексты — легендарные сюжеты и сказания начала *Повести временных лет*, изложение первого опыта взаимодействия Рюриковичей с половцами в записях о событиях рубежа XI–XII вв. той же летописи и рассказ о походе на ятвягов *Галицко-Волынской летописи (Хроники Романовичей)* XIII в. — показывают использование практики отправления заложников при взаимодействии правителей Руси с язычскими, чаще — степными племенами. Использование этой практики в рамках

кросскультурного, межрелигиозного взаимодействия было возможно благодаря ее универсальности, а спектр использования охватывал как краткие перемирия, так и обеспечение безопасности или лояльности на длительное время. Характерно, что *Киевская летопись*, подробно рассказывающая о взаимодействии Рюриковичей с черными клобуками, торками и дикими половцами начиная со второй трети XII в., не упоминает об официальных обменах гарантами в рамках этого общения, а это свидетельствует о том, что означенные племена стали уже в достаточной мере «своими» правителям Руси и взаимодействие с ними происходило при помощи других социально-политических инструментов.

Заложники в политике Северо-Западной Руси в XII–XIII вв.

Еще одно политическое направление, в котором практика предоставления заложников-*талей* начинает активно проявлять себя уже в XII в., — это взаимодействие Новгорода с Рюриковичами. И новгородский, и киевский летописцы фиксируют множество политических практик, обеспечивавших взаимодействие правителей Руси с этим городом: дипломатические миссии, отправление заложников, представительство (в том числе участие бояр нескольких конкурирующих групп в одной делегации), военный захват, а также добровольную выдачу горожан-противников князя в оковах [подробный обзор некоторых из них: Гимон 2006: 291–333; Гиппиус 2004: 164–182]. Это разнообразие было результатом наличия в городе различных политических сил, согласие между которыми часто сменялось конфронтацией. Предоставление заложников в этих условиях было наиболее эффективно, так как давало князю определенные гарантии в долгосрочной перспективе, особенно если в число делегатов входили младшие родственники как лояльных ему, так и оппозиционных семей. При этом необходимо учитывать, что и сами видные новгородцы или политические группы города могли менять свою стратегию по отношению к Рюриковичам или другим акторам, а также оставаться нейтральными при рассмотрении определенных вопросов. Кроме того, отправление киевским, черниговским или владимирским князем своего сына, брата, зятя или шурина на новгородский стол было по своей сути близко практике предоставления заложников, так как младший представитель династии Рюриковичей, находившийся в Новгороде, и сам был гарантом военных, торговых и политических договоренностей города со своим старшим родственником.

Первое упоминание *талей*, отправленных в рамках взаимодействия Новгорода с династией Рюриковичей содержится в *Суздальской летописи*, где под 1139/40 (6647) г. говорится о том, что новгородцы прогнали от себя Ростислава Юрьевича, но прислали к Всеволоду Ольговичу,

прося его брата Святослава, при этом к князю были посланы «дѣти» новгородцев в качестве *талей*: «Того же лѣта пустиша новгородци Гюргевича от себе, а ко Всеволоду пустиша дѣти своѣ в тали, рекуще: “Пусти к намъ Святослава!” И посла к нимъ Святослава княжитъ» [ПСРЛ, 1: 308]. Рассматривая хронологию событий, Н. Г. Бережков предположил, что это сообщение, уникальное для *Суздальской летописи* и отсутствующее в *Киевской* и *Новгородской первой летописях*, было заимствовано со значительными изменениями из близкого по характеру событий эпизода статьи следующего, 1140/41 (6648) г. *Киевской летописи* [Бережков 1963: 57–58]. В нем описана ситуация, когда правление Святослава Ольговича вызвало неудовольствие в Новгороде, на что Всеволод «посла к нимъ Ивана Воитишича, прося оу нихъ моужь лѣпшихъ», а посол, «поймавъ ѣ, приведеъ къ Всеволоду», и киевский князь «хотяшеть послати сына своего, Святослава» [ПСРЛ, 2: 307, ср.: НПЛ: 26]. Как можно видеть, в этом сообщении также упоминается делегация новгородцев в Киев, которая и стала, с точки зрения ученого, образцом для сообщения о *талях* в статье 1139/40 (6647) г. *Суздальской летописи*. Однако с тем, что упомянутое сообщение искусственно составлено из фрагментов *Киевской летописи* трудно согласиться, так как налицо значительная разница в деталях миссий: под 6647 годом в *Суздальской летописи* в Киев едут «дѣти» — младшие родственники бояр, под 6648 годом в *Киевской* — «лѣпшие мужи». Это противоречие Н. Г. Бережков объясняет тем, что с точки зрения составителя летописи, «требовать и получать в заложники приличествовало не столько самих “муж лепших”, сколько их сыновей», поэтому автор *Суздальской летописи* «записал, что “в тали” были даны “дети” (не в смысле, конечно, малолетних детей)» [Бережков 1963: 58].

Однако в *Суздальской летописи* эпизод отправления новгородского посольства (второго по счету) к Всеволоду за сыном все же присутствует в статье 1140/41 (6648) г., хотя и без упоминания заложников: «Новгородци выгнаша Святослава, а ко Всеволоду прислаша епископа с мужи своими, рекуще: “даи намъ сынъ свои”» [ПСРЛ, 1: 308]. Таким образом, в *Суздальской летописи* упомянуты две делегации новгородцев к Всеволоду, первая предоставляла *талей* — она отмечена под 6647 годом (посольство за Святославом Ольговичем), вторая имела целью торжественное сопровождение нового князя и зафиксирована в статье 6648 г. (посольство за Святославом Всеволодичем)⁹.

⁹ Также Н. Г. Бережков обращает внимание на то, что захваченные послы, согласно *Лаврентьевской летописи*, были при киевском дворе «зимоу же и лѣто» [ПСРЛ, 1: 308; ПСРЛ, 2: 308], хотя, если речь идет об упомянутых *талях*, то они должны были находиться у Всеволода более двух лет [Бережков 1963: 59]. Однако очевидно, что летописец имеет в виду именно послов второй

Автор статьи 1139/40 (6647) г. *Суздальской летописи* однозначно показывает инициативу предоставления заложников со стороны новгородцев, что неудивительно: таким образом они давали гарантии будущего благополучного правления однажды уже изгнанному князю [НПЛ: 25]. Новгородцы и раньше участвовали в соглашениях с Рюриковичами¹⁰, но упоминание об отправлении заложников появляется впервые. Очевидно, под словом «дѣти» здесь подразумеваются младшие родственники новгородцев. Они могли быть избраны среди противников Ольговичей, что было бы близко практике выдачи княжеских оппонентов, или из семей разной политической ориентации, что служило бы подтверждением консенсуса новгородской элиты.

Новгородская первая летопись, рассказывая о просьбе новгородцев прислать Святослава Ольговича в 1139/40 (6647) г., действительно ничего не говорит о заложниках, вероятно потому, что эта практика, особенно односторонний ее характер, могла рассматриваться городской элитой как унижительная, однако упоминает роту¹¹: «И послашася новгородци Киеву по Святослава по Олговиця, заходивъше ротѣ; и бѣ мятежъ в Новѣгородѣ, а Святослав дълго не бяше» [НПЛ: 25]. Совершенно иначе эта летопись описывает цель делегации новгородцев за Святославом Всеволодичем в 1140/41 (6648) г. (в чем совпадает с *Суздальской летописью*) — торжественное сопровождение нового князя из Киева в Новгород авторитетными боярами: «и яко послаша епископа по сына его, и много лепшихъ людий [...]». А после их захвата киевским князем упоминает в числе задержанных кроме епископа и новгородских купцов еще и послов [НПЛ: 26]. Это уточнение говорит о том, что поездка изначально мыслилась как дипломатическая, однако отправленные новгородцы поневоле стали заложниками-гарантами лояльности города.

В XII–XIII вв. *Новгородская первая летопись* нередко рассказывает о дипломатической практике, схожей с предоставлением заложников,

делегации, отправленных с приглашением Святославу Всеволодичу (говорится, что их возглавлял епископ). Кроме того, подобное указание не обязательно подразумевало весь срок заточения, а скорее фиксировало положение дел на данном этапе.

¹⁰ По всей видимости, первое соглашение было заключено новгородцами с Всеволодом Мстиславичем в 1117 г., суть его сводилась к пожизненному княжению Всеволода на новгородском столе. Его отец, Мстислав Великий, не был скован подобными обещаниями, хотя «еще в 1102 г. новгородцы настаивают на своем праве не отпускать своего князя по требованию великого князя» [Янин 2003: 89–90]. 1117 год и является исходной точкой «вольности в князьях» Новгорода [Ibid.].

¹¹ Возможно, под этим термином в данный период подразумевался именно вариант клятвы с предоставлением заложников — так же называется и соглашение Владимира Мономаха с половецкими ханами под 1095 годом.

но имеющей свою специфику. Речь идет об отправлении представителей города с Рюриковичем ко княжескому двору с последующим одариванием делегатов и скорым возвращением в Новгород, что должно было продемонстрировать союзнические намерения обеих сторон. При этом книжник неоднократно подчеркивает, что именно князь забирает новгородцев из города и ведет их с собой. Так, в 1118 г., после смерти Дмитра Завидича, Владимир Мономах и его сын Мстислав Владимирович приводят представителей разных групп и семей Новгорода — «вся бояры новгородския» [НПЛ: 21] — в Киев, где эти новгородцы целуют крест князьям. Затем князья отпускают бояр, но не всех: «и пусти я домовъ, а иныя у себе остави». Оставлены были те, кто «грабили Даньслава и Ноздрьчю», чем вызвали гнев Владимира Мономаха и его сына, поэтому оказались в оковах: «и затоци я вся» [НПЛ: 21; Гимон 2006: 313–316]. Такой исход поездки показывает, что в ней участвовали представители семей, руководствовавшихся различной политической стратегией¹².

Под 1215 годом описывается представительская поездка группы бояр с суздальским князем Ярославом Всеволодичем в Торжок, положение участников которой приближалось к заложникам — князь «поимя» их «съ собою» [НПЛ: 54]. Среди делегатов были: Твердислав Михалкович — сторонник Мстислава Мстиславича, Сбыслав — приверженец суздальских князей, Семен Борисович — противник их влияния в Новгороде¹³. Участие в посольстве разных боярских групп показывало состоятельность представления ими Новгорода как политического актора, по-видимому, такая поездка носила принудительный характер, и могла закончиться как миром, так и заточением. Однако в 1215 г. путешествие новгородцев завершилось благополучно, они не остались надолго, а князь, их «одаривъ, присла въ Новъгородъ» [НПЛ: 54], хотя спустя некоторое время Ярослав Всеволодич захватывает несколько новгородских посольств, в том числе Семена Борисовича, а также сына Твердислава Михалковича — Степана и др. [НПЛ: 54].

Новгородцы, совершавшие подобного рода поездки, не называются *талями* и осуществляют более широкие представительские задачи, однако функционально их миссия максимально приближена к заложнической — они публично обеспечивают лояльность Новгорода: под

¹² Как отмечает В. Л. Янин, летопись описывает столкновение территориальных групп бояр, причем жертвами стали жители Неревского конца, где упоминается Даньславля улица с церковью Св. Димитрия, в конце XII в. названная «Ноздрьчиной» [Янин 2003: 102].

¹³ Кроме того, упомянутые бояре происходили из разных концов: Твердислав Михалкович — с Прусской улицы, Семен Борисович — со Славенского конца [Гимон 2006: 311–312, с историографией].

1118 годом летописец упоминает совершенное ими крестоцелование, под 1215 — процесс одаривания, который, очевидно, был материальным и символическим подтверждением дружественности княжеских намерений. Промежуточный статус делегатов приближал их одновременно и к дипломатическим представителям, и к *талям*. Известно, что даже новгородский посол легко мог оказаться заложником-гарантом поневоле, как, например, Мирошка Нездинич, отправившийся в дипломатическую поездку к суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу в 1195 г. и задержанный им на два года, причем он и другие послы, Иванко и Фома, были принуждены сопровождать князя в военном походе на Чернигов [НПЛ: 42–43; Гимон 2006: 307–310; Гиппиус 2004: 178–179]. Таким образом, суздальский князь насильно вынудил захваченных новгородских послов выполнять функции гарантов.

Изучая взаимодействие новгородцев с суздальскими князьями, В. Л. Янин пишет, что политические объединения Новгорода не были сформированы по кончатскому принципу: «Линии политического размежевания в 1220-х и 1230-х прошли не по границам традиционных сообществ, а по частоколам усадеб одной и той же улицы» [Янин 2003: 200]. С ним не согласился Т. В. Гимон, который, рассмотрев составы делегаций новгородцев, выступавших в качестве послов, заложников или почетных гостей в *Новгородской первой летописи*, сделал вывод о том, что с начала XIII в. можно с достаточной четкостью увидеть воплощение идеи «паритетного представительства» древнейших центров Новгорода: Неревского, Людина (и Прусской улицы) и Славенского концов. В этом исследователь продолжил рассуждения А. А. Гиппиуса, отметившего, что в составе делегации Мирошки Нездинича находились участники, чьи усадьбы располагались в разных концах Новгорода, причем они отпускались князем попеременно [Гиппиус 2004: 178–179]. Несомненно, что историческая принадлежность к определенному концу играла существенную роль в политических пристрастиях новгородца. Однако политическая картина, созданная по территориальному принципу, может быть нечеткой из-за многих факторов. Так, некоторые знатные семьи Новгорода вынужденно или добровольно меняли адрес своей усадьбы, как, например, это сделал Семен Борисович, переселившийся с Людина конца на Славно после разгрома Мирошкиничей в 1207 г. (вероятно, его далекие предки ранее уже жили в Славенском конце) [Гиппиус 2006: 104–106]. Кроме того, ничто не мешало знатым семьям иметь несколько усадеб в разных концах. Очевидно, были и случаи изменения отношения новгородского боярина или его семьи к тому или иному князю или соблюдения нейтралитета. Так, например, Якун Мирославич и Судила Иванкович изначально относились к про-

тивоборствовавшим политическим группам, но вместе нашли кров у Юрия Владимировича в Суздале после неудач [НПЛ: 26]. Представляется, что наиболее существенным аспектом в выборе новгородца для поездки было его отношение к князю или другому политическому актору в момент отправления делегации, ведь именно присутствие (даже вынужденное) оппонентов князя должно было свидетельствовать о достижении внутреннего консенсуса и готовности города принять Рюрика в качестве правителя.

Выбор новгородцами той или иной линии поведения опирался на непосредственную выгоду, в том числе торговые возможности, а также экспансионистские перспективы, реализация которых была связана в этот период с военными возможностями суздальских князей, что и обеспечивало последним лояльность значительной части новгородских бояр. Суздальскому влиянию противостояли те круги элит, которые не желали слишком сильных позиций в городе этой линии Рюриковичей, предпочитая приглашать разных князей и заключать договоры с другими политическими акторами. Как следствие, в конце XII — начале XIII в. суздальские князья все чаще требуют выдачи тех новгородцев, которые ранее выступали против них, в плен, а для предотвращения таких выступлений — заложников. Однако эти запросы не всегда удовлетворялись городом, и тогда князь медлил с отправлением в него своего сына, который оказался бы в уязвимом положении. Например, в 1224 г., пытаясь договориться с Юрием Всеволодичем о том, чтобы тот отправил в Новгород своего сына («пусти к намъ дѣтя»), новгородцы отклоняют требование суздальского князя выдать взамен группу горожан, среди которых Яким Иванкович — вероятно, сын посадника Иванка Дмитровича, за которого новгородцы, по их словам, готовы стоять до последнего: «[...] хотѣша умерети за Святую Софию о посадницѣ о Иванцѣ о Дмитровици» [НПЛ: 64]. Юрий сопровождает требование угрозой: «а я поилъ есмь коне Тъхвѣрю, а еще Волховомъ напою», на что новгородцы укрепляют оборону города, и посылают к нему послов со словами: «братьи своеи не выдаваемъ» [НПЛ: 64]. Юрий в ответ не выступает против Новгорода, хотя «много имъ пакостивъ», берет выкуп и отправляет в город своего шурина, черниговского князя Михаила Всеволодича. Таким образом, никаких тяжелых последствий «невыдача» князю новгородцев не имела. В. Л. Янин пишет, что, по всей видимости, суть соглашения сводилась к взаимным уступкам [Янин 2003: 195]. Близкий эпизод можно видеть несколько позже в 1228 г., когда брат Юрия, Ярослав Всеволодич, подходит к Пскову и требует выдать своих противников: «тѣхъ, кто мя обадиль к вамъ», но жители Пскова отказываются, используя ту же формулировку, что и новгородцы: «а братьи своеи не

выдаемъ» [НПЛ: 66]. Судьба новгородцев и псковичей, которых требовал князь, фактически предполагала пленение, однако не обязательно последующую физическую расправу, а учитывая, что решение о выдаче принималось городским сообществом, их статус в случае положительного решения был бы близок заложникам, гарантировавшим лояльность города.

К началу XIII в. практика отправки новгородцев-гарантов упоминается в *Новгородской первой летописи* все чаще даже при очевидных мирных намерениях князя. При этом прослеживается ее двусторонний характер: новгородцы едут с Рюриковичем взамен на оставление им сыновей или других родственников в Новгороде. Например, когда в 1217 г. Мстислав Мстиславич уходит из Новгорода в Киев, он оставляет в городе свою супругу и сына Василия, а забирает с собой новгородцев, в том числе только что свергнутого посадника «Гюргя Иванковиця, Сбыслава Степаниця, Ольксу Путиловиця» [НПЛ: 57]. На такое же «символическое»¹⁴, по словам В. Л. Янина, правление в 1221/22 г. новгородцы приглашают в город Всеволода Юрьевича, тогда еще семилетнего княжича [Янин 2003: 194]. В 1228 г. Ярослав Всеволодич уезжает из Новгорода в Переяславль и оставляет в городе двух сыновей: «тѣгда же Ярослав [...] остави 2 сына своя, Феодора и Альксандра» [НПЛ: 66]¹⁵. При княжичах находились люди Ярослава: Федор Данилович и тиун Яким. Два малолетних князя присутствуют в городе как представители своего отца, как гаранты его возвращения и участия в делах и нуждах города, хотя, конечно, еще и как потенциальные правители в будущем. Любопытно, что, описывая отъезд Ярослава Всеволодича в 1228 г. из Новгорода, где оставались молодые княжичи, летопись не сообщает о том, что князь *сам* хотел получить гарантов со стороны новгородцев — видимо, авторитет Ярослава в городе был еще довольно шатким и он не стал выдвигать подобные требования. Спустя время это обстоятельство постави-

¹⁴ Т. е. княжич «символизирует» правление своего отца. Исходя из контекста летописи мне кажется правильнее называть его «представителем», по основной функции.

¹⁵ По словам В. Л. Янина, Ярослав Всеволодич, «став князем в Новгороде [...] остается князем и в Переяславле, посещая Новгород лишь в связи с военными операциями» [Янин 2003: 196]. В этом смысле оставление им в городе сыновей еще более приближает их к статусу почетного гаранта. О том же говорит и возраст князей: старшему из них было 9 лет. В. Л. Янин характеризует их присутствие в Новгороде как «материализованную идею суверенитета Ярослава над Новгородом» [Ibid.], хотя очевидно, что именно правителю-созерену полагалось принимать у себя гарантов, а не наоборот. Сам В. Л. Янин далее отмечает, что взаимодействие города и князя часто приближалось к равноправному: «В союзнических отношениях Новгород мог признавать суверенитет князей, но он мог также настаивать и на полном равенстве отношений» [Янин 2003: 197]. Оставление малолетних сыновей в качестве гарантов лояльности князя в столице Новгородской земли также характеризует их как равные.

ло его сыновей в небезопасное положение: зимой 1228/29 г. настроения в городе изменились и под удар попали сторонники Ярослава: Вячеслав Гориславич теряет должность тысяцкого, ее получает противник суздальских князей — Борис Негочевич¹⁶, двор Вячеслава, а также его брата Богуслава и других сторонников Ярослава разоряются¹⁷. Отношения Новгорода с Ярославом разорвались не сразу: к нему было отправлено посольство с новыми условиями, при отказе от которых обе стороны освобождались от обязательств: «ты себе, а мы себе» [НПЛ: 67]. Князь ничего не ответил, но тиун Яким и Федор Данилович спешно вывезли Федора и Александра Ярославичей¹⁸.

На следующем этапе взаимодействия Новгорода с Рюриковичами в город приезжает черниговский князь Михаил Всеволодич. Его общение с городской элитой показано в летописи со значительными подробностями, раскрывающими некоторые аспекты предоставления заложников-гарантов. Когда этот князь, в свою очередь, должен был покинуть Новгород и отправиться в Чернигов в том же 1229 г., он также оставляет в городе своего малолетнего сына — Ростислава¹⁹, однако при этом забирает с собой младших родственников известных новгородских семей. Они не названы в летописи *талями*, а перечислены поименно, что позволяет выделить среди них представителей разных групп боярства — сторонников черниговского князя Михаила, приверженцев Ярослава Всеволодича и лидеров боярства, проводивших сбалансированную политику: «томъ же лѣтѣ поиде князь Михаилъ въ Църниговъ къ братыи, пойма съ собою новгородце: Богуслава Гориславиця²⁰,

¹⁶ «Тѣгда отяша тысяцьское у Вячеслава и даша Борису Нѣгочевичу» [НПЛ: 67].

¹⁷ Конфликт был инициирован недовольством новгородцев владыкой Арсением и его связями с Ярославом, поэтому гнев новгородцев в первую очередь пал на людей, связанных с архиепископом: был разорен двор стольника архиепископа и двор «Давыдковъ Софійскаго» (судя по эпитету, также связанного с епископом). А также на Душильца — старосту церкви Николы на Липне (который, видимо, также был связан с владыкой), однако он успел бежать к Ярославу [НПЛ: 67]. Д. Г. Хрусталев замечает, что были разгромлены дворы сторонников Ярослава, при этом не тронут двор самого посадника, Иванка Дмитриевича: «[А]вторитет посадника [...] был настолько высок, что на него оппоненты пока покуситься не решались» [Хрусталев 2009: 172]. Однако можно предположить и что сам Иванко Дмитриевич занимал более сдержанную позицию, проводя сбалансированную политику, поэтому в меньшей степени ассоциировался с тем или иным князем. Тысяцкого же Вячеслава летопись неоднократно упоминает при Ярославе Всеволодиче, так что его лояльность этому князю не вызывает сомнений [НПЛ: 66].

¹⁸ Что, однако, вызвало удивление новгородцев, которые, согласно их собственным словам, занимались устранением внутренних противоречий: «а мы ихъ не гонили, нѣ братью свою есме казнили; а князю есме зла не створили никотораго же» [НПЛ: 67].

¹⁹ Затем в 1230 г. Михаил Всеволодич ненадолго возвращается в Новгород, чтобы совершить постриги своему сыну Ростиславу.

²⁰ Брат Вячеслава Гориславича — тысяцкого князя Ярослава Всеволодича.

Сбыслава Якунковица²¹, Домаша Твърдиславица²², Глѣба²³, посадниць сынъ²⁴, Михаилка Микифоровицъ²⁵, Михалѣ Прикупова²⁶, а сына своего Ростислава остави Новѣгородѣ», причем князь надеялся вернуть его: «а мнѣ [...] даи Богъ исправити правда новгородская, тоже от вас пояти сына своего» [НПЛ: 68]. Очевидно, он понимал, насколько высока вероятность, что новгородцы возобновят отношения с Ярославом Всеволодичем, и не был уверен, что сможет быстро вернуться на север. Летописный текст отчасти позволяет проследить судьбы отправленных с Михаилом в Чернигов новгородцев после смены настроений в городе и расторжения договора с черниговским князем. Двое участников делегации благополучно возвращаются в Новгород, это Домаш Твердиславич и Сбыслав Якунич — оба они участвуют в последующих военных кампаниях Александра Ярославича [НПЛ: 78, 293]. Княжич Ростислав Михайлович вернулся невредимым через Торжок к отцу в Чернигов²⁷,

²¹ Будущий посадник и участник Невской битвы, боярин Прусской улицы, упоминается в списках посадников, в делегации новгородцев к князю Ярославу в 1216 г. [Янин 1991:15; НПЛ: 54, 293].

²² Брат посадника Степана Твердиславича, сын Твердислава Михалковича, противник Внезда, боярин Прусской улицы, погиб во время битвы на Чудском озере [НПЛ: 78; Гимон 2006: 312]. В. Л. Янин пишет о том, что побег Якимы к Ярославу Всеволодичу говорит о прямой связи Степана Твердиславича с этим князем [Янин 2003: 199]. Однако такой побег во спасение жизни не обязательно свидетельствует о наличии устойчивых политических связей: часто в критической ситуации так поступали прежде нелояльные правителю бояре [НПЛ: 25–26]. Степан Твердиславич действительно стал посадником при Ярославе [НПЛ: 70], однако занятие этой должности может обозначать как расширение власти Ярослава, так и политический компромисс города и князя, что более отвечает контексту данной ситуации.

²³ Брат Семена Борисовича — противника суздальских князей и сторонника черниговского князя Михаила Всеволодича, затем он упоминается как «Глѣбъ, Сменовъ брат (Борисович)», убит при взятии Торжка [НПЛ: 71, 280; 76]. В этот период семейство Семена Борисовича уже жило в Славенском конце.

²⁴ Петр — сын Внезда Водовика, яркого сторонника черниговского князя Михаила Всеволодича [НПЛ: 71] и представителя Славенского конца [Гимон 2006: 310]. Внезд — известное боярское имя, так звали брата Мирошки Нездинича. Об этой семье — в статье А. А. Гиппиуса [Гиппиус 2006: 93–108].

²⁵ Вероятно, сын упомянутого выше Микифора Тудоровича — противника суздальского князя [НПЛ: 54, 64].

²⁶ Можно предположить, что это его двор затем подвергся разорению сторонниками Ярослава: «Водовиковъ двор и села, и брата его, Михалѣ, и Даньслава» [НПЛ: 70]. Летописный текст позволяет предположить, что это брат Внезда Водовика, отчество которого неизвестно (Водовик — прозвище), однако это маловероятно, так как в других упоминаниях не говорится о его родственных связях с Внездом, а характер записей разделяет их [НПЛ: 71]. Возможно, с ним связан «Прикупович двор» на Торговой стороне [Гимон 2006: 312].

²⁷ «На ту же зиму поиде княжиць Ростислав съ посадникомъ Вънездомъ на Тържкъ [..] а княжицю Ростиславу [новгородцы. — М. Л.] путь показаша с Торожку къ отцеви въ Църниговъ» [НПЛ: 70]. В. Л. Янин пишет, что Ростислав был изгнан из-за того, что был слишком юн, чтобы возглавить поход, обещанный Михаилом

а те из новгородцев, которые были сторонниками Михаила, не только оставались при нем, но и сохранили жизнь и здоровье благодаря этому путешествию, так как в самом Новгороде приверженцы черниговского князя и их родственники подверглись опале в 1230 г. [НПЛ: 70]²⁸: новгородцы убили наиболее яркого противника суздальского князя Семена Борисовича, а его жену захватили: «домъ его весь розграбиша и села, а жену его яша» [НПЛ: 70]. Вероятно, если бы Михаил вернулся в Новгород как правитель, то состоялся бы почетный возврат новгородцев в город, а Ростислава — отцу.

Сменивший Михаила Ярослав Всеволодич в момент своего очередного ухода из Новгорода в Переяславль не только вновь оставляет двух сыновей, Федора и Александра, но на этот раз забирает с собой гарантов лояльности Новгорода: «поя съ собою мужи новгородскыя моложьшая» [НПЛ: 70]. Летопись не раскрывает, кем были эти новгородцы и сколько времени они провели при князе, однако эпитет «младшие» однозначно указывает на юных родственников новгородских бояр. Хотя последние не называются напрямую *талями*, обстоятельства и возраст говорят о их принадлежности к этой группе.

Под 1236 г. *Новгородская первая летопись* также сообщает, что, уезжая в Киев, Ярослав Всеволодич забирает новгородцев. В этом эпизоде заложники-гаранты обозначаются как «вятские» мужи, т. е. авторитетные бояре, они перечислены поименно, также были отправлены сто новоторжцев: «поиде князь Ярославъ изъ Новагорода Киеву на столъ, пойма съ собою новгородци вятшихъ: Судимира въ Славнѣ, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, а новоторжець 100 муж; а в Новѣгородѣ посади сына своего Олександра» [НПЛ: 74]. Разбирая этот сюжет, Т. В. Гимон обнаружил, что упомянутые новгородцы происходили из разных новгородских концов: «Судимир — представитель Славна», Коста Вячеславович был «сыном Вячеслава Прокшинича и представителем семейства Малышевичей, которое однозначно локализуется в Неревском конце» [Гимон 2006: 310]. Менее уверенно можно говорить о Якиме Влунковиче, однако по косвенным признакам можно предположить, что он был представителем Прусской улицы [Ibid.]. Таким образом, выбор гарантов осуществлялся по принципу кончатского

Всеволодичем [Янин 2003: 199], однако мне представляется более справедливым, что новгородцы отпускают его как гаранта Михаила, так как сам князь должен был вернуться и снарядить этот поход. Поскольку Михаил этого не сделал, договор считался расторгнутым, а княжич-гарант возвращен.

²⁸ В. Л. Янин считает, что гаранты успели вернуться в Новгород, так как пишет о их последующем бегстве вместе с Внездом Водовиком и Борисом Негочевичем из Новгорода в Чернигов [Янин 2003: 199]. Однако летопись их имен не упоминает, говоря просто: «Водовикъ, то зло услышавъ, побеже съ Торжку съ братьею, и Борис тысяцьскыи, и новоторжьчи къ Михаилу въ Черниговъ» [НПЛ: 70].

представительства. Показательно, что среди заложников-гарантов упоминаются жители не только Новгорода, но и Торжка. Кроме того, здесь наконец летописец поясняет их дальнейшую судьбу: гаранты не остаются в Киеве надолго: князь «державъ новгородцевъ и новоторжцевъ одну недѣлю», а затем возвращаются домой «здрави вси», причем говорится, что князь перед отправлением одарил их [НПЛ: 74]. Краткость этой миссии и упоминание о получении боярами даров от князя делает ее мало отличимой от рассмотренных выше торжественных делегаций представителей города, сопровождавших князя из Новгорода [НПЛ: 21, 54] и отдаляет от, собственно, поездок заложников, выдаваемых в подтверждение лояльности.

Захват заложника-пленника

В описании дальнейшей судьбы уцелевших новгородских сторонников черниговского князя Михаила Всеволодича можно видеть ситуацию, когда противоборствующие стороны обмениваются заложниками в современном смысле слова, захваченными ранее в одностороннем порядке. Сподвижники Михаила Всеволодича, названные в летописи по имени отца Семена Борисовича «Борисова чадь», возвращаются в 1232 г. с новым претендентом на новгородское правление — трубчевским князем Святославом Всеволодовичем и, видя, что ситуация в городе уже окончательно сложилась не в их пользу, едут в Псков, где неожиданно захватывают тысяцкого Ярослава Всеволодича — Вячеслава Гориславича, бьют его и заковывают в кандалы. Ярослав, узнав об этом, возвращается из Переяславля, и, в свою очередь, задерживает псковских купцов, находящихся в городе, которые также становятся заложниками-пленными. Князь требует от псковичей освободить Вячеслава, однако те не сразу выдают его, а сначала требуют вернуть жен Борисовой чади: «прислите к нимъ жены ихъ, и товаръ, тоже мы Вячеслава пустимъ; или вы собѣ, а мы себе» [НПЛ: 72]. В этом требовании раскрывается смысл агрессивного шага изгнанных бояр. Действительно, жены и другие члены семьи чаще всего оказываются в лагере противника в качестве невольных, насильно захваченных заложников²⁹, причем это касалось и горожан, и князей³⁰. Жены Борисовой чади попали в тяжелое

²⁹ В. Л. Янин пишет, что члены Борисовой чади «побросали» «своих жен» во время бегства в 1230 г. [Янин 2003: 200], но, например, Глеб Борисович, очевидно, простился с супругой, еще отправляясь в Чернигов. Характерно, что жена его погибшего брата, Семена Борисовича, оставалась в Новгороде, хотя была тесно связана с Борисовой чадью [НПЛ: 74].

³⁰ При запланированном бегстве из Новгорода, бояре брали жен и детей с собой, например, перед Липицкой битвой сторонники Ярослава Всеволодича бегут «и съ женами, и съ дѣтьми» [НПЛ: 55, ср. также: НПЛ: 77–78]. После той же Липицкой

положение отчасти именно потому, что их родственники ушли с черниговским князем Михаилом как заложники-гаранты и теперь их судьба определялась развитостью практик обмена и представительства. После некоторой задержки в выполнении условий, вызвавшей голод в Пскове, обмен состоялся: «и пустиша Вячеслава; князь пусти к нимъ жены: Борисовую, Глѣбовую, Мишиную, а мира не взя» [НПЛ: 72]. Псковичи прогоняют Борисову чадь, просят у Ярослава сына Федора, но он приглашает к ним своего шурина, Юрия Мстиславича [Ibid.]. Таким образом, Псков выступил в этой ситуации не противником владимирского князя, как это обычно представляется³¹, а третьей стороной — медиатором, обеспечившим безопасность одной из сторон и диалог с другой, чем способствовавшим тому, чтобы обмен состоялся, хотя и за выполнение этой функции город заплатился экономической блокадой, а также пленением своих горожан, бывших в Новгороде, ставших еще одной группой заложников в этой череде захватов.

Тали в политике Пскова

Как можно видеть, политика Пскова характеризуется в конце XII — первой половине XIII в. все большей самостоятельностью. В связи с упомянутым выше приходом в 1228 г. Ярослава Всеволодича с войском к Пскову, этот город расторг договор с Новгородом и заключил новое соглашение с Рижским епископством³²: «оже поидуть на насъ, ть вы намъ помозите». Затем летописец кратко упоминает и предоставление сорока заложников: «и пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу» [НПЛ: 66]. Структура летописного текста не позволяет однозначно указать на то, какая из сторон предоставила заложников: рижане или псковичи. Однако исходя из того, что ранее в данном отрывке местоимение «они» обозначало рижан (а «мы» — псковичей), наиболее вероятно, что *тали* были отправлены Рижским архиепископством в Псков. Кроме того, сравнительный материал показывает, что заложники-гаранты часто выдаются в качестве подтверждения конкретного обещания [Kosto 2012: 25], что также указывает на то, что заложники были выданы Рижским епископством в подкрепление обязательства предоставить помощь Пскову в случае

битвы Мстислав Мстиславич забирает свою дочь, жену Ярослава Всеволодича, в наказание ему [НПЛ: 56].

³¹ Например: «Борис с товарищами обманул псковичей. Ольговичи и не думали биться за Новгород и тем более за Псков. Прибытие новгородских оппозиционеров принесло Пскову только беды» [Хрусталеv 2009: 183].

³² *Новгородская первая летопись* говорит о том, что псковичи, заключив мир с Ригой, «Новгородъ выложивъше» [НПЛ: 66], т. е. исключили его из союзников, предыдущее соглашение было заключено между Новгородом, Псковом и Ригой в 1224–1225 гг. [Хрусталеv 2009: 125–128].

надобности. Кроме того, эта информация была важна для псковича, для которого было бы также естественно умолчать о неприятных обязательствах со стороны своего города.

Практика предоставления гарантов фигурирует в отношениях Пскова и Ливонского Ордена в XIII в., что связано с усилением интенсивности их взаимодействия в этот период. Так, после поражения псковичей в битве с крестоносцами под Изборском в 1240 г., разорения псковского посада и тяжелой осады города, Псков был вынужден предоставить *талей* по требованию рыцарей, причем уточняется, что это были младшие родственники видных псковичей: «дѣти поимаша у добрыхъ мужъ в тали». По-видимому, их выдача была вынужденной мерой, необходимой для отхода крестоносного войска от стен Пскова и как залог безопасности оставшихся рыцарей: «Твердило Иванковичъ [...] самъ поча владѣти Пльсковомъ с Нѣмци» [НПЛ: 77]. Летопись сообщает о том, что псковские *тали* были возвращены после битвы на Чудском озере в 1242 г. вместе с пленными, захваченными во время сражения, по инициативе руководства Ордена: «а что есмы изымали мужии вашихъ, а тѣми ся розмѣнимъ: мы ваши пустимъ, а вы наши пустите»; и таль пльсковьскую пустиша и умиришася» [НПЛ: 78–79]. Деловой и лаконичный характер предложения Ливонского Ордена, быстрый обмен пленными, а с ними и возвращение заложников и скорое заключение мира показывают, что подобные процедуры завершения конфликта были хорошо известны обеим сторонам и регламентированы. Соглашение с Ливонским Орденом не требовало отправления гарантов, а наоборот, освобождало их, что подтверждает близость *таля* к статусу пленника в данном контексте.

Показательно, что среди всех рассмотренных эпизодов лишь сообщение *Сuzдальской летописи* 1139/40 (6647) г. напрямую говорит о предоставлении *талей* новгородцами князьям из династии Рюриковичей. Авторы *Новгородской первой летописи* не употребляют это слово в подобном контексте, говоря только о *талях* из числа псковичей, оказавшихся у крестоносцев или о рижанах, оставшихся в Пскове. Новгородские заложники показаны в этой летописи описательно, а сама практика теряется в повествовании среди других похожих поездок: в некоторых эпизодах дается указание на возраст и статус, порой называются имена гарантов и прослеживается их дальнейшая судьба. Данные особенности показывают отрицательное отношение новгородских книжников к этой практике: вероятно, она воспринималась как унижительное требование со стороны Рюриковичей. Однако сам факт ее использования свидетельствует о исключительности Новгорода в глазах династии и о признании способности города проводить собственную независимую политику.

* * *

Итак, предоставление заложников-гарантов было распространено на Руси XI–XIII вв. преимущественно в следующих политических сферах: при взаимодействии Рюриковичей с языческими, в первую очередь, степными племенами; в отношениях Новгорода с киевскими, суздальскими, черниговскими князьями; в отношениях Пскова с Рижским епископством и Ливонским Орденом. По всей видимости, изначальное использование этой практики в соглашениях князей с печенегами основывалось на византийских образцах. В эпоху Владимира Мономаха именно ее универсальность способствовала заключению первых мирных переговоров между правителями, принадлежавшими к разным религиозным и культурным обществам: князьями Руси и половецкими ханами.

В отношениях Новгорода с киевскими, суздальскими, черниговскими князьями в XII–XIII вв. развивались практики разных форм как представительства, так и военных захватов, а кроме того, совершенствовались возможности обменов, варианты сохранения жизни и статуса в ситуации политической неудачи. В этих условиях выполнение функций заложников-гарантов могло варьироваться от участия в почетной представительской делегации на небольшой срок около одной недели (как миссия новгородцев, сопровождавших в 1236 г. Ярослава Всеволодича в Киев) до фактического пленения князем на несколько лет (как это произошло с Мирошкой Нездиничем). Осторожное использование этой практики в отношениях князей с Новгородом и множество промежуточных форм ее применения показывают высокий уровень сложности их взаимодействия. При этом односторонний характер выдачи Новгородом своих гарантов компенсировался со стороны представителя династии оставлением в нем на княжение такого же «дѣтя» — малолетнего Рюриковича. Состав делегации от Новгорода мог отражать паритет отдельных концов или просто включать представителей семей, придерживавшихся противоположных стратегий и по-разному относящихся к князю. Отправление *талей* применялось и в отношениях Пскова с Рижским епископством и Ливонским Орденом, где эта практика могла как сопровождать конкретное обещание (в случае договора псковичей с рижанами в 1228 г.), так и, наоборот, быть достаточным условием для снятия осады (как во время стояния крестоносцев под Псковом в 1240 г.), т. е. была ориентирована на решение конкретных практических задач.

Характер использования заложников-гарантов показывает, что взаимодействие таких могущественных политических акторов, как городское сообщество или династия, на практике задействовало личные, семейные связи для достижения конкретных целей. Существенно, что несмотря на различие сфер применения гарантов: их отправляли к

языческим степным партнерам или забирали из Новгорода для сопровождения князя, чаще всего эта практика предполагала участие младших членов семей элит и правителей: сыновей, братьев, племянников, которые отправлялись в недружественный лагерь, а в случае удачного исхода приобретали необходимые политические связи для своей будущей карьеры.

Библиография

Источники

Heimskringla 2002

Heimskringla, Bjarni Aðalbjarnarson, rit., *Íslenzk fornrit*, Reykjavík, 2002.

МРН 2017

Monumenta Poloniae Historica, Nova Series, 16: Kronika halicko-wołyńska, Dąbrowski D., Jusupović A., ed., Kraków – Warszawa, 2017.

Orkneyinga saga 1980

Orkneyinga saga, Finnbogi Guðmundsson, rit., *Íslenzk fornrit*, Reykjavík, 1980.

Ахмад ибн Фадлан 2016

Ахмад ибн Фадлан, Книга Ахмада ибн Фадлана, В. С Кулешов, пер., *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара*, Москва, 2016, 18–47.

Константин Багрянородный 1991

Константин Багрянородный, *Об управлении Империей*, Литаврин Г. Г., ред., Москва, 1991.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Насонова А. Н., ред., Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.

—, 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Москва, 1998.

Словари

Словарь русского языка XI–XVII вв. 2011

Словарь русского языка XI–XVII вв, 29, Москва, 2011.

Срезневский 1912

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, 3, С.-Петербург, 1912.

Фасмер 1987

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 4, Москва, 1987.

Литература

Бережков 1963

Бережков Н. Г., *Хронология русского летописания*, Москва, 1963.

Гимон 2006

Гимон Т. В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)?, *Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г.: Политические институты Древней Руси*, Москва, 2006, 291–333.

Гиппиус 2004

Гиппиус А. А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000)*, Москва, 2004, 164–182.

——— 2006

Гиппиус А. А., Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей), *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology* (= *Slavica Helsingiensia*, 27), Helsinki, 2006, 93–108.

Горский 2002

Горский А. А., К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград, *Восточная Европа в древности и средневековье, 14: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Паушто: материалы конференции*, Москва, 2002, 45–53.

Дашкевич 1991

Дашкевич Я. Р., Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси, *История СССР*, 4, 1991, 100–111.

Мельникова 2012

Мельникова Е. А., Заложники и клятвы: Процедура заключения договоров с норманнами, *Именослов. История языка. История культуры*, Москва, 2012, 111–182.

Стефанович 2004

Стефанович П. С., Крестоцелование и отношение к нему в Древней Руси, *Средневековая Русь*, 5, 2004, 86–113.

Хрусталеv 2009

Хрусталеv Д. Г., *Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв.*, 1, Москва, 2009.

Янин 1991

Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*. Москва, 1991.

——— 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 2003.

Bennett, Weikert 2016

Bennett M., Weikert K., eds., *Medieval Hostageship c.700–c.1500: Hostage, Captive, Prisoner of War, Guarantee, Peacemaker*, Abingdon-on-Thames, 2016.

Hermanson 2019

Hermanson L., *Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe c. 1000–1200*, transl. by A. Crozier, Leiden, Boston, 2019.

Hicklin 2019

Hicklin A., Aitire, 人質, тали, ὄμηρος, 人質, obses: Hostages, Political Instability, and the Writing of History c. 900–c. 1050 CE, *Medieval worlds*, 10, 2019, 151–176.

Kosto 2012

Kosto A. J., *Hostages in the Middle Ages*, Oxford, 2012.

Lavelle 2006

Lavelle R., The use and abuse of hostages in later Anglo-Saxon England, *Early Medieval Europe*, 14 (3), 2006, 269–296.

Πατούρα-Σπανού 2013

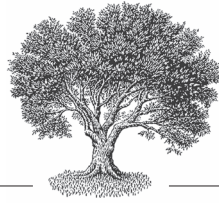
Πατούρα-Σπανού Σ., Οι Ὀμηροὶ καὶ ἡ ὀμηρεία ἀπὸ τὴν ἀρχαιότητα ἕως τὸ τέλος τοῦ Βυζαντίου στὶς ἐλληνικὲς πηγές: Συνοπτικὸ περίγραμμα, *Antecessor. The Spyros Troianos' Honorary Volume*, Athens, 2013, 1397–1421.

References

- Bennett M., Weikert K., eds., *Medieval Hostage-ship c.700–c.1500: Hostage, Captive, Prisoner of War, Guarantee, Peacemaker*, Abingdon-on-Thames, 2016.
- Berezhkov N. G., *Khronologiia russkogo leto-pisaniia*, Moscow, 1963.
- Dashkevich Ya. R., Spornye voprosy diplomaticheskoi praktiki Drevnei Rusi, *Istoriia USSR*, 4, 1991, 100–111.
- Gimon T. V., V kakikh slucaiaikh imena novgorodtsev popadali na stranitsy letopisi (XII–XIII vv.)?, *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2004 g.: Politicheskie instituty Drevnei Rusi*, Moscow, 2006, 291–333.
- Gippius A. A., O neskol'kikh personazhakh novgorodskikh berestianykh gramot 12 veka, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000)*, Moscow, 2004, 164–182.
- Gippius A. A., Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boiarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda Giuriatinichei-Rogovichei), *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology* (= *Slavica Helsingiensia*, 27), Helsinki, 2006, 93–108.
- Gorskiy A. A., K voprosu o sostave voiska Olega v pokhode na Tsar'grad, *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e, 14: Mnimye real'nosti v antichnoi i srednevekovoi istoriografii*, Moscow, 2002, 45–53.
- Hermanson L., *Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000–1200* Crozier A., transl., Leiden, Boston, 2019.
- Hicklin A., Aitire, 人質, tali, homeros, 人質, ob-ses: Hostages, Political Instability, and the Writing of History c.900–c.1050 CE, *Medieval worlds*, 10, 2019, 151–176.
- Khrustalev D. G., *Severnye krestonostsy. Rus' v bor'be za sfery vliianiia v Vostochnoi Pribaltike XII–XIII vv*, 1, Moscow, 2009.
- Kosto A. J., *Hostages in the Middle Ages*, Oxford, 2012.
- Lavelle R., The use and abuse of hostages in later Anglo-Saxon England, *Early Medieval Europe*, 14(3), 2006, 269–296.
- Melnikova E. A., Zalozhniki i kliatvy: Protse-dura zakliucheniia dogovorov s normannami, *Imenoslov. Istoriia iazyka. Istoriia kul'tury*, Moscow, 2012, 111–182.
- Patoura-Epanou E., Oi Homeroi kai e omereia apo ten archaioteta eos telos tou Buzantiou stis ellenikes peges: Euno-ptiko perigramma, *Antecessor. The Spyros Troianos' Honorary Volume*, Athens, 2013, 1397–1421.
- Stefanovich P. S., Krestotselovaniye i odnoshe-niye k nemu v Drevney Rusi, *Srednevekovaya Rus'*, 5, 2004, 86–113.
- Yanin V. L., *Novgorodskii akty XII–XV vv. Khro-nologicheskii kommentarii*, Moscow, 1991.
- Yanin V. L., *Novgorodskii posadniki*, Moscow, 2003.

Мария Леонидовна Лавренченко, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной средневековой и новой истории
исторического факультета
Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова
150000, Ярославль, Советская ул., 10
Россия / Russia
lavrenchenko1@yandex.ru

Received December 5, 2022

Датировка
путешествия
Афанасия Никитина
за три моря:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД*

**Антон Михайлович
Введенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
С.-Петербургский Институт истории РАН,
С.-Петербург, Россия

Dating of
Afanasy Nikitin's
Journey Beyond
the Three Seas:
A Fresh Approach

Anton M. Vvedenskiy

HSE University,
St. Petersburg Institute of History of
the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье предлагается новая датировка путешествия Афанасия Никитина. Анализ сведений «Хождения за три моря» показал, что Афанасий Никитин различает праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам и соотносит их с разными христианскими праздниками: Ураза-байрам с Пасхой, а Курбан-байрам с Петровым днем. Афанасий Никитин перед своей четвертой Пасхой теряет возможность соотносить христианские и мусульманские праздники. Афанасий пишет, что разница между Ураза-байрамом и Пасхой составляет 9–10 дней, хотя на самом деле в 1469 г. Пасха пришлась на 2 апреля, а Ураза-байрам — на 14 апреля, в 1468 г. Пасха отмечалась 17 апреля, а

* Благодарю за ценные замечания А. Г. Боброва, С. В. Городилина, И. Ю. Котина, В. Г. Соболева.

Цитирование: *Введенский А. М.* Датировка путешествия Афанасия Никитина за три моря: новый взгляд // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 72–82.

Citation: *Vvedenskiy A. M.* (2023) Dating of Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas: A Fresh Approach. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 72–82.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.12

Ураза-байрам — 24 апреля. Афанасий сообщает, что Курбан-байрам отмечается в то же время, что и Петров день (29 июня). Однако Курбан-байрам в 1468 г. пришелся на 21 июня, а в 1469 г. — на 1 июля. Петров день отмечается 29 июня. Это дает право выдвинуть гипотезу, что путешественник пытался определить день Пасхи в 1470 г., вспоминая два прошедших года своего путешествия, когда он еще мог соотносить христианские и мусульманские праздники. Исходя из этих наблюдений, можно сделать вывод, что путешествие Афанасия Никитина началось в 1467 г., а вернулся он из путешествия и умер под Смоленском зимой 1472/73 г.

Ключевые слова

Афанасий Никитин, «Хождение за три моря», датировка, религиозные праздники

Abstract

The article proposes a new dating of Afanasy Nikitin's journey. An analysis of the information from *A Journey Beyond the Three Seas* showed that Afanasy Nikitin distinguished between the holidays of Eid al-Fitr and Eid al-Adha and correlated them with various Christian holidays—Easter and St. Peter's Day respectively. Before his fourth Easter, Afanasy Nikitin was no more able to correlate Christian and Muslim holidays. Afanasy's suggested that Eid al-Fitr was celebrated 9–10 days from Easter, but in 1469, Easter fell on April 2, and Eid al-Fitr on April 14. In 1468, Easter fell on April 17, Eid al-Adha on April 24. In 1468, Eid al-Adha fell on June 21, and in 1469, on July 1. Afanasy also suggests that Eid al-Adha was celebrated on the same day as St. Peter's day, June 29. This information allows putting forward the hypothesis that the traveler tried to determine the day of Easter in 1470, remembering the past two years of his journey, when he could still correlate Christian and Muslim holidays. In conclusion, Afanasy Nikitin's journey began in 1467, and he returned from the trip and died near Smolensk in winter of 1472/73.

Keywords

Afanasy Nikitin, *A Journey Beyond the Three Seas*, dating, Muslim and Christian holidays

Знаменитое литературное произведение «Хождение за три моря» (далее — «Хождение») Афанасия Никитина известно каждому образованному человеку. Однако точная датировка этого путешествия остается дискуссионной.

Из самого произведения мы узнаем, что поездка Афанасия Никитина продолжалась почти 7 лет:

Первый же Велик день взял еси в Каинѣ, а другой Велик день въ Чебокару в Маздранской землѣ, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял еси в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре кристьянской [...] В пятый же Велик день възмыслихъ ся на Русь [...] и Велик день взял в Кельбери, от Бедери 10 ковов [...] в Мошкате же шестой Велик день взял [Хождение 1958: 44, 48, 49].

Таким образом, Афанасий Никитин шесть раз отметил Пасху за время своего путешествия. Последним датированным известием об Афанасии является сообщение о его прибытии в Кафу (совр. Керчь) «за 9 дни до Филипова заговения», т. е. 6 ноября [Хождение 1958: 50].

Первым, кто заинтересовался вопросом о годах путешествия Афанасия Никитина, был составитель летописного свода, который отразился в Львовской и Софийской второй летописях. Составителю в руки попала рукопись купца, и он вставил данное произведение в летописную статью под 6983/1475 г. Летописец пишет, что «се же написано не обретох, в кое лето пошел или в кое лето пришел из Ындия умер» [Хождение 1958: 33]. Также он сообщает: «а сказывают, что деи Смоленска не дошед умерь» [Хождение 1958: 33].

Афанасий Никитин, скорее всего, по санному пути, идущему по замерзшему руслу Днепра, направился домой, но до Смоленска не добрался. Торопился ли он домой и умер в конце современного календарного года в декабре, или он возвращался не спеша и смерть его настигла в январе–феврале, мы никогда не узнаем

В 1857 г. вышла небольшая книга И. И. Срезневского, который датировал поездку тверского купца в Индию 1466–1472 гг. [Срезневский 1857]. Эта датировка продержалась более 120 лет, но в 1978 г. вышла статья Л. С. Семенова, который пришел к выводу, что поездка Афанасия Никитина имела место в 1468–1474 гг. [Семенов 1978: 134–148]. Точка зрения Л. С. Семенова закрепилась в историографии и стала общепризнанной¹.

В последнее время, правда, была высказана новая гипотеза [Городилин 2022: 164–169]. С. В. Городилин, критикуя датировку Л. С. Семенова, в своей работе обращает внимание на тот факт, что к началу 1468 г. Москва вела полномасштабную войну с Казанским ханством, поэтому вряд ли казанцы «беспрепятственно пропустили бы мимо Казани [...] идущих вместе с Хасанбеком тверских и московских купцов» [Городилин 2022: 168]. В связи с этим наблюдением о невозможности для Афанасия начать свой путь в 1468 г., С. В. Городилин предполагает, что Афанасий Никитин стартовал из Твери на год раньше, в мае 1467 г. [Городилин 2022: 169].

Если все же принимать точку зрения Л. С. Семенова, что Афанасий Никитин отправился в путь в 1468 г., то годы его путешествия следует обозначить как 1468–1473/74 гг. (по Срезневскому – 1466–1471/72 гг.; по Городилину – 1467–1472/73 гг.).

Могло ли путешествие состояться раньше или позже указанных в историографии как его крайние даты лет?

¹ См. статью в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» [Лурье 1988: 82].

Если верить составителю, внесшему «Хождение» в летописный текст, он получил его в 6983/1475 г. Так как во Львовской и Софийской второй летописях применяется явно сентябрьский стиль летоисчисления (в основном статьи начинаются с описания осенних событий: см. статьи 6894/1476, 6986/1478 и др.) [ПСРЛ, 20: 313, 320], то нужно предполагать, что записи Афанасия попали в руки летописца в период с сентября 1474 г. по сентябрь 1475 г. Следовательно, путешествие могло состояться на год позже предлагаемых в историографии дат — в 1469–1474/75 гг.

Однако Афанасий сообщает, что он отправился в путь в то же самое время, что и посол великого князя Ивана III Василий Папин, который поехал к шаху Ширвана (территория совр. Азербайджана). Афанасий Никитин ехал вслед за московским послом [Хождение 1958: 33–34].

Летописец в результате своих разысканий узнал, что Василий Папин «за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был» [Хождение 1958: 33]. Василий Папин участвовал в этом походе и был убит. Известно, что Юрий Васильевич ходил на Казань в августе–сентябре 1469 г. Следовательно, Василий Папин вернулся из посольства в 1468 г., а это делает невозможным отправление Афанасия в путешествие в 1469 г. Значит, Афанасий Никитин самое позднее отправился в путь в 1468 г.

Если говорить о самой ранней из возможных дат для начала путешествия Афанасия Никитина, то раньше 1466 г. он отправиться все же не мог. Довольно сложно себе представить, что посольство Василия Папина в Ширван началось, к примеру, в 1465 г. и продолжалось целых три года.

Можно заключить, что хронологические рамки поездки Афанасия, уже предложенные в историографии, являются единственно возможными. Но можно ли определить их точно или придется продолжать довольствоваться тремя вариантами?

В историографии на данный момент, как было отмечено выше, основной считается точка зрения Л. С. Семенова. Рассмотрим приведенные исследователем доказательства.

Л. С. Семенов фактически строит свою гипотезу на одной фразе Афанасия Никитина: «Месяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гундустанѣ, а бесермена баграм взяли в середу мѣсяца» [Хождение 1958: 43]. Л. С. Семенов справедливо отмечает, что Афанасий встретил в Бедере (совр. Бидар) свою четвертую Пасху, а «середа», по мнению исследователя, это не день недели, а указание на середину месяца мая. Также он считает, что «баграм» — это праздник Курбан-байрам, который во время путешествия Афанасия приходился на середину мая лишь однажды — 19 мая 1472 г. Следовательно, заключает

автор: «Никитин находился в Индии в 1471–1474 гг. и из Твери должен был выехать в 1468 г.» [Семенов 1978: 140].

Как кажется, такая трактовка Л. С. Семеновым сообщения Афанасия совсем не бесспорна. После приведенных слов о том, что он отметил свою четвертую Пасху 1 мая, Афанасий сообщает: «Уже проидоша 4 Великая говѣина и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшныи не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю — а книг у меня нѣту. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня» [Хождение 1958: 43]. По всей видимости, путешественник не знал точного дня Пасхи, что подтверждается сообщаемой им датой — 1 мая. На первое мая праздник приходиться не мог, так как самая поздняя дата Пасхи — 25 апреля. На мой взгляд, очевидно, что, если Никитин не мог определить правильно день Пасхи, дни недели и время поста, он также не мог узнать и любую другую дату по христианскому календарю.

На протяжении всей первой части своего путешествия Афанасий Никитин фиксировал события, соотнося их с христианским календарем. Последнее такое сообщение связано с прибытием Афанасия как раз в Бедер, которое произошло в конце календарного года: «Приидох же в Бедерь о заговеинѣ о Филиповѣ ис Кулонгѣря, и продахъ жеребца своего о Рожествѣ. И тут бых до Великого заговеина в Бедери» [Хождение 1958: 17]. После этого сообщается, что он познакомился с индуистами и поехал с ними в город Первати на праздник. Свое возвращение в Бедер после посещения Первати Афанасий описывает уже с привязкой к мусульманскому календарю: «От Первати приехал есми в Бедерь, за 15 дни до бесерменьского улу багря» [Хождение 1958: 20], тут же поясняя, что возможности соотносить ключевые даты своего путешествия с христианским календарем у него больше нет: «А Великого дня въскрешения Христова не вѣдаю» [Хождение 1958: 20].

Таким образом, Афанасий Никитин за несколько месяцев до своей четвертой Пасхи (вероятнее всего, во время поездки в Первати) утрачивает возможность считать дни по христианскому календарю, что приводит его к ошибке в расчетах дня Пасхи, которую он почему-то датирует первым днем мая.

Если Афанасий Никитин, по его же словам, не мог при своих вычислениях использовать привычный для себя христианский календарь, то считать, что он правильно соотнес время мусульманского праздника с серединой мая по христианскому календарю, как это предлагает Л. С. Семенов, нет никаких оснований.

Можно найти какие-либо иные сведения в тексте «Хожения за три моря», которые все же позволят определить точные годы путешествия

Никитина? Попробуем внимательно присмотреться к попыткам Афанасия Никитина, несмотря на утерю части своих книг, соотнести друг с другом системы (христианскую и мусульманскую).

Обращают на себя внимание два фрагмента. Первый из них — это уже цитировавшееся сообщение о возвращении купца в Бедер из поездки в Первати и его продолжение: «От Первати приехал есми в Бедерь **за пятнадцать день** до бесерменьскаго улу багря [...] **Великъ день** бывает християньскы **первие бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни**» [Хождение 1958: 20].

Второе свидетельство, скорее всего, записанное Афанасием в том же году, так как речь тоже идет о его пребывании в Бедере, выглядит следующим образом: «Меликтучаръ пришелъ съ ратию своею к **Бедерю на Курбантъ багрям, а по-русьскому на Петровъ день**» [Хождение 1958: 25].

При анализе данных фрагментов и некоторых других, упоминающих мусульманские байрамы, в историографии почему-то закрепились точка зрения, что в «Хождении за три моря» все упоминания «баграмов» относятся к празднику Курбан-байрам [Лурье, Семенов 1999: 547]. Однако очевидно, что Афанасий не только называет байрамы по-разному, но и различает их по времени относительно христианского календаря. «Улу багря» близок к Пасхе (апрель), а Курбан-байрам отмечается в конце июня².

Исследователи справедливо считают, что «улу байрам» (улу-байрам, т. е. великий байрам) — это татарский вариант названия Курбан-байрама. Однако Афанасий Никитин, как кажется, использует татарский термин для обозначения Ураза-байрама, а не Курбан-байрама. Ураза-байрам же, как известно, отмечается за два месяца и десять дней до Курбан-байрама.

Кроме двух уже упомянутых известий о байрамах в «Хождении за три моря» есть еще несколько. Одно из этих свидетельств о том, что «бесермен баграм» пришелся на «середу» месяца, Л. С. Семенов поставил во главу своей концепции. Оно, как кажется, сообщает не о Курбан, а об Ураза-байраме, так как кроме того, что упомянутый байрам близок именно к Пасхе, Афанасий Никитин пишет, что он начал соблюдать пост за месяц до «Великого дня».

Данное свидетельство следует сопоставить с известием о пятой для путешественника Пасхе: «Въ пятый же Великий день възмыслиль ся на Русь. Изыдохъ же из Бедеря града за месяц до улу баграма_бесерменьскаго Маметь дени росоял. А Велика дни хрестьянскаго не вѣдаю Христова възкресения, а говѣино же ихъ говѣхъ з бесермены, и

² Петров день по юлианскому календарю отмечают 29 июня.

розговѣвсь с ними, и Великий день взях в Келберху от Бедеря 20 кововъ» [Хождение 1958: 27]. Из известия становится понятно, что Афанасий соблюдал пост перед Пасхой вместе с мусульманами и с ними его закончил, но у мусульман Ураза-байрам и есть день окончания поста священного месяца Рамадан, приходящийся на первый день месяца Шавваль. Данное наблюдение, как кажется, подтверждает гипотезу, что Афанасий Никитин называет «улу баграмом» именно праздник Ураза-байрам.

Итак, Афанасий Никитин перед четвертой Пасхой утрачивает возможность следовать христианскому календарю. Он смог вернуться к нему лишь в самом конце своего путешествия, добравшись до Трапезунда (совр. Трабзона), о чем свидетельствует фраза: «И в Трепизон же приидох на Покровъ святыя Богородица и приснодѣвныя Мариа (1 октября)» [Хождение 1958: 29]. Получается, что почти три года путешественник не мог использовать обычный для себя календарь.

Афанасий Никитин, пытаясь высчитать четвертую для себя Пасху, которую он встретил в Бедере (хотя по времени, скорее всего, и не в срок), отмечает, что Ураза-байрам после Пасхи через 9–10 дней, а Курбан-байрам приходится на Петров день (29 июня). Откуда он мог взять такие сведения, если уже утерял связь с христианским календарем? Напрашивается вполне логичный ответ: путешественник вспоминал как соотносилась Пасха с Ураза-байрамом и время Курбан-байрама в предыдущие **два года**, когда он еще мог сопоставить христианские и мусульманские праздники. Приведем таблицу всех четырех праздников в период 1467–1472 гг.:

Год	Пасха	Ураза-байрам	Курбан-байрам	Петров день
1467	29 марта	6 мая	13 июля	29 июня
1468	17 апреля	24 апреля	1 июля	29 июня
1469	2 апреля	14 апреля	21 июня	29 июня
1470	22 апреля	3 апреля	10 июня	29 июня
1471	14 апреля	23 марта	30 мая	29 июня
1472	29 марта	12 марта	19 мая	29 июня

Как можно видеть из приведенной таблицы, в 1468 г. разница между днем Пасхи и днем Ураза-байрама была 7 дней, а в 1469 г. составляла 12. Афанасий Никитин, вспоминая разницу между Пасхой и Ураза-байрамом, явно немного спутал и пришел к некоему усредненному варианту – 9–10 дней.

День Курбан-байрама наиболее близок к Петрову дню был в 1468 г. (2 дня разницы), а в 1469 г. разница между ними составила уже 8 дней.

Однако праздник Курбан-байрам отмечается несколько дней, и какой из дней Афанасий Никитин посчитал праздничным в 1469 г., нам, конечно, неизвестно. Следует отметить, что в 1468 г. Курбан-байрам начался через день после Петрова дня и в момент наступления христианского праздника мусульманский еще не начался, в отличие от 1469 г., когда мусульманский праздник предшествовал христианскому и в момент наступления Петрова дня Курбан-байрам мог еще отмечаться. Такое соположение праздников в эти два года привело Афанасия Никитина, когда он старался их припомнить, к выводу, что Курбан-байрам совпадает с Петровым днем.

Скорее всего, Афанасий Никитин в начале календарного 1470 г., находясь в Бедере или по пути к Первати, потерял возможность сверяться с христианским летосчислением, поэтому для определения Пасхи стал вспоминать праздники прошедших 1468–1469 гг. Память несколько его подвела, хотя вспомнил он почти верно.

Если бы Афанасий выехал в 1466 г., то четвертая Пасха пришлось бы на 1469 г., но Афанасий уже потерял «книги», и ему пришлось бы вспоминать разницу между Пасхой и Ураза-байрамом 1468 г., и, вероятно, он бы припомнил все же точнее — ведь между праздниками была ровно неделя. Стоит также отметить, что если бы Афанасий выехал в 1466 г., то он бы наверняка сохранил в памяти, что разница между Ураза-байрамом и Пасхой в 1467 г. составляла почти 40 дней, что, как кажется, должно было отразиться на его воспоминаниях.

Если бы купец выехал в 1468 г., то четвертая Пасха пришлось бы на 1471 г. и путешественник вряд ли бы вспомнил, что Курбан-байрам в 1468 и 1469 г. был близок к Петрову дню. Вспоминая разницу между данными праздниками 1470 г., которая составляла 19 дней, он не смог бы решить, что Петров день приходится на Курбан-байрам. А вот если Афанасий выехал из Твери в 1467 г., то в 1470 г., вспоминая разницу между Курбан-байрамом и Петровым днем за прошлые годы, он припомнил, что в 1468 и 1469 г. мусульманский праздник был близок к Петрову дню. Разница же между Пасхой и Ураза-байрамом, которая в прошлые два года составляла 7 и 12 дней запомнились тверскому купцу в некоем усредненном виде, что кажется вполне логичным.

Анализируя текст «Хожения», мы исходили из предположения, что первую свою Пасху Афанасий встретил еще на Руси. Однако в историографии господствует точка зрения, что место Каин/Каина, упомянутое первым в ряду географических пунктов, в которых путешественник отметил Пасху, это либо «искаженное до неузнаваемости название одного из пунктов в Ширване или на берегах Каспийского моря», или город Наин (совр. Найин) в Иране, через который Афанасий проходил, но уже

после Чебокару (в Южном Прикаспии), в котором он отметил вторую Пасху. Тогда приходится предполагать, что Никитин перепутал последовательность Пасх [Петрушевский 1958: 233].

Все эти предположения, как кажется, следует отбросить и видеть в «Каине» искаженное Клин. Доказательством этого является свидетельство Сухановского извода «Хожения», в котором сообщается, что свою первую Пасху Афанасий отметил в Клину. Еще И. И. Срезневский, размышляя над вопросом о месте первой Пасхи, рассматривал такую возможность, но, к сожалению, оставил эту версию [Срезневский 1857: 37–38]. Совсем недавно к версии, что первая Пасха застала Никитина в Клину, вернулся А. Г. Бобров [Бобров 2023: 191].

Скорее всего, зимой — ранней весной 1467 г. Афанасий Никитин ходил в Москву и получил разрешение («грамоту») на путешествие у московского великого князя Ивана Васильевича и, возвращаясь в Тверь, встретил Пасху (29 марта) в Клину. Афанасий посчитал эту Пасху первой для себя в путешествии, так как встретил ее уже не дома. В середине — второй половине апреля (время окончания ледохода на Верхней Волге) он отправился в путь и вторую Пасху встретил через год (17 апреля 1468 г.) в иранском Чабахаре. О том, что Афанасий побывал в начале пути в Москве, косвенно свидетельствует происхождение его спутников: «И пошли есмя в Дербентъ, заплакавши, двема суды: в одном судне посол Асанбег, да тезикы, да русаков нас десеть головами; **а в другом судне 6 москвич, да шесть тверичь**, да коровы, да кормь нашъ» [Хожение 1958: 34]³.

Следует отметить, что если бы И. И. Срезневский все же пришел к выводу, что первую свою Пасху Афанасий встретил в Клину, то и начало его путешествия, скорее всего, он бы отнес к 1467, а не к 1466 г. Ведь дату третьей Пасхи путешественника, которую тот встретил в Ормузе, — 2 апреля 1469 г. — исследователь, исходя из данных рассказа Афанасия о своем пути из Ормуза в Чюнер, определил верно [Срезневский 1857: 36–37].

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что в результате новых наблюдений над текстом «Хожения» удалось показать, что Афанасий различает праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам и соотносит их с разными христианскими праздниками: Ураза-байрам с Пасхой, а Курбан-байрам с Петровым днем. Разница между временем наступления христианских и мусульманских праздников, указанная Афанасием, позволяет считать, что его наблюдения сделаны в 1468–1469 гг. Так как Афанасий перестал соотносить происходящие с ним события с христианским календарем за несколько месяцев до своей

³ Благодарю А. Г. Боброва, что он обратил мое внимание на этот фрагмент.

четвертой Пасхи, логично предположить, что она пришлась на 1470 г. и он пытался припомнить соотношения праздников за два прошлых года.

Все эти наблюдения позволяют с высокой долей вероятности остановиться на такой хронологии путешествия Афанасия Никитина, при которой тот начал свой путь в 1467 г., а вернулся из путешествия и умер под Смоленском зимой 1472/73 г.

Библиография

Источники

Хождение 1958

Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472, Москва, Ленинград, 1958.

ПСРЛ, 20

Полное собрание русских летописей, 20, 1, Санкт-Петербург, 1910.

Литература

Бобров 2023

Бобров А. Г., *Ефросин Белозерский в поисках рая*, Москва, 2023.

Городилин 2022

Городилин С. В., Царевич Касым, князь Александр Федорович и Афанасий Никитин, *Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья*, 14, Тверь, 2022, 155–174.

Лурье 1988

Лурье Я. С., Афанасий Никитин, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2 (вторая половина XIV–XVI в.), 1: А – К, Ленинград, 1988, 81–88.

Лурье, Семенов 1999

Лурье Я. С., Семенов Л. С., Комментарии к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина, *Библиотека литературы Древней Руси*, 7, Санкт-Петербург, 1999, 544–548.

Петрушевский 1958

Петрушевский И. П., *Комментарий географический и исторический, Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472*, Москва, Ленинград, 1958, 187–251.

Семенов 1978

Семенов Л. С., К датировке путешествия Афанасия Никитина, *Вспомогательные исторические дисциплины*, 9, Москва, 1978, 134–148.

Срезневский 1857

Срезневский И. И., *Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг.*, Москва, 1857.

References

Bobrov A. G., *Efrosin Belozerskii In Search of Paradise*, Moscow, 2023.

Gorodilin S. V., Tsarevich Kasym, Prince Alexander Fyodorovich and Afanasy Nikitin, *Tver, Tver Region and neighbour territories in the Middle Ages*, 14, Tver, 2022, 155–174.

Lurje J. S., Afanasii Nikitin, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2 (vtoraiia polovina XIV–XVI v.), 1: A – K, Leningrad, 1988, 81–88.

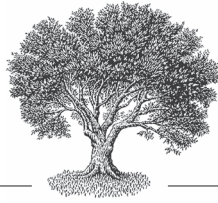
Lurje J. S., Semenov L. S., Kommentarii k «Khozheniiu za tri moria» Afanasiia Nikitina, *Biiblioteka literatury Drevnei Rusi*, 7, St. Petersburg, 1999, 544–548.

Petrushevsky I. P., *Kommentarii geograficheskii i istoricheskii, Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina, 1466–1472*, Moscow, Leningrad, 1958, 187–251.

Semenov L. S., *K datirovke puteshestviia Afanasiia Nikitina, Vspomogatel'nye istoricheskie dissipliny*, 9, Moscow, 1978, 134–148.

Антон Михайлович Введенский, кандидат филологических наук,
старший преподаватель
департамента истории
С.-Петербургской школы гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
190121, С.-Петербург, ул. Союза Печатников, 16;
старший научный сотрудник
С.-Петербургского института истории
Российской академии наук
197110, С.-Петербург, Петрозаводская ул., 7
Россия / Russia
3103104@mail.ru

Received October 16, 2023

«Весь господарь
Великий Новгород»
в германоязычных
документах XV века*

“All Sovereign
Novgorod-the-Great”
in Fifteenth Century
Documents in
Germanic Languages

Павел Владимирович Лукин

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

Pavel V. Lukin

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается одно из наименований новгородского политического сообщества, возникшее во второй половине XV в., — «весь господин господарь Великий Новгород». Это обозначение играло в то время очень важную роль в политической жизни Новгорода, поскольку оно обосновывало его полную самостоятельность в противовес притязаниям московских великих князей. Всего известно не более десяти упоминаний этого наименования. Однако обращение к малоизвестным документам на средненижне-немецком и среднешведском (позднем древнешведском) языках позволяет увеличить это число. Более того, возможно, в договоре между Новгородом и Швецией 10 апреля 1468 г. имеется самое первое упоминание «всего господаря Великого Новгорода» в письменных источниках. Выясняется также,

* Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект 23-18-00402 «Новгород, Псков и Ганза в XV веке в новгородско-ганзейских документах». Автор благодарит за помощь, советы и критику С. В. Полехова, А. В. Толстикова, Б. А. Успенского. Естественно, никто из них не несет ответственности за недостатки этой работы.

Цитирование: *Лукин П. В.* «Весь господарь Великий Новгород» в германоязычных документах XV века // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 83–96.

Citation: *Lukin P. V.* (2023) “All Sovereign Novgorod-the-Great” in Fifteenth Century Documents in Germanic Languages. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 83–96.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.04

что с помощью средненижненемецкого слова *herschopp* или среднешведского слова *herskap* переводчики могли передавать и обозначение «господин Великий Новгород», известное еще с конца XIV в., и обозначение «господарь Великий Новгород». Это может свидетельствовать как о том, что для них смысловая разница между «господарем» и «господином» была неочевидной, так и о недостатке у них лексических средств, способных эту разницу отразить. Между тем эта разница была очень существенна в контексте московско-новгородского противостояния в 1470-е гг. В то же время понятие *herschopp/herskap* следует признать, вероятно, наилучшим из возможных вариантов перевода обоих обозначений на соответствующие языки.

Ключевые слова

Великий Новгород, господин Великий Новгород, господарь Великий Новгород, средненижненемецкий язык, среднешведский (поздний древнешведский) язык

Abstract

The article considers one of the designations of the Novgorod political community emerged in the second half of the 15th century—“All Lord Sovereign Novgorod-the-Great”. It played a very important part in the political life of Novgorod at that time, as it stressed Novgorod’s complete independence and therefore was directed against the claims of the grand princes of Moscow. In total, no more than ten mentions of this name are known so far. However, taking into account little-studied documents in Middle Low German and Old Swedish allows us to increase this number. Moreover, the treaty between Novgorod and Sweden on 10 April 1468 may contain the very first mention of “All Sovereign Novgorod-the-Great” in written sources. It also turns out that translators used the Middle Low German word *herschopp* or the Old Swedish word *herskap* to convey both the designation “Lord Novgorod-the-Great” known since the late 14th century, and the designation “Sovereign Novgorod-the-Great”. This may indicate that for them the semantic difference between “Lord” and “Sovereign” in reference to Novgorod was not obvious, as well as that they lacked lexical means capable of conveying this difference. Meanwhile, this difference was very significant in the context of the Moscow-Novgorod confrontation in the 1470s. At the same time, the concept of *herschopp/herskap* should be recognized as probably the best possible translation of both designations into Middle Low German and Old Swedish respectively.

Keywords

Novgorod-the-Great, Lord Novgorod-the-Great, Sovereign Novgorod-the-Great, Middle Low German, Late Old Swedish

В последнее время одним из самых перспективных направлений изучения политической культуры средневекового Новгорода стало исследование понятий, характеризующих новгородское политическое сообщество, или «политический народ», который — а не те или иные органы власти — считался коллективным правителем Новгорода. Все остальные политические институты, включая вече, в представлении

новгородцев, лишь выражали и формулировали волю этого политического сообщества. В XIV–XV вв. и особенно во второй половине XV столетия эти представления привели к формированию «суверенизационных» тенденций, проявившихся в кристаллизации целого ряда политико-идеологических концепций и, в частности, в появлении таких наименований новгородского «политического народа», как «весь господин Великий Новгород», а потом — «весь [господин и] государь Великий Новгород». Последнее наименование эксплицитно выражало стремление к обоснованию независимости Новгорода от великих князей московских, которые претендовали на статус единственных законных «господарей» не только Северо-Восточной Руси, но и Новгорода [Исаева 2020; Лукин 2022: 47–88; Лукин 2023]¹.

Тем не менее в этом вопросе остается еще много неясного. Следует сразу подчеркнуть, что ниже мы будем говорить прежде всего об исторических аспектах проблемы, не касаясь этимологии или семантических нюансов интересующих нас лексем как таковых. В центре нашего внимания будет функционирование и значение таких обозначений в новгородской политической культуре того времени².

В литературе справедливо отмечалось, что впервые в сохранившихся источниках формула «весь господин Великий Новгород» фиксируется в древнерусском тексте так называемого Нибурова мира (договор между Новгородом и ганзейскими городами), заключенного в январе–феврале 1392 г.³ Среди тех, кто принимал решение от имени Новгорода, дважды, наряду с двумя высшими должностными лицами, посадником и тысяцким, фигурирует «весь господин Великий Новгород» [ГВНП: № 46, 81]⁴. Из документа однозначно следует, что под «всем господином Великим Новгородом» подразумевается то же, что подразумевалось под «всем Новгородом» и «всем Великим Новгородом» — новгородское политическое сообщество, «политический народ». «Господин Великий Новгород» точно так же наделен чертами коллективной личности: он действует именно как живое существо — сверяется со старой грамотой и повелевает. Однако в других сохранившихся копиях договора — на средненижнемецком языке — аналогов этого обозначения нет. «Всему господину Великому Новгороду» там соответствуют «все новгородцы» (*meyne Noughardere, mene Nouwgardere*) или «весь Великий Новгород» (*alle Grote Nowerden, gantze Grote Nougarden*) [LECUB 1, VI: № 2924, 276; HR 1, IV: № 45, 46]. Высказывалось предположение, что это могло быть связано

¹ См. также интересную работу И. Илиевой (Шварц), которая в ряде аспектов предвосхитила современную дискуссию: [Илиева 1985: 171–172].

² См. важные наблюдения филологического плана: [Успенский 2021].

³ См. об этом: [Исаева 2020: 12; Успенский 2021: 24].

⁴ О дате см.: [Янин 1991: 97].

с непризнанием со стороны Ганзы нового новгородского «титула» [Исаева 2020: 56–57]⁵. Более вероятным все же представляется другое: это обозначение не имело строго официального характера, оставаясь почетным наименованием, которое могло использоваться в одних текстах и не использоваться в других. Более того, даже в древнерусском варианте Нибурова мира упоминания «господина Великого Новгорода» имеются далеко не везде, причем отсутствуют в том самом месте, где это ожидалось бы в первую очередь — в начальном протоколе. Там говорится, что ганзейские послы приехали к посаднику, тысяцкому и «ко всему Великому Новугороду» [LECUB 1, VI: № 2924, 276; HR 1, IV: № 45, 46]. В целом ряде последующих новгородско-ганзейских договоров «господина Великого Новгорода» также нет. Отсутствует это обозначение и в договорах между Новгородом и московскими великими князьями (вот тут можно подозревать сознательное исключение «господина» из этих документов).

Относительно отсутствия наименования «господин Великий Новгород» в новгородско-московских договорах Т. С. Исаевой было выдвинуто предположение о связи этого с нежеланием Новгорода провоцировать московскую сторону, претендовавшую на исключительность своего положения. С интерпретацией Т. С. Исаевой стоит согласиться [Исаева 2020: 60]. К тому же — нужно добавить — в московско-новгородских договорах «господами» назывались именно московские великие князья и появление в них выражения «господин Великий Новгород» неизбежно выглядело бы притязанием на равнозначный статус, каковым оно, по сути, со стороны Новгорода и было (новгородцы явно ориентировались на титулование московских великих князей)⁶. Но официально Новгород признавал в XIII–XV вв. владимирских, а потом московских великих князей в качестве верховных правителей, пусть и во многом формально. Нет этого наименования и в договорах Новгорода с Литвой [ГВНП: № 36, 105; № 70, 115–116; № 77, 129–132]. Впрочем, надо оговориться, что все эти договоры составлены от имени литовских великих князей, а они, естественно, не должны были стремиться к возвеличиванию новгородского «политического народа».

Тем не менее в дальнейшем и в официальных документах, и в летописях обозначение «[весь] господин Великий Новгород» появляется достаточно регулярно, хотя и употребляется непоследовательно⁷.

⁵ Автором не учтен один из опубликованных списков.

⁶ Для наименования московского великого князя немцы использовали понятия *here (her)*, *hersch(er)*, *herschopper*, но иногда и *herschopp* [Каштанов 2003: 307–314; Успенский 2021: 32, примеч. 36]. Более подробному анализу политической терминологии в списках Нибурова мира мы планируем посвятить специальную работу.

⁷ См. сводки упоминаний (с некоторыми лакунами): [Исаева 2020: 50–73; Успенский 2021: 24–25]. Первые летописные упоминания — в НПЛ мл. год

Несколько иначе обстоит дело с другим, более поздним, наименованием новгородского «политического народа» — «господарь Великий Новгород». Обычно считается, что впервые оно фиксируется в грамоте начала августа 1468 г., о которой подробнее пойдет речь ниже. Упоминаний этого обозначения очень немного — в соответствии с недавно составленной Б. А. Успенским сводкой, девять фиксаций в шести документах и летописных статьях [Успенский 2021: 26–28]. Поэтому, конечно, любое вновь обнаруженное упоминание — на вес золота.

И, как кажется, такие упоминания найти удастся. Речь идет о договорах Новгорода со Швецией 1468 г.

В сохранившемся в списке на среднешведском (позднем древнешведском) языке договоре о возобновлении мира на пять лет от 10 апреля 1468 г. начальный протокол открывается следующей фразой:

Aff Gudz nades wegna oc af fulmecktuge befaling oc welsignilse erchebiscopens aff Stora Nogardh biscopp Iwanas, af sitiände borgemesteres wegna i Stora Nogardh Ywane Lucawitze, oc af sitiände hertugans wegna i Stora Nogardh Trunphana Jurgewitze, **oc af alla herrer oc herskaps oc alla mena Stora Nogardhz inbyggjara oc vndersata** wegna, komo sändebodh af Stora Nogard, Philippe Andr[e]jawitz oc Joseph Siderwitz, at sökia erlig oc welbördig man her Erick Axelsson, riddere oc höffuitzman pa Wiiborgh oc offuer alt Österlandh, at fornyia oc begripa medh honom en fridh her i Wiiborgh for alt Stora Nogardz landh [ST, del. 3: № 512, 292; выделено мной. — П. Л.].

В переводе на русский (оставляем пока без перевода выделенные слова):

По Божьей милости и полномочному повелению и благословиению архиепископа Великого Новгорода епископа Ивана, от степенного посадника Великого Новгорода Ивана Лукинича и степенного тысяцкого Великого Новгорода Трифона Юрьевича, **oc af alla herrer oc herskaps oc alla mena Stora Nogardhz inbyggjara oc vndersata**, приехали послы Великого Новгорода Филипп Андреевич и Иосиф Сидорович, чтобы с честным и благородным мужем господином Эриком Аксельссоном, рыцарем и наместником всего Выборга и всего Эстерланда, обновить и заключить мир здесь в Выборге за всю землю Великого Новгорода⁸.

1397 и 1398 г. [ПСРЛ, 3: 388, 391], подробный и хороший разбор исторического контекста см. [Исаева 2020: 62–68]. К нему можно добавить лишь следующее. Тот факт, что появление в НПЛ мл. выражения «господин Великий Новгород» четко совпадает хронологически с его фиксацией в документальных источниках, свидетельствует, во-первых, о том, что примерно тогда же (в конце XIV в.) оно и возникло, во-вторых, о том, что летописные записи конца 90-х гг. XIV в. были почти наверняка сделаны современником. А это, в свою очередь, может иметь некоторое значение для понимания текстологии НПЛ мл., с которой еще далеко не все ясно (ср.: [Гиппиус 1997: 60]).

⁸ За помощь с переводом и консультации по шведским сюжетам мы искренне признательны А. В. Толстикову.

Выделенную фразу непросто или даже невозможно точно перевести на русский язык. Если переводить буквально, получится примерно следующее: «[...] и от всех господ и властей [вар.: всей власти, всей знати] и всех жителей и подданных Великого Новгорода». Однако более внимательный анализ фразы и ее контекста заставляет предполагать, что речь идет о не вполне удачной попытке передать средствами шведского языка непонятное переводчику выражение. В пользу этого говорит явная тавтологичность шведского текста: прежде всего, непонятно, чем *herrer* (господа) отличаются от *herskap*. Последнее понятие в среднешведском языке имело довольно большой спектр оттенков значения. Оно могло означать и «власть» в широком смысле слова, и знать («господ») в целом или какую-либо ее группу, и королевство, и городскую общину, и даже поведение, соответствующее «господскому» статусу [Fornsvenska]. Очевидна, таким образом, близость со столь же неоднозначным средне-нижненемецким понятием *herschopp*, о котором пойдет речь ниже, тем более что надо учитывать влияние, которое испытывал именно в этот период среднешведский язык со стороны средненижненемецкого (через должностных лиц — немцев после 1364 г., когда на шведском престоле оказался король немецкого происхождения, и особенно через растущее влияние ганзейского купечества) [Noreen 1904: 3]. Последующая часть фразы выглядит прозрачной, но зато не находит аналогов в формулярах договоров Новгорода с иностранными партнерами: «жители и подданные» не фигурируют там как сторона соглашения.

Близкие (но не тождественные!) формулы мы видим в сохранившемся в средненижненемецком варианте соглашении между Новгородом и фогтом Выборга Петером Дьекном от 15 августа 1468 г. Там аналогичное место выглядит так:

Van Godes gnaden vnde van der seghenynghe des ertzenbiscoppes van Grote Nougorden bischop Ywen, van deme borgermester, sittendes to Grote Nougorden, Jacob Federwitze, van deme hertogen, sittende to Grote Nougorden, Tryphana Jurienwytze, **vnn van allen heren vnn herschoppe to Grote Nougorden**, sin gekomen boden to Wiborgh, Wasilie Maximewytze vn Alexander Wasiliewytze, tho vorhorende vn to vorstande ictheswelke schult vnn gebroke, dar Grote Nougorden vndersaten sik inne vorbroken hebben [ST, 3 del.: № 512, 294⁹; выделено мной. — П. Л.].

Перевод:

Милостью Божией и по благословию архиепископа Великого Новгорода епископа Ивана приехали в Выборг послы Василий Максимович и Александр Васильевич от степенного посадника Великого Новгорода Якова

⁹ Текст сверен с рукописью и отредактирован [RA, Muscovitica, 646, 1323–1661, K, s. 13–15].

Федоровича, от степенного тысяцкого Великого Новгорода Трифона Юрьевича **vnn van allen heren vnn herschoppe to Grote Nougorden**, чтобы выслушать и узнать о всякого рода провинностях и преступлениях, которые совершили подданные Великого Новгорода.

Выделенный фрагмент также трудно перевести дословно. Наиболее очевидным вариантом кажется: «[...] от всех господ и властей в Великом Новгороде». При этом вновь непонятно, чем *heren* отличаются от *her-schopp*. Обращает на себя внимание также отсутствие здесь «жителей и подданных».

Мартом — началом августа того же 1468 г. датируется, вероятнее всего, еще один, хорошо известный документ — жалованная грамота Новгорода Соловецкому монастырю [Янин 1991: 252–253]. И это, как обычно считается, самый ранний памятник, в котором зафиксировано обозначение «господарь Великий Новгород» [Успенский 2021: 26, 28] (что действительно так, если иметь в виду только «явные» упоминания). В соответствии с текстом грамоты, братия монастыря бьет челом «[г]осподину преосвященному архиепископу Великого Новагорода и Пьскова владыке Ионы, господину посаднику Великого Новагорода степенному Ивану Лукиничю и старымъ посадникамъ, господину тысяцкому Великого Новагорода степенному Труфану Юрьевичю и старымъ тысяцкимъ, и боярамъ, и житьимъ людемъ, и купцемъ, и чернымъ людемъ, **и всему господину господарю¹⁰ Великому Новгороду**, всимъ пяти концемъ на вецъ на Ярославлѣ дворѣ». Далее в документе «весь господин господарь Великий Новгород» появляется ещё дважды [ГВНП: № 96, 151–153; выделено мной. — П. Л.].

Предположим, что в приведенные выше шведские и немецкие фразы, выделенные нами, представляют собой не что иное, как попытки передать именно это русское выражение — «весь господин господарь Великий Новгород». Как кажется, нет ничего, что бы прямо противоречило такой гипотезе, зато есть ряд доводов в пользу нее.

Действительно, в русских документах соответствий формулам договоров 1468 г. нет. Зато есть еще один пример похожей реинтерпретации характерного для новгородской политической терминологии этого периода выражения. В грамоте августа 1468 г. новгородские послы обязуются не причинять вреда шведским подданным в течение пяти лет действия соглашения от имени *alle gemene Grote Nougorden vndersaten* [ST, 3 del.: № 512, 295]. Выражение это грамматически не согласовано, и, если не знать русского (новгородского) контекста, непонятно, что имеется в

¹⁰ В издании: «государю». Однако в рукописи во всех трех местах, где есть это слово, оно написано сокращенно с выносной «с»: *гсдрю*, *гсдрь*, *гсдра* [СПБГИИ, ф. 47, д. 8]; для этого времени такое сокращение должно транскрибироваться как «господарю» [Бачинский et al. 2018: 111–112].

виду: «подданные (*undersaten*) всего Великого Новгорода», или «[абсолютно] все подданные Великого Новгорода», или «все подданные всего Великого Новгорода». Во всех трех вариантах возникают трудно преодолимые проблемы для корректной интерпретации: в политической жизни Новгородской республики принимало участие отнюдь не все ее население, а главное — очень необычным выглядит понятие «подданные».

Однако такое обозначение не уникально. Согласно преамбуле договора Новгорода с Ганзой от 18 марта 1466 г., немецкие послы приезжают к *alle gemene Groten Nowgarden* [ГВНП № 76: 128]. Смысл здесь прозрачен, и он вполне точно передан в русском переводе в ГВНП: контрагентом немцев является хорошо известный по русским источникам «весь Великий Новгород», а сочетание *alle gemene* (которое могло записываться и в одно слово) означает «весь целиком, в полном составе» [МНWB, I: 59]. Речь идет, естественно, о новгородском политическом сообществе, «политическом народе», и в договоре важно было подчеркнуть, что его соблюдение гарантируется «всем Великим Новгородом» без изъятия, как коллективным «сувереном» Новгорода. Никаких «подданных» здесь нет, и это понятно: ни такого слова, ни схожих с ним понятий в новгородском политическом лексиконе не было¹¹. *Undersaten* — следовательно, не вполне удачное добавление иноязычного переводчика, призванное разъяснить странную для внешнего восприятия новгородскую политическую формулу. Логично поэтому предположить, что *alla* и *alle* в договорах 1468 г. также должны были относиться (изначально, во всяком случае) не к предполагаемым «господам» и «властям», а к «Великому Новгороду». Что касается *inbyggjara oc vndersata* шведскоязычного документа, то они играют в нем ту же роль, что и *undersaten* немецкоязычного — неудачного пояснения, которое для реконструкции соответствующего древнерусского выражения следует отбросить.

Теперь рассмотрим вопрос о «господах» и «властях».

Формула *van allen heren* в значении «от всех господ [Новгорода]» в источниках зафиксирована. Послание новгородских властей властям Дерпта об отказе заключить мир 1421 г. исходит в том числе *van allen heren van Groten Nouwerden* («от всех господ Великого Новгорода») [ГВНП. № 61: 100]¹². Но в сочетании с *herschopp* такая формула не встречается. И здесь надо подробно остановиться на этом понятии.

¹¹ «Подданный»/«подданство» восходит через польское *poddany/poddaństwo* к латинскому *subditus*, представляя собой его кальку. В собственно древнерусском узусе оно, по-видимому, вообще отсутствует, встречаясь только в текстах иноязычного происхождения или в переводах [СлРЯ 11–17 вв., 15: 248; Фасмер, 3: 296].

¹² Нельзя, впрочем, не отметить уникальность преамбулы этой грамоты и имеющуюся в ней правку (ср. список грамоты: [ТЛА, ф. 230, оп. 1, ВЕ 19, л. 3]). В

Средненижненемецкое *herschopp* (как и *Herrschaft* современного немецкого языка) обладало целым рядом оттенков значений. Оно могло означать, прежде всего, «власть, господство» в самом общем смысле. К разбираемым нами контекстам, которые подразумевают некий определенный политический институт, социальную группу или должностных лиц, оно, естественно, не подходит. И действительно, *herschopp* могло также характеризовать некую высокопоставленную личность или группу лиц: «обладатель государственной власти, лично или коллективно» (*Inhaber der Herrschgewalt, persönlich oder kollektiv*). Так могли называть — правда, преимущественно в западной зоне распространения средненижненемецкого языка — как индивидуальных правителей тех или иных территорий или владельцев земель, так и собирательно элитарные группы, например, рыцарство. Особое внимание привлекает в нашем контексте бытование понятия *herschopp* в значении «высокопоставленный господин», «общность знатных, высокопоставленных лиц» [МНWB, II, 1: 291–292]. Если учитывать, что такие документы переводились немецкими переводчиками с русского текста, возникает вопрос о выборе терминологии для передачи сложных понятий¹³. Представляется наиболее вероятным, что переводчик искал эквивалент новгородского понятия, характеризовавшего коллективного правителя Новгородской земли. Понятие *herschopp*, которое может использоваться для обозначения и отдельного «господина», и монолитной группы «господ», а вместе с тем и объекта их власти (*Herrschaftsbereich, Gebiet eines Herrschers, eines Herrn*), выглядит в этом отношении почти идеальным соответствием.

Это предположение может быть подтверждено данными договора Новгорода с Ливонским отделением Тевтонского ордена конца января того же 1421 г. Документ сохранился в двух копиях: древнерусской и немецкой. В древнерусском варианте сказано, что великий князь, новгородский архиепископ, другие новгородские должностные лица и «весь господин Великий Новгород» послали на переговоры с ливонским магистром своих послов [ГВНП: № 60, 99]. Исследователи, однако, прошли мимо важного упоминания в средненижненемецком варианте этого

ГВНП есть вроде бы еще одно схожее выражение. В проекте договора Новгорода с Ливонским отделением Тевтонского ордена в издании напечатано: *von alle grossen in Nogharden* (переведено как «от всех больших в Новгороде») [ГВНП: № 59, 97]. Однако это следствие недоразумения, при обращении к рукописи выясняется, что там читается *von alle Grosfin Nogharden* («от всего Великого Новгорода») [GStAPK, OBA 3244].

¹³ Новгородско-ганзейские документы переводились обычно в Дерпте (Тарту), новгородско-орденские — в канцелярии Ливонского отделения Ордена, многие переводчики были из Нарвы, ближайшего к Руси орденского города [Сквайрс, Фердинанд 2002: 86–99].

документа, где «господину Великому Новгороду» соответствует *unsse herschopp grote gemeynen Nogharden* («наш *herschopp* великий весь Новгород») [Schirren 1860: 46]. Отсутствие внимания к этому свидетельству связано, вероятно, с тем, что в наиболее популярном издании — «Русско-ливонских актах» К. Э. Напьерского — документ напечатан по верхненемецкой копии, а интересующее нас место передано неправильно: *unser bischoff grose Gemeine Naugarden* («наш епископ великий весь Новгород») [RLU: № 213, 175]. Обращение к средненижненемецкой рукописи показывает, что ошибка произошла из-за определенного сходства написаний букв *b* и *h* в этой позиции и неверного раскрытия сокращения (контракции) *er* под титлом [RA, Utländska pergamentsbrev Estland & Livland, 1421 01 00, Schirren, № 110]. Публикатора при этом не смутила грамматическая неправильность получившейся фразы.

Поэтому почти наверняка аналогичное значение имеет слово *herschopp* (здесь — *herschop*) и в соглашении Новгорода с ганзейскими купцами 1439 г., где сказано, что представители новгородских властей привесли свои печати к договору *van hete weggen aller herscop van Grote Naugarden* («по приказу всего господина Великого Новгорода») [ГВНП: № 68, 114]¹⁴.

Позднее, однако, слово *herschopp* применительно к Великому Новгороду, как выясняется, могло обозначать уже не «господина», а «господаря». Это вполне однозначно следует из опасной грамоты, выданной в 1472 г. властями Новгорода ганзейским послам, и сохранившейся в двух вариантах: древнерусском и средненижненемецком [опубл. соответственно: Хорошкевич 1966: № 1, 331; LECUB, 1, XIII: № 41, 65]. В древнерусском варианте грамота адресована в том числе «ко всему нашему господарю Великому Новугороду»¹⁵. В средненижненемецком переводе (где несколько иной формуляр) грамота исходит *van allen vnser herschopp van Nowerden* («от всего нашего *herschopp* от Новгорода») ¹⁶. Нет никаких сомнений в том, что в данном случае словом *herschopp* передавалось древнерусское «господарь» [Лукин 2015: 257; Успенский 2021: 27, 32 (примеч. 36)].

Представляется, таким образом, что для первой половины XV в. средненижненемецкое *herschopp* применительно к Великому Новгороду

¹⁴ Предположение С. М. Каштанова, что под *herschop* в договоре 1439 г. нужно понимать «господу» (т. е. так называемый совет господ) не может быть принято именно с учетом всех контекстов: нет оснований предполагать для этого документа какое-то специфическое значение [Каштанов 2003: 311]. Ср. верную, на наш взгляд, трактовку в русском переводе в ГВНП и в: [Успенский 2021: 32 (примеч. 36)].

¹⁵ В издании: «государю», в рукописи: «г^сдрю» [LVVA, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, д. 12, л. 2], что, как отмечалось выше, надо трактовать как «господарю».

¹⁶ См. подробнее об этой грамоте и ее особенностях: [Лукин 2015].

означает «господин [Великий Новгород]»; для периода, начинающегося по крайней мере с 1468 г., может соответствовать «господарю [Великому Новгороду]», а в сочетании с *her/here* это слово и аналогичное ему среднешведское *herskap*, по-видимому, не может означать ничего другого, кроме «[всего] господина [и] господаря [Великого Новгорода]». Выясняется, тем самым, что число упоминаний «господаря Великого Новгорода» (весьма небольшое) нужно увеличить на две единицы за счет упоминаний *herschopp/herskap* в договорах Новгорода с шведскими партнерами 1468 г., что, как уже говорилось выше, важно само по себе.

Значимость наших наблюдений, как представляется, состоит, однако, не только в этом.

Во-первых, в случае с новгородско-шведским договором от 10 апреля 1468 г. мы имеем дело с одним из двух — наряду с грамотой Новгорода Соловецкому монастырю того же года — первых упоминаний «господаря Великого Новгорода» вообще. А с учетом того, что соловецкая грамота была выдана, очевидно, в промежутке между мартом и августом 1468 г., существует очень большая вероятность того, что речь идет о **самой ранней** известной на сегодняшний день фиксации этого обозначения в источниках. Это позволяет говорить о том, что явно конфронтационное по отношению к московскому великому князю наименование новгородского коллективного «суверена» появилось в официальной новгородской документации не позднее апреля 1468 г.

Во-вторых, то, что одним и тем же словом иноязычные переводчики могли передавать и обозначение «господин Великий Новгород», и обозначение «господарь Великий Новгород», может свидетельствовать как о том, что для них смысловая разница между «господарем» и «господином», столь существенная как для новгородцев, так и для их московских противников¹⁷, была неочевидной, так и о недостатке у них лексических средств, способных эту разницу отразить. В любом случае понятие *herschopp/herskap* следует признать, вероятно, наилучшим из возможных вариантов перевода обоих обозначений.

Сокращенные названия архивов

СПБIIИ — Научный архив С.-Петербургского института истории Российской академии наук, С.-Петербург, Россия

GStAPK OBA — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Ordensbriefarchiv, Берлин, Германия.

¹⁷ Здесь достаточно вспомнить обстоятельства московско-новгородского противостояния 1470-х гг., во время которого семантика этих обозначений, как применительно к Новгороду, так и к московскому великим князьям, играла очень существенную политико-идеологическую роль. См. об этом подробно: [Лукин 2023].

LVVA – Latvijas Valsts vēstures arhīvs, Рига, Латвия.

RA – Riksarkivet, Стокгольм, Швеция.

TLA – Tallinna Linnaarhiiv, Таллинн, Эстония.

Сокращенные названия летописных сводов

НПЛ мл. – Новгородская первая летопись младшего извода.

Библиография

Бачинский et al. 2018

Бачинский А. А., Ерусалимский К. Ю., Кочекская Н. А., Моисеев М. В., Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования, *Российская история*, 2, 2018, 111–129.

Гиппиус 1997

Гиппиус А. А., К истории сложения текста Новгородской первой летописи, *Новгородский исторический сборник*, 6 (16), 1997, 3–72.

ГВНП

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, Валк С. Н., ред., Москва, Ленинград, 1949.

Илиева 1985

Илиева И., Московские летописи от 70-те г. на XV век и формиране идеологията на самодържавието, *Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Исторически факултет*, 78, 1985, 137–187.

Исаева 2020

Исаева Т. Л., *Господин Великий Новгород: эволюция политической формулы в контексте войн и дипломатии Восточной Европы конца XIV–XV веков*, диссертация на соискание квалификационной степени магистра, С.-Петербург, 2020.

Каштанов 2003

Каштанов С. М., Институты государственной власти Великого Новгорода и Пскова в свете немецкой средневековой терминологии (предварительные заметки), *Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения*, Москва, 2003, 297–319.

Лукин 2015

Лукин П. В., Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г., *Slověne*, 4, 1, 2015, 253–265.

——— 2022

Лукин П. В., *Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя*, С.-Петербург, 2022.

——— 2023

Лукин П. В., «Господарь Великий Новгород» и московское летописание 70-х годов XV века, *Cahiers du monde russe*, 64, 3–4, 517–534.

ПСРЛ, 3

Полное собрание русских летописей, 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, 2000.

Сквайрс, Фердинанд 2002

Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н., *Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов*, Москва, 2002.

СлРЯ 11–17 вв., 15

Словарь русского языка XI–XVII вв., 15, Москва, 1989.

Успенский 2021

Успенский Б. А., «Господарь Великий Новгород»: происхождение названия, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 3 (85), 2021, 24–44.

Фасмер, 3

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, изд. 2-е, 3, Москва, 1987.

Хорошкевич 1966

Хорошкевич А. Л., *Русские грамоты 60-70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива*, в: *Археографический ежегодник за 1965 год*, Москва, 1966, 325–341.

Янин 1991

Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*, Москва, 1991.

Fornsvenska

Karp, Språkbanken (Fornsvenska) (<https://spraakbanken.gu.se/karp/>).

HR 1, IV

Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256–1430 (= Hanserecesse, Abt. 1), IV, Leipzig, 1877.

LECUB 1, VI

F. G. von Bunge (hrsg.), *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch*, Abt. 1, VI, von Bunge F. G., hrsg., Riga, 1873.

LECUB 1, XIII

Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, Abt. 1, XIII, Mahling M., Neitmann K., Thumser M., bearb., Köln, Weimar, Wien, 2018.

MHWB, I

Mittelniederdeutsches Handwörterbuch, Lasch A., Borchling C., hrsg., Cordes G., fortgef., Neumünster, 1956.

MHWB, II, 1

Mittelniederdeutsches Handwörterbuch, Lasch A., Borchling C., hrsg., Cordes G., fortgef., Möhn D., hrsg., Neumünster, 2004.

Noreen 1904

Noreen A., *Altshweidische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen*, Halle, 1904 (= Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte, VIII. Altnordische Grammatik, II).

RLU

Russisch-livländische Urkunden, Napiersky K. E., gesamm. (= *Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским*), С.-Петербург, 1868.

Schirren 1860

Schirren C., *Nachricht von Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmlich aus Schwedischen Archiven und Bibliotheken*, St. Petersburg, 1860.

ST, del. 3

Sverges traktater, delen 3 (1409–1520), Rydberg O. S., utg., Stockholm, 1895.

References

Bachinskiy A. A., Erusalimskiy K. Yu., Kochevskaya N. A., Moiseyev M. V., Diplomatic Correspondence of Ivan the Terrible: Problems of Authorship, Storage and Existence, *Rossiiskaia Istorija*, 2, 2018, 111–129.

Gippius A. A., К истории сложенія текста Новгородской первой летописи, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 6 (16), 1997, 3–72.

Ilieva I., Moskovskite letopisi ot 70-te g. na XV vek i formirane ideologijata na samodurzHAVIETO,

Godishnik na Sofijskiiia universitet "Kliment Okhridski". Istoricheski fakultet, 78, 1985, 137–187.

Kashtanov S. M., *Instituty gosudarstvennoi vlasti Velikogo Novgoroda i Pskova v svete nemetskoj srednevekovoi terminologii (predvaritel'nye zametki)*, *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: 2001 god: Istoricheskaia pamiat' i formy ee voploshcheniia*, Moscow, 2003, 297–319.

Khoroshkevich A. L., *Russkie gramoty 60-70-kh godov XV v. iz byvshego Rizhskogo gorodskogo arkhiva*, *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1965 god*, Moscow, 1966, 325–341.

Lukin P. V., *Strata of the Novgorod Population in the Opasnaia Gramota of 1472*, *Slověne*, 4, 1, 2015, 253–265.

Lukin P. V., *Novgorod i Venetsiia: sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniia respublikanskogo stroia*, St. Petersburg, 2022.

Lukin P. V., "Sovereign Novgorod the Great" and the Moscow Chronicle Compilation in the 1470s, *Cahiers du monde russe*, 64, 3–4, 517–534.

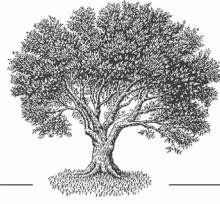
Skvairs E. R., Ferdinand S. N., *Ganza i Novgorod: Iazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov*, Moscow, 2002.

Uspenskij B. A., "The Lord Great Novgorod": The Origin of the Name, *Old Rus. The Questions of Middle Ages*, 3 (85), 2021, 24–44.

Yanin V. L., *Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentarii*, Moscow, 1991.

Павел Владимирович Лукин, доктор исторических наук,
 профессор Российской академии наук,
 главный научный сотрудник
 Центра по истории Древней Руси
 Института российской истории
 Российской академии наук
 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
 Россия / Russia
 lukinpavel@yandex.ru

Received July 7, 2022

К вопросу
о европейских
источниках перевода
Нового Завета
Епифания
Славинецкого и
Евфимия Чудовского
(1670–1680-е гг.):
греческие рукописи
и печатные издания

**Инна Вениаминовна
Вернер**

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

On the Question of
European Sources
for the Translation of
the New Testament
by Epiphany
Slavinetsky and
Evfimy Chudovsky
(1670s–1680s): Greek
Manuscripts and
Printed Editions

Inna V. Verner

Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Предметом исследования являются маргинальные пометы в греко-славянском Новом Завете ГИМ, *Син. греч. 473*, переведенном Епифанием Славинецким и в 1670–1680-е гг. исправленном Евфимием Чудовским. Эти пометы позволили уточнить происхождение греческих чтений, составляющих

Цитирование: Вернер И. В. К вопросу о европейских источниках перевода Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е гг.): греческие рукописи и печатные издания // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 97–126.

Citation: Verner I. V. (2023) On the Question of European sources for the Translation of the New Testament by Epiphanius Slavinetsky and Euthymius Chudovsky (1670–1680s): Greek Manuscripts and Printed Editions. *Slověne*, vol. 12, № 2, p. 97–126.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.05

критический аппарат рукописи. Установлено, что источником таких чтений являются две греческие рукописи Евангелия, привезенные с Афона в Москву Арсением Сухановым (ГИМ, *Син. греч. 274* и *Син. греч. 399*). В число печатных греческих изданий, использовавшихся в процессе исправления новозаветного текста Евфимием, входили Editio Regia Робера Этьенна 1550 г. и франкфуртское издание Септуагинты 1597 г. с уникальным справочным аппаратом, в котором представлены результаты колляции нескольких греческих печатных изданий и рукописей. Маргиналии Евфимия Чудовского совпадают с указанными во франкфуртской Септуагинте греческими разночтениями. Сопоставление чтений греческих источников со славянскими текстами Чудовского Нового Завета и Константинопольского Евангелия, также привлекавшимися для справки, позволило охарактеризовать методологию критики библейского текста Евфимием как научно-филологическую, учитывающую опыт западноевропейских библейских изданий XVII в.

Ключевые слова

Евфимий Чудовский, церковнославянские переводы с греческого, Новый Завет, Септуагинта, Франкфуртская Библия

Abstract

The article provides a textual analysis of the Rule of the Singing of the Psalter. The subject of the research is the marginal notes in the Greek-Slavonic New Testament (GIM, *Syn. Greek 473*), translated by Epiphany Slavinetzky and in the 1670–1680s corrected by Evfimiy Chudovsky. These notes allow us to clarify the origin of the Greek readings that form the critical apparatus of the manuscript. It was established that the source of such readings is two Greek manuscripts of the Gospel brought from Athos to Moscow by Arseny Sukhanov (GIM, *Syn. Greek 274* and *Syn. Greek 399*). The printed Greek editions used in the process of correcting the New Testament by Evfimiy included Robert Estienne's *Editio Regia* of 1550 and the Frankfurt edition of the Septuagint of 1597 with a unique reference apparatus, which presents the results of a collation of several Greek printed editions and manuscripts. The marginalia of Evfimiy Chudovsky coincide with the Greek readings indicated in the Frankfurt Septuagint. Comparison of the readings from Greek sources with the Church Slavonic texts of the Chudov New Testament and the Constantinople Gospel, also used during the correction, allows us to characterize Evfimiy's methodology of biblical text criticism as scholarly and philological, taking into account the experience of Western European biblical editions of the 17th century.

Keywords

Euthymius Chudovsky, Church Slavonic translations from Greek, New Testament, Septuaginta, Frankfurt Bible of 1597

1. Сведения об иноязычных источниках справки Нового Завета Перевод Нового Завета, выполненный Епифанием Славинецким до 1675 г. и позднее исправленный его учеником Евфимием Чудовским, дошел до нас в виде греческо-славянского параллельного текста (*Син. греч. 472* и *Син. греч. 473*) (далее НЗЕ)¹. В описании принадлежавших Евфимию Чудовскому книг, составленном им самим, рукопись Нового Завета в переводе Епифания была охарактеризована как *новый заветъ Гд а н: инса хр та, сирѣчь стѣе еѵ г ле. и дѣянїя и посланїя с ап лавъ, и Апокалѵпсѣь. рѣкописная превода и стяжана многом драгв мѣжа в философи и вгослови, Иеромонаха Епифанїа Славнецагв, рѣдомъ вѣлорѣца. Ёллински, славенски, и латїнски предоволна наказана, и велми вѣ газыцѣ снхъ искѣсна* (*Пог. 1963*, л. 122об.)². Перевод был выполнен в уже сложившейся к концу XVII в. в Европе традиции филологической критики библейского текста, предполагавшей привлечение широкого круга источников. Евфимий Чудовский для исправления перевода обращался к церковнославянским, греческим, латинским и польским текстам; помимо собственно библейских книг, широко использовались и святоотеческие сочинения (Афанасия Александрийского, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Дионисия Ареопагита и др.), на что указывают многочисленные пометы Евфимия на полях *Син. греч. 473*. Для Евфимия Чудовского безусловным авторитетом был также Максим Грек, отсылки к переводам которого нередко встречаются в тексте [Вернер 2021].

Перечень основных славянских и иноязычных источников справки известен нам прежде всего из предисловия к переводу Нового Завета, сохранившегося в единственном списке без греческого оригинала *Унд. 1291*, л. 7об.–18³. Этот список датируется первой третью XVIII в., а предисловие к нему было составлено, скорее всего, уже после завершения работы над справой [Исаченко 2002: 83; Eadem 2004: 795–830]. Повторяет информацию предисловия и записка из Архива Коллегии Иностранных дел, опубликованная митрополитом Евгением (Болховитиновым) в 1818–1827 гг. Из этих текстов следует, что основными

¹ Текстологический анализ в настоящей статье основан на двух из трех сохранившихся списков НЗЕ, представляющих собой греческо-церковнославянскую диглотту. Полное описание всех списков и исследование перевода, а также издание НЗЕ см. в: [Исаченко 2002, Eadem 2004, Eadem 2015, Пентковская 2016, Eadem 2017].

² По-видимому, на основании этой записи Евфимия Б. Л. Фонкич [2003б: 282] считал, что первоначальный перевод Епифания был греческо-славянско-латинской триглоттой. Однако перечисление языков в данной цитате характеризует владение ими Епифания Славинецкого и его «наказание», т. е. образование.

³ Текст предисловия издан в: [Исаченко 2004: 795–830].

славянскими источниками Евфимия были Чудовский Новый Завет 1355 г., Константинопольское Евангелие 1383 г., Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея в переводе Максима Грека 1524 г., Толкование Феофилакта Болгарского на Послания ап. Павла к Римлянам и 1-е к Коринфянам в переводе Епифания Славинецкого, а также напечатанные в Киеве в 1623–1624 гг. Беседы Иоанна Златоуста на Деяния и Послания апостольские [Исаченко 2015: 153–207, Пентковская 2016, 2017]. В описи книг Евфимия, приведенной следом за его духовным завещанием в библиографически-литературном сборнике XVII в., названо также *Євѣліє Печатное, Печатнаго двора кавычное, взятое ѿ стѣйшаго Іѡакіма Патріарха в крѣговой егво Патріаршѣй палатѣ для прочитанія* (Пог. 1963, л. 122об.)⁴.

Информация об иноязычных источниках перевода более скупа и различается в дошедших до нас рукописях. В предисловии к НЗЕ говорится, что в 1674 г. Епифаний Славинецкий получил благословление переводить Ветхий и Новый Завет *съ книгъ греческихъ, самыхъ седмдесятны^x преведенїа, въ франкофѣртѣ печатаныхъ в дестъ лѣта. ~~ѡ~~х. и съ дрѡгї^x въ ЛОНДІНИ печатаныхъ лѣта ~~ѡ~~. и иныа изданїа лѣта ~~ѡ~~ѢѢз.* (Унд. 1291, л. 5). В записке Коллегии Иностранных дел указаны иные даты первых двух изданий: «преводити Библию всю вновь, Ветхий и Новый Завет, ему Иеромонаху Епифанию Славинецкому с книг Греческих самых седмдесятых преведения, в Франкфорте печатных в дестъ лета 1597, и с других в Лондини печатанных лета 1600, и иныа издания лета 1587» [Евгений 1995: 107]. Кроме того, те же самые издания перечислены в составленной в 1705 г. описи книг Евфимия, переданных после его смерти в ризную казну и библиотеку: *да греческихъ кнїгъ Библіа в дестъ, ѡтны^x превѡдниквѣ печатаная въ франгофѣртѣ дрѡгая библіа Греческая же в поддестъ печатаная в Лондіні* (Пог. 1963, л. 179).

Во всех случаях указаны два издания Септуагинты: франкфуртское издание 1597 г. (1600 г. в Унд. 1291, вероятно, ошибочно) и лондонское издание 1600 г., а в первых двух источниках и еще какое-то «иное» издание 1587 г. Из этих трех книг однозначно атрибутирован лишь франкфуртский текст 1597 г. — как издание Жана Обри и Клода де Марна, вышедшее в типографии Андрея Вегелия [Thomson 1998: 690–691]. Формат этого издания in folio совпадает с указанным в описи книг Евфимия форматом франкфуртской книги «в дестъ»⁵. Издание 1587 г. Ф. Томсон идентифицировал как напечатанную в Риме Вульгату

⁴ Этот фрагмент текста воспроизведен в: [Исаченко 2015: 158].

⁵ В 1600 г. во Франкфурте вышло еще одно издание Ж. Обри и К. де Марна — греческий Новый Завет, воспроизводивший первое издание Р. Этьенна (Стефана) 1546 г., однако формат его был иным, в 160 [Darlow, Moule 1911: 600].

(Sixtina Romana)⁶, однако она содержала лишь Ветхий Завет и вряд ли могла числиться среди основных источников евангельского перевода. Предположения о лондонском издании 1600 г. противоречивы: как полагает Ф. Томсон, им могла быть полиглотта Уолтона 1654–1657 гг.⁷; по мнению Т. А. Исаченко [2002: 80], речь может идти об эльзевировском издании греческого Нового Завета 1624 г.⁸ либо об одном из трех переизданий английской Женевской Библии 1557 г., напечатанных в Лондоне в 1600 г. Робертом Баркером и Кристофером Баркером⁹. Все эти предположения не имеют под собой достаточных оснований, оставляя вопрос об идентификации указанных изданий 1587 г. и 1600 г. открытым.

В тех же двух источниках (*Унд. 1291* и изданной записке Архива Коллегии Иностранных дел) далее говорится, что Ветхий Завет переведен не был из-за смерти Епифания Славинецкого в 1675 г., а перевод Нового Завета «начисто не прочтется и не исправится преводником Иеромонахом Евфимием, яко зрится zde, с многих древних книг рукописных и печатных»¹⁰ [Евгений 1995: 108]. Первой из этих древних книг назван греческий пергаменный текст, написанный «прежде пятого Селенского Синода за два лета, яко показывает подпись в книге оной, яже книга хранима есть в книгоположнице у книг Печатного Дела» [Ibid.]. Об идентификации этой рукописи, а также иных рукописных греческих источников см. далее.

⁶ Η ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΘΗΚΗ ΚΑΤΑ ΤΟΥΣ ΕΒΔΟΜΗΚΟΝΤΑ ΔΙ ΑΥΘΕΝΤΙΑΣ ΕΥΣΤΟΥ Ε΄ ΑΚΡΟΥ ΑΡΧΙΕΡΕΩΣ ΕΚΔΟΘΕΙΣΑ. VETVS TESTAMENTVM IVXTA SEPTVAGINTA EX AVSTORITATE SIXTI V. PONT. MAX. EDITVM ROMAE EX TYPOGRAPHIA FRANCISCI ZANETTI. M.D.LXXXVII CVM PRIVILEGIO GEORGIO FERRARIO CONCESSO.

⁷ В полиглотте Уолтона воспроизводится 2-е издание Р. Этьенна с разночтениями из Александрийского кодекса и 15 других рукописей, а также латинская, эфиопская, сирийская, арабская и персидская версии: Biblia sacra polyglotta, complectentia textus originales, Hebraicum, cum Pentateucho Samaritano, Chaldaicum, Graecum. Versionumque antiquarum, Samaritanae, Graecae 72 interp. Chaldaicae, Syriacae, Arabicae, Aethiopiae, Persicae, vulg. Lat. Quicquid comparari poterat. Cum textuum, & versionum Orientalium translationibus Latinis ... Cum apparatu, appendicibus, tabulis, variis lectionibus, annotationibus, indicibus, & c. Opus totum in sex tomos tributum. Edidit Brianus Waltonus.

⁸ Η ΚΑΙΝΕ ΔΙΑΘΗΚΗ. Novum Testamentum, ex regis aliisque optimis editionibus cum cura expressum. Lugduni Batavorum, Ex Officina Elzeviriana. MDCXXIV.

⁹ Английские издания 1600 г.: The Bible . . . With . . . Annotations . . . And . . . Concordance . . . Imprinted at London by Robert Barker . . . 1600, форматом в 40; The New Testament of our Saviour Iesus Christ, Faithfully translated out of the Greeke, with the Notes and expositions of the darke places therein. Matthew. 18. The pearle . . . Imprinted by the Deputy of Christopher Barker Printer to the Queenes most excellent Maestie, форматом в 80; The Bible, that is, the Holy Scriptres . . . Imprinted at London, by the Deputies of Christopher Barker, Printer to the Queenes most excellent Maestie. Anno Dom. 1600. Cum privilegio, форматом в 80 [Darlow, Moule 1903: 118].

¹⁰ В позднем списке РГБ, *Унд. 1291*, л. 60б. соответствующее место читается с изменениями: **точіо новыи завѣтъъ преведеса и исправнаса.**

Помимо указанных в предисловии греческих текстов, Евфимий обращался также к польской Библии Я. Вуйка 1593 г., с которой переведены краткие содержания (аргументы или суммы) глав Апостола и Апокалипсиса [Пентковская 2016]. Обращение к этому тексту маркировано в церковнославянском переводе пометами **вѣи(ко)**; на полях выписаны также и некоторые польские чтения. С польскими источниками связаны и несколько дополнительных текстов в составе НЗЕ [Пентковская 2019].

Упомянутыми изданиями, разумеется, не исчерпываются все доступные чудовским справщикам библейские источники. Сохранившиеся в фондах Библиотеки Московской Синодальной типографии (РГАДА, ф. БМСТ/ин) книги подтверждают констатацию Б. Л. Фонкича [2003: 190] о том, что Печатный двор в 50–70-х годах XVII в. располагал достаточным количеством западноевропейских изданий, греческих и греко-латинских, привлекавшихся справщиками для работы. Сведения об этом имеются в архивных документах Приказа книг печатного дела, в рукописных описях Книгохранительной палаты XVII–XVIII вв. и в описании иностранных книг БМСТ [Покровский 1912]. Так, архивными документами подтверждается наличие на Печатном дворе упомянутой выше полиглотты Уолтона 1654–1657 гг.¹¹, нескольких греко-латинских изданий Нового Завета (в переводах Эразма Роттердамского и Т. Безы, в том числе с комментариями), нескольких разных изданий греческих библий XVI–XVII в. Не все из указанных в описях книг можно отождествить с сохранившимися экземплярами, часть книг недоступна по причине плохой сохранности, часть книг утрачена. К примеру, нам не удалось найти в фондах БМСТ упомянутый А. А. Покровским [1912: 126] экземпляр греческого Нового Завета 1564 г. в издании И. Криспина с пометой о принадлежности «монаху Евфимию». Эльзевировское издание греческого Нового Завета 1633 г.¹², которое могло быть указа-

¹¹ В делах Архива Приказа книг печатного дела (РГАДА, ф. 1182) под 1680 г. есть следующая запись о покупке полиглотты Уолтона: «18го марта въ 15 день куплена книга Библия печатная в переплете аглецкомъ в лосине коришневои в правильно Кружевного ряду у торгового человека у Михаила Остафьева во шти переплетях на еврейском, сирском, халдеискомъ, арапскомъ, ефиопскомъ, елинскомъ и латинскомъ языках. Да против тех же языков толковано латинским языкомъ всех трех на десяти Библии. В первой книге предисловия различных языков и азбуки четьрнаццати языков, да описание или чертеж Палестины, или Земли Святыя и церкви Иерусалимския старозаконные, да в ней же пять книг Моисеевых. Во второй книге от книг Иисуса Навина по книги святого Иова. В третьей книге от книг Иевлевых по книги вторые Ездры. В четвертой книге двои книги Ездры, книга Товии, Иудифь, премудрости Соломони, Иисуса Сирахова, Новый Завет. В шестой книге разности во всей Библии всех языков. А дана сия Библия во шти переплетях лосиныхъ пятьдесят рублевъ» [Поздеева, Дадькин, Пушкин 2011: 245–246].

¹² Эльзевировский Новый Завет был напечатан в Лондоне в 1633 г. форматом в 80 [Darlow, Moule 1911: 607], поэтому идентификация указанного в описях издания возможна и по дате выхода, и по формату книги.

но в составленной Евфимием описи книг, поступивших в Патриаршую ризную казну в 1675 г. как «Евангелие Греческое, новый тестамент, в осьмушку» [Ундольский 1847: 5], а в описи книг Патриаршей ризницы 1718 г. обозначено как «Евѣнгліе греческое печатное в осмушку 1633 го^а и того 84 лѣта» [Петровский 1894: 15], также отсутствует среди сохранившихся книг Синодальной библиотеки. Нет среди них и франкфуртского издания Септуагинты 1597 г.

Настоящее исследование основано на изучении греческих глосс и помет к ним на полях *Син. греч. 473* и *Син. греч. 472*, что позволяет уточнить как методы критической работы с источниками, так и некоторые из оставшихся неназванными текстов. Довольно большое количество маргинальных помет указывает на наличие или отсутствие какого-либо чтения в греческом тексте или в определенной группе текстов, а также вводит греческое разночтение: *не во всѣхъ, в нѣкиихъ, въ иныхъ, нѣтъ ста^а грѣ^а* и др. Очевидно, что речь идет о «старых», т. е. рукописных греческих, и «новых» печатных текстах. Об использовании рукописных и печатных греческих текстов прямо свидетельствует маргинальная глосса к Ин 6:50 в *Син. греч. 472*: *καὶ ἐξεδίβη πέ^α· ἢ πη^α*. В этом же списке на л. 184об. перед текстом Евангелия от Иоанна присутствует вклейка с перечнем исправлений в главах 1–19 и указаниями *справити, лишнее изъяти, вписати, пропушено во* и т. п.¹³ Текст написан мельчайшим почерком рукой Евфимия и сопровождается обоснованиями исправлений, т. е. ссылками на разные источники, среди которых, помимо славянских рукописей, латинского и польского текстов, названа и некая греческая чудовская рукопись.

2. Рукописные греческие источники НЗЕ

Из сохранившихся греческих рукописей, которые в разной степени использовались Евфимием в работе [Фонкич 2003: 172], непосредственное отношение к правке Нового Завета имеет Четвероевангелие XIV в. *Син. греч. 274* (19) [Владимир 1894: 20–22]¹⁴. Архимандрит Владимир в описании *Син. греч. 473* указал, что в ней «греческий текст Евангелий списан по правленной греческой рукописи, под № 19, без поправок» [Владимир 1894: 31]. Однако это утверждение требует существенных корректив.

¹³ Подобная вклейка имеется и перед текстом Евангелия от Матфея на л. 12об. Перечень исправлений и фотокопия обеих вклеек приведены в: [Исаченко 2015: 181–187].

¹⁴ По предположению Б. Л. Фонкича [2003а: 137], рукопись была привезена Арсением Сухановым с Афона. Однако помет о принадлежности какому-либо афонскому монастырю в ней не содержится.

Син. греч. 274 содержит в себе очевидные указания на активное использование в процессе подготовки Нового Завета Епифания и Евфимия. В рукописи множество киноварных помет и глосс на полях, принадлежащих руке Евфимия Чудовского. На полях текста киноварью славянским писцом по-гречески вписаны номера зачал, а также арабскими цифрами или кириллицей — евангельских глав (непоследовательно). В рукописи есть чистые листы с пометами о лакунах текста: на л. 19об. вклеена помета **три листа вкленити**, после чего следуют два пустых листа, на л. 21 сверху приписано *Incipit Cap. XIII, v. 55*, а на вклейке отмечено: **нѣтѣ вѣ главы до нѣ стїхѣ**; на л. 157об. вклейка с текстом: **лїстѣ єдинѣ вкленїти вѣлой**, а после пустого л. 158 на л. 159 еще одна вклейка: **нѣтѣ, зї, главы оѣ [...] до, нї, главы, [...]**. В нескольких местах мельчайшим почерком киноварью и чернилами вписан славянский перевод: под шестью верхними строками на л. 17 (Мф 10:40–42), подстрочный текст на л. 118–118об. (Лк 20:39–21:20), славянский текст на полях л. 128–128об. (Ин 1:14–27), фрагментарный подстрочный текст на л. 153 (Ин 13:34–14:1). В некоторых случаях отмечены (но не вписаны) пропуски текста: например, на л. 108 в Лк 14:17 *καὶ ἀπέστειλεν τὸν δοῦλον αὐτοῦ τῆ ὄρᾳ* отсутствует *τὸν δοῦλον αὐτοῦ*, но поверх строки стоит лишь малозаметная помета чернилами о лакуне фрагмента. На л. 2–7 находится запись: «изъ Свнодальной Библіотеки а подписано по приказанію Святѣишаго Свнода»; эта запись продолжается на л. 186–188: «Свнодалнаго дому іеродїакономъ Гедешном 1775 году маїа». Такая же запись есть в *Син. греч. 473* и *472*.

По-видимому, эта рукопись использовалась чудовскими справщиками с самого начала работы над переводом Нового Завета. Об этом можно судить исходя из славянского текста, вписанного киноварью убористым мелким почерком с большим количеством лигатур на полях л. 128–128об. и построчно соответствующего размещенному на этих листах греческому тексту Ин 1:1–27 (см. ниже). Орфография текста свидетельствует о том, что он писался не великорусским писцом: на это указывает написание редуцированного ер после плавного в корне на южнославянский манер, употребление ера в приставках **вѣ-** и **вѣз-**, написание графемы **а** вместо **ѡ** после гласного, неупорядоченное употребление **о** и **ѡ**, характерное для киевских изданий (а также и переведенных Епифанием Славинецким текстов) написание **свѣдѣтель** и его производных вместо **свидѣтель** [ср. Николенкова 2019].

Текст имеет несколько разночтений в сравнении с Библией 1663 г.: пропущен глагол **выти** в **да** и **область чадѡ вѣїи** [**выти**] **вѣрѣюци** (Ин 1:12); **їудее** вместо **жїдове** (Ин 1:19), **не ѡвѣрже** вместо **не ѡвѣрже-са** (Ин 1:20), **кто ѡво ѡлїа** **єси ты** вместо **что ѡво** (Ин 1:21), **пѣркѣ ли**

еси ты вместо прѣркъ ли еси (Ин 1:21), пославшии^М на^С вместо пославшии^М ны (Ин 1:22), пропущено прилагательное гднь в пѣть гднь (Ин 1:23). Чтение вола¹⁵ вместо похоть (греч. θέλμα) (Ин 1:13) очевидно указывает на польское влияние, ср. в Библии Вуйка 1599 г.: *áni z woléy ciałá áni z woléy meżá*. Подобного чтения вола/вола нет в московских изданиях Евангелий первой половины XVII в., а также в виленских и львовских изданиях. Очевидно, что текст написан книжником, начитанным в текстах киевской традиции и хорошо знакомым с польскими текстами. Исходя из пропусков и замен в тексте, можно предположить, что текст писался по памяти и с опорой на греческий оригинал. Однозначно утверждать принадлежность текста руке Епифания или Евфимия затруднительно ввиду изобилия лигатурных написаний и выносных букв в очень сжатом тексте на полях. Возможно, славянский перевод был вписан в греческий текст еще в 1650-х гг., что могло бы объяснять киевскую орфографию писца: Епифаний Славинецкий приехал в Москву в 1649 г., Евфимий Чудовский работал справщиком на Печатном дворе с 1652 г. Как бы то ни было, в финальном варианте правленного Евфимием НЗЕ, который существенно отличается от маргинального текста в *Син. греч. 274*, обращает на себя внимание компромиссный перевод греч. θέλμα (θελήματος σαρκός и θελήματος ἀνδρός) как хоть, что учитывает, с одной стороны, семантику греч. лексемы θέλμα и перевода вола/вола из *Син. греч. 274*, и форму стандартной лексемы похоть¹⁶, с другой. Не исключено, что маргинальный текст представляет собой фрагмент изначального перевода Епифания Славинецкого.

ГИМ, *Син. греч. 274*, л. 128–128об.

Въ на^Ллѣ бѣ^С слово. и слово бѣ^С къ бѣ^С. и бѣ^С бѣ^С слово: се бѣ^С иско^Н к бѣ^С. вса тѣ^М бы^Ш. и бѣ^А не ничто* бы^С е*^С бы^С: въ то^М живо^Т бѣ^С. и живо^Т бѣ^С свѣ^Т члкъ^М: и свѣ^Т во тмѣ свѣ^Ттитъ. и тма^С е^С не обья^Т: бы^С члкъ посла^Н ѿ ба, има^С ем^С ѿ: сѣ^С приде въ свѣ^Тство. да свѣ^Тствѣ^Т о свѣ^Т, да вси вѣ^Р ѿм^Т ем^С: не бѣ^С тѣ^С свѣ^Т, но да свѣ^Тствѣ^Т

ГИМ, *Син. греч. 473*, л. 116–116об.

Въ началѣ бѣ^С слово, и слово бѣ^С къ бѣ^С, и бѣ^С бѣ^С слово. сѣ^С бѣ^С в началѣ къ бѣ^С. вса чре^С тогѡ^С быша: и ве^С тогѡ^С бысть ниже единого, еже бысть. в томъ жизнь бѣ^С, и жизнь бѣ^С свѣ^Т члкъвъ. и свѣ^Т въ тмѣ свѣ^Ттитъ, и тма^С тогѡ^С не ѡбѣ^Т. Бысть члкъ посланъ ѿ бѣ^С, има^С ем^С ѿ ѿаннъ. Сѣ^С приде во свидѣ^Тство, да свидѣ^Тствѣ^Т ѡ свѣ^Т, да вси ѡвѣ^Рютъ чре^С тогѡ^С. не бѣ^С онъ свѣ^Т,

¹⁵ Флексия -а читается в одном случае из двух, так как во втором случае словоформа вола/вола написана с выносной буквой л без окончания, стоит на затертом от времени месте на нижнем поле листа и очень плохо читается.

¹⁶ В славянском евангельском тексте лишь чтение из Ин 1:13 передает θέλμα как похоть. Во всех остальных случаях θέλμα не имеет этой коннотации и переводится как вола.

о свѣтѣ: бѣ свѣтъ истинный и просвѣщае
 вско члка граца въ ми: въ мирѣ
 бѣ. и ми тѣ бы. и ми е не позна:
 въ своа приа, и своа не приа.
 Ели же приа, да и ѿбласть чадѣ
 вѣи вѣрющѣм во и: и не ѿ
 крове, ни ѿ вола плоскыа. ни во
 мѣскыа. но ѿ ба роаша: и сло пл
 бы, и всели въ ны: и виаху славу е,
 славу а енордна ѿ оца исплн
 благодти и истинны: ѿ свѣтѣствѣ о
 не и вова гла: съ бѣ его рѣ, и по
 мнѣ грады: прѣ мною бы. а
 прѣвѣе ме бѣ: и ѿ исполна е мы
 вси приаху и блгтъ вѣблгтъ: а
 зако мосеѣ да бы. блгтъ же и
 истина иу хмъ бы: ба никто ви
 нигда. едирон снъ сѣ в лон очн, тѣ
 исповѣда. и сѣ е свѣтѣство иванно,
 егда посла идѣе ѿ иерліма іереа и
 левіты да въпроса е, ты кто еси. и
 исповѣ, и не ѿверже и исповѣ, а
 нѣсмь а хс. и въпрси е. кто збо ила
 еси ты; и гла нѣсмь. прр ли еси тѣ;
 и ѿвѣща, ни. рѣ же е мѣ, кто еси, да
 ѿвѣтѣ дамы пославшн на. что
 глѣши о тѣвѣ само. рѣ, а гла въпшо
 въ пѣсты исправи пѣ такъ рѣ исаіа
 прркъ. и посланн вѣхѣ ѿ фарісен. и
 въпрси е, и рѣ ем. что збо крщае а
 ты нѣси хс. ни ила, ни пррокъ.
 ѿвѣща и іва гла. а крщаю вою.
 посрѣ же ва стон его вы не вѣсте.
 тѣ е по мн

но да свидѣтельствѣетъ ѿ свѣтѣ. Бѣ свѣтъ
 истинный. иже просвѣщае всякаго члка
 градѣцаго в міръ. в міръ бѣ, и міръ чрезъ того
 бысть, и міръ того не позна. во своа прїиде, и
 своа его не прїяша. елици же прїяша его, даде
 имъ власть чада вѣиа быти, вѣрющымъ во
 йма его. иже не и кровей, ниже и хоти
 плотскіа, ниже и хоти мужескія. но и бга
 родишася. и слово плоть бысть, и вселиса в
 ны, и видѣхомъ славу его, славу іакѣ
 еднороднаго ѿ ѿца, исполн блгодати и
 истинны. Іваннъ свидѣтельствѣетъ ѿ немъ: и
 возва гла: сѣй бѣ егоже рѣхъ. иже по мнѣ
 грядый, прѣ мною бысть: іакъ первый менѣ бѣ.
 и ѿ полноты его мы вси прїахомъ. и блгтъ
 мѣсто блгодати. іакъ законъ чрезъ мосеа
 даде са. блгтъ и истина чрезъ ииса ха бысть. Бга
 никтоже видѣ когда: еднородный снъ, сый в
 нѣдрѣ ѿца, онъ исповѣда. и сѣ естъ
 свидѣтельство иванново, егда послаша идѣе и
 іеросоимвѣ іерен и левіты, да въпросатъ его:
 ты кто еси; и исповѣда, и не ѿречеся. и
 исповѣда, іакъ не есмь азъ хс. И въпрсиша
 его: что збо; Ила ли еси ты; и глетъ: не есмь.
 Пррокъ ли еси ты; и ѿвѣща: ни. рѣша збо
 емъ: кто еси, да ѿвѣтѣ дамы пославшымъ ны;
 что глѣши ѿ тѣвѣ самомъ; рече: азъ гласъ
 вопіющаго в пѣстыни. исправите пѣтъ гднъ,
 іакже рече исаіа прркъ. и посланн влхѣ ѿ
 фарисей. и въпрсиша его, и рѣша емъ: что
 збо крщаешн, аще ты не еси хс, ниже ила,
 ниже прркъ; ѿвѣща имъ іваннъ, гла. азъ
 крщаю зъ водою: средѣ же васъ стоить. егоже
 вы не вѣсте. той естъ градѣцый

Син. греч. 274 на полях имеет большое количество киноварных глосс, часть из них написана рукой Евфимия Чудовского, часть сопровождается пометой *хар. греч.* В двух случаях отмечена древность греческой пергаменной рукописи — источника глосс: на наклейке на л. 39 дописано окончание стиха Мф 25:30 с пометой *ха^р: греч:* на полѣ приписано значительное количество глосс; на л. 108 по нижнему полю также вписан греческий текст

Лк 14:24 с пометой χαρ: греч: в полѣ приписано, обаче тожѣ писмѣ старинное. Однако многие глоссы в *Син. греч. 274* вписаны и без каких-либо указаний на источник.

Таким образом, маргинальные киноварные глоссы свидетельствуют, что греческий текст *Син. греч. 274* активно правился и сверялся с каким-то древним «харатейным» текстом. С ним нельзя отождествить ни одну из отмеченных Б. Л. Фонкичем [2003: 172] греческих рукописей Синодального собрания ГИМ, использовавшихся Евфимием. Однако в описи книг Книгохранительной палаты по списку 1679 г. [Ibid.: 191–199] среди книг, переданных на Печатный двор, указано *евѣнгліе писменное харатейное старое а какъ писано томъ дарке лѣтъ* (РГБ, ф. 344, № 232, л. 13). Названная здесь дата (1125 лет до даты составления описи в 1677 г., т. е. 552 г.) совпадает с той, что указана для пергаменной рукописи в цитированном выше предисловии к переводу НЗЕ («за два года до пятого Вселенского собора»). Судьбу этой рукописи можно проследить и по более поздним описям греческих рукописей. В каталоге Типографской библиотеки 1718 г. числится «Евѣнгліе греческое старое в четверть а писанъ в лѣто миразданія 6000 тому 1167 лѣтъ» [Петровский 1894: 59]. В описи рукописей Типографской библиотеки 1725 г. оно указано как «Евангелие греческое писанное харатейное тому 1167 лѣтъ»¹⁷ [Покровский 1916: 135].

Издатель описи 1725 г. А. А. Покровский предположил, что под этим манускриптом скрывается рукопись ГИМ, *Син. греч. 9 (399)* [Владимир 1894: 9–11]. *Син. греч. 399* — Евангелие-тетр, разделенное на главы согласно Александрийскому кодексу (список глав предшествует каждому из четырех Евангелий), на полях также указаны Аммониевы главы. Рукопись состоит из двух разновременных частей: первая часть (л. 1–179об.) датируется рубежом IX–X вв., вторая (л. 180–220) — XIV в. [Фонкич, Поляков 1993: 24]¹⁸. Манускрипт был привезен в Россию Арсением Сухановым, как свидетельствует помета *арсенин* на нижнем поле л. 1. Ранее рукопись принадлежала монастырю Ватопед на Афоне: на верхнем поле л. 2 имеется запись τῆ βατοπαίδις¹⁹. По правым полям

¹⁷ В рукописи из архива Московской Синодальной Типографии, по которой издан текст описи 1725 г., содержится также «реестр ... греческих харатейных книг», почти буквально совпадающий с каталогом 1718 г. В этом реестре запись о старом пергаменном греческом Евангелии выглядит так: «Евангелие греческое харатейное старое въ четверть, а какъ писано тому 1147 лѣтъ полъ 207 лѣтъ» [Покровский 1916: 137].

¹⁸ Датировка арх. Владимира была несколько более ранней: VII и XII вв. К VIII в. рукопись была отнесена Х. Ф. Маттеи [Matthaei 1785: 265–271], см. там же подробное описание рукописи.

¹⁹ Эта помета, как установил Б. Л. Фонкич [2003а: 131], сделана рукой проигумена Ватопеда иеромонаха Максима.

листов рукописи идет подпись-скрепа дьяка Ивана Арбенева (точно так же подписана и опись книг Книгохранительной палаты в списке 1679 г. из РГБ, ф. 344, № 232)²⁰. На л. 220об. сделана запись: **Сна кнѣга великого гдѣа Казеннаа, прика^з кни^опеча^тнаго дѣла книгохранителем по^аписана во рѣни годѣ** (под 188 г. имеется в виду 7188 г., т. е. 1680 г.)

Архимандрит Владимир, описавший содержание рукописи и отметивший в ней греческие записи и приведенную выше запись по-русски, тем не менее не упоминает именно ту запись, на основании которой все описатели рукописей Синодальной библиотеки XVII–XVIII вв. относили этот манускрипт к VI в.²¹ Между тем такая запись, сообщающая о создании текста (антиграфа *Син. греч. 399*) в 6058 г. от сотворения мира (550 г.), была приведена в подробном исследовании Х. Ф. Маттеи: ἐγράφη δὲ ἔτους κτήσεως (sic) κόσμου ἑξακισχιλιοσῶ πεντηκοσῶ ὀγδόω ἐντιχθιδῶνος (sic) τρισκαδεκάτης [Matthei 1785: 269]. Более поздней рукой было добавлено: ἔτους ςῶ η̄. Маттеи указывал на наличие этой записи после текста Евангелия от Иоанна на л. 224, которого в современной пагинации рукописи *Син. греч. 399* не существует: 21-я глава Евангелия от Иоанна кончается в рукописи на 9-м стихе. Исходя из того, что Маттеи читал русскую запись 1680 г. на л. 225об., т. е. в нынешней пагинации 220об., следует полагать, что за более чем сто лет, разделяющих описания Маттеи и арх. Владимира, предшествующий лист был утрачен: сохранность этой рукописи оставляет желать лучшего, многие листы ветхи и отделены от переплета. Утрата коснулась не только листа с греческой записью: нами было отмечено также отсутствие листов между нынешними л. 15 и 16, 21 и 22, 48 и 49.

Еще одним неожиданным доказательством изначального существования этой записи в *Син. греч. 399*, подтверждающим, что рукопись и есть тот самый древний пергаменный текст, о котором говорится в *Унд. 1291* и записке Архива Коллегии Иностранных дел как об источнике НЗЕ, стала копия этой записи, обнаруженная в *Син. греч. 274*²². На л. 164об., после текста Евангелия от Иоанна, поздним и довольно неисккусным почерком, отличным от почерка писца Евангелия, написано: ἐγράφη ἔτους κτήσεως κόσμου ἑξακισχιλιοσῶ πεντηκοσῶ ὀγδόω. ἰνδικτιονος

²⁰ Скрепой Ивана Арбенева отмечены многие книги и рукописи Книгохранительной палаты в 1670–1680-е гг. Иван Васильев сын Арбенева стал дьяком Приказа книг печатного дела в 1678 г. и занимал эту должность до 1689 г., как следует из архивных документов Приказа [Поздеева, Дадыкин, Пушкин 2011: 44–45].

²¹ Нет упоминаний об этой записи и в трудах Саввы (Тихомирова) [Савва 1863] и Афанасия Скиады [Скиада 1723].

²² Мы нашли упоминание об этой записи также у Х. Ф. Маттеи в описании Cod. p (*Син. греч. 274*), с указанием на Cod. V (*Син. греч. 399*) [Matthaei 1785: 264].

торые из принятых (1) и отвергнутых исправлений (2) (скобки в греческом тексте *Син. греч. 274* обозначены киноварью).

(1)

Лк 5:30 μετὰ (τῶν) τελωνῶν, на полях **χα^ρ**: гр. οὐκ ἐστίν. (л. 88). *Син. греч. 473* μετὰ τελωνῶν.

Лк 20:35 ἀναστάσεως τῶν νεκρῶν, на полях **χα^ρ**: гр. τῆς ἐκ νεκρῶν (л. 117об). *Син. греч. 473* τῆς ἐκ νεκρῶν.

Лк 9:27 τῶν ὧδε ἐστηκότων, на полях **χα^ρ**: гр. ἐστώτων (л. 97), *Син. греч. 473* ἐστώτων.

Лк 7:12 καὶ αὐτὴ χήρα, на полях **χα^ρ**: гр. καὶ αὐτὴ ἦν χήρα (л. 91об), *Син. греч. 473* καὶ αὐτὴ ἦν χήρα

Ин 7:3 τὰ ἔργα ἃ ποιᾶς, на полях **χα^ρ**: гр. ἃ σου (л. 139об), *Син. греч. 473* τὰ ἔργα σου ἃ ποιεῖς

Ин 4:5 τοῦ χωρίου οὗ ἔδωκεν, на полях **χα^ρ**: гр. ὃ (л. 132об), *Син. греч. 473* τοῦ χωρίου ὃ ἔδωκεν

(2)

Ин 6:15 ἀνεχώρησε (πάλιν), на полях οὐκ ἐστίν **χα^ρ**: гр. (л. 137). *Син. греч. 473* ἀνεχώρησε πάλιν.

Лк 7:36 τις αὐτὸν τῶν φαρισαίων, на полях *ἰουδαίων* **χα^ρ**: гр. (л. 92об). *Син. греч. 473* τῶν φαρισαίων.

Лк 17:27 ἐξεγαμίζοντο, на полях ἐγαμίζοντο **χα^ρ**: гр. (л. 112об). *Син. греч. 473* ἐξεγαμίζοντο.

Мф. 27:64 ἐλθόντες οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ νυκτὸς, на полях νυκτὸς: οὐκ ἐστίν **χα^ρ** (л. 45). *Син. греч. 473* ἐλθόντες οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ νυκτὸς.

Ин 12:2 ἀνακειμένων (σὺν αὐτῷ), на полях **χα^ρ**: гр. οὐκ ἐστίν (л. 149об). *Син. греч. 473* ἀνακειμένων σὺν αὐτῷ.

Мк. 1:30 ἡ δὲ πενθερὰ τοῦ Σίμωνος, на полях **χα^ρ**: гр. οὐκ ἐστίν: τοῦ (л. 49). *Син. греч. 473* ἡ δὲ πενθερὰ Σίμωνος.

Количество маргинальных глосс в *Син. греч. 274* довольно велико, текст сверялся с *Син. греч. 399* последовательно и целиком. Внесенные на поля *Син. греч. 274* чтения древнего текста не предназначались для механического перенесения в греческий текст диглотты, они лишь фиксируют разночтения для дальнейшей работы с текстом. Возможно, *Син. греч. 274* и не была непосредственным источником для подготовки НЗЕ: лакуны ее текста остались не восполненными, хотя они и отмечены Евфимием. Вклеенные чистые листы на месте пропусков также остались пустыми, что может указывать либо на изменение первоначальных планов использовать *Син. греч. 274* как основной источник греческого текста НЗЕ, либо на существование иного рабочего списка, для которого *Син. греч. 274* был промежуточным. Так или иначе, эта рукопись

непосредственно отражает этап подготовки греческого текста — этап коллации немногочисленных рукописных греческих списков, бывших в распоряжении чудовских книжников. *Син. греч. 274* и *Син. греч. 399* были основными привлекавшимися для справки списками, тогда как иные доступные переводчикам греческие рукописи использовались, по-видимому, весьма редко и фрагментарно.

Об иных греческих библейских рукописях, привлекавшихся к работе над справой НЗЕ, нам известно немного. Б. Л. Фонкич называет среди них пергаменное четвероевангелие с толкованием Евфимия Зигабена XII в. (*Син. греч. 220*) и Евангелие от Матфея и Луки с толкованием Феофилакта Болгарского XIV в. (*Син. греч. 388*). В этих рукописях отсутствуют пометы справщиков XVII в., хотя в последней имеется запись о взятии рукописи с Патриаршего двора «для правления» [Фонкич 2003: 172; Владимир 1894: 82–83], а в *Син. греч. 220* почерком XVII в. киноварью размечены главы и зачала в Евангелии от Матфея и Марка (до зачала 33) [Владимир 1894: 80].

В процессе подготовки греческого текста приведенные на полях *Син. греч. 274* чтения древней пергаменной рукописи не были безусловно предпочтительными для справщиков: принимались во внимание данные нескольких рукописных и печатных источников. Как мы покажем далее, в тех случаях, когда чтения *Син. греч. 274* совпадают с чтениями печатного источника, именно последний, как следует из глосс в НЗЕ, выступает в качестве авторитетного.

3. Печатные греческие источники НЗЕ: Editio Regia 1550 г.

Значимыми для идентификации печатных текстов-источников в *Син. греч. 473*²³ являются глоссы с пометами *reg(ius)*, а также *all.*, т. е. *alius* или *alii* «другие» (последняя помета также пишется по-гречески как *ἄλλ.*, т. е. *ἄλλοι*). За пометой *reg(ius)* могло скрываться несколько изданий. Во-первых, название *Biblia Regia* могло относиться к восьмитомной Антверпенской полиглотте 1569–1572 гг. (Новый Завет был напечатан в V томе в 1571 г.). Греческий текст в Антверпенском издании наследует Комплютенской полиглотте, напечатанной в шести томах в 1514–1517 гг. (Новый Завет и греко-латинский словарь был напечатан первым в 1514 г.). Однако нет веских оснований считать, что чудовские переводчики могли использовать Комплютенскую полиглотту: ее сохранившийся тираж был невелик, а чтения ее греческого текста учтены в более удобных изданиях Робера Этьенна (Стефана). Сам формат полиглота для работы с греческим и, возможно, латинским текстами как

²³ *Син. греч. 472* не воспроизводит абсолютное большинство этих помет.

времени *σπεύραντι* *сѣявшѸ* с пометой Reg: et alter. Далее указаны стихи, где встречаются производные лексемы с тем же корнем: *зрѣ ни**: *сх*: 37 и 39²⁴. В R1550 обе эти формы читаются аналогично: *σπεύροντι* в тексте, *σπεύραντι* на полях с указанием наличия в рукописях № 3 и 14 (в Комплютенской полиглотте это чтение внесено в текст и не имеет глосс). В *Син. греч.* 274 лакуна текста, в *Син. греч.* 399 *σπεύροντι* (л. 29об). В обоих славянских источниках читается причастие прошедшего времени: *КЕ сѣлавшѸ*, ЧНЗ *сѣлавшемѸ*. В *Син. греч.* 472 *сѣющѸ*^{авшѸ}, на полях: *сѣлавшѸ σπεύραντι*.

(3) Более пространный маргинальный текст вписан Евфимием к Мк 10:30 *и́ ма́терей, и́ ча́дъ και μητέρας και τέκνα* (в *Син. греч.* 274 и *Син. греч.* 399 так же). С пометой all. на полях приведено чтение *και πατέρα και μητέρα*, с пометой Reg. — *και πατέρα και μητέρα*, а ниже следует комментарий: *Ѡ ста̑: рѠкопи̑: грѠ: во еди̑: есть. Ѡ въ единой не есть*. Речь идет о (не)включении в текст *και πατέρα(ς)* — и *Ѡца* (в славянском тексте *Син. греч.* 473 перед *и́ ма́терей, и́ ча́дъ* оставлено пустое место). Старшие славянские рукописи в этом случае разнятся: в *КЕ* и *Ѡца. и мѠре. и ча́дъ*, в ЧНЗ *и мѠре. и ча́дъ*. Ни в полиглоттах, ни в R1550 нет чтения *και πατέρα και μητέρα*: в последнем издании текст в строке совпадает с НЗЕ, однако на полях издания Р. Этьенна присутствует комментарий о наличии такого чтения в трех рукописных кодексах (л. 81). В *Син. греч.* 472 не внесено никаких изменений относительно *Син. греч.* 473, но нет и маргинальных глосс.

(4) Помета Regius присутствует также в маргинальной глоссе к чтению из Лк 1:64 *ἄνεργεσθε же οἴστω ἐγὼ ἄβιε, ἢ ἄζυκτος ἐγὼ ἀνεψύθη δὲ τὸ στόμα αὐτοῦ παραχρηῖμα και ἡ γλῶσσα αὐτοῦ*. В подстрочном греческом тексте после *ἡ γλῶσσα* был написан еще глагол *διηρθρώθη*, который потом был зачеркнут, вынесен на поля и снабжен переводом: *διηρθρώθη [распрáвиса]* с комментарием *Ѡ ста̑ всѠх̑ нѠт̑ поп* (в *Син. греч.* 274 и *Син. греч.* 399 глагол в тексте отсутствует, в славянских ЧНЗ и *КЕ* тоже). Словоформа *διηρθρώθη* приведена на полях R1550 (л. 101) с указанием ее наличия в Комплютенской полиглотте. В *Син. греч.* 472 не внесено изменений и нет глоссы.

(5) В Лк 1:55 *ἰάκω же γλα̑ к̑ Ѡце̑м̑ на̑шым̑, ἄβραάμ̑, и̑ сѠмени̑ ἐγ̑ω* [^{даже} до *вѠка* на полях вписано: *ἕως αἰῶνος* в̑ *вѠк̑т̑ regius*. В греческом тексте *Син. греч.* 473 в строке читается *εἰς τὸν αἰῶνα*, к строке слева в полурамке вписано *ἕως αἰῶνος*. Так же выглядит текст и в R1550: в строке *εἰς τὸν αἰῶνα*, на полях *ἕως αἰῶνος* с отсылкой на единственную рукопись с таким чтением. В *Син. греч.* 274 наоборот: в тексте *ἕως αἰῶνος*, на полях киноварью *εἰς τὸν αἰῶνα* (л. 80об.). Эта глосса соответствует тексту *Син.*

²⁴ Мф 13:37 *сѠл̑и̑ Ѡ σπεύρων*; Мф 13:39 *всѠлав̑ий̑ Ѡ σπεύρας*.

греч. 399 (л. 105). В КЕ до вѣка, в ЧНЗ в вѣки, в обоих текстах отсутствует **даже**. В *Син. греч. 472* [**даже**] написано в строке в киноварных скобках, в греческом нет изменений текста, глосса отсутствует.

(6) В Мк 11:6 славянский текст содержит стертый фрагмент: **ѡнѣ же рѣша ѣмъ ѣкъ же заповѣда іисъ: [...] ѣ ѡстаѡиша тыѡ**. Греческий текст соответствует славянскому: ἐνετείλατο ὁ Ἰησοῦς. καὶ ἀφῆκεν αὐτοῖς (так же в *Син. греч. 274* и *Син. греч. 399*). На полях вписана форма, от которой справщики отказались, с комментарием: **рег. [αὐτοῖς ѣмъ] ста^р: не ѣ**. Между тем в старших славянских текстах разная ситуация: в КЕ присутствует форма **ѣмъ**, в ЧНЗ ее нет. Местоимение отсутствует в строке и в R1550, будучи вынесено на поля как читающееся лишь в одной рукописи. В *Син. греч. 472* местоимение не читается ни в славянском, ни в греческом тексте.

(7) Чтению Мк 15:32 **да ѡвѣдимъ ѣ ѡвѣрѡимъ ѣмъ** соответствует в строке ἵνα ἰδῶμεν καὶ πιστεῦσωμεν. На полях с пометой **рег.** приведена форма: [αὐτῶ]. В издании R1550 тот же греческий текст: в строке местоимения нет, но оно указано в глоссе на поле как читающееся в одной из рукописей. В *Син. греч. 274* местоимение читается (л. 44об.), в *Син. греч. 399* оно вписано на поле (л. 98об.). Читается местоимение **ѣмъ** в КЕ, но не в ЧНЗ. В *Син. греч. 472* **ѣмъ** взято в стертые киноварные скобки, в греческом соответствии нет.

Приведенные маргиналии НЗЕ демонстрируют, во-первых, совпадение с разночтениями, указанными на полях R1550, а во-вторых, указывают на использование данных текста R1550 как справочного аппарата, но не образцового источника. Обращение к чтениям R1550 вызвано расхождением между славянскими и греческими источниками и призвано дополнить картину разночтений. Иными словами, указания R1550 на наличие того или иного чтения в единичных греческих рукописях для Евфимия не является достаточным основанием для его включения в текст НЗЕ. Напротив, как показывает текст *Син. греч. 472*, решающим обстоятельством для учета разночтения выступает совпадение данных славянских текстов (ЧНЗ оказывается несколько более предпочтительным, чем КЕ) и греческих рукописей, но в каждом случае решение индивидуально.

4. Печатные греческие источники НЗЕ: ффранкфуртская Септуагинта 1597 г.

Мы не располагаем архивными данными, позволяющими уверенно говорить о наличии издания R1550 у московских справщиков: среди списка книг Библиотеки Московской Синодальной типографии это издание не упоминается [Покровский 1912], поиск в современных печатных

F1597 была весьма авторитетным для своего времени европейским изданием. К нему обращались, например, английские переводчики Библии короля Иакова 1611 г., в частности Сэмюэль Уорд [Miller 2018: 233]. Франкфуртское издание было и одним из источников перевода Ветхого Завета на румынский язык, выполненного Николаем Спафарием (Николае Милеску-Спэтару) и изданного в составе Бухарестской Библии в 1688 г. [Pavel 2016].

Предисловие F1597, написанное Жаном Обри и Клодом де Марном, было переведено на церковнославянский, текст сохранился в составе сборника ГИМ, *Син. 1195I*, л. 200–205об. под заголовком 'Андрѣа Ве-хѣла 'Ерѣдска предсловіе к читателю. Автором перевода А. И. Соболевский [1903: 214] считал Евфимия, Ф. Томсон — Епифания Славинецкого [Thomson 1998: 691]. Т. А. Исаченко [2009: 133] атрибутировала текст в сборнике ГИМ Федору Поликарпову, указав на основании водяных знаков бумаги время его написания после 1691 г.

Без купюр переведен весь текст предисловия, включая информацию о взятом за основу базельском издании, *ѣже в љбто ꙗфме љз типографин Ѣрѣакіаны пронзиде љ с Ѧлдіновымъ превѣдомъ весма согласѣтъ*, а также о том, что некоторые из приведенных «комплютенских, антверпенских, аргентинских и римских» чтений с *Ѣрѣйскою љстинною љчше согласѣютъ*. Информация об источниках Нового Завета в переводе выглядит следующим образом: *къ новомъ завѣтѣ что налѣжитъ, превѣдъ Ровѣрта Стефана типографа црѣагу љчемъ љ сынѣвню послѣдовахумъ. љ различная речѣнїа, љже не токму въ томъ превѣдѣ љ свѣтквѣ црѣкнхъ собранн содержѣвахѣся, нѣ љ въ комплѣтѣнскомъ. љ въ љныхъ љзданїяхъ љ нѣкннхъ признаменованїяхъ љверѣстїся възмогѣша, приложїти попѣкѣхумся љже читателю нѣ непрїятна. нѣ непѣзна быти љповѣемъ* (л. 200об). Очевидно, что перевод предисловия был выполнен, поскольку предполагалось активное использование F1597 в процессе исправления славянского текста.

Разночтения к рассмотренным выше примерам в примечаниях F1597 выглядят так: (1) Mt 16:15 Reg. λέγει αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς; (2) Mt 13:24 Regius et alter σπεῖραντι; (3) Mk 10:30 al. καὶ πατέρας καὶ μητέρας. Reg. 3 καὶ πατέρα καὶ μητέρα; (4) Lk 1:64 Regius post αὐτοῦ subdit διηρθρώθη; (5) Lk 1:55 Regius, ἕως αἰῶνος (л.948); (6) Mk 11:6 Post ἐνετεῖλατο, Regius addit αὐτοῖς; (7) Mk 15:32 Reg. πιστεύσωμεν αὐτῷ.

Эти примечания, таким образом, учитывают именно те чтения, которые в R1550 были вынесены в глоссы. Поэтому весьма вероятно, что источником маргиналий Евфимия была именно F1597, в качестве справочного пособия более удобная, чем R1550: последовательная нумерация стихов и глав и вынесение разночтений в примечания в F1597 существенно облегчает поиск в тексте по сравнению с R1550.

Кроме маргинальных греческих глосс с пометой Reg., в *Син. греч. 473* есть и ряд других редакторских комментариев к греческому тексту, в которых источник не обозначен или указан в общем виде как «иные» или «старые греческие рукописи». Меньшая часть этих маргиналий относится исключительно к тем греческим разночтениям, которые не затронули славянский перевод и в большинстве случаев отмечены в обоих греческих изданиях. Далее приведем такие случаи в сравнении с разночтениями, указанными в R1550 и F1597, а также в сравнении с чтениями *Син. греч. 274* как потенциального источника подстрочного текста НЗЕ.

К чтению Ин 17:20 ὡς βῆρῶντινῶν ράδι словесὲ ἤχῃς ἐν μὲν περὶ τῶν πιστευόντων διὰ τοῦ λόγου (в *Син. греч. 274* и *Син. греч. 399* так же) на полях есть глосса: ἴνни: ὄβῆρῶντινῆς πιστευσοντων διὰ τοῦ λόγου. К «иным» в этом случае относятся оба издания, R1550 и F1597, в которых читается причастие будущего времени πιστευσοντων. Презентное причастие πιστεύοντων вынесено в глоссу на полях в R1550, а в F1597 приведено в примечании внизу страницы: Complut. cum antiq. omnib. πιστεύοντων (л. 990). В *Син. греч. 472* текст в строке совпадает с *Син. греч. 473*, а на поле глосса: въ ἴнныѣ πιστευсонτων въбровати имѣциѣ.

В Лк 8:34 βιδῶντες ἤ πασῶντιν βυβῶντες в подстрочном греческом тексте последнему субстантивированному причастию соответствует аористное причастие τὸ γενόμενον, глоссированное на полях перфектной формой: al. γεγενημένον. В этом случае под определение alii подпадают и R1550 (л. 118), и F1597 (л. 956), и *Син. греч. 274* (л. 95), и *Син. греч. 399* (л. 123): во всех этих источниках форма перфектного медиопассивного причастия γεγενημένον читается в основном тексте. В *Син. греч. 472* нет глоссы, а текст совпадает с *Син. греч. 473*.

В чтении Ин 2:17 σπῆδέ μὲν καταφάγεται με (так же в *Син. греч. 274*, л. 130об. и *Син. греч. 399*, л. 167) на полях стоит глосса: κατέφαγε. В R1550 в строке читается форма, приведенная Евфимием на полях, а в глоссе на поле — καταφάγεται с указанием 10 рукописей, в которых она встречается. В F1597 чтение в строке совпадает с НЗЕ, а примечание содержит обоснование выбора этой формы: ista lectio per tempus fut. nititur auctoritate codicum Reg. VII, & aliorum III. Excusi quidam, κατέφαγε, legunt, praeteriti significatione. Собственно, именно несоответствие формы будущего времени в греческом и аориста в славянском и стало причиной появления глоссы Евфимия. Однако в *Син. греч. 472* нет ни глоссы, ни изменений в строке относительно текста *Син. греч. 473*.

Во всех приведенных выше примерах речь идет о разночтениях греческих грамматических форм, которые потенциально могли повлиять на славянский перевод. Однако в «беловой» список *Син. греч. 472* не было внесено изменений. При этом в каждом примере присутствует

разная логика принятия решения: в Ин 17:20 учитывается чтение печатных изданий и на полях предлагается следующий ему вариант перевода; в Лк 8:34 чтение печатных изданий устраняется из маргиналий, поскольку альтернативный славянский перевод невозможен; в Ин 2:17 отказ от маргинальной греческой формы выглядит непоследовательно: с одной стороны, в строке сохраняется основное чтение, совпадающее с *Син. греч.* 274 и F1597 (форма будущего времени), с другой стороны, остается неисправленной не соответствующая ему славянская форма аориста (хотя в старшем КЕ читается адекватный вариант **снѣсть**). Первый и последний примеры оставляют открытым вопрос об изменении славянского текста; очевидно, что переписанный текст в *Син. греч.* 472 подлежал дальнейшему исправлению, которое так и не было завершено.

Большая часть глосс Евфимия касается расхождений греческого и славянского текста. Для этих случаев актуален не только вопрос ориентации на данные печатных изданий, но и соотношения со славянскими источниками справки НЗЕ: Чудовским Новым Заветом 1355 г. (ЧНЗ) и Константинопольским Евангелием 1383 г. (КЕ).

(а) Лк 10:21 заканчивается словами **вѣтъ бѣговолѣніе прѣ твоюю**, которым в подстрочном тексте соответствует ἐγένετο εὐδοκία ἔμπροσθέν σου. И в славянском, и в греческом тексте в конце стиха стоит знак +, отсылающий к помете на полях: в ста^р. встѣх грѣ^а: и славе^н. ѿ. ха^р чо^а. Это замечание относится к приведенному на полях ниже продолжению стиха: καὶ στραφεὶς πρὸς τοὺς μαθητὰς εἶπε ἢ ὠβραῖς κὸ ἔχνηκω^м. рече. В изданиях Р. Этьенна 1546 г., 1550 г. и 1551 г. вписанная Евфимием на полях часть стиха есть, однако только в R1550 (л. 124) она отмечена знаком ` как не читающаяся во всех текстах. В F1597 к присутствующей в основном тексте части стиха, вынесенной Евфимием в глоссу, дано примечание: In Regio non habetur istud membrum, καὶ ст. пр. τ. μαθ. εἶ. нес a vetere legitur interprete (л. 959). Как указано на полях Евфимием, есть окончание стиха и в ЧНЗ (в КЕ нет), и в *Син. греч.* 399 (л. 229). Вполне закономерно поэтому, что в *Син. греч.* 472 недостающая часть славянского и греческого текста внесена в строку.

(б) В Лк 7:40 в греческом тексте нет соответствия заключительным словам стиха, взятым в квадратные скобки в славянском тексте: **ѡнь же рече глѣтъ, ѡчителю. рци.** [ѡнь же рече]. На полях указано: нѣ пишѣ [ѡ δѣ εἶπε] мѣсто встави. в ста^р. гр. ѿ чо^а: нѣ^т. Действительно, ни в *Син. греч.* 274, ни в *Син. греч.* 399, ни в ЧНЗ, ни в КЕ нет взятого в скобки фрагмента. Отсутствует он и в R1550, где соответствующее место отмечено астериском, а на полях вписано ὡ δὲ εἶπε с указанием единственной рукописи (кодекс Безы), где читается такое окончание стиха. Нет фрагмента и в строке F1597, а в примечании читается: Ante verba Δύο χρϛ. in

lib. vetere praecedit, ὁ δὲ εἶπε (л. 955). В *Син. греч.* 472 взятый в скобки фрагмент исключен.

(в) Во фрагменте стиха Ин 14:22 и что въсть в подстрочном греческом тексте союз καὶ вписан на левом поле текста перед τί γέγονεν. На правом поле выписано сочетание καὶ τί с комментарием ста^р греч ха^р чю^л (в *Син. греч.* 274 καὶ τί читается на л. 154, в *Син. греч.* 399 на л. 202). Союз отсутствует и в строке R1550, однако на его месте стоит астериск, а сам союз приведен в глоссе на полях (л. 192). Подобная картина и в F1597: в тексте нет союза перед τί, но в примечании указано: Complut. et omnes antiq. καὶ τί γεγ. В славянском тексте ЧНЗ и КЕ союз и читается. В *Син. греч.* 472 греческий союз внесен в строку.

(г) К чтению Ин 18:29 и́зиде ѿвоу пилатъ к нимъ [вонъ] на полях приписано: в старых нѣт [ѣξω]. Форма ѣξω отсутствует в *Син. греч.* 274 (л. 159) и *Син. греч.* 399 (л. 212), в R1550 она приведена на полях (л. 199), в F1597 ее также нет в тексте, но в примечании указано ее наличие в Editio Regia (л. 990). В ЧНЗ также не читается вонъ, это наречие есть лишь в КЕ. В *Син. греч.* 472 вонъ отсутствует и в греческом, и в славянском тексте, а над пустым местом над строкой стоит помета чю^л.

(д) В чтении Ин 19:38 Подъ снхъ (же стерто) моли пилата иωσιφъ μετὰ ταῦτα ἠρώτησεν τὸν Πιλάτον Ἰωσήφ κ стертой частице же на полях дано примечание [μετὰ{δε}]. В *Син. греч.* 274 (л. 161об.) и *Син. греч.* 399 (л. 216) δε отсутствует. В R1550 частица δε отмечена знаком ` , обозначающим отсутствие в источниках (л. 202), в F1597 δε читается. В славянских источниках чтения также разнятся: частица же есть в КЕ, но отсутствует в ЧНЗ. В *Син. греч.* 472 частица устранена в славянском и греческом текстах.

(е) В Ин 8:42 рече ѿвоу имъ иисъ εἶπεν ὁ αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς на полях приписано: оѡ ѿвоу. В *Син. греч.* 274 оѡ читается (л. 143), как и в *Син. греч.* 399 (л. 183об.). В R1550 оѡ есть в тексте, но помечено знаком ` (л. 179), в F1597 частица отсутствует в строке, но дана в примечании: Reg. et alter, εἶπεν οὗ αὐτοῖς. В славянских текстах ЧНЗ и КЕ читается же. В *Син. греч.* 472 сохранено ѿвоу, а в греческом тексте оѡ вписано над строкой.

(ж) В славянском тексте Мф 28:2 исключена взятая в квадратные скобки лексема [грѡба]: Ѡваліи камень Ѡ двѣрни, [грѡба], и сѣдаше на тѣмъ. В греческом тексте нет соответствия этой лексеме, но оно вынесено на поля и также взято в скобки: [τῷ μνημείου]. В R1550 на месте этой греческой словоформы стоит астериск, а на полях, также со знаком астериска, она приведена с указанием четырех рукописей, где эта форма читается (л. 56). В примечании F1597: Post, φύρας, in. Reg. & altero, adiciunt τῷ μνημείῳ (л. 930). Нет соответствия лексеме грѡба в *Син. греч.* 274 (л. 45об.) и *Син. греч.* 399 (л. 61). В *Син. греч.* 472 [грѡба] в киноарных скобках, на полях киноварью нѣт. Так же как и в предыдущем случае,

данные греческих текстов имели больший вес, несмотря на наличие лексемы в славянских текстах ЧНЗ, КЕ и Библии 1663 г.

(з) В Мк 1:34 греческий текст заканчивается словами *ὅτι ἤδειςαν αὐτόν*. В славянском тексте присутствует продолжение стиха, взятое в квадратные скобки: *ѣкѡ вѣдѣхъ тогò [хр̑т̑̀а вѣгѣи]*. На полях вписано греческое соответствие славянскому тексту в скобках: *[χριστὸν εἶναι] нѣт*. В *Син. греч.* 274 *χριστὸν εἶναι* тоже взято в квадратные скобки, а на полях киноварью приписано: *χριστὸν εἶναι οὐκ ἔστι χαρ* (л. 49) (в *Син. греч.* 399 этот стих без продолжения на л. 65). Указание на отсутствие этого продолжения в греческом соответствует чтению в R1550, где в конце стиха стоит астериск, отсылающий к приведенному на полях фрагменту **χριστὸν εἶναι* с указанием четырех содержащих его рукописей (л. 62). В строке F1597 также нет *χριστὸν εἶναι*, а примечание гласит: *in Regio & alio legitur, αὐτόν χριστὸν εἶναι* (л. 931). В *Син. греч.* 472 в строке читается *[хр̑т̑̀а вѣгѣи]*, на поле *нѣт*, в греческом соответствие отсутствует. В ЧНЗ и КЕ продолжение стиха присутствует. Несовпадение чтений авторитетных старших славянских источников и большинства греческих текстов обусловило сохранение проблемной конструкции в *Син. греч.* 472.

Эти примеры показывают, что справа Евфимия основывалась на сопоставлении совокупных данных греческих рукописных и печатных текстов и славянских рукописей. В идеальном варианте решение принималось при совпадении чтений во всех или в большинстве источников, как в случае с добавлением или устранением текста в примерах (а) и (б). При несогласии данных в разных источниках приоритет отдавался славянским чтениям ЧНЗ в случае их совпадения с греческими чтениями F1597 (г) или греческими рукописями (д). Наконец, при конфликте славянских чтений с греческими выбор делался в пользу последних (в примерах (е), (ж) и (з) это и греческие рукописи, и издания).

Проанализированные методы критики библейского текста Евфимия Чудовского позволяют распространить оценку И. И. Шевченко, данную им поэтическим опытам переводов Евфимия с греческого языка, и на его справу библейского текста: «[...] сегодня [...] мы смотрим на Евфимия как на своего раннего коллегу, работающего по сходным с нашими методам, чье владение греческим языком мы оцениваем достаточно высоко» [Шевченко 1995: 18]. Не касаясь своеобразных решений Евфимия в выборе собственно славянских языковых средств, мы должны констатировать, что отбор греческих источников и характер текстологической работы с ними вполне соответствует претензии на научно-филологическое издание церковнославянского Нового Завета, учитывающее достижения и опыт западноевропейской библейской филологии XVI–XVII в.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва, Россия).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва, Россия).

Библиография

Источники

Рукописи

Син. греч. 472

ГИМ, Синодальное греческое собрание, № 472, Новый Завет (Евангелия, Деяния и Послания апостольские, Апокалипсис) в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, посл. треть XVII в.

Син. греч. 473

ГИМ, Синодальное греческое собрание, № 473, Евангелия, Деяния апостольские в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, посл. треть XVII в.

Унд. 1291

РГБ, ф. 310, № 1291, Четвероевангелие в переводе Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского, перв. треть XVIII в.

Син. греч. 274

ГИМ, Синодальное греческое собрание, № 274 (19), Четвероевангелие, сер. XIV в.

Син. греч. 399

ГИМ, Синодальное греческое собрание, № 399(9), Четвероевангелие, IX–X, XIV вв.

Син. 1195I

ГИМ, Синодальное собрание, № 1195I, Сборник исторический, XVII в.

Син. греч. 388

ГИМ, Синодальное греческое собрание, № 388(92), Евангелие от Матфея и Луки с толкованием Феофилакта Болгарского, сер. XIV в.

Син. греч. 220

ГИМ, Синодальное греческое собрание, № 220(88), Четвероевангелие с толкованием Евфимия Зигабена, XII в.

Пог. 1963

РНБ, Погодинское собрание, № 1963, сборник библиографически-литературный, XVII в.

Издания

ЧНЗ

Новый Завет господя нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси, фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского, Москва, 1892.

F1597

Divinae scripturae, nempe veteris ac novi testamenti omnia, Recens à viro doctissimo & linguarum peritissimo diligenter recognita, & multis in locis emendata, variisq(ue) lectionibus ex diversorum Exemplarium collatione decerpitis, & ad Hebraicam veritatem in veteri Testamento revocatis aucta & illustrata, Francofurti, 1597.

R1550

Τῆς Καινῆς Διαθήκης ἅπαντα. Εὐαγγέλιον Κατὰ Ματθαῖον. Κατὰ Μάρκον. Κατὰ Λουκᾶν. Κατὰ Ἰωάννην. Πράξεις τῶν ἀποστόλων. Novum Iesu Christi D.N. Testamentum. Ex Bibliotheca Regia, Paris, 1550.

Литература

Вернер 2021

Вернер И., Наследие Максима Грека в библейской справе Евфимия Чудовского (80-е гг. XVII в.), *Славянские текстовые и традиции. Сборник в чест на Кетрин Мери Макробрърт, Николова С., Клеминсон Р., Желязкова В., Димитрова М., София, 2021 (= Кирило-Методиевски студии, 31), 397–420.*

Владимир 1894

Владимир, архимандрит, *Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, I. Рукописи греческие*, Москва, 1894.

Евгений 1995

Евгений (Болховитинов), митрополит, *Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви*, Москва, 1995.

Исаченко 2002

Исаченко Т. А., Новый Завет «перевода и стяжания» иеромонаха Чудова монастыря Епифания (Славинецкого) посл. трети XVII в., *Вопросы языкознания*, 2002, 4, 73–92.

— 2004

Исаченко Т. А., подг. текста, *Новый Завет в переводе иеромонаха Чудова монастыря Епифания Славинецкого (посл. треть XVII в.). Факсимиле* (Biblia Slavica. Nachdrucke ältester Ausgaben slawischer und baltischer Bibelübersetzungen, III: Ostslawische Bibeln, 2), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004.

— 2009

Исаченко Т. А., «Оглавление лжесловий латинских» в составе трактата «На оглаговляющая Священную Библию» и вопросы полемики вокруг нового библейского перевода конца XVII в., *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2009, 5, 128–135.

— 2015

Исаченко Т. А., *Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в.*, Москва, 2015.

Николенкова 2019

Николенкова Н. В., Справа киевского издания в Москве в середине XVII в. как иллюстрация этапа формирования московской орфографической нормы, *Русский язык в научном освещении*, 2019, 2 (38), 102–120.

Пентковская 2016

Пентковская Т. В., Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу, *Русский язык в научном освещении*, 2016, 1 (31), 182–226.

— 2017

Пентковская Т. В., Толкования на послания апостола Павла в переводе Епифания Славинецкого как источник Нового Завета последней четверти XVII в., *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2017, 2, 27–52.

— 2019

Пентковская Т. В., Источниковедческий анализ как необходимое условие подготовки текста к изданию (на материале Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского второй половины XVII в.), *Slavistica Vilnensis*, 2019, 64 (1), 37–53.

Петровский 1894

Петровский М., *Каталог Патриаршей библиотеки, составленный в 1718 г.*, С.-Петербург, 1894.

Поздеева, Дадыкин, Пушкин 2011

Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушкин В. П., *Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1652–1700 годы: исследования и публикации*, 2, Москва, 2011.

Покровский 1912

Покровский А., *Библиотека Московской Синодальной типографии*, Ч. 2. Печатные книги. Вып. 2. Иностранные книги XVI в. (1539–1570), *Описал Алексей Покровский*, Москва, 1912.

— 1916

Покровский А. А., *Древнее псковско-новгородское письменное наследие*, Москва, 1916.

Савва 1863

Савва (Тихомиров И. М.), *Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, VI–XVII века*. Издал Савва, епископ Можайский, Москва, 1863.

Скиада 1723

Скиада А., *Два каталога рукописных книг греческих в Синодальной библиотеке в Москве обретающихся*, Москва, 1723.

Ундольский 1847

Ундольский В. М., *Опись книгам, взятым в Патриаршую ризную казну, составленная 1675 года монахом Евфимием и иеродиаконом Иакинфом, и роспись книг, взятых в Патриарший разряд и переданных в книгохранительницу*, Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, 1847, 5, IV. Смесь, 1–20.

Фонкич 2003

Фонкич Б. Л., *Греческие рукописи на Печатном дворе во второй половине XVII в., Греческие рукописи и документы в России*, Москва, 2003, 151–218.

— 2003a

Фонкич Б. Л., Арсений Суханов и греческие рукописи Патриаршей библиотеки в Москве, *Греческие рукописи и документы в России*, Москва, 2003, 115–144.

— 2003b

Фонкич Б. Л., *Греческое книгописание в России в XVII в., Греческие рукописи и документы в России*, Москва, 2003, 275–322.

Фонкич, Поляков 1993

Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б., *Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова)*, Москва, 1993.

Шевченко 1995

Шевченко И. И., *У истоков русского византиноведения: переводы стихотворений Мануила Филадельфийского (XIV в.) Евфимием Чудовским*, *Славяноведение*, 1995, 5, 3–23.

Albrecht 2021

Albrecht F., *The History of Septuagint Studies. Editions of the Septuagint*, *The Oxford Handbook of the Septuagint*, Alison G. Salvesen, Timothy Michael Law, eds., Oxford, 2021, 53–70.

Darlow, Moule 1903

Darlow T. H., Moule H. F., *Historical catalogue of the printed editions of Holy Scripture in the library of the British and Foreign Bible Society*, 1: English, London, 1903.

— 1911

Darlow T. H., Moule H. F., *Historical catalogue of the printed editions of Holy Scripture in the library of the British and Foreign Bible Society*, 2: Polyglots and languages other than English, 2: Greek to Opa, London, 1911.

Krans 2006

Krans J., *Beyond What Is Written: Erasmus and Beza as Conjectural Critics of the New Testament*, Leiden, Boston, 2006.

Maclean 2012

Maclean I., *Scholarship, Commerce, Religion: The Learned Book in the Age of Confessions, 1560–1630*, Harvard, 2012.

Matthei 1785

Matthei Ch. F., de, *Pauli Epistolae ad Thessalonicenses et ad Timotheum Graece et Latine. Varias lectiones codd. mosq. Scholia graeca inedita et animadversiones criticae et adiecit ac denuo recensuit Christianus Fridericus Matthaei*, Rigae, 1785.

Miller 2018

Miller J. A., The Earliest Known Draft of the King James Bible: Samuel Ward's Draft of 1 Esdras and Wisdom 3–4, *Labourers in the Vineyard of the Lord: Erudition and the Making of the King James Version of the Bible*, Mordechai Feingold, ed., Leiden, 2018, 187–265.

Pavel 2016

Pavel E., The Beginnings of Textual Criticism in Old Romanian Writing, *Dacoromania, serie nouă*, 2016, XXI, 1, 17–30.

Swete, Thackeray 1900

Swete H. B., Thackeray M. A., *An introduction to the Old Testament in Greek*, Cambridge, 1900.

Thomson 1998

Thomson F., The Slavonic Translation of the Old Testament, *The interpretation of the Bible: The International Symposium in Slovenia*, Krašovec J., ed., Sheffield, 1998, 605–920.

References

Albrecht F., The History of Septuagint Studies. Editions of the Septuagint, *The Oxford Handbook of the Septuagint*, Salvesen A. G., Law T. M., eds., Oxford, 2021, 53–70.

Fonkich B. L., Grecheskie rukopisi na Pechatnom dvore vo vtoroi polovine 17 v., *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii*, Moscow, 2003, 151–218.

Fonkich B. L., Arsenii Sukhanov i grecheskie rukopisi Patriarshei biblioteki v Moskve, *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii*, Moscow, 2003, 115–144.

Fonkich B. L., Grecheskoe knigopisanie v Rossii v 17 v., *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii*, Moscow, 2003, 275–322.

Fonkich B. L., Polyakov F. B., *Grecheskie rukopisi Moskovskoi Sinodal'noi biblioteki: Paleograficheskie, kodikologicheskie i bibliograficheskie dopolneniia k katalogu arhimandrita Vladimira (Filantropova)*, Moscow, 1993.

Isachenko T. A., The New Testament as translated by Epiphanius — the monk of the Chudov Monastery (end of the XVII century), *Voprosy Jazykoznanija*, 2002, 4, 73–92.

Isachenko T. A., *Vera i protivlenie v otvetakh i oblicheniakh 80–90-kh gg. 17 v. Noveye bibleiskie perevody v filologicheskikh shkolakh 17 v.*, Moscow, 2015.

Isachenko T. A., "Oglavlenie lzheslovii latinskikh" v sostave traktata "Na oglagoluiushchii

Sviashchennuiu Bibliiu" i voprosy polemiki vokrug novogo bibleiskogo perevoda kontsa XVII v., *Lo-monosov Philology Journal*, 2009, 5, 128–135.

Krans J., *Beyond What Is Written: Erasmus and Beza as Conjectural Critics of the New Testament*, Leiden, Boston, 2006.

Maclean I., *Scholarship, Commerce, Religion: The Learned Book in the Age of Confessions, 1560–1630*, Harvard, 2012.

Miller J. A., The Earliest Known Draft of the King James Bible: Samuel Ward's Draft of 1 Esdras and Wisdom 3–4, *Labourers in the Vineyard of the Lord: Erudition and the Making of the King James Version of the Bible*, Mordechai Feingold, ed., Leiden, 2018, 187–265.

Nikolenkova N. V., Kiev editions in Moscow in the mid-17th century and the development of Moscow orthographic norm, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2019, 2 (38), 102–120.

Pavel E., The Beginnings of Textual Criticism in Old Romanian Writing, *Dacoromania, serie nouă*, 2016, 21, 1, 17–30.

Pentkovskaya T. V., The New Testament in the translation of the circle of Epiphanius Slavinetsky and the Polish translation tradition of the 16th century: Translation of Summae in the Apostolos, *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 2016, 1 (31), 182–226.

Pentkovskaya T. V., Interpretations on the Pauline Epistles in the Translation of Epiphany Slavinsky as the Source of the New Testament of the Last Quarter of the 17th Century, *Lomonosov Philology Journal*, 2, 27–52.

Pentkovskaya T. V., Source Analysis as a Necessary Condition for Preparing an Edition's Text (on the Material of the New Testament Prepared by the Editorial Circle of Epiphany Slavinsky and Evfimy Chudovsky, Second Half of the 17th Century), *Slavistica Vilnensis*, 2019, 64 (1), 37–53.

Pozdeeva I. V., Dadykin A. V., Pushkov V. P., *Moskovskii pechatnyi dvor – fakt i faktor russkoi kul'*

tury, 1652–1700 gody: issledovaniia i publikatsii, 2, Moscow, 2011.

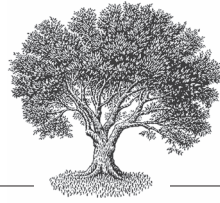
Shevchenko I. I., U istokov russkogo vizantinovedeniia: perevody stikhotvorenii Manuila Fila (14 v.) Evfimiem Chudovskim, *Slavianovedenie*, 1995, 5, 3–23.

Thomson F., The Slavonic Translation of the Old Testament, *The interpretation of the Bible: The International Symposium in Slovenia*, Krašovec J., ed., Sheffield, 1998, 605–920.

Verner I., The Legacy of Maximus the Greek in the Biblical Revision of Euthymius Chudovsky (1680S), *Slavonic Texts and Traditions. In Honour of Catherine Mary MacRobert*, Sofia, 2021, 397–420.

Инна Вениаминовна Вернер, кандидат филологических наук,
доцент, старший научный сотрудник
Центра междисциплинарных исследований славянской книжности
Института славяноведения
Российской академии наук
119991, Москва, Ленинский проспект, 32-А
inna.verner@mail.ru

Received December 1, 2022

Неизвестное
сочинение
Семена Ивановича
Шаховского
о пожаре
в Успенском соборе
Великого Устюга

**Александр Львович
Лифшиц**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»,
Москва, Россия

Unknown Work
by Semyon
Ivanovich
Shakhovskoy
about the Fire in the
Dormition Cathedral
of Veliky Ustyug

Alexander L. Lifshits

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена неизвестному ранее сочинению Семена Ивановича Шаховского — одного из самых плодовитых русских писателей первой половины XVII столетия.

Сохранившаяся в составе сборника-конволюта тетрадь содержит современную событию копию повести о чуде, случившемся в ночь на 2 августа 1646 г. в Успенском соборе Великого Устюга. В пожаре, произошедшем от непогашенной свечи, уцелела чтимая икона Богородицы, что и стало поводом для создания сочинения. Рассказ изобилует риторическими клише, цитатами из апостольских посланий и ярко иллюстрирует писательскую

Цитирование: Лифшиц А. Л. Неизвестное сочинение Семена Ивановича Шаховского о пожаре в Успенском соборе Великого Устюга // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 127–142.

Citation: Lifshits A. L. (2023) Unknown Work by Semyon Ivanovich Shakhovskoy about the Fire in the Dormition Cathedral of Veliky Ustyug. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 127–142.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.06

манеру Шаховского, который зашифровал свое имя в послесловии к тексту. Повесть, написанная непосредственным свидетелем события, позволяет исправить принятую в историографии датировку пожара 1631 годом, объяснить происхождение ошибки и уточнить факты, касающиеся перестройки главного собора города.

Текст повести приводится с упрощением орфографии списка XVII в.

Ключевые слова

древнерусская литература, новые источники, Семен Иванович Шаховской, Успенский собор Великого Устюга, древнерусская архитектура

Abstract

The article focuses on the previously unknown work of one of the most prolific Russian writers of the first half of the 17th century, Semyon Ivanovich Shakhovskoy.

The gathering, which survived as part of a compiled collection, contains a contemporary copy of the story of a miracle that took place on the night of 2 August 1646 in the Assumption Cathedral in Veliky Ustyug: in a fire caused by an unextinguished candle, a venerated icon of the Virgin Mary survived, which became the incentive for creating the work. The story is replete with rhetorical clichés, as well as quotations from the apostolic epistles, and vividly illustrates the writing style of Shakhovskoy, who encrypted his name in the afterword to the text.

The story, written by a direct witness of the event, allows us to correct the dating of the fire accepted in historiography (1631), explain the origin of the mistake and clarify the facts regarding the restructuring of the main cathedral of the city.

The text of the story is presented with a simplification of the spelling of the 17th century manuscript.

Keywords

Old Russian literature, new sources, Semyon Ivanovich Shakhovskoy, Dormition Cathedral of Veliky Ustyug, old Russian architecture

В частном собрании игумена Кронида (Карева)¹ находится рукописный сборник-конволют в четвертую долю листа (20,2×14,6 см). Текст входящих в состав рукописи частей написан разными почерками на бумаге разного качества. Сборник содержит 103 листа, при этом от последнего сохранился лишь фрагмент; есть утраты в середине кодекса. Страницы рукописи в затеках, на некоторых листах частично растеклись и вылиняли чернила. Часть листов была перепутана, возможно, при последнем реставрационном переплетении. По палеографическим признакам почерков переписчиков рукопись может быть уверенно датирована серединой XVII в.

¹ В настоящее время игумен Кронид является насельником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Переплет рукописи поновлен, вероятно, в XIX в.: корешок покрыт черным коленкором, на доски из тонкой фанеры наклеены остатки кожи, вероятно, от первоначального переплета сборника. Для форзацев использована макулатурная бумага с текстом, написанным старообрядческим (?) полууставом XIX в.

Самая объемная часть сборника (л. 14–73об.) — написанное черными чернилами скорописью XVII в. «Житие и чудеса Прокопия Устюжского». На первом листе этой части есть владельческая запись: «Стеоана [...a]кова». Тетради здесь имеют сигнатуры на нижнем поле листов почерком XVII в.: на л. 14 — «а (=1) те^тра^т»; л. 20 — «.ѿ. те^тра^т»; л. 28 — «.г. те^тра^т»; л. 36 — «.д. те^тра^т»; л. 44 — «.ѣ. те^тра^т»; л. 50 — «.ѿ. те^тра^т»; л. 65 — «.аі. те^тра^т»; л. 68 — «.ѿ. те^тра^т». Таким образом, нет сомнений, что эта часть сборника какое-то время бытовала отдельно, прежде чем была соединена с другими аллигатами.

Житие Прокопия Устюжского не имеет конца, обрывается на л. 73об. заголовком Чуда 17-го «...о беснующем человеце». В этой части сборника также есть многочисленные утраты, кроме того, листы частично вшиты не на своем месте, что хорошо видно по приведенным сигнатурам тетрадей. При этом похоже, что некоторые листы были утрачены и перепутаны уже в протографе, из-за чего иногда текст оказывается написан не на своем месте. Так, например, прямо посередине л. 15об. обнаруживается пропуск, составляющий примерно два листа. Фрагмент, утраченный между л. 19 и 20², частично написан на л. 20об.–22 и проч. Далее на л. 22 продолжается текст с л. 20об. Еще один пропуск обнаруживается на л. 25об., а пропущенный кусок написан на л. 26–26об., и т. д. Водяные знаки на бумаге этой части — «кувшинчик» с буквами G/RO, рисунок сходный со знаком 1644 г. [Дианова 1989: № 297].

Вторая по объему часть сборника (л. 74–103) содержит «Житие Макария Желтоводского чудотворца». Конец сочинения утрачен; читаемый текст на л. 102об. обрывается на словах рассказа об исцелении дочери Федора: «[Б]лагодаря Бога и угодника его преподобного Макария, идоста в дом свой...». От л. 103 осталась нижняя внутренняя часть, на которой видны отдельные части слов, которыми завершается рассказ об этом чуде.

Водяные знаки на бумаге этой части — «лилия в щите под короной» — тип, близкий к знаку, датированному в авторитетном справочнике 1646–1654 гг. [Дианова, Костюхина 1988: № 921–924], а также

² Текст на л. 19об. обрывается на словах: «[Н]аучил Господню словеси и заповедем его и православны верѣ Христовѣ . и поведѣ себе пришелица...». Далее в протографе было, вероятно, утрачено 2 листа (?); текст на л. 20 начинается словами: «...мира сего держава и покоренныя человеки на се бо избра».

«кувшинчик», аналогичный знаку из части с «Житием Прокопия Устюжского».

Самая незначительная часть сборника — первая. На л. 1–2об. содержится фрагмент «Слова о патриархе Александрийском Иоакиме³, како пия смертное зелие лютое веры ради христианския и невредим пребысть». Этот рассказ в пространном виде, как правило, входит в состав «Хождения на восток гостя Василия Познякава с товарищи» [Хождение 1887: 8–14] или в «Хождение Трифона Коробейникова», но может существовать и отдельно [Моисеева 2010: 40–41]. В сборнике «Слово» оформлено именно как самостоятельное сочинение, ему предшествует выписанный вязью заголовок «ПРЪНІЕ ПАТРИАРХА ЕГИПЕТСКАГО [...]» (конец названия смазан), а сам текст начинается словами: «Дивно же исповедати о преславномъ папе Александрийском Иоакиме и о его терпении». Однако работа переписчика по какой-то причине осталась не завершённой, текст обрывается на середине л. 2об. на словах: «Жидовинъ рече како(!) царю: “Даждь ми до такова дни сроку”»⁴. Л. 1 сильно загрязнен со стороны внешнего поля, окончания строк читаются с трудом или не читаются вовсе. Листы подклеены у корешка, водяные знаки неразличимы. В нижней части л. 2об. оставался пустым, на нем пробы пера почерками XIX в. С какой целью выписан этот фрагмент сочинения и почему переписчик оставил его не дописанным, можно только догадываться.

Наконец, самой интересной частью сборника оказывается написанный на одиннадцати листах (л. 3–13)⁵ текст, озаглавленный «Чюдю преславно и древним чудесем подобно паче же плачу и умилению достойно, како содеяся во граде Устюге во храме соборном Пресвятыя Богородица честнаго и славнаго ея Успения». Сочинение это написано без каких бы то ни было украшений довольно обычной скорописью середины XVII в. На остававшемся пустым л. 13об. крупным ученическим почерком XIX в. сильно пострадавший от затеков анекдот о том, как Эпаминонд — Фиванский военачальник V–IV вв. до н. э. — пронзил мечом спящего караульного.

В этой части рукописи на бумаге хорошо видна филигрань «Лотарингский крест под короной с двумя буквами С». Близкий по форме знак датируется 1643 г. [Герасимов 1963: № 356]. Вероятно, примерно этим временем следует датировать и сам текст, повествующий о

³ О жившем в XVI в. патриархе Иоакиме Александрийском см.: [Панченко 2010].

⁴ Текст в целом совпадает с опубликованным О. А. Белобровой [Позняков 2000: 52].

⁵ К сожалению, из-за особенностей переплета и следов «чинок» рукописи в настоящее время невозможно установить, составляют ли листы с этим текстом единую тетрадь.

событии, произошедшем, как сказано, 1 августа 7154/1646 г.: от свечи в Успенском соборе начался пожар, в котором уцелела, однако, почитаемая чудотворной Устюжская Одигитрия [Вздорнов 1976]: «В лѣта зрѣндѣ августа въ а в пятый чѣсъ нощи на памятѣ стаго апѣтла и первомѣнка архидіакона Стефана загорѣся в тоѣ свѣще^{ннѣ} храмѣ Прч^{ствы} Б^аца ѿ свещи наλω^ѣ...».

Замечу, что Перенесение мощей святого первоученика Стефана празднуется 2 августа, так что, вероятнее всего, событие произошло в ночь с 1 на 2 августа, а поскольку богослужебный день с пением канона святому или празднику начинается накануне, то днем праздника могло быть обозначено предшествующее календарной дате число.

О пожаре в Успенском соборе Великого Устюга, случившемся в 1646 г., кратко сообщает составленная в первой половине XVIII в. Вторая редакция Устюжского летописца, при этом известие вставлено внутрь статьи 1619 г., что никак не оговорено публикаторами: «В лето 7154 году. Августа 1 день в 5 часу нощи от свещи иконы вси в церкви згорели, токмо един образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия изнесен, а церковныя стены от жару разшились» [ПСРЛ 1982: 121]. Вроде бы другие сведения о пожаре, случившемся в том году, неизвестны.

Многократно упоминается опустошительный пожар 1496 г., о котором сообщают все устюжские летописи, когда «месяца июля 29 день на память Калинника в 3 час нощи загорѣся церковь Успение изнутри, невесть от чего загорѣся, со всеми чюдотворными и с кузью, и сосуды, и книги, и не сняли замка...» [ПСРЛ 1982: 98]⁶. Вероятно, древняя чтимая Богородичная икона погибла именно тогда. В литературе также находятся сведения о других пожарах, в том числе — о примечательном пожаре 1631 г.

Как сообщает «Летописец» жившего в XVIII в. священника устюжского Успенского собора Льва Вологодина, «в лето 7139, а от Рождества Христова 1631 в пятом часу нощи от забытия возженныя свещи возгорелся огонь в соборной той церкви, и образы все погорели, един токмо образ пресвятыя Богородицы Одигитрия изнесен бысть. А стены церковныя от того пожара разселись» [ПСРЛ 1982: 140]. Это известие попало в труд другого священника — Николая Румовского, по словам которого собор «повредился до такой степени, что был разобран до основания» [Румовский 1862: 8–9]. Сведения о пожаре, случившемся от забытой свечи в 1631 г., были введены в научный оборот А. А. Титовым [Титов 1889: 59; Idem 1903: 6, 58] и в дальнейшем стали общепринятыми. При этом кто-то повторяет слова Румовского [Шильниковская 1987: 131], кто-то пишет более сдержанно, что «большой пожар в 1631 г. уничтожил и

⁶ См. также: [ПСРЛ 1982: 51, 108, 115, 136].

первое каменное здание собора» [Вздорнов 1976: 327]. В любом случае считается, что возведенный в 1550-х гг. собор перестраивали в XVII в., и причиной этой перестройки был пожар.

Однако описание бедствия 1631 г. обнаруживает удивительное сходство с тем, что сообщает вторая редакция Устюжского летописца о событии 1646 (7154) г., включая время пожара и его причину. Даже синтаксически известия весьма схожи. Ср.: «[Т]окмо образ пресвятыя Богородицы Одигитрия изнесен бысть. А стены церковныя от того пожара разселись» [ПСРЛ 1982: 140] и «токмо един образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия изнесен, а церковныя стены от жару разшились⁷» [Ibid.: 121].

Обнаруженный в сборнике-конволюте текст также повествует о свече на аналое, ставшей причиной пожара, и также называет точное время произошедшего: в пятом часу. Это заставляет думать, что, хотя такое бедствие, как пожар, не было редкостью для русских деревянных городов, одинаковых пожаров, начавшихся от забытой на аналое свечи, возможно, было все же два, а один. Важно при этом, что текст в найденной тетрадке, судя по бумаге, максимально близок по времени создания к названной в нем дате пожара. Есть и более веские, на мой взгляд, основания считать, что пожар случился именно в 1646 г.

На л. 12об.–13 рукописи читается пространная запись, из которой можно узнать, что текст был написан «многогрешным человеком дуксом неким ему же имя двухсотное с пятым и четыредесятое с осмым и седьмдесятое с пятьдесятым. И по алфавиту тридесятое слово, паки же нечисленное двацать осмое слово со едином и шестьсотное седьмдесятым // и второе и двусотное и двадешае паки с седьмдесятым и наконец осмое».

Тайнопись использует числовые значения букв славянского алфавита, изящно обозначая Ъ и Ш их порядковыми номерами в алфавите. Тем самым без большого труда устанавливается, что автором текста был князь («дукс») «Семионъ Шаховской», который, как давно было известно, не единственный раз зашифровывал свое имя [Разрешение старинной задачи].

Симеон Иванович Харя Шаховской (кон. XVI – 1654/5) — воевода, дипломат, церковный писатель, чья насыщенная приключениями жизнь достойна романа: воеводство во множестве отдаленных и не очень мест [Барсуков 1902: 598], успехи на дипломатическом поприще, четыре женьбы, две несостоявшиеся казни, ссылки — немало даже для богатого

⁷ Можно предположить, что слово «расшились» из статьи Устюжского летописца принадлежит переписчику, неверно прочитавшему скоропись предшественника, или даже публикаторам.

на события XVII столетия [Корсаков 1905; Буланин 2004]. М. В. Кукушкина называет С. И. Шаховского «самым плодовитым писателем Смутного времени» [Кукушкина 1974: 77], и, как известно, незаурядные писательские таланты князя позволили Э. Кинану объявить именно его автором Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному.

Однако для моего рассказа важнее, что в 1644 г. князь Шаховской попал в опалу, едва не был казнен, однако отделался ссылкой. Сам Семен Иванович сообщает, что в 1646 г. в «Егорьев день», т. е. 23 апреля, он был переведен из Усть-Колы в Великий Устюг, а оттуда в 1647 г. «на масленицу» в Сольвычегодск [Шаховской 1830: 69; Платонов 1888: 238]. Т. е. в августе 1646 г. князь Семен Шаховской находился в Великом Устюге, а следовательно, писал о том, чему был свидетелем. Иными словами, пожар случился в 1646, а не в 1631 г.

Кстати, о разрушении собора или хотя бы об обрушении его сводов в найденном сочинении ничего не говорится. А значит, нет необходимости связывать перестройку собора с последствиями пожара⁸. Проводившиеся архитектурные исследования показали, что никакого разрушения вообще не случилось: «[...] древние стены сохранились почти на всю высоту», а в 1617, 1643 и 1646 гг. «в соборе производились ремонты» [Бакеева 1983: 42, 41]. Очевидно, что последний как раз и был связан с пожаром от забытой свечи. Перестройка же собора производилась в 1663 г. [РИБ, 12: 373–375; Бакеева 1983: 45].

Легко представить себе, как возникла ошибка в дате. Кириллические цифры НД (54) в скорописи могут быть прочитаны неверно. Д часто сходно с «фитой» остроугольной формы, длинные «ножки» буквы Д иной раз почти соприкасаются под строкой. Буква Н, если вдруг ее часть написана недостаточно отчетливо, может напоминать Л. Таким образом, получаем ЛΘ (39), что при пересчете лета 7139 от сотворения мира и дает 1631 год. Так, по-видимому, прочел дату священник Лев Вологдин, которому мы обязаны укоренившейся в историографической традиции датировкой события.

⁸ Вообще сведения о перестройке собора крайне противоречивы. Повторяемая исследователями датировка строительства второго каменного собора в Великом Устюге с 1639 по 1658 г. [Титов 1903: 7, 58; Шильниковская 1987: 131] основывается на том же Летописце Льва Вологодина [ПСРЛ 1982: 140] и, очевидно, нуждается в проверке. Напротив, О. В. Бакеева и А. Н. Милорадович пишут, что в 1639 г. закончилось строительство собора, продолжавшееся 20 лет [Бакеева, Милорадович 1976]. При этом по Сотной книге 1630 г. каменный собор — очевидно, первый, построенный еще во времена Ивана Грозного, — благополучно стоит на своем месте [Устюг Великий 1883: 4]. Замечу также, что на панораме города на иконе Прокопия и Иоанна Устюжских 1649–1653 гг. из Государственного музея-заповедника «Коломенское» (инв. № Ж-927) виден неповрежденный пятиглавый храм.

* * *

Текст о пожаре в Успенском соборе Устюга — чрезмерно длинный, если учесть, что описание самого события умещается на полутора страницах. Все остальное — многословные и отчасти тавтологические рассуждения автора о христианском поведении и о значении события для спасения души, за которыми следуют ссылки на Евангелие и цитаты из посланий апостолов. Как замечает М. В. Кукушкина по поводу другого сочинения С. И. Шаховского, «так художественно и идейно направленно изложить историю столь незначительного события мог человек, обладавший писательским даром и умевший создавать произведения разных жанров» [Кукушкина 1987: 179]. Замечательно, что слова исследовательницы относятся к повести о еще одном пожаре — случившемся в Великом Устюге в 1610 г. вследствие удара молнии. Тема пожара, кажется, всерьез занимала князя Шаховского: им была написана одна повесть о пожаре — московском 1626 г. [Ibid.]. Но, конечно, надо сказать, что не только пожары занимали князя: в его творческом наследии Великому Устюгу отведено заметное место, поскольку Шаховской составил несколько текстов, посвященных устюжским чудотворцам Прокопию и Иоанну.

Отдельный интерес представляет собой уже упоминавшаяся выше заключительная часть исследуемого сочинения (л. 12об.–13). В ней князь не только называет себя, но и обращается к клирикам Успенского собора Великого Устюга с просьбой хранить его «писание» «во освященном храме сем»⁹. Соседство в конволюте издаваемого Слова с Житием преподобного Прокопия говорит о том, что и вся рукопись, весьма вероятно, происходит из Устюга. И хотя послесловие С. И. Шаховского начинается так: «Написана бысть тетратка сия...», это, конечно, не означает, что перед нами автограф князя. Похоже, что входящая в состав сборника тетрадь представляет собой ближайший по времени список с автографа князя С. И. Шаховского¹⁰, хранившегося в Успенском соборе города.

⁹ Замечательно, что в XIX столетии в Успенском соборе под № 42 хранились документы, обозначенные как «Переписка Иосифа, патриарха Московского, с Датским королевичем Волдемаром Христиановичем, в коей патриарх убеждает королевича принять исповедание греческое, яко истинное». Там же находилась и «Ответная грамота королевича». Все документы, по свидетельству Н. Л. Румовского, были написаны «скорописью деловою» [Румовский 1862: 45–46]. Нельзя исключить, что документы эти были оставлены в Устюге как раз Семеном Ивановичем Шаховским, чье участие в попытке связать Данию и Московское царство при помощи матримониального союза общеизвестно. И ссылка в Усть-Колу, а затем в Великий Устюг была как раз следствием особой позиции князя при обсуждении возникавших в связи с предполагавшейся женитьбой Вальдемара теологических вопросов [Буланин 2004: 277–278; Лукичев 1982: 103].

¹⁰ Сердечно благодарю М. В. Корогодину предоставившую мне возможность сравнить почерк тетрадки с почерками рукописи *БАН, Арханг. Кр. 51*, л. 91об.–118, на которых находятся две повести, атрибутируемые Семену Шаховскому.

Вероятно, оригинал мог не сохраниться или еще не обнаружен, но так же вероятно, что именно из него черпал сведения о пожаре священник Лев Вологдин.

Сочинение Семена Ивановича Шаховского изобилует прямыми и непрямыми цитатами из Евангелия и апостольских посланий, включает в себя фрагменты богослужебных текстов и отдельные позаимствованные из них клише. Особенно много цитат взято из Первого соборного послания ап. Иоанна (зачало 72) и 3 Послания к Римлянам ап. Павла (зач. 101). Возможно, не все цитаты удалось опознать. Хорошо знавший князя Шаховского дьяк Третьяк Васильев, как сообщает С. Ф. Платонов, называл его человеком, «не мало разумеющим божественного писания и приимшим по дару Божию много здравого учения» [Платонов 1888: 239]. В финальной части книжник практически отказывается от любых оригинальных построений, нагромождая одну на другую выдержки из Священного Писания и литургические клише, что тоже можно считать запоминающейся авторской манерой. При этом в финальной части сочинения С. И. Шаховской, известный и как автор поэтических текстов, включает в текст рифмы — не только парные, но и тройные глагольные, например: познаша — заплеваша — разпяша, телцу и юнцу — Богу и творцу и пр.

Это сочинение князя Шаховского в других списках неизвестно, поэтому приводим его здесь, не сохраняя, впрочем, графико-орфографические особенности рукописи. Пунктуация по возможности для удобства чтения приведена в соответствии с современными правилами.

Чюдо преславно и древним чудесем подобно, паче же плачу и умилению достойно, како содеяся во граде Устюге во храме соборном Пресвятыя Богородица Честнагои Славнаго ея Успения.

В лета 7154-го августа в 1, в пяты час ноци на память святаго апостола и первомученика архидиякона Стефана загореся в том священном храме Пречистыя Богородица от свечи налог¹¹, на немже поставлена была икона налоиная Пречистыя Богоматере Одегитрия. Налог же той близ суще Царских дверей по левую страну // анбона¹². И от того налога загореся анбон той и Царския двери, и вся местныя иконы по ону страну, и диисусы, и тябла все загорешася, даже и до самага верхя храмнаго пламеню вознесшуся, и кровле церковней касашеся. В том же бе храме Пречистыя Богоматере одесную страну входа церковнаго у дверей Царских

¹¹ Т. е. аналой.

¹² Т. е. амвон.

киот древен¹³, в немже бе многочюдесныи древнии образ Пречистыя Богородица Честнаго и Славнаго Ея Одигитрия, о неижже ведома и писания во граде Устюге несть, отколе бысть принесена сия икона или в том же граде иконником /4/ некоим искусным начертана. Но точию ведомо, яко чудесем мнозем бываемым от нея. Сия же многочюдесная икона заступлением первообразнаго ея ничим вредися, ни пелен¹⁴ тоя святыя иконы огненный пламень коснуся. Киоту же тоя иконы всему поплевшу¹⁵, иным же частем и до конца изгоревшу.

И по некоему смотрению Божию прилучися людем некоим града того приитти с путнаго шествия и ко церкви тоя хотяще приблизитися поклонения ради // чудотворному сему образу, понеже обычаи имеют народи града того приходити во дни и в нощи к соборному храму сему и, приницающе оконцем, поклонятися пречистней иконе сеи. Еще им суще далече грядуще и слышаше¹⁶ стук, грохот во священном храме том, пламяни ж не видяще. И не смеяху приступити и видети бывшее, чающе того татми крадому. И возвратяся вспять, бежаша по улицам, искаше¹⁷ пономаря поведати ему слышенная хотеша. И случися им /5/ по посадку мимо ключарева дому, ключарь же тоя соборныя церкви в дому своем бдяще и оконцем на улицу зряще¹⁸, и видев людеи сих не по обычаю текуще и велми клопуще¹⁹, и вопросы их о вещи. Они же поведаша ему, како стук и грохот во церкви слышаша. Ключарь же тоя соборныя церкви²⁰ аки трепетен бысть и, востав, бежаша ко церкви. И приник оконцем, иже бе на дверех храма того устроено поклонения ради чудотворныя иконы, и видев пламянь велии во церкви растилашеся²¹ // всюду. И отверзъша врата церковныя и обрете ю всю пламянем объяту и куряшеся велми, сию же чудотворную икону Пречистыя Богоматере Одигитрия — во пламени сущу целу и ничим врежденну. И прочая местныя иконы страны десныя

¹³ Как сообщает Сотная книга 1630 г., «образ местной Пречистыя Богородицы Одигитрия в киоте стоит возле Царских дверей» [Устюг Великий 1883: 4].

¹⁴ «...пелена на преди образ Пречистыя Богородицы шита по тафте шелки розными цветы, а по край шиты святыя, а на образу на верху возглавие шито по камке, да над возглавием деисус, шит золотом да серебром, да по образу убрус комчатой, по концам низано жемчугом» [Устюг Великий 1883: 4–5].

¹⁵ Поплети — обгореть.

¹⁶ Форма имперфекта ед. ч. написана вместо причастия мн. ч., что, как кажется, свидетельствует о невнимательности переписчика. Сам Шаховской едва ли допустил бы такую ошибку.

¹⁷ Должно быть: искаша — мн. ч.

¹⁸ Бдяще и зряще — ошибочно использованные причастия мн. ч.

¹⁹ Клопътати — шуметь, гремять, стучать. Ожидалась бы форма *клопчуще.

²⁰ В 1646 г. ключарем собора был некто «Михайло Филипов сын» [Румовский 1862: 111].

²¹ Буквы «сти» ошибочно написаны дважды.

и во олтари святая трапеза такожде пламянем не врежденна, но точию киот священныя сия иконы погоре, якоже и напреди о сем рехъ. Он же взем икону ту, и изнесе ю вне церкви.

И сие чудо, братие, паки древних чудес новеише и паки преславнеише: како пламену /6/ яростному всю церковь пожигаюшу и попадающе, а сия же чудотворная икона ничим врежденна. Умилно убо, братие, видети и ужасно глаголати страха исполнено, како церковь Божия Пречистыя Богоматере, яко невеста, украшенна бысть древними лепотами, и во едином часе вся утварь церковная обличение грех наших огнем пояденна и, яко отроковица, лепоты своя обнаженна, плакася и рыдая, и сетуя красоты своя. Обаче же не до конца Богу милость свою отсече, но остави граду // на веселие и церкви своей паки на просвещение сию многочюдесную икону, да видяще тоя чудеса веселятся людие, кающесе и плачущесе грехов своих.

Не мните убо, братие, яко просто сия содеяся! По истине — на обличение грех наших, яко и на смоковнице древле Спас показа притчею²² во обличение неплодства иудейска, такожде и нашего ради согрешения Господь наш Иисус²³ Христос образа своего начертаннаго по смотрению не пощаде. Мы же, аще и мнимся, яко угодное Богу творити, с пением /7/ и лики по улицам градским ходити, и во многошумныя колокола звонити, и тем грехопадения избыти.

Сих убо, по Господню словеси, подобает творити, обаче же вящая закону не оставляти, суд правды любити и по верховному всяку злобу и лесть и лицемерие и клевету, и зависть отложить, и всем сердцем и всею душею заповедь Божию возлюбити²⁴, и темь празднования Божия составлять не торжественне, но Божественне, не мирскы, но премирне, не лики составим, не стогны украсим, не преддверия // венчаем, не насыщаемся очесы, не отворяем слуха, не ухания ослабим, не вкуса усладим, не пиршествы возвеселимся, не златоблистанными ризами украсимся, не помазанием лиц умудримся, лжуще на естественную доброту. Паки же ни пьянствы, ни объядением, ни осязанием, ни беззаконным смешением, но сия убо вся поганым языцем оставим, елинскому кичению и празднованию, иже боги их шкваром радующеся, тии же последующе своим богом, паче же реку, /8/ бесом, упиваются и объдаются, чреву угождающе.

Нам же, христианом, подобает словесем Господним и Божественным его законом, и повестями питатися, якоже есть писано во святом Евангелии: «Человек, — рече, — некии приступи ко Иисусу, кланяяся ему и

²² Имеется в виду «Притча о смоковнице» (Лк 13:6–9).

²³ Поскольку текст был написан Семеном Шаховским до реформ середины XVII в., то восстанавливаю более архаичное написание имени Иисус.

²⁴ Парафраз слов Христа; см.: Мф 22:38.

глаголя: “Учителю благии, что сотворю, да живот вечныи наследствую?” Иисус же рече ему: “Заповеди веси: не прелюбы сотвори, не уби, не укради, не лжесведетелствуи, чти отца твоего и мать и, елико // имаши, продай и отдай нищим, и будеши совершен и имаши имети сокровище на небесех”²⁵.

Видите ж, отцы и братия, и всяк возраст святорусиискаго народа, заповедь Божию. Яко не рече Бог: пением и лики, кимвалы и тимпаны, и тяшками камбаны, и жены украшающе, и подписующе лица своя крапы²⁶, и одеяние многоценное носяще, и выя своя бисеры и каменными драгими облагающе, угодна ими творите. Но сия вся, яко напреди рех, то храните /9/ к сему же суд и правду²⁷ возлюбите, и сира и вдову сущу, и пришельца в дом свои введите²⁸. Надо всеми же сими любовь стяжите, якоже есть писано о сем.

Рече: «Познахом любовь, яко Христос по нас душу свою положи, и мы должны есмы по братии душа полагати. Иже бо имат богатство мира сего и видит брата своего требующа и затворит утробу свою от него, како, рече, любяи Божия пребывает в нем?»²⁹ «Всяк, — рече, — не творяи правды и не любяи брата своего несть // от Бога»³⁰. Яко паки реченно суть самим Господем ко иудеомъ: «Заповедь нову даю вам, да любите друг друга, якоже возлюбих вы. О семь разумеют вси, яко мои ученицы естя. Аще любовь имате между собою»³¹. И паки возлюбленные ученик: «Всяк, рече, не творит правды, и не любяи брата своего несть от Бога, яко се есть завещание, еже слышасте исперва, да любим, рече, друг друга, не якоже Каин от неприязни уби брата /10/ своего и за кую вину уби его, яко дела лукава беша, а брата его праведны»³². «Не любяи бо, — рече, — брата пребывает в смерти»³³. «Всяк, — рече, — ненавидяи брата своего, человекоубица есть. И весте, яко всяк человекоубица не имат живота вечнаго, в себе пребывающа»³⁴.

²⁵ Сюжет присутствует во всех синоптических Евангелиях (Мф 19:16–19; Мк 10:17–19; Лк 18:18–20).

²⁶ Крап — красная краска; здесь — румяна.

²⁷ Суд и правда нередко встречаются вместе в текстах Священного писания, например, 2 Цар 8:15, 3 Цар 10:9, Пс 98:4, 118:121.

²⁸ Упоминание сироты, вдовы и пришельца — своеобразное клише, которое встречается в текстах Священного Писания неоднократно; здесь, вероятно, аллюзия на текст Второзакония (Втор 10:18) или Псалтири (Пс 145:9).

²⁹ Цитата из апостольского послания: 1 Ин 3:16–17.

³⁰ 1 Ин 3:10.

³¹ Евангелие от Иоанна (Ин 13:34–35).

³² 1 Ин 3:11–12.

³³ 1 Ин 3:14.

³⁴ 1 Ин 3:15.

И о сем толико да не стужаю слухом вашим многословием, но точию молю вы, отцы и братие, да не зазрите моему малоумному дерзновению, яко написах тетратку сию не во обличение, но на лутчшее исправление и чудесем на воспоминавание. Паче же к Богу имети дерзновеное, а не унынием // отпадати, по апостолу, реку: «Елицы убо, братие, страхом смерти по всему житию повинни беша работе»³⁵. «Не ангелы убо приемлет, но семя Аврамле приемлет»³⁶. семя же Аврамле, глаголет, не иудеи точию, но и языцы верующеи во имя Исус Христово³⁷. Якоже тоиже глаголет: «Ихже, — рече, — предуготова во славу тех и призва не точию ото иудеи, но и от язык»³⁸. Якоже некто ин глаголет: «Нареку не люди моя люди моя и не возлюбленну — возлюбленну»³⁹. Что убо речем, яко языцы, не гонувшии /11/ правды, постигоша правду, и «Израиль же, гоняи закон правды, в закон правды не постиже»⁴⁰. «Предкоша(!) бо ся о камень претыкания, якоже есть писано: Се полагаю в Сион камень соблазны, и всяк веруаи в онь не постыдится»⁴¹. Они бо аще и семя естественное Авраамле суть, обаче же телцу и юнцу поклонишася, и Веелфегору послужаши⁴². Надо всеми же сими творца своего не познаша и пречистое лице ему заплеваша⁴³ и на крест того разпяша. Се есть, речется камень претыкания. Мы же языцы — новии Израиль — Христовы есмь, ибо «семя Авраамле // и по обетованию наследницы»⁴⁴. Творца своего познахом и нас ради распятаго прияхом, и в смерть его крестихомся, и тому поклоняемся, не яко телцу и юнцу, но самому Богу и творцу. Аще ли яко и человецы согрешаем, обаче же падающе встаем и ко творцу своему прибегаем. И паки древняго образа взыскуем, он же милостив к согрешающим бывает, но паки, яко юнеишаго воспринимает и кровь его ото всякого греха нас очищает. Сего ради пострада сам, искушен быв, может и нападствующим помощи. Еще же мы, христьяне имамы /12/ помощницу пречистую Богородицу — непостыдную надежду. К тои прибегаем и всю свою надежду на ню полагаем, и на [тои] священнии чудотворнии образ ея взираем, умилно глаголемъ: О, пренепорочная и преблаженная и всепетая Христа Бога нашего Мати! моли сына своего творца всех и Бога, да милостив

³⁵ Евр 2:15.

³⁶ Евр 2:16.

³⁷ Парафраз слов апостола Павла (Рим 4:16).

³⁸ Рим 9:23.

³⁹ Рим 9:25.

⁴⁰ Рим 9:31.

⁴¹ Рим 9:32.

⁴² Парафраз Пс 105:28.

⁴³ Аллюзия на Мф 26:67.

⁴⁴ Гал 3:29.

будет рабом своим в нынешнем веце и в будущем, и остави нам прегрешения наша, помяни в свою благодать. Ты же, премилосердая Владычице, рождшия всех стых святейшее Слово, нынешнее наше словесное приношение и коленопоклоняние преемши, от всякия // напасти избави всех и грядущая изми муки вопиющая ти: аллилуйя⁴⁵.

Написана бысть тетрадка сия многогрешным человеком дуксом неким, ему же имя двухсотное с пятым и четыредесятое с осмым и седьмдесятое с пядесятым. И по алфавиту тридесятое слово паки же нечисленное дватцат осмое слово со едином и шестьсотное с седьмдесятым /13/ и второе и двусотное и двадесятое, паки с седьмдесятым и наконец осмое.

Вас же молю, православных читателей и соборного храма сего настоятели вкупе же и весь причет, примите сие писание и прочтите. И аще ли потребно и вы во освященном храме семь то храните. И аще ли не потребно, и вы огнем запалите. А трудившагося не клените, но человеколюбно разсудите и паки за нь Бога молитесь. Да просветит и вразумит и на всяку истинну наставит за молитв ваших. Аминь.

Сокращенные названия архивов

БАН — Отдел рукописей Библиотеки академии наук

Рукописи

БАН, Арханг. Кр. 51

Сборная рукопись. XVII в. (1-я пол.), БАН, Архангельское собрание, Красногорский монастырь.

Библиография

Бакеева 1983

Бакеева О. В., Успенский собор в Великом Устюге. Результаты исследований и проект реставрации, *Градостроительство. Теория и практика. Межвузовский тематический сборник трудов*, Ленинград, 1983, 40–45.

Бакеева, Милорадович 1976

Бакеева О. В., Милорадович А. Н., Новые сведения об Успенском соборе в г. Великий Устюг (по материалам исследований 1975 г.), *Охрана, реставрация и изучение памятников архитектуры и живописи Вологодской области. Научная конференция. Вологда, 8–9 июля 1976. Тезисы докладов и сообщений*, Вологда, 1976, 30–31.

Барсуков 1902

Барсуков А. П., *Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского Государства XVII столетия*, С.-Петербург, 1902.

Буланин 2004

Буланин Д. М., Шаховской Семен Иванович, *Словарь книжников и книжности Древней Руси, 3: XVII век, 4*, С.-Петербург, 2004, 275–286.

⁴⁵ Кондак 13 из Акафиста Божией Матери.

- Вздорнов 1976
Вздорнов Г. И., Об иконе Богоматери Одигитрии из Великого Устюга (легенда и действительность), *Средневековая Русь*, Москва, 1976, 325–331.
- Герасимов 1963
Герасимов А. А., *Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения*, Москва, 1963.
- Дианова 1989
Филигрань «кувшин» XVII в., Т. В. Дианова, сост., Москва, 1989.
- Дианова, Костюхина 1988
Филиграни XVII века по рукописным источникам ГИМ. Каталог, Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, сост., Москва, 1988.
- Корсаков 1905
Корсаков Д., Шаховской Семен Иванович, *Русский биографический словарь*, 22: Чаадаев–Швитков, С.-Петербург, 1905, 586–589.
- Кукушкина 1974
Кукушкина М. В., Семен Шаховской — автор Повести о смуте, *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1974*, Москва, 1975, 75–78.
- 1987
Кукушкина М. В., Повесть о пожаре 1610 г. в Великом Устюге, *Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР*, 1985, Ленинград, 1987, 176–183.
- Лукичев 1982
Лукичев М. П., Новые материалы к биографии С. И. Шаховского, В. И. Буганов, ред., *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей*, Москва, 1982, 99–107.
- Моисеева 2010
Моисеева С. А., Сюжет придворного диспута с иудеем в арабо-христианской агиографии, *Вестник ПСТГУ. III: Филология*, 4 (22), 2010, 32–43.
- Панченко 2010
Панченко К. А., Иоаким I, *Православная энциклопедия*, 23, Москва, 2010. 160–163.
- Платонов 1888
Платонов С. Ф., *Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник: Исследование С. Ф. Платонова*. С.-Петербург, 1888.
- Позняков 2000
Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи, О. А. Белоброва, подгот. текста, пер. и коммент., *Библиотека литературы Древней Руси*, 10: XVI век, С.-Петербург, 2000, 48–93.
- ПСРЛ 1982
Полное собрание русских летописей, 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв., сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина, Москва, 1982.
- Разрешение старинной задачи
Разрешение старинной задачи из Троицкой Лавры, *Москвитянин*, 8, 1851.
- Румовский 1862
Румовский Н. Л., *Описание Великоустюжского Успенского собора*, Вологда, 1862.
- РИБ, 12
Русская историческая библиотека, 12: Акты Холмогорской и Устюжской епархий, 1: 1500–1699 гг., С.-Петербург, 1890.
- Титов 1889
Титов А. А., *Летопись Великоустюжская*, Москва, 1889.

——— 1903

Титов А. А., *Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку XIII–XX вв.*, Москва, 1903.

Устюг Великий 1883

Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. Москва, 1883.

Хождение 1887

Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока. 1558–1561 гг., под ред. Х. М. Лопарева (= Православный палестинский сборник, 18), С.-Петербург, 1887.

Шаховской 1830

Шаховской С. И., Домашние записки, *Московский вестник*, 5, 1830, 61–72.

Шильниковская 1987

Шильниковская В. П., *Великий Устюг*, 2-е изд., доп., Москва, 1987.

References

Bakeeva O. V., Miloradovich A. N., *Novye svedeniia ob Uspenskom sobore v g. Velikii Ustiug* (po materialam issledovaniu 1975 g.), *Okhrana, restavratsiia i izuchenie pamiatnikov arkhitektury i zhivopisi Vologodskoi oblasti. Nauchnaia konferentsiia. Vologda, 8–9 iulia 1976. Tezisy dokladov i soobshchenii*, Vologda, 1976, 30–31.

Bakeeva O. V., *Uspenskii sobor v Velikom Ustiuge. Rezul'taty issledovaniia i projekt restavratsiia. Gradostroitel'stvo. Teoriia i praktika. Mezhdvuzovskii tematicheskii sbornik trudov*, Leningrad, 1983, 40–45.

Belobrova O. A., ed., *Khozhdenie na Vostok gostia Vasiliia Pozniakova s tovarishchi, Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, 10: *XVI vek*, St. Petersburg, 2000, 48–93.

Bulanin D. M., *Shakhovskoi Semen Ivanovich, Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3: *XVII vek*, 4, St. Petersburg, 2004, 275–286.

Dianova T. V., ed., *Filigran' «kuvshin» XVII v.*, Moscow, 1989.

Dianova T. V., Kostiukhina L. M., eds., *Filigrani XVII veka po rukopisnym istochnikam GIM. Katalog*, Moscow, 1988.

Geraklitov A. A., *Watermarks of the XVIIth cen-*

ture in paper of manuscript and printed documents of Russian origin, Moscow, 1963.

Kukushkina M. V., *Povest' o pozhare 1610 g. v Velikom Ustiuge, Materialy i soobshcheniia po fon-dam Otdela rukopisnoi i redkoi knigi Biblioteki Akademii nauk SSSR*, 1985, Leningrad, 1987, 176–183.

Kukushkina M. V., Semen Shakhovskoi — avtor Povesti o smute, *Monuments of culture. New discoveries. Pis'mennost'*. *Iskusstvo. Arkheologiia. Ezhegodnik*. 1974, Moscow, 1975, 75–78.

Lukichev M. P., *Novye materialy k biografii S. I. Shakhovskogo*, V. I. Buganov, ed., *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR dooktiabr'skogo perioda: sbornik statei*, Moscow, 1982, 99–107.

Moiseeva S. A., *The Court Debate between a Christian Saint and a Jew as a Plotin Arabic Christian Hagiography*, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 4 (22), 2010, 32–43.

Panchenko K. A., Ioakim I., *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 23, Moscow, 2010, 160–163.

Shil'nikovskaia V. P., *Velikii Ustiug*, 2nd ed., Moscow, 1987.

Vzdornov G. I., *Ob ikone Bogomaterii Odigitrii iz Velikogo Ustiuga (legenda i deistvitel'nost')*, *Srednevekovaia Rus'*, Moscow, 1976, 325–331.

Александр Львович Лифшиц, кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Лаборатории лингвосомиотических исследований

Национального исследовательского университета

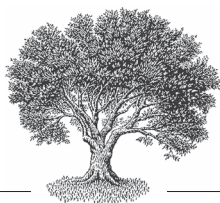
«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4с1

Россия / Russia

allifshits@gmail.com

Received July 12, 2023

Как «толстый»
журнал изменил
заглавия русских
романов: эволюция
2000 заглавий
(1763–1917)*

How “Thick”
Journal Changed
the Titles of Russian
Novels: The Evolution
of 2000 Titles
(1763–1917)

**Дарья Александровна
Челнокова**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Daria A. Chelnokova

HSE University,
Moscow, Russia

**Алексей Владимирович
Вдовин**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Alexey V. Vdovin

HSE University,
Moscow, Russia

Борис Валерьевич Орехов

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Boris V. Orekhov

HSE University,
Moscow, Russia

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Цитирование: Челнокова Д. А., Вдовин А. В., Орехов Б. В. Как «толстый» журнал изменил заглавия русских романов: эволюция 2000 заглавий (1763–1917) // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 143–167.
Citation: Chelnokova D. A., Vdovin A. V., Orekhov B. V. (2023) How “Thick” Journal Changed the Titles of Russian Novels: The Evolution of 2000 Titles (1763–1917). *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 143–167.
DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.07

Резюме

На материале датасета из 2036 заглавий русских романов с 1763 по 1917 г. в статье ставится вопрос об эволюции средней длины заглавия за 150 лет истории оригинальных (не переводных) романов. В отличие от британских романов, в которых заглавия, согласно гипотезе Ф. Моретти, укорачивались в результате рыночной конкуренции, заглавия российских романов начиная с 1840-х гг. становились короче в первую очередь за счет влияния толстого журнала как особой культурной формы и институциональной рамки. Ведущие российские критики, обладавшие большим авторитетом, задавали тренд на короткие и более символически нагруженные заглавия, дискредитируя архаичные и длинные названия, характерные для жанров авантюрно-плутовских романов. Кроме того, оказалось, что укорачивание заглавий повлекло за собой изменение в соотношении элементов: дополнительная метатекстуальная информация (аннотация, жанр, автор) с 1830-х гг. почти полностью ушла из заглавия в подзаглавие, вследствие чего заглавия приобрели особый художественный статус и большую смысловую значимость.

Ключевые слова

роман, заглавие романа, толстый литературный журнал, литература Российской империи, цифровые гуманитарные исследования

Abstract

Using a dataset of 2,036 titles of Russian novels from 1763 to 1917, the article raises the issue of average title length evolution over 150 years of the history of original novels. Unlike British novels, in which, according to Franco Moretti's hypothesis, the titles became shorter due to market competition, the titles of Russian novels from the 1840s onwards became shorter primarily due to the influence of the 'thick journals' as a particular cultural form and institutional framework. Lead and authoritative Russian critics set the trend towards the usage of shorter and more symbolically loaded titles, discrediting the archaic and long titles common for picaresque novels. In addition, it turned out that the shortening of titles led to a change in the correlation of their elements—additional metatextual information (abstract, genre, author), since the 1830s almost completely left the title to the subtitle. As a result, the titles acquired a special artistic status and greater semantic significance.

Keywords

novel, novel title, thick journals, literature of the Russian Empire, digital humanities

Историки русской литературы широко и единогласно разделяют представление о том, что «толстые» журналы XIX в. на протяжении почти всего столетия были основным местом публикации многих ставших каноническими произведений русской литературы и тем самым

существенно определили ее современный облик [Зыкова 2005; Рейтблат 2009: 38–53; Тодд 2020: 11–45; Maguire 1998: 7; Belknap 1998: 91; Kahn et al. 2018: 427–428]¹. Вместе с тем до сих пор большинство подобных исследований (за исключением некоторых работ А. И. Рейтבלата) по естественным причинам носили историко-литературный или социологический характер, а большие выборки и массивы данных не использовались для подтверждения или опровержения устоявшегося мнения. В этой статье мы предлагаем проверить указанную выше гипотезу на материале метаданных оригинальных русских романов, опубликованных с 1763 по 1917 г. Интуитивно кажется, что подавляющее большинство классических русских романов от Пушкина до позднего Льва Толстого публиковалось в толстых журналах. Так ли это на самом деле, поможет выяснить подготовленный нами датасет, в котором отражены места первых публикаций 2036 романов. На самом деле, он позволил нам поставить гораздо более сложные и интригующие вопросы, связывающие воедино историю жанра романа и историю медиа — культурной формы толстого журнала. В этой статье мы сосредоточились на эволюции длины заглавий русских романов и корреляцией между заглавием и жанровым подзаглавием. Выбор проблемы был обусловлен, с одной стороны, тем, что подобного рода исследование может быть проведено без полнотекстового романного корпуса, а с другой — тем, что аналогичное исследование на англоязычном материале уже было проделано Ф. Моретти и дает нам прекрасный компаративный материал [Моретти 2016].

Наше исследование показало, что в Российской империи с 1763 по 1917 г. средняя длина заглавий становилась короче и примерно с 1850-х гг. стабилизировалась, упав в среднем до двух слов. Однако произошло это не в результате рыночной конкуренции, как утверждает Моретти применительно к Великобритании на рубеже XVIII–XIX вв. [Моретти 2016: 260–261], а в силу совокупности требований к романам, публикуемым именно в толстых журналах. Иными словами, романские заглавия сжимаются и принимают всем известный и афористичный вид типа «Рудин» или «Преступление и наказание» именно на страницах толстых журналов, эстетика и идеология которых начиная с 1840-х гг. переломила прежнюю тенденцию и стала задавать тон в авторских стратегиях озглавливания. Как показали наши замеры, средняя длина заглавий романов, выходивших отдельными изданиями, укорачивалась значительно медленнее и хаотичнее, чем у тех, что печатались в периодике. Кроме

¹ Ср. риторический вопрос Р. Марвайра: «Can it be mere coincidence that the rise of the novel and of large-scale critical essays coincided with the rise of the thick journal, and that all these forms declined simultaneously too?» [Maguire 1998: 7], а также тезис Р. Бэлнепа: «The journals provided an initial place of publication for virtually all works in Russia's great novelistic tradition» [Belknap 1998: 91].

этого, в толстых журналах был локализован влиятельный социальный институт — литературной критики, также внесший вклад в становление моды на определенный тип заглавий и дискредитацию других.

Наконец, взгляд на большой массив подзаглавий и изучение корреляций между ними и основными заглавиями, привел нас к выводу, что за сокращением длины заглавий последовало изменение в соотношении элементов заголовочных комплексов: дополнительная метатекстуальная информация (аннотация, жанр, автор) к середине XIX в. почти полностью ушла из заглавия в подзаглавие, вследствие чего заглавия приобрели особый художественный статус и большую смысловую значимость, а подзаглавия превратились во вспомогательную и отчасти метаописательную часть (например, «исторический роман из эпохи Ивана Грозного»). Примерно с 1830 г. в Российской империи начало выходить больше романов с подзаголовками, чем без них. Информация о жанре, авторе, адресате, кратком содержании уходит из заглавия и начинает визуализироваться на обложке книги и в оглавлении *значительно меньшим* шрифтом как поясняющая, а не смыслообразующая.

1. Материал и методология исследования

Исследование проводилось на основе датасета², созданного в рамках Большого проекта «Литература и общество: опыт социокультурного описания» (НИУ ВШЭ, Москва). Рабочая таблица содержит 2036 заглавий романов, опубликованных с 1763 по 1917 г. (включительно).

Из всех указанных в сноске справочников отбирались только написанные изначально на русском языке (не переводные) прозаические произведения, обозначенные в первом издании как «роман» и опубликованные в период с 1763 по 1917 г. Напечатанные позже последней даты или оставшиеся в рукописи романы в датасет не включались. Команда проекта не проводила фронтальной выборки всех произведений с подзаголовком «роман» в онлайн-каталоге РНБ и РГБ. Отсюда следует, что в датасет не попало, по самой скромной оценке, несколько сотен романов малоизвестных авторов, не включенных в словари и справочники, а также анонимных или не учтенных в словарных статьях томов «Русские писатели 1800–1917».

² Датасет создан на основе следующих библиографических справочников: Словарь «Русские писатели», 6 томов (включены также наиболее крупные романисты с фамилиями на буквы Ш–Я из готовящегося 7-го тома словаря); Словарь «Русские писатели XVIII века»; [Мезьер 1902; Ребеккини 1998; Рейтблат 2014; Топоров 1902; Сиповский 1901]. Также были просмотрены созданные ранее волонтерами другого нашего проекта росписи журналов: «Отечественные записки» (1849–1867), «Сын Отечества» (1826–1840), «Библиотека для чтения» (1834–1861), «Москвитянин» (1841–1855), «Русский вестник» (1863–1877, 1893–1905), «Русское слово» (все номера), «Репертуар и пантеон» (все номера).

Требует пояснения и дефиниция «роман». Жанровая категория произведения, данная ему в авторитетном библиографическом справочнике, откуда бралась информация, была проверена нами по подзаголовку в первой публикации. Оказалось, что слово «роман» фигурировало в авторских подзаголовках лишь в 1522 (возможна 5% погрешность) случаев из 2036, т. е. в 75% случаев. На наш взгляд, этот показатель свидетельствует о довольно высокой, хотя и не стопроцентной репрезентативности жанровой спецификации в датасете и указывает на довольно существенный (25%) сдвиг в понимании жанра «роман», очевидно, произошедший уже во второй половине XX в., когда было издано большинство использованных нами библиографических справочников. Такой разрыв в восприятии жанра не представляется нам фатальным и препятствующим исследованию. Категории жанра, как хорошо известно из теоретико-литературных работ, являются не раз и навсегда зафиксированными, но исторически подвижными в плане эволюции их читательского и исследовательского восприятия. Более того, публикация все новых и новых произведений одного жанра задним числом корректирует всю предшествующую его историю.

В редких случаях в датасет были включены произведения с современным наименованием «повесть», опубликованные в XVIII в. (1770-е — 1780-е), поскольку на раннем этапе развития жанра русского романа жанр повести был популярнее. Многие «повести» XVIII в. в современных исследованиях часто именуется романами (чего нельзя сказать о произведениях середины и 2-й половины XIX в.) и по объему достаточно пространны. Это не относится к жанру «сентиментальной повести» (Карамзин и др.), не включенному в датасет.

В датасет вошло несколько романов и повестей XVIII в., которые не являются полностью оригинальными авторскими сочинениями (например, повесть «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцывене», переложенная Андреем Филипповым по мотивам более ранней рукописной повести).

Отбирались только первые издания романов. Переиздания не включались. Следует сделать оговорку, что в датасете теоретически все же может обнаружиться несколько романов, проиндексированных в нем годом не первого, а второго или третьего издания. Это возможно в случаях, когда этот год ошибочно фигурирует в источниках датасета и не был своевременно обнаружен и исправлен. Для каждого романа в датасете указаны автор, заглавие, подзаглавие (по первой публикации), год начала публикации романа, место первого издания (отдельное издание, журнал, газета, альманах или том в собрании сочинений), город публикации романа, жанровый тэг (авантюрный, исторический и т. д., указан для 1962 романов).

Принципиально важными для исследования оказались в первую очередь следующие метаданные: автор, заглавие, подзаглавие, год начала публикации романа, место первого издания. Дифференциация заглавия и подзаглавия открывает возможность для исследования их корреляции и ее эволюции, однако прежде всего нам предстояло выяснить, какую часть заголовочного комплекса следует отнести непосредственно к заглавию.

В отечественных исследованиях не существует единой и консенсусной теории заглавия, по-разному трактуются его функции и грамматический статус. Границы заглавия также неоднозначны. Моретти в своей статье также не рефлексировала над этой проблемой, уводя ее в сноски и, судя по всему, отсекая часть материала (за что его справедливо упрекает один из рецензентов русского перевода книги [Рейтблат 2018: 58–59]). Один из пионеров в исследовании заглавий С. Крижановский компромиссно замечал, что несмотря на то, что он исследует лишь «заглавие наголо», в некоторых случаях можно считать заглавием систему нескольких затекстовых элементов, а не только название текста. Один из примеров, который приводит Крижановский, — «Исповедь» Августина, «Исповедь» Руссо и «Исповедь» Толстого. В этих случаях фамилии авторов Исповедей получают «озаглавливающую силу, особый предикативный смысл» [Крижановский 2006: 5].

В некоторых случаях подзаголовок может брать на себя функции наравне с названием. Сравним три заголовочных комплекса:

1) «Торжествующая добродетель, или Жизнь и приключения гонимого фортуною Селима. Истинная повесть, в восточных странах происходившая и по свидетельству самовидца на российском языке сочиненная Д. Зиновьевым»

2) «Илья Пройдохин. Открытая тайна на некоторых, или Горе от ума или горе без ума»

3) «Чувствительный и холодный. Два характера».

Все они имеют одинаковую структуру: «Заглавие. Подзаглавие». Однако две части заголовочного комплекса соотносятся в каждом случае по-разному. В первом примере подзаглавие поясняет содержание романа, указывая на его жанровую особенность и автора, т. е. представляет собой затекстовую информацию, слабо связанную с самим заглавием. Во втором случае и заглавие, и подзаглавие имеют форму отдельных полноценных заглавий: «Илья Пройдохин» — это заглавие-антропоним, «Открытая тайна на некоторых, или Горе от ума или горе без ума» — типичное двойное заглавие. Однако эти части разделены точкой, поэтому мы не можем считать их единым тройным заглавием, состоящим из одиночного и двойного. Подзаглавие повести Н. М. Ка-

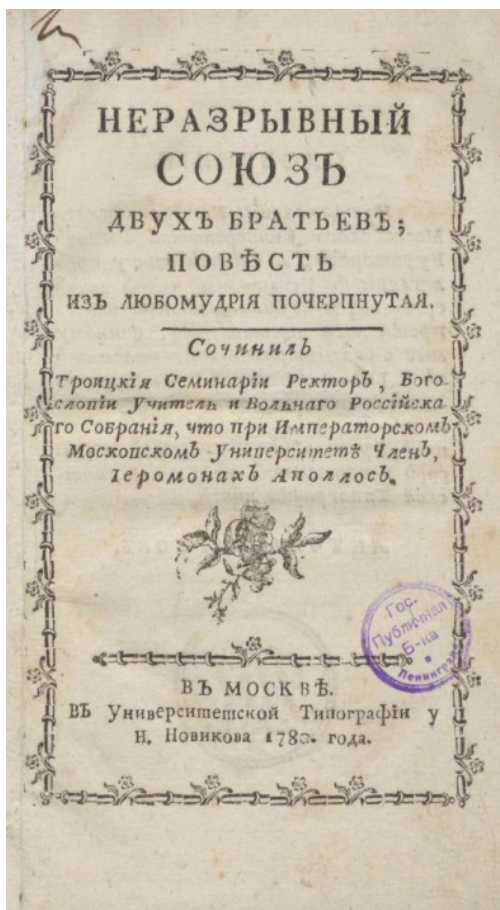
рамзина является прямым художественным пояснением к заглавию и означает, что тема «чувствительного и холодного» будет развита в тексте в психологическом ключе, но элементы заголовочного комплекса были напечатаны в первом издании шрифтами разного размера.

Легко заметить, что все эти примеры заглавий взяты из ранней истории русской прозы до периода ее наиболее признанных в мире романских свершений, когда заглавия были гораздо длиннее и многосоставнее по структуре. Чтобы сделать подобное наблюдение, совершенно не нужно считать слова: достаточно сравнить громоздкие заглавия пары романов XVIII в. с краткими названиями романов Тургенева, Толстого и Гончарова. Тем не менее, история заглавий не так проста, как кажется, и тесно переплетена с историей книжной материальности. Р. Шартье напоминает, что «материальность текстов и текстуальность письменных объектов неотделимы друг от друга» [Шартье 2006: 9]. Эволюция типографских, полиграфических и книгоиздательских технологий, практик издания и оформления толстых журналов были самым непосредственным образом связаны с соотношением заглавия и подзаглавия текста. На титульных листах XVIII в. (см. Ил. 1) каждая новая строка заголовочного комплекса зачастую печаталась новым шрифтом другого размера и начертания, вероятно, для привлечения внимания, однако соотносимость начала заглавия и его окончания все же сохранялась, что, очевидно, и позволяло воспринимать их скорее как единое целое, хотя и состоящее из главной и пояснительной частей. В XIX в. заголовочный комплекс все чаще начал разбиваться на визуально доминирующую, напечатанную крупным шрифтом часть (заглавие), и поясняющую, дополнительную, напечатанную мелким шрифтом (подзаглавие), которая могла отделяться отбивкой и печататься в скобках. В таких случаях читатель получал совершенно четкий сигнал, что сверху — заглавие, а ниже — подзаголовок.

А. И. Рейтблат обращает внимание и на такой параметр, как книжный формат: романы и повести для неискушенных читателей издавались меньшим форматом и, соответственно, площадь титульных листов существенно ограничивала длину заглавий, которые должны были своим крупным шрифтом привлекать покупателя [Рейтблат 2018: 58].

Готовя романский датасет, мы обращали особое внимание на подзаглавия романов и старались, насколько это возможно, проверить их *de visu* по первой публикации, отражающей моду и «дух времени»³. Очень часто при переиздании сериализованного в журнале романа отдельной книгой или в составе собрания сочинений спустя много лет у романа

³ Небольшой процент подзаглавий нам не удалось проверить *de visu* (это в первую очередь ветхие газеты и редкие издания).

Ил. 1. Титульные листы романа 1780 г. (слева, РНБ) и романа 1895 г. (справа, РГБ)

исчезал или менялся подзаголовок. Это, в свою очередь, приводило к тому, что современные текстологи, руководствуясь принципом последней авторской воли и печатая романы по последним прижизненным изданиям, канонизировали более позднее соотношение заглавия и подзаглавия, которые могли отличаться от первой публикации. Таким образом, граница между заглавием и подзаглавием глубоко исторична и зависит от эстетических и типографских конвенций эпохи. Мы приняли решение индексировать и исследовать именно первоначальное соотношение этих двух объектов, что, по нашему убеждению, позволяет лучше уловить эволюционную динамику. Если в романах XIX в. граница различия заглавия и подзаглавия обычно явная, то в XVIII — начале XIX в. она еще не сформирована и довольно размыта. Поэтому в нашем датасете она восстановлена условно по формальным признакам: если

две части заголовочного комплекса разделены точкой и/или печатаются контрастным шрифтом, то мы считаем их заглавием и подзаглавием.

Еще один тип метаданных в нашем датасете, требующий комментария, — это место первого издания (не путать с городом). Здесь мы разграничиваем пять исторически возможных варианта первого появления текста в печати: отдельным изданием, в толстом журнале, в газете, в альманахе или в томе авторского собрания сочинений. В рамках этой статьи мы фокусируем внимание на двух наиболее массовых формах публикации романов — отдельным изданием и в толстых журналах. Именно они доминировали на всем протяжении выбранного хронологического периода.

Наконец, следует оговорить, что постепенное нарастание количества новых русских романов делает наши данные неравномерными. В период с 1763 по 1830 г. число новых романов в год было в 5–7 раз меньше, чем в 1830-е — 1840-е и в 10–12 раз меньше, чем в 1880-е — 1890-е гг. (см. Рис. 1):

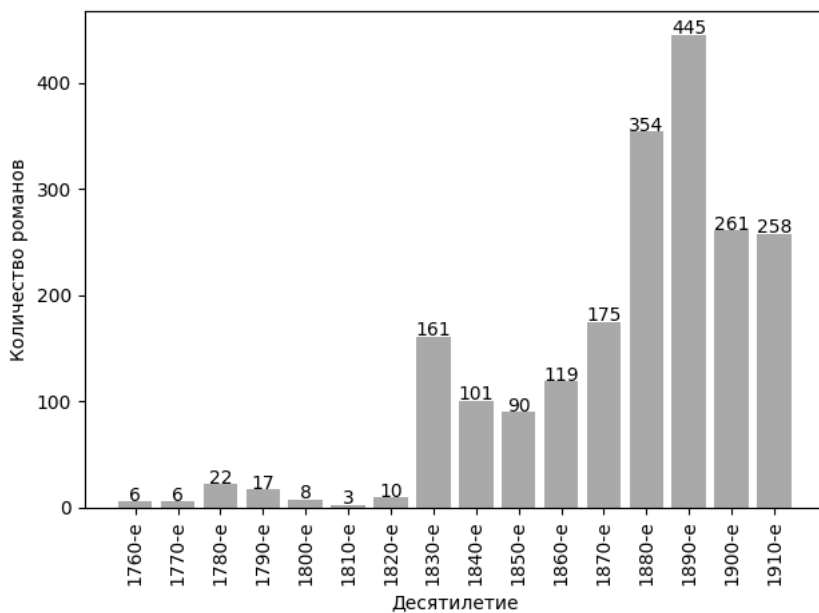

Рис. 1. Распределение количества романов в датасете по десятилетиям

Методология исследования находится на стыке количественной филологии, изучения поэтики заглавий и исторической социологии литературы. Мы опираемся на работы о поэтике заглавий [Зырянова 2014;

Кржижановский 2006; Поэтика заглавия 2005; Строганов 2021; Тутатина 2021; Genette 1997; Levin 1977], истории русского романа и институциональной истории русской литературы (см. выше).

В работе с датасетом русских заглавий мы использовали библиотеки для анализа естественного языка (pymystem3, nltk), построения графиков (matplotlib) и статистических расчетов (numpy, statistics), доступные для языка программирования Python.

2. Гипотезы и результаты

2.1. Эволюция длины заглавий: сжатие

Основная гипотеза, которую мы проверяли, заключалась в том, что длина заглавий русских романов будет укорачиваться по аналогии с романами британскими. Единственное отличие, как подсказывают интуиция и историко-литературные факты, будет заключаться лишь в периодизации и скорости сжатия. Учитывая, что современные формы романа сложились в Великобритании раньше, чем в России, логично ожидать временного лага в несколько десятков лет между аналогичными процессами в англо- и русскоязычной литературах.

Эта гипотеза полностью подтвердилась, за исключением точного подсчета лет лага: сложно было предсказать, на сколько именно лет медленнее эволюционировал романский рынок в России по сравнению с британским. Наши подсчеты показали, что переломный момент в истории заглавий русских романов выпал буквально на середину XIX в. Если в XVIII в. и в начале XIX в. количество слов в заглавиях романов могло достигать двадцати 20 («Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном своим разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей» Ф. А. Эмина), то в 1850-х гг. длина заглавий резко снижается в среднем до двух слов и остается стабильной до конца исследуемого периода — 1917 г. (Рис. 2). Похожая ситуация заметна на графике из статьи Моретти о 7 тысячах заглавий британских романов, опубликованных в период 1740–1850 (Рис. 3). В случае британских романов спад длины происходит на полвека раньше, на рубеже XVIII и XIX в.

2.2. Невидимая рука рынка

Явно фиксируемый и на британском, и на русском материале тренд нуждается в объяснении, с которым связана вторая гипотеза, подлежащая проверке. Ф. Моретти предположил, что в британском контексте неуклонное сокращение длины заглавий было обусловлено, как сформулировал еще Адам Смит, «невидимой рукой рынка». Речь идет о

Рис. 2. Изменение средней длины заглавий русских романов: в 1850-х гг. резко снижается в до двух слов

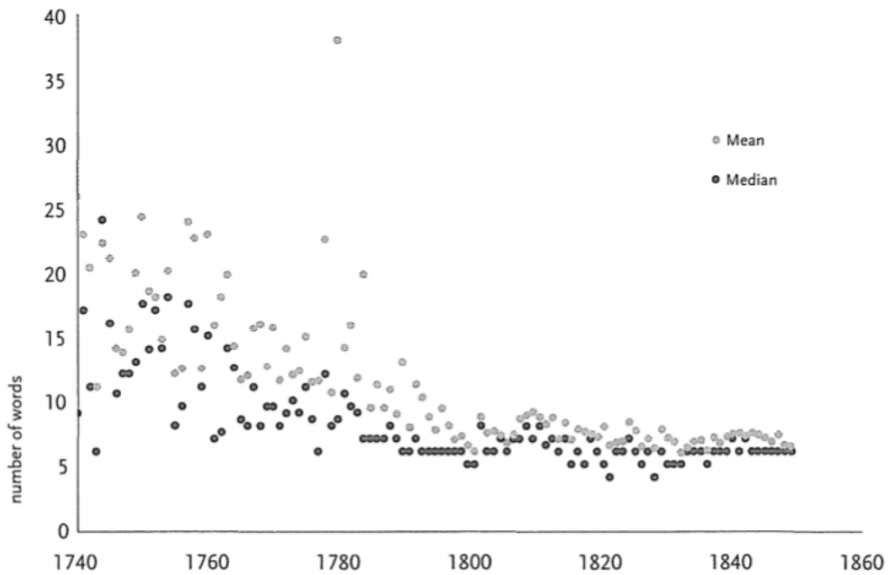

Рис. 3. Изменение средней длины заглавий британских романов [Moretti 2013: 183]

существенном расширении литературного рынка романов и, соответственно, о повышении конкуренции за читательское внимание (Рис. 4). Согласно Моретти, в романах XVIII в. заглавия выполняли, помимо прочего, и рекламные функции, привлекая внимание потенциальных читателей к содержанию книги (например, в книжной лавке, передвижной библиотеке или книжном каталоге), стремясь заинтересовать кратким пересказом сюжетных перипетий.

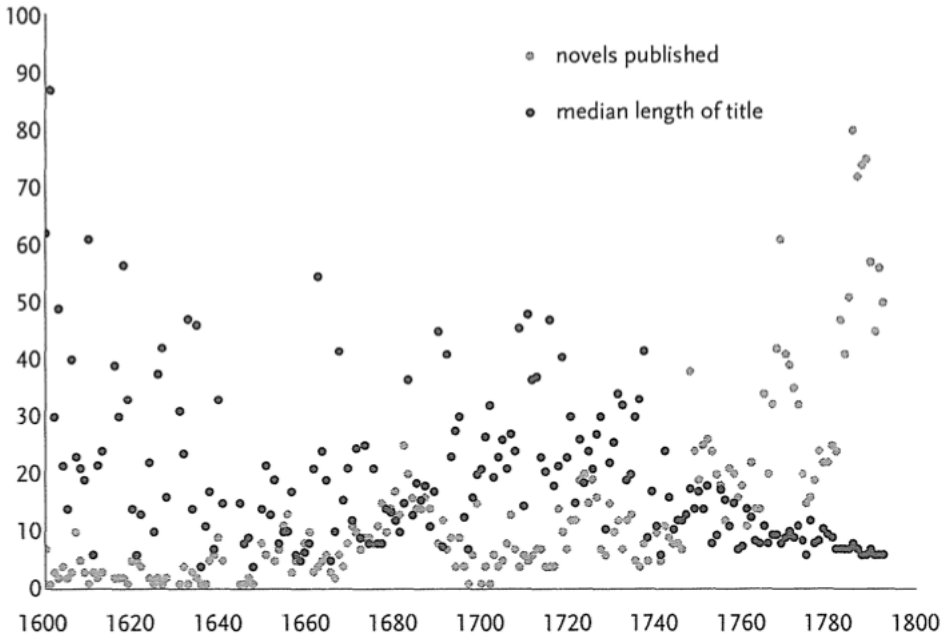

Рис. 4. Размер литературного рынка и длина заглавий романов (Британия)
[Moretti 2013: 189]

Для проверки этой же гипотезы применительно к русским романам мы визуализировали и наложили друг на друга данные о количестве новых романов и длине их заглавий (Рис. 5).

На первый взгляд, наложение двух кривых показывает нам корреляцию: чем шире становится литературный рынок, тем короче становятся заглавия романов в одно и то же время — примерно начиная с конца 1830-х гг., когда в России наблюдался первый романский бум (как показывают наши метаданные, львиную долю новых романов составлял только что импортированный тогда в Россию из Британии жанр исторического романа). Однако эта соблазнительная своей простотой гипотеза наталкивается на несколько противоречий. Во-первых,

Корреляция между размером литературного рынка и длиной заглавий романов

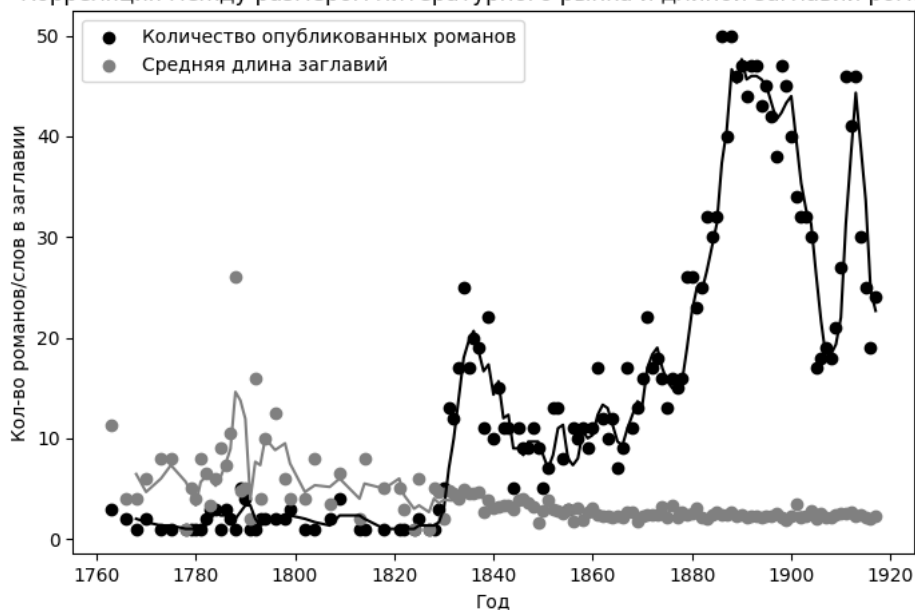

Рис. 5. Размер литературного рынка и длина заглавий романов (Российская империя): корреляция не так последовательна, как в случае Британии

на графике видны дальнейшие колебания романного рынка — серьезный спад «производства» новых романов в 1850-е гг., а затем в середине 1900-х гг. Несмотря на них, средняя длина заглавий стабильно и неуклонно снижалась примерно с 1810-х гг. Во-вторых, коэффициент корреляции в строгом смысле (коэффициент корреляции Пирсона), рассчитываемый для этих данных, составляет $-0,4$. Возможный диапазон значений, который может принимать этот коэффициент, располагается между -1 и 1 . Если он близок 0 , то корреляция отсутствует, если близок к 1 , то данные двух числовых рядов почти полностью повторяют друг друга; наконец, если коэффициент близок к -1 , то это системная и последовательная отрицательная корреляция. «Если в одном ряду больше, то в другом ряду в этом же месте меньше» — это тот случай, которого мы ожидаем относительно числа романов и длины их заглавий. Значение $-0,4$ хотя и показывает отрицательную корреляцию, но все же она слишком слаба, чтобы мы могли считать ее последовательной.

Все эти обстоятельства заставили нас с подозрением отнестись к простому объяснению Моретти и выдвинуть следующую гипотезу.

2.3. Заглавие зависит от медиаформата и жанра

Мы предположили, что отсутствие четкой и последовательной корреляции между размером романного рынка и длиной заглавия в российском литературном поле объясняется наличием дополнительных эстетических или институциональных факторов, существенно влияющих на нормализацию длины заглавий. Основываясь на традиционных историко-литературных представлениях, резонно предположить, что на поэтику заглавий каким-то образом должны были влиять мнения критиков (в том числе их программные требования следовать таким большим направлениям, как «романтизм» или «реализм») и ориентация на определенный тип читателя (она часто выражается в субжанре — например, лубочном или историческом романе). Если это действительно так, то длина и специфика заглавия могли варьировать в романах разных жанров — исторических, нравоописательных, лубочных, социально-психологических и т. д. Вопрос заключается в том, каким способом можно уловить и зафиксировать массовое воздействие двух этих факторов на поэтику заглавий. Основная проблема такова, что жанровые дефиниции романов очень сложно категоризируются и формализуются. Это справедливо для канонических романов, субжанр которых часто определяется через нанизывание жанровых тэгов (скажем, «Война и мир» — исторический, философский, психологический, реалистический роман; «Преступление и наказание» — социально-психологический, уголовный, философский и т. д.). Пока в нашем распоряжении нет инструмента для автоматического определения субжанров романа, мы смогли лишь приблизительно занести в датасет некоторые жанровые тэги на основании различных сведений (типа героев, характеристик из словарей и проч.). Однако эти метаданные пока слишком ненадежны, чтобы делать замеры.

Поэтому мы приняли решение, что проверить гипотезу о корреляции между длиной заглавия и институциональным контекстом с известной долей условности можно через место, а точнее — медиаформат первой публикации романа. Интуитивность гипотезы проистекает из простого историко-литературного факта: автору было проще опубликовать роман за свой счет в любой типографии отдельной книгой, нежели посылать его в толстый журнал, где ему предстояло пройти через оценку редактора, а в некоторых случаях и его ближайших сотрудников (часто критиков). Кроме этого, хорошо известно, что толстый журнал был ориентирован на более уважаемую, образованную и состоятельную аудиторию, нежели отдельные издания, которые могли удешевляться за счет бумаги низкого качества и других параметров.

Как хорошо известно из истории литературной журналистики и критики, эра господства российского «толстого журнала» приходится на 1830-е — 1870-е гг., когда с ним еще не могут конкурировать другие типы медиа (газета, еженедельник) и именно в журналах публикуются наиболее значимые для русской культуры произведения и полемика [Зыкова 2005]. Если это действительно так, с точки зрения истории русского романа такое представление все же требует проверки.

График ниже (Рис. 6) показывает, что начиная с середины 1840-х гг. и до конца века количество романов, опубликованных в журналах, возрастает и превосходит число вышедших отдельными изданиями. Иными словами, это явный тренд.

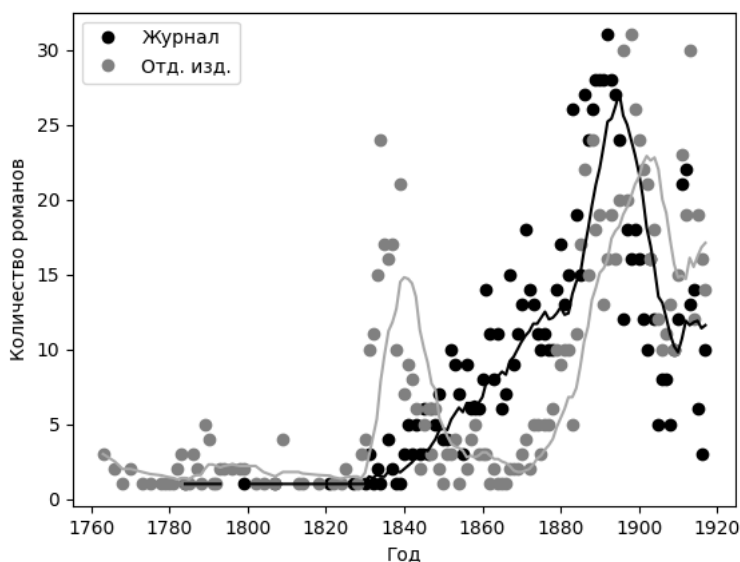

Рис. 6. Публикации новых романов в толстых журналах и отдельным изданием (линия обозначает скользящее среднее)

Однако этот же график содержит и не менее важный показатель: два всплеска популярности романов в отдельных изданиях в 1830-е и в 1890-е гг. Как мы выяснили, это исторические романы — жанр, который проще всего отграничить от иных, поскольку авторские подзаглавия часто содержали прилагательное «исторический» или ссылку на историческую эпоху или персоналию. Между двумя волнами популярности исторических романов в России располагается, метафорически говоря, «ущелье» 1840-х — 1880-х гг., когда этот поджанр уходит на периферию, уступая

сцену социально-психологическому, семейному, идеологическому (в частности, «нигилистическому» и «антинигилистическому») и проч. Этот период, как хорошо известно, соответствует эпохе реализма и коррелирует с господством выдающихся толстых журналов — «Современника», «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения», «Русского вестника» и др. Последний, показывают наши подсчеты, был лидером по абсолютному числу опубликованных за все годы издания романов (92).

На Рис. 7 мы сравнили среднюю длину заглавий в романах, опубликованных в виде отдельных изданий, и тех, что выходили в толстых журналах. Как видно на Рис. 7, средняя длина журнальных заглавий нормализуется и становится около 2 слов раньше (в 1850-е гг.), чем это происходит в отдельных изданиях (1880-е гг.).

Изменение длины заглавий романов, вышедших в журналах и в отдельных изданиях

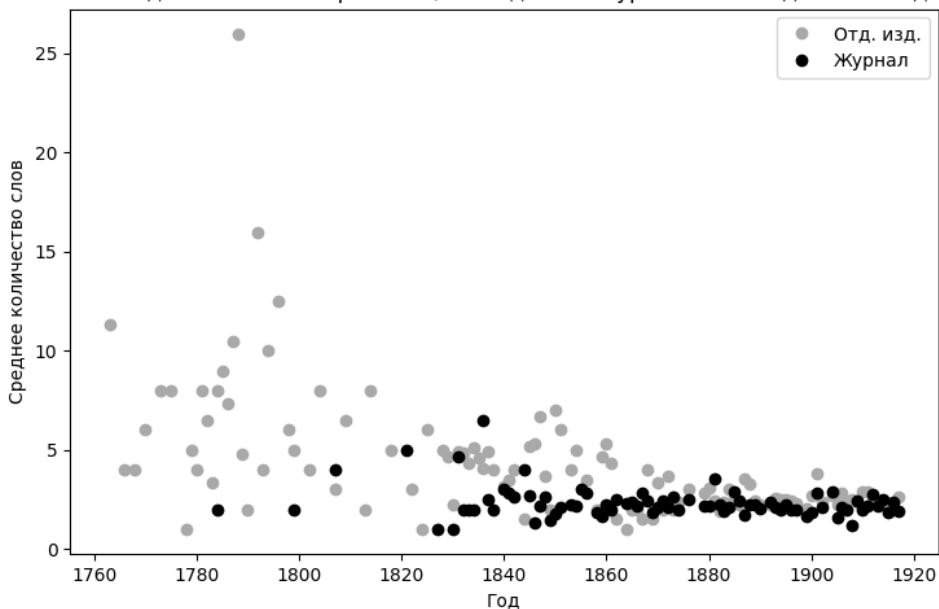

Рис. 7. Изменение длины заглавий романов, вышедших в журналах и в отдельных изданиях

Мы также рассчитали индекс лексического разнообразия (Token-Type Ratio) для заглавий романов, опубликованных в журналах и в отдельных изданиях после 1830 г. Индексы оказались очень близки: 0,557 и 0,516 соответственно. Это означает, что примерно половина слов в обоих случаях не повторяется, потому что индекс рассчитыва-

ется с помощью деления числа уникальных слов на число всех слов. Но все же лексическое разнообразие журнальных заглавий чуть выше, (статистика не предлагает для таких случаев строгих разграничительных порогов), что не говорит о доминирующем характере заявленного эффекта, но позволяет обозначить тенденцию. Возможно, такая работа над иерархиями, напротив, стимулировала писателей создавать более изобретательные формы репрезентации в рамках предложенных схем.

3. Дискуссия и интерпретация

3.1. Заглавия и институциональные факторы

Итак, после проверки трех гипотез можно утверждать, что в случае Российской империи XIX в. именно культурная форма «толстых» журналов, а не рынок вообще, привел к первичному сжатию романских заглавий в середине столетия (1850-е гг.). Если и можно говорить здесь о рыночных механизмах, то в плоскости различных, часто непересекающихся читательских аудиторий, на которые ориентировались романисты-одиночки и редакторы журналов, альманахов и газет.

Рекламная функция заглавий, о которой писал Моретти применительно к текстам XVIII в., не исчезла со временем, однако на материале литературы и журналистики Российской империи мы ясно видим дифференциацию в поэтике романских заглавий к 1840-м – 1850-м гг. Речь идет не только о разграничении коммерчески популярных лубочных романов и романов для образованной публики, предпочитающей толстые журналы, но и о двух различных типах заглавий с точки зрения их восприятия потенциальным покупателем/читателем. Помимо архаичных длинных заглавий, уходящих корнями в XVIII в. и пересказывающих некоторые сюжетные звенья, романисты XIX столетия начинают выбирать когнитивно легче воспринимаемые и запоминающиеся заглавия, состоящие из одного-двух слов и апеллирующие к более-менее сформированному журналами читательскому вкусу, не терпящему вычурности и семантической избыточности.

С конца 1820-х гг. по мере роста числа толстых журналов и их популярности (тиражности) растет и символическая власть редакторов, издателей и критиков литературных журналов, задававших эстетические и идеологические нормы среди образованных читателей и самих писателей (примеры давления или влияния на писателей многочисленны и очевидны: Сенковский, Краевский, Некрасов, Катков, Погодин, Стасюлевич и др.)⁴. Определяя литературную моду, редакторы и критики

⁴ История русской прозы знает многочисленные случаи, когда воздействие журнального редактора на итоговый вид заглавия было решающим. Например, Некрасов часто предлагал замены заглавий («История Якова Яковлевича»

журналов старались учитывать не только вкусы читателей, но и европейскую эстетическую и политическую повестку. Рекомендации критиков, создававших литературные иерархии и в конечном счете литературный канон, делали журнальные площадки центром романной литературной системы с точки зрения символической власти. Из этого центра новые романские нормы распространялись на периферию.

Одновременно с этими процессами мы видим, как заглавие художественного произведения, и романа в частности, стало значимым объектом литературной полемики. Ключевые критики эпохи «толстых журналов» отдавали предпочтение коротким и простым заглавиям, осуждая длинные (т. е. рекламные) «лубочные» заглавия, стремившиеся вместить в себя как можно больше интересной для низового читателя информации. Обозреватели «толстых» журналов начиная с 1830-х гг. фактически развязали войну против длинных и вычурных заглавий, которые были для них символом лубочной низкопробной литературы (см. о ней: [Рейтблат 2009: 146–168]). На самом деле, в лице лубочной литературы критики пытались воевать с определенными и крайне популярными жанрами романов — авантюрными (рыцарскими), историческо-приключенческими, любовными. Так, в 1835 г. С. П. Шевырев в нашумевшей статье «Словесность и торговля» на страницах «Московского наблюдателя» критиковал «Библиотеку для чтения» и ее «завлекательные заглавия»:

Я питаю добрые надежды, что эти злоупотребления суть только временные и неизбежные следствия первоначального соединения литературы нашей с торговлею. Это состояние войдет так же в наши обычаи, как вошло в Европе. Публика потеряет излишнее доверие к завлекательным заглавиям, к толщине томов, к изобилию слов [Шевырев 1835: 27]⁵.

В 1840-е гг. критику длинных заглавий продолжали столь эстетически непохожие на Шевырева Белинский и Некрасов. В рецензии на повесть «Соперники в любви, или Неразгаданная тайна красавицы» (1839) Белинский делает ироническое замечание о двойном заглавии и заглавии-аннотации:

Но роковая тайна несчастной девушки никому и в голову не приходила: чтобы понять ее, надобно было так же перегореть в страсти, как она. И вот почему повесть названа «Неразгаданною тайною красавицы»!.. На московском

была напечатана под названием «Яков Яковлич» в октябрьской книжке «Современника» за 1852 г. Более краткое заглавие рассказа Тургенева «Певцы» было придумано также Некрасовым вместо изначального «Притынный кабачок».

⁵ Шевырев С. П. Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Т. 1. Март. Кн. 1. С. 27.

книжном рынке умеют подобрать названьице для романа или повести, чему вот и третье доказательство: «Повесть о том, каким образом приезжие купцы познакомились с приказным и как он их обманул» (1839) [Белинский, 3: 203]⁶.

Заглавия, содержащие перечисление героев произведения, критика также не устраивали: «Что же касается до “Сказки о славном витязе, храбром и могучем богатыре Иване Трофимовиче Лягушкине, о прекрасной царевне Светловиде и о косолапом друге медведе”, — эта вещь весьма нелепая, что уже видно из самого ее заглавия» [Idem, 6: 171]⁷. Некрасов в 1842 г. так же, как и Белинский, замечает избыточность и комичность двойного заглавия. О переведенной с немецкого драме «Кто из нас, или Тайна, купленная необыкновенной ценой» он пишет: «Водевиль мил, забавен и остроумен. [...] почему к заглавию водевиля “Кто из нас?” прибавлено еще другое: “Тайна, купленная необыкновенною ценою”? Тим купил у Кекса тайну своего рождения за двести луидоров. Что же тут необыкновенного? Удивительно, как далеко начинается заходить у нас страсть к поразительным заглавиям!» [Некрасов, 11: 313]⁸. В 1843 г. у Некрасова снова видим осуждение литераторов-торговцев и негативный отзыв о заглавии Булгарина («Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка человеческого рода»): «[...] наша литература превратилась в торговый дом, в рынок, [...] она прибегает [...] к поразительно диким заглавиям» [Idem, 11: 81]⁹.

Таким образом, громоздкие пространные и часто двойные заглавия, характерные в XVIII в. для многих востребованных публикой жанров, в том числе романых, ко второй половине XIX в. становятся признаком сугубо низовой беллетристической литературы. Критики толстых журналов специально используют вычурные названия как удобный жупел для дискредитации стоящих за ними субжанров романа и связанных с ними конкретных нишевых авторов.

Помимо экстралитературных факторов, на длину заглавий должны были влиять собственно эстетические и формальные — такие как

⁶ Белинский В. Г. Соперники в любви, или Неразгаданная тайна красавицы // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 3: Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка (1839–1840). М., 1953. С. 203.

⁷ Белинский В. Г. Комары. Всякая всячина, Фаддея Булгарина // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6: Статьи и рецензии (1842–1843). М., 1955. С. 171.

⁸ Некрасов Н. А. Петербургские театры // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 11: Критика. Публицистика (1840–1849). Л., 1989. С. 313.

⁹ Некрасов Н. А. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка человеческого рода // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 11: Критика. Публицистика (1840–1849). Л., 1989. С. 81.

субжанр романа и литературное направление. Однако пока мы можем лишь наметить контуры дальнейших исследований, опираясь на визуализацию корреляций на Рис. 6. (см. выше). Можно предполагать, что некоторые формульные субжанры романов (авантюрные, уголовные, исторические, любовные и некоторые другие) могли тяготеть в России XIX в. к публикациям в определенных медиаформатах. По крайней мере, в первом приближении мы можем утверждать, что исторические романы чаще всего публиковались отдельным изданием, а не в периодике. Чем это объясняется, еще предстоит выяснить.

3.2. Заглавие и подзаглавие: новое соотношение

Укорачивание романских заглавий в XIX в. повлекло за собой их поэтологическую и функциональную трансформацию. С 1830-х гг. меняется соотношение элементов в заголовочном комплексе: дополнительная метатекстуальная информация (аннотация, жанр, автор) чаще уходит из заглавия в подзаголовок, вследствие чего заглавие приобретало особый художественный статус и большую смысловую значимость. 92% подзаглавий от общего количества подзаглавий в корпусе содержат указание на жанр, остальные 8% — указание на автора, адресата или краткая сюжетная аннотация. На Рис. 8 можно увидеть, что с примерно

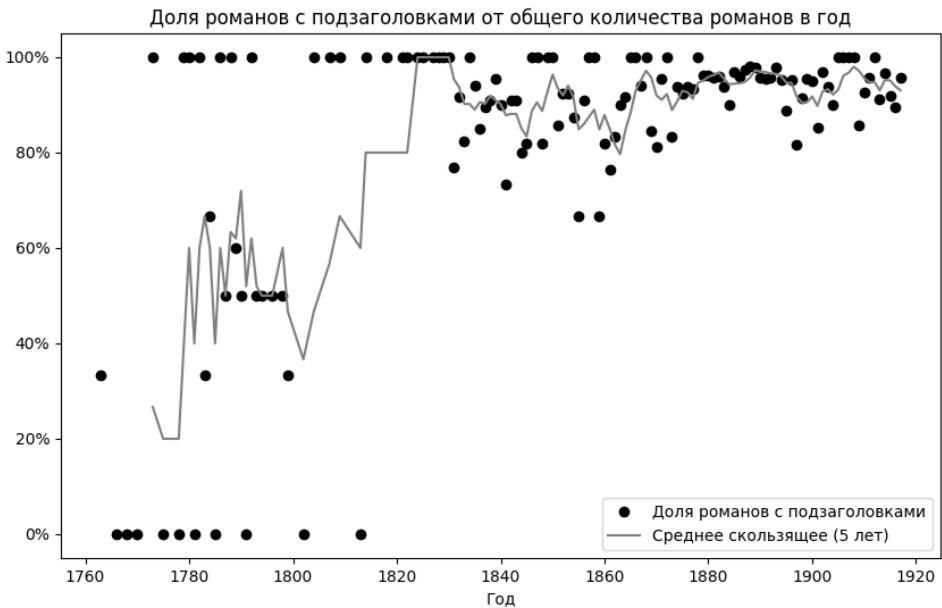

Рис. 8. Динамика наличия подзаглавий в романах

1830 г. в Российской империи печатается больше романов с подзаглавиями, чем без них. Информация о жанре, авторе, адресате, кратком содержании уходит из заглавия и начинает визуализироваться на обложке книги и в оглавлении *другим*, как правило более мелким шрифтом или даже в скобках как поясняющая, а не смыслообразующая.

О снижении художественной значимости подзаглавий свидетельствует неуклонное уменьшение индекса их лексического разнообразия TTR¹⁰ с 1 в 1763–1780 гг. (100 % уникальных лексем) до ≈0.15 в 1880–1917 гг. (лишь 15 % лексем уникальны, остальные повторяются). На Рис. 9 видно, что резкий спад индекса происходит в период с 1820 по 1840 г., когда через подзаглавия начинают чаще характеризоваться свойства романа, а не его сюжет: «роман в п частях», «роман из жизни N», «исторический/уголовный/современный роман».

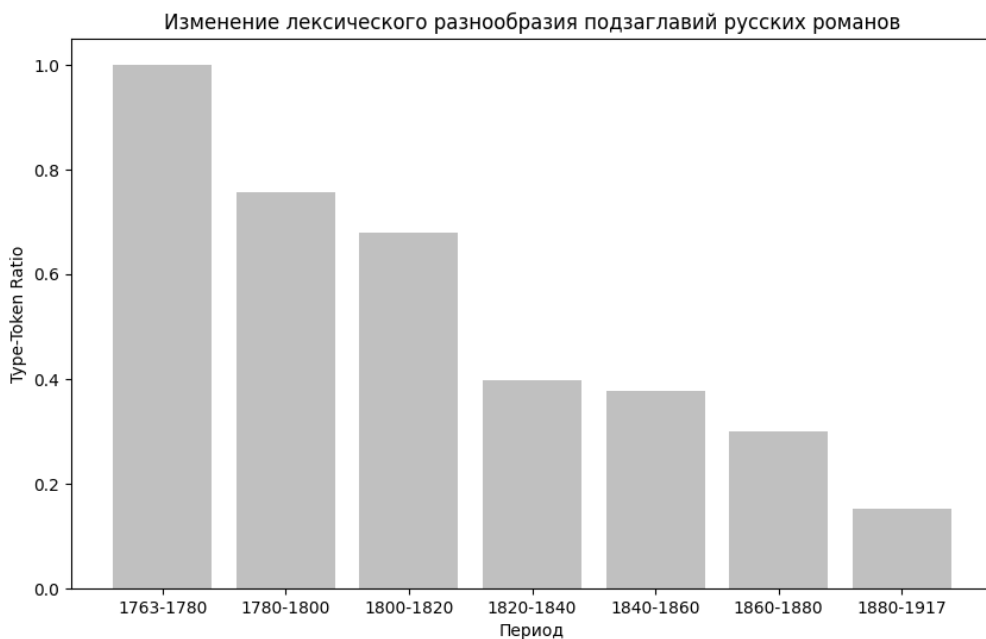

Рис. 9. Изменение лексического разнообразия подзаглавий русских романов: TTR снижается, т. е. подзаголовки становятся лексически более однородными

¹⁰ TTR считался по формуле: (Количество уникальных лемм в подзаголовках периода) ÷ (Общее количество лемм). Подзаголовки были предварительно лемматизированы (pymystem3) и очищены от цифр, знаков препинания и стоп-слов (nltk).

Длинные формы заглавий постепенно перестают использоваться (двойные заглавия, «повесть/история о...»), становясь маркером архаичных романских субжанров. Центр системы начинают занимать короткие формы, причем их семантика расширяется и становится менее однородной. Если изначально заглавия типа «X и Y» указывали на двух главных героев романа, то во второй половине XIX в. уже появляются слова-абстракции, оппозиции морального или политического характера и многое другое. Топонимы в заглавиях — уже не только указания на географические объекты, но и символически нагруженные топосы, отсылающие, например, к городскому (в частности, петербургскому) мифу. Антропонимичные заглавия не просто могли называть имя фикционального героя, но встраивались в широкий литературный контекст, намекая на литературную традицию. Само же имя героя могло отныне приобретать символический, обобщающий смысл при поддержке заголовка (ср. «Евгений Онегин», «Рудин», «Анна Каренина» и т. п.). Однако подробное исследование семантики коротких заглавий выходит за пределы этой статьи (мы планируем посвятить ему отдельную).

* * *

Таким образом, работа с большими данными даже на таком материале, как история метаданных одного из наиболее популярных прозаических жанров российской литературной истории нового времени, способна приводить к значимым результатам. Они не только служат подтверждением хорошо известных интуиций традиционного историко-литературного нарратива, но и существенно уточняют его, открывая новые зоны и предметы для дальнейшего изучения. Как мы постарались показать, изучение эволюции литературной формы на больших данных требует учета разнообразных институциональных и эстетических факторов. Только выстраивание корреляций между ними и выявление закономерностей может в результате дать нам прирост нового знания.

Библиография

Источники

Белинский, 1–13

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т., Москва, 1953–1959.

Некрасов 1989

Некрасов Н. А. Петербургские театры, Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 11: Критика. Публицистика (1840–1849), Ленинград, 1989, 311–315.

Шевырев 1835

Шевырев С. П. Словесность и торговля, Московский наблюдатель, 1835, 1, Март, 1, 5–29.

Литература

Зыкова 2005

Зыкова Г. В., *Поэтика русского толстого журнала*, Москва, 2005.

Зырянова 2014

Зырянова С. А., Историческая эволюция заглавия художественного произведения, *Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1, 2014, 291–295.

Кржижановский 2006

Кржижановский С. Д., Поэтика заглавий [1931], *Idem, Собрание сочинений. В 5 томах*, 4, С.-Петербург, 2006, 7–42.

Мезьер 1902

Мезьер А. В., *Указатель исторических романов оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам*, С.-Петербург, 1902.

Моретти 2016

Моретти Ф., Корпорация стиля: размышления о 7 тысячах заглавий (британские романы 1740–1840), *Idem, Дальнее чтение*, Вдовин А., Собчук О., Шеля А., пер., Москва, 2016, 248–287.

Поэтика заглавия 2005

Поэтика заглавия, Андреева А. Н., Иванченко Г. В., Орлицкий Ю. Б., ред., Москва, Тверь, 2005.

Рейтблат 2009

Рейтблат А. И., *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*, Москва, 2009.

——— 2014

Рейтблат А. И., Библиография русского уголовного романа, *Idem, Писать поперек и другие работы*, Москва, 2014.

——— 2018

Рейтблат А. И., Теория без фактов, цифры без теории, *Новое литературное обозрение*, 2, 2018, 57–61.

Ребеккини 1998

Ребеккини Д., Русские исторические романы 1830-х годов (Библиографич. указатель), *Новое литературное обозрение*, 34, 1998, 416–433.

Сиповский 1901

Сиповский В. В., *Из истории русской литературы XVIII века*, 1–2, С.-Петербург, 1901.

Строганов 2021

Строганов М. В., Заглавие как проблема исторической поэтики, *Проблемы исторической поэтики*, 19/3, 2021, 53–77.

Тодд 2020

Тодд III У. М., *Социология литературы: идеология, институты, нарратив*, Boston, С.-Петербург, 2020.

Топоров 1902

Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за 30 лет (с 1870–1899 гг.), основанного и издаваемого А. Ф. Марксом, Топоров А. Д., сост., С.-Петербург, 1902.

Тутатина 2021

Тутатина Е. А., *Заглавия книг в современных издательских практиках: генезис, эволюция, поэтика и прагматика* (диссертация ... кандидата филологических наук, Москва, 2021).

Шартъе 2006

Шартъе Р., *Письменная культура и общество*, Москва, 2006.

Belknap 1998

Belknap R., Survey of Russian journals, 1840–1880, *Literary Journals in Imperial Russia*, Martinsen D. A., ed., Cambridge, 1998, 91–116.

Genette 1997

Genette G., *Paratexts. Thresholds of interpretation*, Cambridge, 1997.

Kahn et al 2018

Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S., *A History of Russian Literature*, Oxford, 2018.

Levin 1977

Levin H., The Title as a Literary Genre, *The Modern Language Review*, 72/4, 1977, 23–36.

Maguire 1998

Maguire R. A., Introduction, *Literary Journals in Imperial Russia*, Martinsen D. A., ed., Cambridge, 1998, 1–8.

Moretti 2013

Moretti F., *Distant Reading*, London, 2013.

References

Belknap R., Survey of Russian journals, 1840–1880, *Literary Journals in Imperial Russia*, Martinsen D. A., ed., Cambridge, 1998, 91–116.

Chartier R., *Culture écrite et société. L'ordre des livres (XIV e–XVIII e siècle)*, Moscow, 2006.

Genette G., *Paratexts. Thresholds of interpretation*, Cambridge, 1997.

Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S., *A History of Russian Literature*, Oxford, 2018.

Levin H., The Title as a Literary Genre, *The Modern Language Review*, 72/4, 1977, 23–36.

Maguire R. A., Introduction, *Literary Journals in Imperial Russia*, Martinsen D. A., ed., Cambridge, 1998, 1–8.

Moretti F., *Distant Reading*, London, 2013.

Rebecchini D., Russkie istoricheskie romany 1830-kh godov, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 34, 1998, 416–433.

Reitblat A. I., Bibliografiia russkogo ugolovnogo romana, *Idem, Pisat' poperek i drugie raboty*, Moscow, 2014.

Reitblat A. I., *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury*, Moscow, 2009.

Reitblat A. I., Theory without Facts, Digits without Theory, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2, 2018, 57–61.

Stroganov M. V., The Title as a Problem of Historical Poetics, *The Problems of Historical Poetics*, 19/3, 2021, 53–77.

Todd III W. M., *Sotsiologiya literatury: ideologiya, instituty, narrativ*, Boston, St. Petersburg, 2020.

Zykova G. V., *Poetika russkogo tolstogo zhurnala*, Moscow, 2005.

Zyryanova S. A., Historical Evolution of Artistic Work Title, *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 1, 2014, 291–295.

Дарья Александровна Челнокова,

стажер-исследователь,

магистрантка программы «Компьютерная лингвистика»

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4с1

Россия / Russia

dachelnokova@edu.hse.ru

Алексей Владимирович Вдовин, PhD,

доцент

Школы филологических наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4с1, каб. а309

Россия / Russia

avdovin@hse.ru

Борис Валерьевич Орехов, кандидат филологических наук,

доцент

Школы лингвистики

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4с1, каб. 515

старший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)

199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4

Россия / Russia

nevmenandr@gmail.com

Received July 31, 2023

Исторические
записи XVII в.
на кириллических
изданиях:
новые находки

Historical
Inscriptions
of the 17th Century
in Cyrillic Books:
New Findings

Юрий Сергеевич Белянкин

Российская государственная библиотека,
Москва, Россия

Yurij S. Beliankin

Russian State Library,
Moscow, Russia

Резюме

В статье вводятся в научный оборот новонайденные записи XVII в. на старопечатных книгах XVI–XVII вв., находящиеся в современных частных библиофильских собраниях, неизвестные специалистам. Эти книжные памятники, напечатанные в восточнославянских типографиях, а также на Московском Печатном дворе, с записями, имеющими несомненное историко-культурное значение, были выявлены автором в ходе полевой и камеральной археографической работы в последнее время. Ценность записей на старопечатных книгах как исторического источника давно доказана в историографии, актуальность археографической работы по поиску, описанию и изучению инскрипций постоянно сохраняется. В статье рассматриваются записи на книжных вкладышах, а также владельческие инскрипции выдающегося переводчика, книжника и справщика Евфимия Чудовского, крупного исторического деятеля Юрия Хмельницкого — сына Богдана Хмельницкого; «героя» Повести о чудесах Виленского креста, купца и ктитора муромских церквей и монастырей Богдана Цветнова и, наконец, Петра Евтихиевича Лермонтова — прапрадеда Михаила Юрьевича Лермонтова.

Цитирование: Белянкин Ю. С. Исторические записи XVII в. на кириллических изданиях: новые находки // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 168–177.

Citation: Beliankin Yu. S. (2023) Historical Inscriptions of the 17th Century in Cyrillic Books: New Findings. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 168–177.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.08

Ключевые слова

археография, старопечатные книги, записи на книгах, частные собрания, XVII век

Abstract

The article introduces into scholarly circulation newly-found 17th century notes, previously unknown to specialists, on old printed books from the 16th–17th centuries preserved in some modern private bibliophile collections. These books, printed in East Slavic printing houses, as well as at the Moscow Print Yard, containing notes of undoubted historical and cultural significance, were identified by the author during recent field and office archaeological work. The value of notes in old printed books as a historical source has long been proven in historiography, while archeographical work focused on the search, description, and study of such notes remains relevant. The article examines donation notes in the books, as well as the bookplates of the outstanding book translator and scribe Evfimiy Chudovsky; the crucial historical figure Yuri Khmelnitsky, the son of Bogdan Khmelnitsky; the “hero” of the *Tale of the Miracles of the Vilna Cross*, Bogdan Tsvetnov, a merchant and sponsor of churches and monasteries in Murom; and, finally, Pyotr Yevtihievich Lermontov, the great-great-grandfather of Mikhail Yuryevich Lermontov.

Keywords

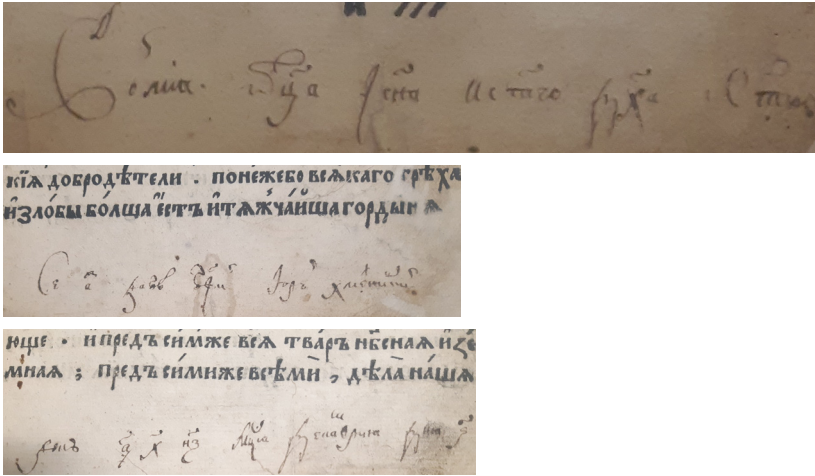
archeography, old printed books, inscriptions in books, private collections, 17th century

Изучение записей на кириллических старопечатных книгах и рукописях давно является важным аспектом археографии¹. В ходе археографических исследований московских библиофильских собраний старопечатных книг XVI–XVII вв. нам удалось выявить ряд примечательных по своей исторической значимости инскрипций, которые в большинстве своем являются автографами известных персоналий того времени. Источниковедческое значение рассматриваемых ниже инскрипций очевидно. В настоящей заметке мы рассмотрим четыре примера записей, преимущественно вкладных, датируемых XVII в. и происходящих из частных коллекций, которые редко становятся объектом внимания с точки зрения археографических исследований. Между тем эти коллекции нередко оказываются основой вновь создаваемых фондов ценных книжных памятников в государственных хранилищах.

Первый из памятников — Евангелие крилосской типографии 1606 г.² На л. 3–17 западнорусской скорописью XVII в. по нижним полям листов сохранилась вкладная запись:

¹ См., например: [Богданов 2023].

² Частное собрание К. С. Северина, г. Москва (Галерея «Северинъ»). Описание издания: [Гусева, Каменева 1976, №17].

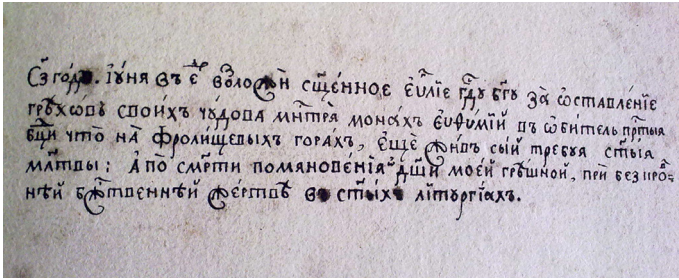
Во имя отца и сына и святого духа и живоначальные и неразделимые Троицы се аз раб господний Юрий Хмельницкий [утрачены слова о вкладе книги] на монастырь святого архистратига и чудотворца Христова Николая Медведовского на острове Тясмине недвижимо навечно а ежели с того месца [будет похищена] от злодейца якого таковой да будет проклят от святых отец иже во Никее собравшихся анафема и маранафа. Писана бысть сия року 1657 месеца декаврия дня 6. Аминь.

Евангелие, таким образом, было вложено через полгода после смерти Богдана Хмельницкого, отца вкладчика.

Евангелие 1606 г., изданное в типографии в Крилосе при церкви Успения, является первым украинским изданием с сюжетными гравюрами в тексте и содержит предисловие Гедеона Балабана. Как мы видим, в этом экземпляре сохранилась практически полностью вкладная запись гетмана Юрия Хмельницкого (1641–1685) в Николаевский Медведовский монастырь в Чигиринском уезде³. В настоящее время монастырь известен по документам периода гетманства Юрия Хмельницкого (1660-е гг.), запись в рассматриваемом экземпляре (1657 г.) может считаться одним из наиболее ранних зафиксированных на сегодня упоминаний Медведовского монастыря. Предположительное время основания обители — первая половина XVII в., к концу XVII в. монастырь, сильно пострадавший от разорений и войн, пребывал в состоянии упадка. Юрий Хмельницкий стал гетманом на Переяславской

³ Других записей в экземпляре нет, не считая уставных указаний на 1624 и 1625 гг., выполненных украинской скорописью того же времени, на л. 293об. Экземпляр сохранился в переплете XIX в. без особенностей, утрачены пять листов, включая титульный.

раде в 1658 г. как преемник своего отца Богдана Хмельницкого; это произошло в разгар войны с Польшей, которая закончилась для Юрия Хмельницкого довольно быстро и неудачно, что привело его к долгим годам скитаний⁴, войне против России на стороне Турции и Польши и, наконец, смерти в турецком плену.

Второй из найденных нами старопечатный экземпляр⁵ представляет собой московское Евангелие 1698 г. Художественные особенности и формат этого издания, напечатанного форматом в «александрийский лист», хорошо известны. На припереплетном листе XVII в. у верхней крышки⁶ обнаруживается вкладная запись характерным «круглящимся» полууставом конца XVII в.:

[Лета 7]207 [1699] июня в 5 день возложил священное Евангелие Господу Богу за оставление грехов своих Чудова монастыря монах Еуфимий в обитель Пречистыя Богородицы что на Флорищевых горах, еще жив сый требуя святых молитвы: а по смерти помяновения души моей грешной, при безкровней божественней жертве во святых литургиях.

Вклад, по-видимому, был сделан во Флорищеву пустынь в Нижегородском уезде (на Флорищевой горе на реке Лух). Мужской монастырь там был основан в середине XVII в. и в основном устраивался стараниями митрополита Суздальского Илариона (будучи одним из главных сподвижников патриарха Никона, он принял постриг в новооснованной

⁴ В 1660 г. Юрий Хмельницкий сдался полякам под Слободищем и присягнул польскому королю, в 1662 г. отказался от гетманства и удалился в Корсунский монастырь. Однако в 1676 г. при османской поддержке, находясь в положении фактически турецкого заложника, Юрий Хмельницкий был использован Портой для попыток захвата Правобережной Украины. Эти попытки провалились, а Юрий Хмельницкий был казнен турками в 1685 г.

⁵ Частное собрание библиофила А. Е. Лобкова, г. Москва. В ОР РГБ хранится ф. 924 — Собрание рукописных книг А. Е. Лобкова.

⁶ Экземпляр отличной сохранности с широкими полями (правое — 9 см, нижнее — 6 см) в переплете (доски в бархате) кон. XIX в. без особенностей, других записей не прослеживается. Описание издания: [Зернова 1958, № 485].

Флорищевой пустыни; после кончины в 1708 г. засвидетельствованы чудеса у его гробницы в Суздале). Флорищева пустынь была в центре внимания царя Федора Алексеевича и его двора, что выражалось в богатых вкладышах, в монастыре находились иконы письма Симона Ушакова.

Запись, как можно с большой уверенностью предполагать, выполнена известным справщиком и книжником Евфимием Чудовским, иноком Чудова монастыря. На это недвусмысленно указывают как почерк и стиль записи, так и имя вкладчика и адрес вклада — Флорищева пустынь, бывшая в то время местом притяжения московских придворных кругов. Из содержания записи очевидно, что она выполнена при жизни вкладчика и самим вкладчиком. Это подтверждается и общими сведениями о жизни Евфимия Чудовского, которого ранее в историографии «разделяли» на двух персон с разницей в годах жизни примерно в 20–30 лет («вторым» Евфимием считали келаря Чудовского монастыря с тем же самым именем), однако существование единственного справщика Евфимия Чудовского, скончавшегося в Чудове монастыре в 1705 г. и вложившего настоящее Евангелие, на сегодня признается наиболее достоверной точкой зрения [Евфимий 2008]. Евфимий Чудовский был хорошо известен еще во времена патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, которые высоко ценили его книжные таланты. Его причисляли к ученикам Епифания Славинецкого, деятельность Евфимия на Печатном дворе продолжалась практически до последних лет жизни, перемежаясь с периодами отстранения от сложной и по-своему небезопасной работы в качестве книжного справщика. Евфимий оставил колоссальный архив, включая переводы, оригинальные сочинения, материалы к истории книжной sprawy и т. д.

Не исключено, что настоящий экземпляр получен Евфимием Чудовским безденежно за работу на Печатном дворе, что было стандартной практикой (промежуток между выходом Евангелия из печати и вкладом минимальный — всего полгода). Почерк Евфимия Чудовского в настоящем экземпляре наиболее сходен с почерком его корректур редакторских рукописей Печатного двора, в большом количестве отложившихся в Синодальном и Чудовском собраниях ОР ГИМ⁷.

В следующем изучаемом старопечатном экземпляре⁸ — московском издании Минеи общей печатника Никиты Фофанова, вышедшем в

⁷ Один из главных трудов Евфимия Чудовского и один из первых в истории русской библиографии — «Оглавление о книгах, кто их сложил» (ГИМ. Син. № 929). Вопросы книжной sprawy затронуты Евфимием в труде «О исправлении неких погрешений в преждепечатных книгах Минеях» (ГИМ. Чуд. № 286 (84)).

⁸ Частное собрание К. С. Северина, г. Москва (Галерея «Северинъ»). Текст экземпляра без утрат, переплет XIX в. без особенностей. Описание издания: [Зернова 1958, № 29].

1609 г., — содержится инскрипция, исключительно важная для истории города Мурома в XVII веке. По листам первого счета и л. 1–7 второго счета скорописью XVII в. не полностью сохранный записи: «Сия книга [...] Троицкаго девичьего монастыря [...] а приложил Богдан Борисов сын»; на л. Поб. скорописью XIX в. «№ 409». На л. 1 первого сч. в нижнем правом углу по заклеяке скорописью XVII–XVIII вв.: «Великому господину [преосвя]щенному [нрзб] Василия [нрзб] епископу Рязанскому». По нижним полям листов 23–67 скорописью XVIII в. полусрезанная и выцветшая запись (вероятно, повторяющая запись XVII в.):

Сия книга глаголемая общая минея города Мурома Троицкаго девича монастыря а приложил Богдан Борисов сын Цветнов а ежели кто сию книгу возмет [...] анафеме будет прокълет а сия книга [...] того же Троицкаго девича монастыря подписал Захар Василиев своею рукою аминь аминь аминь.

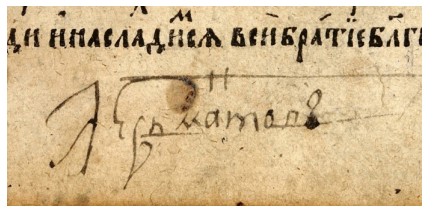
Из писцовой книги города Мурома за 1624 г. известно, что в Троицком монастыре «образа и свечи и сосуды церковные и ризы и на колокольнице колокола» — все церковное строение торгового человека муромца Бориса Семенова сына и Богдана Борисова сына [Беспалов 1971: 34]. Именно Богдан Борисов сын упоминается в самой первой из приведенных выше записей в экземпляре. Тарасий-Богдан Борисов сын Цветнов — член гостиной сотни, двор его располагался рядом с Троицкой церковью в Муроме, ктитором которой он являлся, как и его отец, упомянутый выше. Ктиторская надпись в каменном Троицком соборе сообщает о том, что церковь построена в 1643 г. попечением Тарасия-Богдана Борисова сына Цветнова. В это же время Богдан просил у епископа Рязанского и Муромского разрешение на основание женского монастыря, снова на свои средства, жертвуя в новый монастырь драгоценную утварь (посуду, оклады и т. п.). Главная сакральная ценность Троицкой обители — так называемый Виленский крест. В Повести о Виленском кресте сообщается, что в июле 1658 г. торговый человек гостиной сотни Богдан Борисов сын Цветнов чудесным образом обрел от сына боярского Василия Сергеева сына Микулина животворящий крест, вывезенный последним как трофей после взятия Вильны войсками царя Алексея Михайловича. В дальнейшем сохранившийся в Муроме до настоящего времени Виленский крест, будучи передан Богданом Цветновым в построенный на его средства монастырь, считался среди жителей Мурома чудотворным.

Т. Р. Руди [1999] предполагает, что «Повесть» была написана в муромском Благовещенском монастыре. Полностью название звучит следующим образом: «Повесть о чудесах честного и животворящего креста, иже взят в Литовском граде Вилне, сыном боярским арзамаским

Василием Микулиным, и принесен во град Муром, иже изволил быть в девичье монастыре Живоначальныя Троицы». В тексте дается описание креста:

В лето 7166 [1658] году в июле месяце в субботний день в Муроме гостиной сотни, торговой человек Богдан Борисов сын Цветнов, того дня прилучилося ему ийти от церкви Божий от вечерняго пения ко двору своему, и как будет он Богдан против улицы своей, по обычаю обратися к соборной церкви помолитися, и против улицы его Богдана сидящу человеку, и увидя ево человек пошел за ним в улицу, и постигши ево остановил, и вынул из шапки оболчен в бумаге крест поклонный скован в серебре позлащен с камением и жемчугом украшен, и той крест дает Богдану, прииме сей Животворящий крест; ибо изволюи он у тебя быти [Брун 1979: 328].

В 1657 г. Василий Микулин участвовал во взятии столицы Великого княжества Литовского Вильны: «И как вошли в тот град многие люди воинские, и вошли в литовску церковь, такожде и я вошел, хотя что взяти, и до мене все побрано, толко де увидел лежит на помосте церковном сронен сей Животворящий крест, и я де ево поднял и привез его в Арзамаской уезд» [Брун 1979: 328]. В 1658 г. Василий Микулин снова отправился на воинскую службу, при этом он трижды слышал «глас» о том, что он должен отвезти крест в город Муром и отдать его Богдану Цветнову. «Тарас же по прозванию Богдан, той Животворящий крест Господень со мноюю честию поставил в девичье монастыре Живоначальныя Троицы на правой стороне на налое». В качестве воздаяния Василий Микулин, молитвенно обращаясь к новообретенному муромскому кресту, получил спасение из плена в войне с крымскими татарами.

Наконец, еще одна наша находка — это Евангелие учительное 1595 г.⁹ виленской типографии Мамоничей. На листах экземпляра сохранилось несколько записей XVII–XVIII вв. На припереплетном листе экземпляра скорописью кон. XVIII в.: «Сия книга глаголема Евангелие

⁹ Частное собрание К. С. Северина, г. Москва (Галерея «Северинъ»). Экземпляр полный хорошей сохранности, в переплете XVII–XVIII вв. с суперэкслибрисом «лев и единокор» на верхней крышке. Описание издания см. в: [Гусева 2003, №140].

надлежит до крестьянина Семена Васильева и сына его Авдея Семенова верно 1795 года месеца августа». Ниже близким почерком: «Писарь Авдеи Семенов». Выше указанных записей неумелой неразборчивой скорописью того же времени: «Была книга в руках у меня Овдею Семенычу и отцу ево Семену Василичу благодарствую». По нижним полям л. 3нн.–35нн. скорописью XVII в.:

Лета 7163-го году месеца июня в 25 день [1655] положил сию глаголемую книгу Евангелие многогрешный человек Фома а прозвище Басман Иосифов сын Петелин деревни Подлеснова к церкви святого пророка Илии и святого чудотворца Николы и святых мученик Флору и Лавру и святой мученицы Паразковие нареченой пятница по душам родителей своих, а подписал Басманов своею рукою.

Собственно ключевая инскрипция в этом экземпляре прослеживается на нижних полях листов тетрадей «ж»–«и» скорописью кон. XVII в.:

Сия книга Апостол Ивана Прохорова сына Зиновьева а подписал сию книгу Апостол брат ево Петр Евтифьев сын Лермантов своею рукою лета 7204-го году месеца марта в пятый день [1696].

В экземпляре, таким образом, сохранился уникальный автограф-подпись Петра Евтихиевича Лермонтова, офицера Преображенского полка, сына Евтихия Петровича — стольника. Петр Лермонтов — прапрадед поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Подобные автографы именитых владельцев в экземплярах старопечатных книг крайне редки. Настоящий экземпляр вместе с записью служит прекрасным дополнением к генеалогии рода Лермонтовых, а также является артефактом из семейного наследия рода. Судя по генеалогии Лермонтовых, в роду были приняты семейные имена Юрий и Петр¹⁰. Эти сочетания постоянно встречаются — начиная с Юрия Лермонтова в начале XVII в. и заканчивая отцом поэта Юрием Петровичем, в крещении Евтихием. Петр Евтихиевич (Юрьевич — по второму имени) Лермонтов, чей автограф найден в настоящем экземпляре, также «объединил» в себе родовые имена Лермонтовых. Удивительным образом воспитателем Михаила Лермонтова был Алексей Зиновьевич Зиновьев. Спустя более столетия обе фамилии, упомянутые в записи на данном экземпляре, символически соединились¹¹.

Мемориальные экземпляры печатных и рукописных книг, связанные с важными персоналиями отечественной истории XVII в., не

¹⁰ Более того, как установил Б. М. Эйхенбаум [1938], отец Михаила Юрьевича Лермонтова был в крещении наречен Евтихием. Под именем Евтихия Петровича Лермонтова он был записан в метрической книге о скончавшихся (1831 г.).

¹¹ Степень родства Петра Лермонтова и его «брата», упомянутого в записи, Ивана Прохорова сына Зиновьева, установить затруднительно.

редкость, однако далеко не всегда они содержат отражающие остроту «момента» инскрипции своих знаменитых владельцев. Вклад Юрия Хмельницкого послужил небольшим, но достаточно важным дополнением к хронологии истории Медведовского монастыря, поминальная запись Евфимия Чудовского интересна своей связью с Флорищевой пустыней, обладавшей богатым книжным собранием, в том числе книжными вкладами известных современников Евфимия¹². Сохранившиеся вклады Богдана Цветкова составляют золотой фонд музейных коллекций Мурома по сей день, он был одним из главных устроителей церковной жизни города в XVII в. Виленское Евангелие 1595 г. ценно благодаря автографу прямого предка Михаила Юрьевича Лермонтова и как ранний артефакт из семейной истории рода Лермонтовых.

Сокращенные названия архивов

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея.

Библиография

Беспалов 1971

Беспалов Н. А., *Муром: Памятники искусства XVI — начала XIX в.*, Ярославль, 1971.

Богданов 2023

Богданов В. П., *Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий конца XV–XVIII веков)*. Автореф. дисс. ... д. ист. наук, Москва, 2023.

Брун 1979

Брун Т. А., Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста», *Труды отдела древнерусской литературы*, 34, Ленинград, 1979, 323–331.

Георгиевский 1896

Георгиевский В. Т., *Флорищева пустынь: историко-археологическое описание с рисунками*, Вязники, 1896.

Гусева 2003

Гусева А. А., *Издания кирилловского шрифта второй половины XVI в. Сводный каталог*, 2, Москва, 2003.

Гусева, Каменева 1976

Гусева А. А., Каменева Т. Н., *Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. Каталог изданий, хранящихся в ГБЛ*, 1, Москва, 1976.

Евфимий 2008

Евфимий, *Православная энциклопедия*, XVII, Москва, 2008, 408–411.

Зернова 1958

Зернова А. С., *Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог*, Москва, 1958.

¹² См.: [Георгиевский 1896] (в приложении: Описание рукописей, каталог старопечатных книг и собрание грамот и актов, принадлежащих пустыни).

Руди 1999

Руди Т. Р., Еще раз о датировке «Повести о чудесах Виленского креста», *Труды отдела древнерусской литературы*, 51, С.-Петербург, 1999, 232–242.

Эйхенбаум 1938

Эйхенбаум Б. М., Новые материалы об отце М. Ю. Лермонтова, *Литературная газета*, 1938, № 7 (714), 4.

References

Bespalov N. A., Murom: Pamiatniki iskusstva 16 — nachala 19 v., Yaroslavl, 1971.

Brun T. A., Muromskaia “Povest’ o chudesakh Vilenskogo kresta”, *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 34, Leningrad, 1979, 323–331.

Guseva A. A., *Izdaniia kirillovskogo shrifta vtoroi poloviny 16 v. Svodnyi katalog*, 2, Moscow, 2003.

Guseva A. A., Kameneva T. N., *Ukrainskie knigi kirillovskoi pechati 16–18 vv. Katalog izdaniia, khramniashchikhsia v GBL*, 1, Moscow, 1976.

Rudi T. R., Eshche raz o datirovke “Povesti o chudesakh Vilenskogo kresta”, *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 51, St. Petersburg, 1999, 232–242.

Zernova A. S., *Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v 16–17 vekakh: svodnyi katalog*, Moscow, 1958.

Юрий Сергеевич Белянкин, кандидат исторических наук,
заведующий сектором изучения особо ценных фондов
Центра по исследованию проблем развития библиотек
в информационном обществе
Российской государственной библиотеки
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
Россия / Russia
bys86@yandex.ru

Received September 6, 2023

Индекс химических
веществ и растений
в «Воинской книге»
1607 г.*

An Index of
Chemical Substances
and Plants in the
Military Book of 1607

**Олег Владимирович
Русаковский**

Ереван, Армения

Oleg V. Rusakovskiy

Yerevan, Armenia

Резюме

В статье предлагается комментированная публикация фрагмента «Воинской книги» 1607 г. — первого перевода европейского военного трактата на русский язык. Основой для этого перевода послужил второй том немецкого компендиума «Kriegsbuch» Леонхарда Фроншпергера (1573). В конце своего труда переводчики — сотрудники Посольского приказа Михаил Юрьев и Иван Фомин — поместили индекс упомянутых в книге Фроншпергера веществ и смесей минерального и растительного происхождения, а также отдельных растений, которые использовались при изготовлении пороха и иных горючих материалов. Во вступительной части статьи проясняются обстоятельства создания индекса, его состав и языковые особенности. Дана характеристика вновь обнаруженной рукописи «Воинской книги», не введенной ранее в научный оборот. Делаются предположения о приемах работы переводчиков с немецким и русским текстом, а также

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Цитирование: *Русаковский О. В.* Индекс химических веществ и растений в «Воинской книге» 1607 г. // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 178–209.

Citation: *Rusakovskiy O. V.* (2023) An Index of Chemical Substances and Plants in the *Military Book of 1607*. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 178–209.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.09

об использованных ими дополнительных источниках (рукописных переводах европейских медицинских трактатов и консультациях, полученных от иноземных докторов). Сам индекс в полном объеме воспроизводится в приложении к статье с указанием разночтений по двум сохранившимся рукописям. В комментарии к тексту источника идентифицированы упомянутые в нем вещества и растения с указанием их наименований в немецком оригинале «Воинской книги», ее второй редакции, выполненной в 1620 г. Анисимом Михайловым-Радишевским, и иных памятниках русской письменности XVI–XVII вв.

Ключевые слова

перевод с немецкого на русский, Посольский приказ, травники, переводы военных трактатов, Иван Фомин

Abstract

The article presents an annotated publication of a fragment from the *Military Book* of 1607, the earliest Russian translation of a European military treatise. This translation was based on the second volume of the German compendium *Kriegsbuch*, published in 1573 by Leonhard von Fronsperger. At the end of their work, the translators Mikhail Yuriev and Ivan Fomin, employed at the Ambassadorial Chancery, placed an index of the mentioned mineral and organic substances and compounds as well as plants used to produce gunpowder and other fuels. The introduction to the publication deals with how and why the index was compiled, what entries belong to it, and what are its linguistic features. The article describes a previously unknown manuscript of the Military Book. Some suggestions are made concerning the strategies used by the translators while working with the German and Russian text and also concerning supplementary materials they used, primarily, Russian manuscript translations of European medical treatises and advice given by foreign medical staff. In the appendix, the index is edited in full with alternative readings according to the two surviving manuscripts. The commentary identifies the mentioned substances and plants with their names in the German original of the *Military Book*, its later version completed by Anisim Mikhailov-Radishevsky in 1620 and other Russian writings of the 16th and 17th centuries.

Keywords

translation from German into Russian, Ambassadorial Chancery, herbaria, translations of military treatises, Ivan Fomin

«Воинская книга» 1607 г. — первое переводное военно-техническое сочинение на русском языке [Лобин 2012; Русаковский 2018; Немировский 1997] — содержит уникальный список названий химических веществ, минералов, растений, их масел и смол, озаглавленный «Имена составов, которые сгождаются к огненным хитростям» [Русаковский 2021]. Он может считаться одним из первых предметных естественно-научных индексов, созданных московскими книжниками. Этот небольшой

текст дает нам редкую возможность проникнуть в творческую лабораторию русских переводчиков XVII в. и исследовать, пусть и на ограниченном материале, приемы их работы с иноязычным оригиналом, справочными изданиями и консультациями сторонних специалистов. Настоящая статья предлагает вниманию читателей текст индекса с учетом разночтений обоих сохранившихся списков. В комментариях отражены необходимые параллели с редакцией «Воинской книги» 1620 г., ее немецким оригиналом, а также — в случаях необходимости — иными русскими минералогическими, ботаническими и медицинскими текстами XVI–XVII вв. Некоторые частные выводы, закрепившиеся в предшествующей историографии, в том числе в наших недавних статьях, уточнены и исправлены. Данная статья представляет собой первую научную публикацию части «Воинской книги» в какой бы то ни было из ее редакций.

* * *

«Воинская книга» представляет собой фрагментарный перевод второго тома «Kriegsbuch» Леонхарда фон Фроншпергера (ок. 1520–1575), выполненный по его первому изданию 1573 г. [Fronsperger 1573]. Фроншпергер, бюргер имперского города Ульм, исполнял должности цейхмейстера и главного военного судьи в императорской армии во время войн с османами в Венгрии. Ему по праву принадлежит слава самого плодovitого немецкого автора военных трактатов в XVI в. Большинство его сочинений, однако, представляют собой компиляции, зачастую весьма хаотичные и небрежные, составленные на основе его собственных более ранних книг и трудов других авторов, как немецких, так и иноязычных. Не является исключением и «Kriegsbuch», ставшая своеобразной энциклопедией военного искусства Центральной Европы XVI в. и включившая в себя тексты самых разных жанров, от военно-нормативных документов до многочисленных рецептов пороховых смесей и иных технических рекомендаций [Leng 2002: 271–308; Brugh 2019: 54–61, 74–93; Jähns 1889: 548–558, 621–622, 637–640]. Второй том этого грандиозного труда, ставший основой для работы русских переводчиков, посвящен в основном артиллерийскому делу.

Рукопись «Воинской книги» была поднесена царю Василию Шуйскому в конце мая 1607 г. В литературе высказывались предположения о том, что работа над ней могла быть начата еще в царствование Лжедмитрия I [Назаров 1969], но ввиду недостатка источников ни подтвердить, ни обоснованно опровергнуть эту гипотезу не представляется возможным. Составителями книги выступили два переводчика Посольского приказа: происходивший, по всей вероятности, из семьи

пленных ливонских немцев Михаил Юрьев [Беляков et al. 2021: 227] и Иван Фомин (Иван Алманзенев, Джон Хелмс), англичанин по происхождению [Беляков et al.: 36–40]. Они перевели бóльшую часть второго тома «*Kriegsbuch*», но существенно изменили ее структуру, переставив местами отдельные фрагменты текста и увеличив тем самым степень хаотичности, присущей во многом и самому немецкому оригиналу.

Тексты, в которых заявлена принадлежность к «Воинской книге» 1607 г., дошли до нас в трех рукописях, хронологически довольно далеко отстоящих от оригинала. Первая из них, обычно признаваемая наиболее полной и авторитетной, находится сегодня в собрании Научной Библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского Федерального Университета¹. Она была создана, вероятно, около середины XVII в. для келаря Троице-Сергиева монастыря, автора ряда исторических и житийных сочинений Симона Азарьина, который передал ее в монастырское книжное собрание в 1654/1655 г. [Клитина 1979: 305]². Рукопись содержит относительно законченный текст «Воинской книги» и включает в себя вступление переводчиков с посвящением их труда царю Василию Шуйскому, постатейное оглавление и нумерованные «статьи» (параграфы или главы различного объема) с первой по 221-ю [Немировский 1997: 95]. Именно в последней, 221-й статье этого списка мы находим «Имена составам», которые будут занимать нас в дальнейшем.

Второй известный список «Воинской книги» 1607 г. датируется 1640-ми гг. и принадлежит Российской национальной библиотеке, в описях которой он упомянут как «Книга о всякой стрельбе»³. Он содержит вступление, очень близкое по содержанию к казанской рукописи, но по набору статей, их расположению и нумерации существенно отличается от нее. Очевидно, речь идет об окончании, или, по крайней мере, о второй половине исходного текста. Составляющие его статьи имеют нумерацию с 367 по 499. Многие из них соответствуют отрывкам рукописи Азарьина, но их нумерация и положение в тексте в каждом случае различны. Интересующий нас индекс, занимающий последнюю, 221-ю статью казанской рукописи, в «Книге о всякой стрельбе» отсутствует, поэтому в настоящей статье речь о ней идти не будет.

Наконец, недавно в Новом собрании рукописной книги Российской национальной библиотеки был обнаружен третий список «Воинской книги» 1607 г., не введенный до сих пор в научный оборот и не

¹ Научная Библиотека им. Н. И. Лобачевского. Отдел рукописей и редкой книги. № 4550.

² Ср. владельческую запись в нижнем поле рукописи на л. 1–63: «Лета 7163-го дал в дом живоначальные Троицы в Сергиев монастырь сию книгу келарь старец Симон Азарьин, во все веки неотъемлемо никому же».

³ РНБ. ОСПК. F IX 19.

учтенный в предыдущих публикациях об этом памятнике. Стоит поэтому остановиться на нем подробнее. Он представляет собой рукопись в четверку (переплет 21 на 16,5 см, бумага ок. 19,8 на 15,7 см) в досках и коже с тиснением в виде растительного орнамента, с частично сохранившимися металлическими застежками. Рукопись написана одним почерком четкой скорописью XVII в. Инициалы в начале абзацев и некоторые исправления выполнены киноварью. Незначительные исправления даны тем же почерком в нижнем и боковых полях. Общий объем рукописи составляет 384 листа, из них один лист перед основным текстом и два после оставлены пустыми, если не считать библиотечных помет. Рукопись пагинирована карандашом, очевидно, уже в библиотечном хранении. Кроме того, на некоторых листах в ее начале имеются пометы кириллической цифирью, маркирующие отдельные тетради, но эта нумерация вскоре прерывается.

В рукописи имеется владельческая помета XVIII в. следующего содержания: «Августа в 1-й день 734-го году от Микиты Волженского приезжал Воронежского пехотного полку салдат Василий Петров сын Чаглинов, жительство имает в Парфеньевском дистрикте в усадьбе Матвейков, а Воронежский полк квартиру имеет[т] в Казани» (*РНБ. НСРК. Q 183. Л. VI*). Возможно, имеется в виду деревня Матвейково Парфеньевского уезда Галицкой провинции Архангелогородской губернии (ныне в Буйском районе Костромской области, соседнем с Парфеньевским районом той же области). Отношения автора записи, вероятного владельца книги, с неким Никитой Волженским и солдатом Василием Петровичем Чаглиновым остаются неизвестными. В рукописи имеется также несколько карандашных маргиналий XIX — начала XX в., в которых выписаны отдельные термины и сделаны предположения относительно их значений (*РНБ. НСРК. Q 183. Л. 377об., 378*), а также зачеркнутая надпись арабскими цифрами «1606», очевидно, отсылающая к предполагаемому году создания текста, на ее первом листе. Пометы с инвентарными номерами на оклейке переплета и листе, предваряющем основной текст, включая запись синим карандашом в пореформенной орфографии «Времен Василия Шуйского», очевидно, сделаны уже в бытность рукописи в библиотечном собрании.

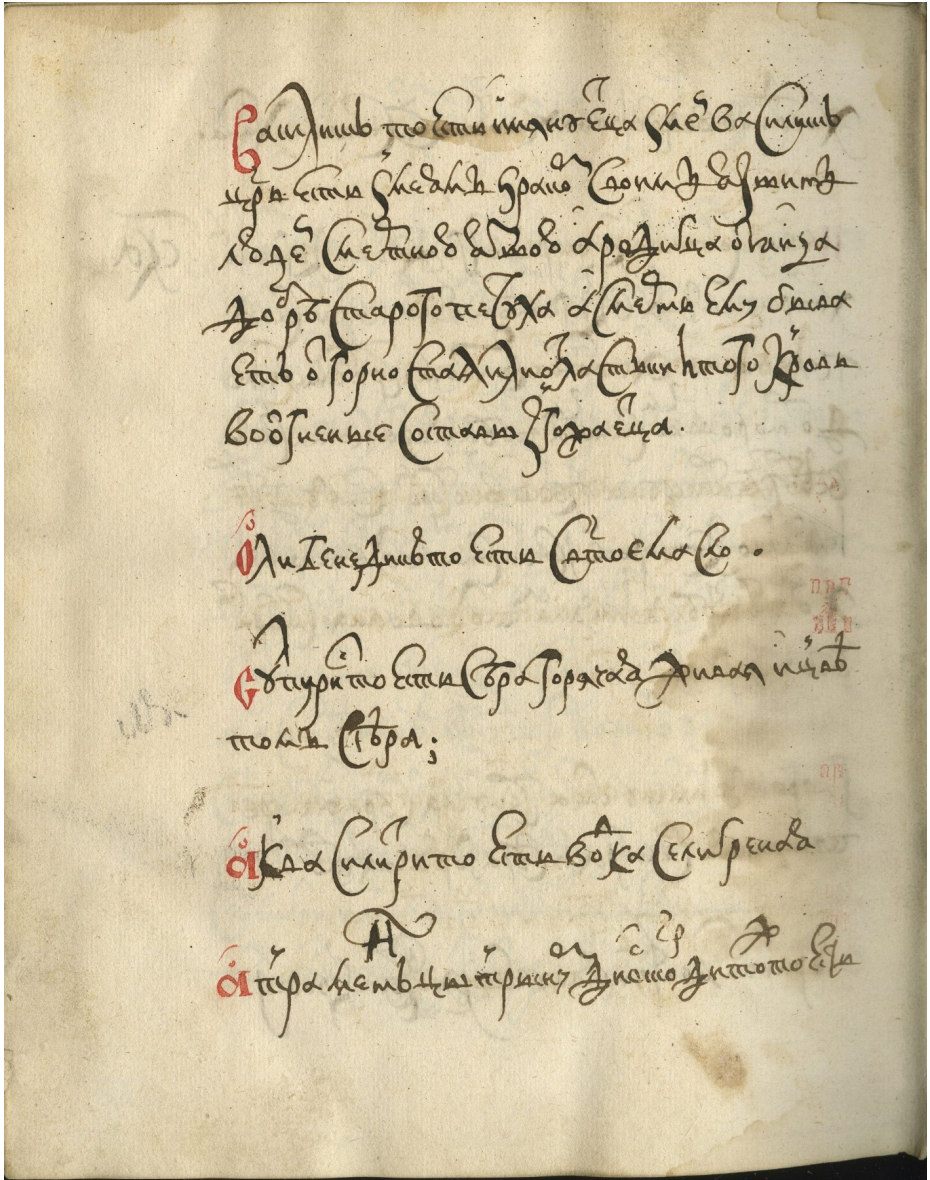
В собрание Российской национальной библиотеки (тогда — Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) рукопись поступила в 1939 г. как дар Елены Владимировны Бобович, проживавшей по адресу: город Симферополь, Гоголевская улица (ныне — улица Гоголя), дом 49⁴. Сведений о Е. В. Бобович найти не удалось, но семья Бобовичей (Бабовичей), к которой она принадлежала (возможно, по мужу) хорошо

⁴ Карандашная помета (*РНБ. НСРК. Q 183. Л. VI*).

известна. Из этого видного караимского рода происходили многие купцы, вероучители и земские деятели, а с конца XIX в. и представители интеллигенции, проживавшие в Симферополе, Евпатории и Карасубазаре [Ельяшевич 1993: 8–17]. Краткие заметки о поступлении рукописи в Государственную публичную библиотеку были опубликованы в ленинградской прессе. Для историков и филологов, однако, рукопись осталась практически неизвестной. Если судить по листу использования, с ней в 1955 г. познакомился доктор химических наук и историк науки Павел Митрофанович Лукьянов, но в его обобщающем труде «Краткая история химической промышленности СССР» «Воинской книге» посвящен лишь один короткий абзац, и ссылок на рукописи эта работа не содержит [Лукьянов 1959].

Список НСРК РНБ весьма близок к казанской рукописи. Он также включает в себя вступление и статьи с первой по 221-ю, причем набор этих статей, их расположение друг относительно друга и нумерация идентичны в обеих рукописях. Текстуально оба списка также чрезвычайно близки. Их различия, как можно видеть на примере приведенной в приложении 221-й статьи, незначительны и сводятся, по сути, к небольшим разночтениям орфографического толка, не затрагивающим ни смысл текста, ни даже структуру и грамматику отдельных предложений. Вместе с тем ни один из этих списков нельзя считать протографом для другого. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые расхождения в рассматриваемом отрывке. Написание «Оли бенедик» в рукописи РНБ вместо «оли бенедок» в казанском списке, несомненно, ближе к «Oleum Benedictum» немецкого оригинала и, вероятно, к протографу. Равным образом «опирмент» в рукописи РНБ ближе к немецкому «Orperiment», чем «опирент» казанского списка. С другой стороны, в иных случаях казанская рукопись дает варианты, более соответствующие тексту Фроншпергера, например, «мурбен» вместо «шурбен» для прилагательного «mürb».

В сентябре 1620 г. выходец с Волыни Анисим Михайлов-Радишевский преподнес царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу рукопись собственной редакции «Воинской книги». Радишевский, бывший книгопечатник, а в то время сотрудник Пушкарского двора, ни до, ни после не занимался переводами. Ничто не указывает и на его владение немецким, хотя он почти наверняка знал польский и, вероятно, латынь. Представляется поэтому вероятным, что Радишевский воспользовался редакцией 1607 г., несколько переработав ее, но не пользовался оригиналом Фроншпергера. Труды Радишевского, несмотря на его вероятную вторичность, повезло сразу в двух отношениях. Во-первых, он дошел до нас, вероятно, в более полном виде,

Ил. 3. «Воинская книга» Михаила Юрьева и Ивана Фомина.
РНБ. НСРК. Q 183. Л. 377об.

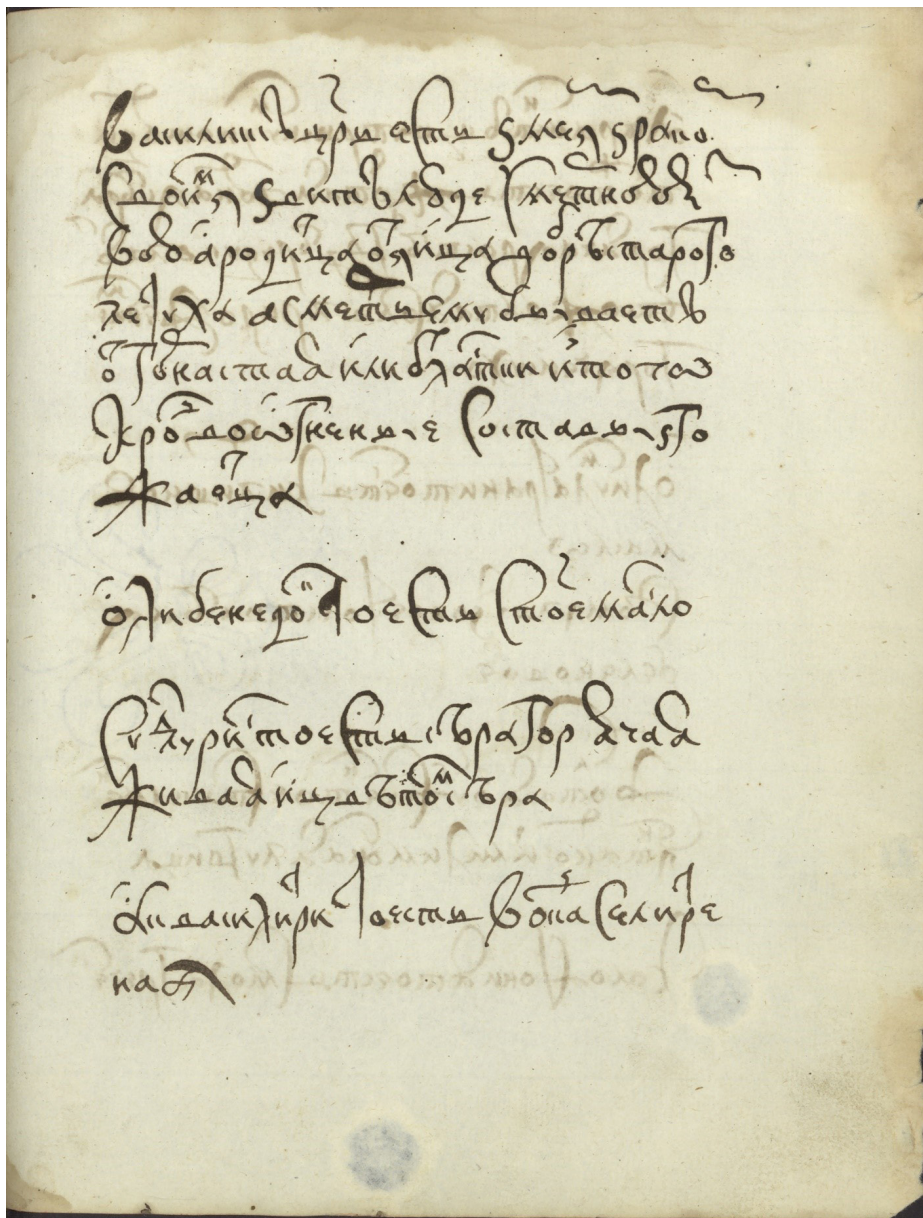
нежели работа Юрьева и Фомина, в составе двух объемных рукописей середины XVII в., включающих по 651 статье каждая⁵. Во-вторых, в 1777–1781 гг. коллежский асессор и известный в свое время поэт Василий Григорьевич Рубан, занимавшийся по поручению князя Григория Александровича Потемкина разбором архива Московской Оружейной палаты, опубликовал по найденному в нем списку «Воинскую книгу» Радишевского, озаглавив ее «Устав ратных, пушечных и других дел, относящихся до воинской науки» [Устав 1777–1781]. Сам факт этой публикации и название, которое Рубан дал своему изданию, породили представление о Радишевском как об авторе оригинального сочинения военно-правового и нормативного характера, что совершенно не соответствует действительности. Рукопись, на которую опирался Рубан, видимо, была создана в Царицыной Мастерской палате в 1625 г. и содержала самый полный из известных списков «Воинских книг», включавший 663 статьи. К сожалению, вскоре после публикации Рубана следы рукописи теряются. Можно предполагать, что она погибла в московском пожаре 1812 г.

* * *

Завершив характеристику «Воинских книг» и их рукописной традиции, перейдем теперь к интересующему нас индексу, занимающему 221-ю статью памятника 1607 г. в двух из трех доступных списков. Наряду с авторским вступлением, этот фрагмент представляет собой единственный полностью оригинальный отрывок «Воинских книг». В немецком издании Фроншпергера имеется лишь подробное двухуровневое оглавление, в котором переданы названия разделов и параграфов основного текста, но не названия химических веществ и растений. Следует также отличать составленный Юрьевым и Фоминым индекс от постатейного оглавления их перевода, помещенного в начале обеих интересующих нас рукописей и также касающегося содержания статей, но не терминов (*НБ им. Лобачевского. № 4550. Л. 4–25; РНБ. НСРК. Q 183. Л. 3об.–24*).

«Имена составам» представляют собой список из 45 наименований минералов, химических веществ и их смесей, растений, их смол и масел. Для каждого из терминов приводится его запись в кириллической транслитерации, соответствующая немецкому или латинскому наименованию, а также обиходное русское название и в некоторых случаях более развернутая характеристика, касающаяся состава, способа получения или возможных трудностей, которые переводчики испытали при его идентификации. Предваряет список следующая краткая заметка:

⁵ РНБ. ОСРК. F IX 3; СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. № 526.

Ил. 4. «Воинская книга» Михаила Юрьева и Ивана Фомина.
 Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского.
 Отдел рукописей и редкой книги. № 4550. Л. 373

Имена составом, которые згождаютьца к огненным хитростем, а в кн[и]ге те имяна написаны по латыни, а по аптекарскому травнику и по дохтуровым скаскам те имяна написаны в сех главах по руски, а как в которой статье до тех имянно, которые написаны по латыни, доидет, и тем имянам толкования смотреть в сех главах.

В конце этого индекса Юрьев и Фомин поместили меньший по объему список, включающий в себя 14 названий, точное значение которых они не смогли установить и потому оставили без комментария. По словам переводчиков, они не смогли обнаружить эти «составы» в травниках, а «дохторы сказали их не знают же, а сказали, что имяна знают пушкари, которые составляют огненные хитрости». Вероятно, впрочем, что к артиллеристам, работавшим в Москве, переводчики не обратились. По крайней мере, некоторые названия из этого малого списка относятся к веществам, которые Юрьев и Фомин описали в развернутом индексе, но по собственной забывчивости или вследствие иных причин не смогли опознать под другими наименованиями. Однако некоторые названия сложно идентифицировать и сегодня.

К сожалению, наши сведения об иноземных докторах и аптекарях, работавших в Москве в Смутное время, довольно скудны, что делает невозможной надежную идентификацию консультантов, помогавших Юрьеву и Фомину. Документы Аптекарского приказа за 1605–1612 гг. не сохранились, и потому неизвестно, функционировал ли приказ в это время [Худин 2021: 58–59]. По свидетельству немецкого наемника Конрада Буссова, Василий Шуйский в июне 1606 г., месяц спустя после своего воцарения, выслал из Москвы четырех иноземных докторов, служивших прежде Лжедмитрию, подозревая их в сношениях с поляками, а «пятого доктора, Давида Фасмера из Любека, который всегда жил уединенно и тихо и с теми поляками никаких особых дел не имел [...] оставил своим лекарем» [Буссов 1961: 134; Dumschat 2006: 234–235]. Еще один государев врач, нанятый в 1600 г. уроженец Кенигсберга Каспар Фидлер, находился в интересующий нас период в Москве, за исключением короткой отлучки в Ивангород в сентябре–октябре 1606 г., но в 1607 г. попал в опалу и был сослан в Сибирь [Dumschat 2006: 149, 235].

Консультируясь с иноземными «дохторами», Иван Фомин мог воспользоваться личными или семейными связями. Его дед, хирург Ричард Хелмс, известный в России под именем «доктор Роман», прибыл в Москву в 1557 г. и исполнял обязанности придворного врача вплоть до своего отъезда на родину в 1584 г. Юный Иван некоторое время помогал ему в качестве толмача [Лисейцев 2009: 27; Dumschat 2006: 278, 600]. Как предполагают современные исследователи, он мог сохранить тесные контакты с Аптекарским приказом и его сотруidниками

на протяжении большей части своей жизни [Лисейцев 2009: 39; Худин 2021: 76]. Сын переводчика, Иван Алманзенев (Джон Хелмс), в 1617 г. отправился в Англию, где в 1632 г. получил степень магистра искусств, а в 1638 г. — доктора медицины в Кембриджском университете. По всей вероятности, он не вернулся в Россию, хотя русское правительство поддерживало его и, вероятно, рассматривало возможность применения его профессиональных знаний на русской службе [Dumschat 2006: 257–259, 630–631].

Неясно также, что представлял собой использованный переводчиками «аптекарский травник». Постатейное оглавление к списку РНБ уточняет, что имелся в виду «аптекарский *государев* травник» (РНБ. НСРК. Q 183. Л. 24; курсив мой. — О.Р.), что еще более ограничивает пределы поисков. Речь может идти об иноязычном — скорее всего, немецком или латинском — издании, но даже гипотетическая его идентификация не представляется возможной ввиду ограниченности ботанической информации в индексе и обилия подобных книг на европейских языках. Более перспективным кажется сравнение текста Юрьева и Фомина с рукописными русскими переводами европейских медицинских и фармакологических сочинений. На начало XVII в. известно всего три подобных текста, один из которых — т. н. «Травник воеводы Бутурлина» 1588 г. — был переведен с польского и поэтому не может рассматриваться как возможный источник для составителей нашего индекса, в котором не обнаруживается полонизмов [Николаев 2008: 94–95]. Гораздо более вероятно использование перевода с немецкого или латыни. Известно, что в последней четверти XVI в., вероятно, для нужд царского двора, была переведена на русский «Книга об искусстве дистилляции» («*Liber de arte distillandi*», 1500) страсбургского врача Иеронима Брунсвига [Сапожникова 2016; Сапожникова 2019]⁶. В ее состав вошел травник на 350 наименований. Сохранились сведения о семи списках «Книги», часть из которых была иллюстрирована. «Книгу об искусстве дистилляции» отчасти роднит с трудом Фроншпергера описанный в ней метод очистки путем многократного перепускания (в первом случае — лекарственных веществ и растворов, преимущественно растительного происхождения, во втором — серы, селитры и других составляющих пороховых смесей). По меньшей мере три растения, названные в индексе Юрьева и Фомина, упомянуты и в «Книге о перепущении» и основанных на ней русских травниках.

Если справочником, которым пользовались Юрьев и Фомин, действительно была переведенная на русский книга, а не иноязычный

⁶ См. также ботанические сведения из основанного на одном из списков «Книги о перепущении» «Азбуковника» Сергия Шелонина по [*PhytoLex*].

оригинал, то наиболее вероятным вариантом следует признать знаменитый «Травник Любчанина». Он представляет собой перевод немецкого травника Иоганна фон Кубе «Hortus sanitatis» в его нижненемецком издании 1492 г. «Gaerde der Suntheit», выполненный в 1534 г. выходцем из Любека, государевым врачом Николаусом Бюловым, известным на Руси под именем Николай Любчанин. До нас дошло пять списков перевода Бюлова, один из которых находился в Москве во время Смуты и, следовательно, мог быть использован переводчиками Посольского приказа [Морозов 2016; Исаченко 2000; Исаченко 2009]. «Травник Любчанина» упоминает по меньшей мере семь видов растений, их смол или масел, которые также перечислены в «Именах составам».

Более подробные сведения о каждом из упомянутых терминов читатель может найти в комментарии к публикуемому тексту. Если исключить повторы, всего в основной части индекса перечислены 43 понятия. 17 из них представляют собой названия минералов и химических веществ, пять — неорганических (или, по крайней мере, преимущественно неорганических) растворов, смесей и осадков, девять — растений или их частей, восемь — растительных масел и смол или их смесей, и, наконец, пять содержат истолкование латинских выражений, названия мифологических существ или отдельные немецкие слова. Обращает на себя внимание, что растения и вещества очевидно растительного происхождения — главный предмет внимания иноземных докторов и авторов травников — составляли менее половины упомянутых в индексе понятий, а собственно медицинские рецепты отсутствовали в труде Фроншпергера и его русском переводе вовсе. В большинстве случаев переводчикам приходилось иметь дело с химическими знаниями и технологиями военного назначения, и консультанты-медики едва ли могли оказать здесь квалифицированную помощь.

Некоторые наблюдения можно сделать относительно особенностей транслитерации латинских и немецких названий веществ и растений в индексе. Разумеется, некоторые особенности стоит списать на ошибки переписчиков, как в случае «тиксельштейн» («Kiesselsteyn» у Фроншпергера) или добавления лишнего слога в слове «петронелиум» («Petrolium»). Безударный -о может заменяться -а, как в слове «раманум» («Romanum») или «салкамуне» (Sal Commune), но происходит это довольно редко. Естественным для русского языка образом не делается различия для долгих и коротких звуков («глорит» для «Gloriet», но «аури» для «Auri»). Диграф -au переводчики передают как -оу («оугстень» вместо «Augstein») или -ов («фоулбовм» вместо «Faul Baumholtz»), а иногда даже сокращают до -у («Волькрут» вместо «Wollkraut»). Примечательна передача -ä как -я в слове «дряхсляр» («Drächßler»).

Удвоенные согласные в подавляющем большинстве случаев переданы в русских списках одинарными. Буква h, как это и должно быть в немецком, в середине слов не воспроизводится, но это правило иногда работает и там, где оно едва ли применимо, например, для буквосочетания rh («сулпурис» вместо «Sulphuris»). Напротив, в слове «колофония» звук -ф в латинском «Colophonia» сохранен. В отношении латинской грамматики и орфографии переводчики (или писец того списка, от которого происходят доступные нам рукописи) проявили известную небрежность. Падежные окончания латинских существительных и прилагательных в их передаче часто произвольны («оли бенедок» вместо «Oleum Benedictum» или «дастиллата» вместо «distillato»).

Обращает на себя внимание отсутствие у работы Юрьева и Фомина сколь-нибудь четкой структуры или понятных принципов организации материала. Это невыгодно отличает их текст и от «Травника Любчанина», и от русского перевода труда Иеронима Брунсвига, каждый из которых содержит алфавитные индексы [Сапожникова 2016: 16; Исаченко 2009: 105]. Расположение названий в «Именах составам» случайно, понятия не упорядочены ни по свойствам, ни по разновидности, ни в алфавитном порядке. Индекс не содержит ссылок на отдельные «статьи» русского перевода. Порядок размещения «имен» также не соответствует упоминанию соответствующих веществ в тексте Фроншпергера или его русском переводе, хотя на отдельных отрывках индекса такие последовательности возможно проследить. Можно предположить, что переводчики просматривали свой текст, сверяя его с оригиналом, несколько раз, и выписывали при этом последовательности названий, которые могли вызвать затруднения у русского читателя, но не успели или не пожелали переработать получившиеся списки в пользу большей системности. Эта хаотичность, характерная в целом для текста «Воинских книг» в обеих редакциях, делала практически невозможным эффективное использование индекса первыми читателями.

Возможно, большой объем индекса и отсутствие в нем очевидных отсылок к основному тексту побудили Анисима Радишевского сократить составленный его предшественниками список до 22 наименований. Этот короткий текст известен лишь по утраченной рукописи Оружейной палаты, опубликованной В. Рубаном, и занимает в ней отдельную 656-ю статью [Устав 1777–1781, 2: 227–228]. Радишевский в основном сохранил порядок расположения «имен» и пояснения своих предшественников, но не стал снабжать индекс ссылками на свой текст, который он также значительно реструктурировал. Он удалил любые ссылки на «аптекарский травник» или «дохтуровы сказки» и отказался от некоторых пространных или спорных идентификаций, предложен-

ных Юрьевым и Фоминым, в частности, полностью избавился от завершающего их труд списка неопознанных понятий. Однако он сделал несколько не вполне точных дополнений, которые несколько мешают адекватному пониманию рассматриваемых терминов. Примечательно, что иногда текст Радишевского фонетически и грамматически более правилен, что можно счесть как свидетельством большей аккуратности переписчиков его редакции, так и следствием исправлений, сделанных публикатором конца XVIII в.

Хотя русские травники продолжали традицию систематических списков лекарственных средств преимущественно растительного происхождения, «Имена составам» остались единственным оригинальным индексом, который был включен в русские переводы военных и военно-технических трактатов, выполненных в XVII в. Отчасти это обстоятельство было обусловлено немногочисленностью подобных текстов (следующие дошедшие до нас переводные сочинения, касающиеся артиллерийского дела, были созданы лишь по заказу молодого царя Петра I в 1680-х — 1690-х гг. [Русаковский 2022]). Различного рода географические и предметные списки в них нередки, но они всегда точно воспроизводят соответствующие места иноязычных (немецких или голландских) оригиналов, а не являются плодом самостоятельного творчества переводчиков. Очевидно, метод, избранный Юрьевым и Фоминым, оказался слишком трудозатратным, а результат — вследствие отсутствия систематического подхода — не вполне убедительным и практически бесполезным для читателя.

* * *

Ниже публикуется текст индекса на основе казанской рукописи «Воинской книги». Разночтения по списку НСРК РНБ приводятся в постраничных сносках. Текст воспроизводится гражданским шрифтом, титла раскрываются, выносные литеры выделяются курсивом. Утраты и нечитаемые места реконструируются в квадратных скобках по смыслу или по списку НСРК РНБ. Расстановка знаков препинания соответствует современным правилам пунктуации.

Комментарии к источнику, приведенные параллельно основному тексту, касаются каждого из внесенных в индекс понятий. По возможности приводится современное название химического вещества, минерала или растения; его наименование в немецком тексте «Kriegsbuch»; значимые случаи употребления этого или сходных названий в других русских памятниках XVI–XVII вв. и необходимые пояснения к ним. Вследствие существенного расхождения донаучной ботанической номенклатуры Раннего Нового времени и используемой ныне линне-

евской классификации точная видовая идентификация растений, упомянутых в индексе, в большинстве случаев невозможна, поэтому для растений обычно приводятся названия родов или семейств. Редкие случаи, в которых использованные Юрьевым и Фоминым названия не удалось однозначно соотнести с иными текстами, отмечены особо.

Текст	Комментарий
<p>[372] 221. Имена составом, которые сгожаютца к огненным хитростемъ, а в кн[и]ге тѣ имяна написаны по латыни [372об.], а по аптекарскому травнику и по дохтуровым⁷ скаскам тѣ имяна написаны в сѣх главах по руски, а как в которой статѣ до тѣхъ имянно, которые написаны по латыни, доидет, и тѣм имянам толкования смотрит в сѣх⁸ главах⁹.</p> <p>Глорит¹⁰ именуется текучая сера, а перепущаная селитра и сѣра горячая тоже¹¹.</p>	<p>Очищенная сера (S). У Радишевского: «Глорит, именуются текучая сера, а перепущенная селитра и сера тож»¹². У Фроншпергера Gloriet [Fronsperger 1573: 193v, 194v, 206v].</p>
<p>Аурии пигментум имянуется желтая¹³ краска.</p>	<p>Аурипигмент (сульфид мышьяка, As₂S₃). У Радишевского: «Аурипигментум краска желтая и летчадка она же». У Фроншпергера Auri Pigmentum [Fronsperger 1573: 196v–197r]. Вероятно, идентичен упомянутому ниже веществу «опир[м]ент».</p>
<p>Василискъ то есть имянутца¹⁴ змей [373] василискъ, ц[а]рь есть змеям, зраком своим язвить людей смертною язвою, а родитца от яйца добрѣстарого петуха, а смерть ему бываетъ от горностая или от ластки, и того кров во огненные составы сгождаетца.</p>	<p>Мифическое существо. У Фроншпергера имеется в виду вещество неясного происхождения: «Item, wiltu Feuwrkugeln schiessen in Holtzwerck / so nim gefaimten Schwefel / Griechisch Bech / 2 theil Kolen / und Basiliscum darunter» [Fronsperger 1573: 197r]. Вероятно, не следует сме-</p>

⁷ дохторовым.

⁸ сѣхъ.

⁹ гл[а]вах.

¹⁰ Глорить.

¹¹ тож.

¹² Здесь и далее список Радишевского цит. по: [Устав 1777–1781, 2: 227–228].

¹³ желтая.

¹⁴ имянуется.

Текст

Оли бенедок¹⁵ то есть св[я]тое¹⁶ масло.

Сулпурис то есть сѣра горячая живая и цвѣтом сѣра.

Аква селитри то есть водка селитренная.
[373об.]

Атраментъ цытрынум диоскорди¹⁷ то же то есть жолтая горная сѣра горячая, ростѣт¹⁸ гдѣ руду копают что жолтая соль, прирощением горяче и сухо.

Комментарий

шивать его с пушкой «василиск», неоднократно упоминаемой в «Kriegsbuch» под названиями «Basilscus», «Basilisch», «Basilischck» и т. п. В русских текстах XVI–XVII в. упомянут как мифическое существо или же реальная ящерица или змея [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 23]. Большая часть сведений, которые сообщают здесь о василиске переводчики, хорошо известна в европейской оккультной традиции Позднего Средневековья и Раннего Нового времени [Handwörterbuch 1927: 935–937; Smith 2009: 45].

Масло на основе смеси древесных смол. У Радишевского: «Олеум Бенедиктум, то именуется святое масло». У Фроншпергера: Oleum Benedictum [Fronsperger 1573: 217r]. Вероятно, в данном случае написание в рукописи РНБ вернее передает протограф, чем вариант в казанском списке. В русских текстах XVII в. «святым маслом» мог именоваться елей [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 35].

Сера (S). У Радишевского: «Сульфур, сера горячая, живая, цветом сера». У Фроншпергера Sulphuris [Fronsperger 1573: 197v] или «Sulpherus / das ist zu Teutsch geredt / lebendiger Schwefel» [Fronsperger 1573: 206r].

Раствор селитры. У Фроншпергера Aqua Salitri [Fronsperger 1573: 197v].

Вероятно, соединения железного купороса (гидрат сульфата железа, FeSO₄·7H₂O), приобретающие при окислении на воздухе желтый оттенок. У Радишевского: «Атраментум цитринум, а Дискорди то же, желтая горячая сера, растет где

¹⁵ бенедик.

¹⁶ св[я]тое.

¹⁷ диоскорди.

¹⁸ растет.

Текст	Комментарий
Олиум латрани то есть кирпичное ¹⁹ масло.	руды золотую копают, что желтая соль, и приложением горяча и суха». У Фроншпергера Atrament [Fronsperger 1573: 189r, 202r, 212v]. Вероятно, то же, что «оли бенедик», масло на основе смеси древесных смол. В немецком языковом пространстве для обеих смесей используется наименование Ziegelöl. У Фроншпергера Oleum Latrani [Fronsperger 1573: 202r]. «Кирпичное масло» упоминается в некоторых русских списках лекарственных средств XVII в., в том числе «Азбуковнике» Сергия Шелонина, основанном на «Книге о перепущении» [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 135].
Сѣмя пылзовое то есть сѣмя беленовое.	Семя белены (Huoscyamus, нем. Bilsen). У Радишевского: «Семя пилзовое, семя беленовое». У Фроншпергера точный эквивалент не найден. В «Травнике Любчанина» упомянуты «белень» и «беленова трава» [Морозов 2016: 63; СлРЯ XI–XVII вв., 1: 131].
Жолтая оугстен то есть камен янтарной или лимонная пугвица.	Янтарь. У Фроншпергера Gelber Augstein [Fronsperger 1573: 202r]. У Радишевского: «Желтой уголстинской янтарь», что, вероятно, является тавтологией: «Augstein» по-немецки и означает «янтарь», и прилагательное «уголстинской» — возможно, поддержанное формой «голштинский» — здесь, очевидно, избыточно.
Колофония то есть смола гречес[374]ская цвѣтом черновато ²⁰ .	Канифоль, обработанная смола хвойных деревьев. У Радишевского: «Колофония, смола грецкая, цветом желтовата». У Фроншпергера Colophonia [Fronsperger 1573: 191r].

¹⁹ кирпичное.

²⁰ В рукописи РНБ напротив этой записи сделана, видимо, в конце XIX — начале XX в. полустершаяся карандашная помета: «Колофония [...] смола».

Текст

Волкрут то есть трава медвежье ухо.

Тиксельштейн то есть малое бѣлое решное²¹ камене.

Алкитияни то есть составъ перепущеная сѣра горячая, да простая сѣра горячая, да масло лняное, да яишныя желтки²², стоплено всѣ вместо²³ и²⁴ потому имянуется алкитияни²⁵.

Олиум сатурни то есть масло красныя [374об.] мѣди.

Мурбень²⁶ то есть мязкое желѣсо²⁷.

Комментарий

Медвежье ухо или коровяк обыкновенный (*Verbascum thapsus*). У Радишевского: «Волкрут, трава медвежье ухо». У Фроншпергера *Wollkraut* [Fronsperger 1573: 206r]. В русских текстах XVI–XVII вв. упоминается «медвежье ухо» [СлРЯ XI–XVII вв., 9: 57].

Нем. *Kiesselstein*, ‘галька’. Фонетически неверная передача «тиксельштейн» вместо «киссельштейн» повторяется в обоих списках. У Фроншпергера *Kiesselsteyn* [Fronsperger 1573: 206r].

Горючий состав на основе растительных масел. У Фроншпергера *Alckityani* [Fronsperger 1573: 206v].

Одна из немногих несомненных ошибок составителей индекса. Речь идет об ацетате свинца(II) ($Pb(CH_3COO)_2$), у Фроншпергера *Oleum Saturni* [Fronsperger 1573: 194v]. Принадлежность «масла Сатурна» к соединениям свинца, а не меди была хорошо известна в Европе Раннего Нового времени [Klein, Lefèvre 2007: 144; Klein 1994: 149–152]. Кроме того, ацетат свинца не имеет красного оттенка, а представляет собой белые или бесцветные кристаллы.

Вероятно, соответствует «*mürbes Eysen*» у Фроншпергера [Fronsperger 1573: 210r].

²¹ рѣшное.

²² жолтки.

²³ вместе.

²⁴ i.

²⁵ алакитиянно. Ниже в рукописи РНБ следует начатая красной буквицей запись, повторяющая предшествующий текст и зачеркнутая тонкой красной чертой: «Горячая, да масло лняное, да яишныя желтки, стоплено всѣ вмѣсте i потому имянуется алкитлин».

²⁶ Щурбень.

²⁷ железо.

Текст	Комментарий
Исплинкум то есть ярь шпанская.	Ярь-медянка, ацетат меди(II) ((CH ₃ COO) ₂ Cu), известный в качестве красителя в немецком языковом ареале как «испанская зелень» (Spangrün, Grünspan, viride hispanicum) [Deutsches Wörterbuch 16: 1881]. У Фроншпергера Hispanicum [Fronsperger 1573: 211v]. У Радишевского «Эс гиспаникум, ярь венецейская», т. е. венецианская зеленая краска. В России известна с XVII в. как «ярь веницейская» [СлРЯ XI–XVII вв., 2: 75].
Камен галлицын фикътриолум албумъ то же то есть бѣлой ²⁸ купорос.	Медный купорос (сульфат меди, CuSO ₄). У Радишевского: «Витриолум альбум, белой купорос». У Фроншпергера Galitzensteyn [Fronsperger 1573: 211v].
Салбертика есть состав, из гораздо перепущенные селитры учинитца селитра ²⁹ , а селинтру ³⁰ перепустить с горячимъ виномъ, с нашатырем, с камфарою и та учинитца салбертикъ. [375]	Смесь на основе селитры. У Радишевского: «Салпратик, селитра». У Фроншпергера Salbertica или Salpertia [Fronsperger 1573: 214r, 226r]. Вероятно, идентична с упомянутыми ниже и оставшимися в индексе без объяснения веществами «пратика», «солпроука», «салпрания», «салпратика», «салбратикум».
Саборний дерево в травникѣ ³¹ не написано, а есть в травникѣ написано трава сардония прирожениемъ горяче и сухо, в составехъ горит прутко.	Вероятно, следствие описки переводчиков при составлении списка или их случайной ошибки при чтении не вполне ясного немецкого оригинала. У Фроншпергера: «Sarboni [sic!] Holtz» [Fronsperger 1573: 213r], возможно, имея в виду «Carboni Holz», т. е. древесный уголь ³² . У Радишевского: «Трава сардония, прирожением горяча и суха, в составах огненных горит пылко». «Травник Любчанина» упоминает траву «сардонис» и дерево «албе, по-латынски и по-гречески,

²⁸ белой.²⁹ селитра.³⁰ селитру.³¹ травнике.³² Благодарю за эту догадку Александра Владимировича Лаврентьева.

Текст

Спиканнади³³ то есть масло спиканарное.

Опирентъ³⁴ белой то есть белой мышьяк.

Рутын то есть трава рутова, а ростеть в аптекарскихъ огородах.

Комментарий

по-русски сабур» [Змеев 1895: 12; СлРЯ XI–XVII вв., 23: 10]. Под названием «сабур» в современном русском языке известен высушенный сок алое. «Сардонией» в античности называли легендарную траву, произраставшую на острове Сардиния и обладавшую якобы наркотическими свойствами.

Под названием «спика» и сходными с ним в русских текстах Раннего Нового времени могли пониматься различные растения, прежде всего, нард (*Nardostachys jatamansi*; в долинеевской терминологии также известен как *spica nardi* и под некоторыми другими названиями). У Радишевского: «Шпикнарея, масло». У Фроншпергера *Spicanandi* [Fronsperger 1573: 213r]. Азбуковник Сергия Шелонина, основанный на «Книге о перепущении», содержит следующее упоминание: «Спика нарден, по латынски та трава спика рамоно, а по руски не знаемо имя» [*PhytoLex*].

Вероятно, имеется в виду упомянутый выше «аурии пигментум» как сульфид мышьяка(III) (As_2S_3), белый по цвету. У Радишевского: «Опирмент, белой мышьяк». У Фроншпергера «weisses Orperiment» [Fronsperger 1573: 214v].

Под названием «рута» в русских текстах Раннего Нового времени могли подразумеваться различные растения: собственно рута душистая (*Ruta graveolens*), дикая рута (*Fumaria officinalis*, она же дымянка лекарственная или дымянка аптечная) и козья рута (*Galega officinalis*, она же козлятник лекарственный или галега

³³ Спикананди.

³⁴ Опириментъ.

Текст	Комментарий
Дряхсляръ то есть токар. [375об.]	лекарственная). Точный эквивалент у Фроншпергера не найден. В Травнике Любчанина: «Рута [...] а по руски тоже, на Руси сеют» или «огородная рута» [Морозов 2016: 68; СлРЯ XI–XVII вв., 22: 261]. Нем. Drechsler, 'токарь'. У Фроншпергера Drächßler [Fronsperger 1573: 218v]. Очевидно, слово попало в состав индекса по ошибке.
Фикътриолум романум то есть зеленой римской купорос.	Медный купорос (CuSO ₄). Неясно, подразумевали ли переводчики слово «зеленый», т. е. относящийся к «зельям» или «зелью» (пороху) или же «зеленый», впоследствии искаженное переписчиками. Цвет медного купороса в современной языковой картине мира ближе к голубому, чем к зеленому. Возможно, определением «зеленый» переводчики могли обозначить купорос за принадлежность к соединениям меди, многие из которых действительно имеют зеленый оттенок. У Фроншпергера Vitriolum Romanum [Fronsperger 1573: 220r]. Русские травники XVII в. знали слово «витриолум» для обозначения купороса [Змеев 1895: 12].
Глас галенъ в травникъ не сыскано, а дохтуры про то сказали, что во время ³⁵ скляничного ³⁶ дѣла отваливаются от скляницъ железы.	Налет на стекле, образуемый обычно сульфатами натрия или кальция (Na ₂ SO ₄ ; CaSO ₄). У Фроншпергера Glaß Gallen [Fronsperger 1573: 226r].
Бурес то есть бурра, паяют ею золотое дѣло ³⁷ .	Бура — тетраборат натрия (Na ₂ B ₄ O ₇). У Радишевского: «Бурис, бура, к паянью серебряного дела». В действительности бура может использоваться при пайке любых драгоценных и недрагоценных металлов. У Фроншпергера Purteß [Fronsperger 1573: 226r]. В русских текстах XVII в. упоминается «бура, чем золота паяют» [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 355].

³⁵ вр[е]мя.

³⁶ скляничного.

³⁷ дело.

Текст

Спика раманум то есть трава спика римская³⁸ добровонная³⁹.

Газел вырць то есть трава подлѣсник⁴⁰ растет в аптекарских огородахъ. [376]

Салкамуне то есть простая соль.

Перепаррить то есть составлено.

Аква фортин то есть водка золоторозводная.

Арсеником⁴¹ албум то есть мышьякъ бѣлой.

Комментарий

Валериана кельтская (*Valeriana celtica*), масло которой было упомянуто выше под названием «спикананди», или близкородственное растение. У Фроншпергера *Spica Romana* [Fronsperger 1573: 226v]. Травник Любчанина упоминает «Спико селтико или Спико романа» [Морозов 2016: 69].

Копытень европейский или обыкновенный (*Asarum europaeum*), также известный как подлесник. У Радишевского: «Газелвиц, трава подлесник, растет и в огородах». У Фроншпергера *Haselwurtz* [Fronsperger 1573: 223r]. В «Азбуковнике» Сергия Шелонина упомянут «Газель вурьтель ватер, по гречески асарум, а по латынски баккара или нардуc агретис, по руски вода корени подьлесниковы травы» [*PhytoLex*]. В «Травнике Любчанина» упомянута «подлещникова трава» [СлРЯ XI–XVII вв., 15: 38].

Поваренная соль (NaCl). У Фроншпергера *Sal Commune* [Fronsperger 1573: 220r].

У Фроншпергера латинизм *preparirt* [Fronsperger 1573: 225v], видимо, попавший в состав индекса по ошибке.

Раствор азотной кислоты (HNO_3), т. н. крепкая или царская водка. У Радишевского: «Аква фортис, водка крепкая». У Фроншпергера *Aquaforten* [Fronsperger 1573: 226r].

Оксид мышьяка(III) (As_2O_3), вероятно, упомянутый выше как «опирмент белой». У Фроншпергера *Arsenicum Album* [Fronsperger 1573: 224r].

³⁸ римская.

³⁹ добровонная.

⁴⁰ подлесник.

⁴¹ Арсеникум.

Текст	Комментарий
Куний адѣто дастиллата то есть перепущение с уѣусом что ни есть.	У Фроншпергера латинское выражение <i>cum aceto distillato</i> («очищенное уксу- сом») [Fronsperger 1573: 225v].
Блауф фоулбовмъ то есть синеѣ черемхо- вое дерево. [376об.]	Черемуха. У Фроншпергера <i>Faul Baumholtz, faul Holtz</i> [Fronsperger 1573: 202r, 226v]. Вероятно, переводчики до- пустили ошибку, перепутав « <i>faul</i> » и « <i>blau</i> »; о «синеве» черемухи в немецком тексте речь не идет.
Антомониум спей глас тож то есть сурма серебряная ⁴² .	Сурьма (Sb). У Радишевского: «Анти- мониум, сурьма». Точный эквивалент у Фроншпергера не найден. «Антимонь» упоминается в русских артиллерийских документах XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 40]
Цинобер то есть киновар.	Киноварь — сульфид ртути (HgS). У Фроншпергера <i>Zinober</i> [Fronsperger 1573: 206r].
Самфер то есть камфара.	Камфора, составная часть эфирных ма- сел ряда растений. У Радишевского: «Камфор, камфара». У Фроншпергера <i>Camffer</i> [Fronsperger 1573: 205v, 206v, 216r, 223v, 224r, 225r, 225v, 226v].
Петронелиум то есть нефть.	У Радишевского: «Петроолиум, нефть». У Фроншпергера <i>Petrolium</i> [Fronsperger 1573: 197v, 210r].
Залцьстеин то есть камен, что у пере- пускные селитры оставаецца.	Точный аналог у Фроншпергера не най- ден. <i>Salzstein</i> означает большой кристалл соли. [Deutsches Wörterbuch, 14: 1723]
Балсам то есть трава аптекарская ⁴³ , а жи- вит добръ ⁴⁴ раны. [377]	Вероятно, интерпретация составителей индекса неверна и в тексте имеется в виду благовонное масло. У Фроншпер- гера <i>Balsam</i> [Fronsperger 1573: 194v]. В «Травнике Любчанина» упомянута «ка- пля балсамова» [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 69]. В «Азбуковнике» Сергея Шелонина упомянут «Балсам, тол[кование] шипок

⁴² серебряная.⁴³ аптекарская.⁴⁴ добре.

Текст

Эйбенъ дерево то есть дерево аглинъ-ское⁴⁵, а делают в нем луки.

Терпентинъ то есть смола терпентинова⁴⁶.

Гуми⁴⁷ арабикум то есть смола арапска⁴⁸ наlicемъ подобно вишневному клею.

Комментарий

благовонный». «Азбуковник», как и некоторые другие русские тексты, знает и употребление слова «балсам» в применении к лекарственной траве мяте перечной (*Mentha piperita*), которую, вероятно, имели в виду составители индекса: «Балсам ла[тински] и по немец[ки], тол[кование], трава врачевская, а по руски, коневья мята» [*PhytoLex*].

Тис (*Taxus*). У Фроншпергера *Eyben Holtz* [Fronsperger 1573: 194r]. В церковнославянских текстах слово 'тиса' употреблялось для обозначения любого хвойного дерева, но «эйбен дерево» в русской книжности неизвестно [СлРЯ XI–XVII вв., 29: 350]. То, что тис служил главным сырьем для производства длинных английских луков, широко известно, но упоминание об этом отсутствует у Фроншпергера. Можно предполагать здесь вставку, сделанную Иваном Фоминым, англичанином по происхождению, на основе собственных знаний.

Терпентин или скипидар — эфирные масла на основе смол хвойных деревьев. У Радишевского «Терпентин, смола терпентиновая». У Фроншпергера *Terrentin* [Fronsperger 1573: 183r, 200r]. В русских текстах XVII в. упоминается «терпентинное масло».

Гуммиарабик — смола некоторых ближневосточных акаций. У Фроншпергера *Gummi Arabicum* [Fronsperger 1573: 194v, 206v]. В «Травнике Любчанина» упомянута как «Лавдонум [...] гума черная душистая» [Морозов 2016: 64; СлРЯ XI–XVII вв., 25: 201].

⁴⁵ аглинское.

⁴⁶ терпентиновая.

⁴⁷ Гумия.

⁴⁸ аралская.

Текст	Комментарий
Конфортъ татифум имянуетца сила.	Можно предполагать искаженное латинское « <i>cum forte</i> » ‘с силой’; точный аналог у Фроншпергера не найден.
Имяна латынским составом, которых в аптекарских травниках [377об.] не сыскано, и дохторы скасали, их не знают же, а скасали, что имяна знают пушкари, которые составляють огненные хитрости. Фиргат ⁴⁹ петри.	У Фроншпергера <i>Virgadpettri</i> [Fronsperger 1573: 200r]. Вероятно, имеется в виду некое растение, латинское название которого (<i>virga petri?</i>) было искажено при подготовке немецкого печатного текста. Идентифицировать термин не удалось.
Кынъсъ. Емуитри. Гуртъ.	Идентифицировать термин не удалось. Очевидная ошибка составителей индекса. У Фроншпергера <i>Hurt</i> [Fronsperger 1573: 228r], соответствующий современному немецкому <i>Hurde</i> — крытая деревянная галерея в верхнем ярусе стены или башни [Deutsches Wörterbuch 10: 1970].
Дуркон ⁵⁰ . [378]	Вероятно, <i>Türkis</i> ‘бирюза’. У Фроншпергера термин не обнаружен.
Накамтись. Ганферъ.	Идентифицировать термин не удалось. Возможно, имеется в виду <i>нем.</i> <i>Hanf</i> , ‘конопля’. У Фроншпергера <i>Hanff</i> [Fronsperger 1573: 193r, 196v, 201r, 203r, 209v]. Название в русском тексте «Воинской книги» также напоминает <i>нем.</i> <i>Hanferz</i> ‘асбест’, но у Фроншпергера обнаружить это слово не удалось.
Прадика.	Вероятно, то же, что «салбертика». У Фроншпергера <i>Pratica</i> [Fronsperger 1573: 225v].
Солпроука.	Вероятно, то же, что «салбертика». У Фроншпергера <i>Salprauca</i> [Fronsperger 1573: 225v].

⁴⁹ Фиргатъ.

⁵⁰ Дурконъ.

Текст	Комментарий
Салпрания.	Вероятно, то же, что «салбертика». У Фроншпергера Salprania [Fronsperger 1573: 226v].
Салпратика.	Вероятно, то же, что «салбертика». У Фроншпергера Salpratica или Salpratico [Fronsperger 1573: 181v, 226v].
Фелбен дерево.	Очевидно, имеется в виду ива, известная под немецким названием Felben, у Фроншпергера Felben Stock [Fronsperger 1573: 226v].
Лоргетъ. [378об.]	Смола лиственницы (Larix). У Фроншпергера Lörget [Fronsperger 1573: 225r].
Салбратикумъ.	Вероятно, то же, что «салбертика». У Фроншпергера Salbraticum [Fronsperger 1573: 227r].

Сокращения

РНБ — Российская Национальная Библиотека (С.-Петербург).

СПБИБИ РАН — С.-Петербургский Институт истории Российской академии наук (С.-Петербург).

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.

Библиография

Источники

Рукописи

НБ им. Н. И. Лобачевского. № 4550

Научная Библиотека им. Н. И. Лобачевского, Отдел рукописей и редкой книги, № 4550, Воинская книга (сер. XVII в.).

РНБ. ОСРК. F IX 3.

РНБ, Основное собрание рукописной книги, F IX 3, Книга об огненных хитростях (1620-е — 1630-е гг.).

РНБ. ОСРК. F IX 19.

РНБ, Основное собрание рукописной книги, F IX 19, Книга о всякой стрельбе (1640-е гг.)

РНБ, НСРК, Q 183.

РНБ, Новое собрание рукописной книги, Q 183, Воинская книга (сер. XVII в.).

СПБИБИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. № 526.

СПБИБИ РАН, Ф. 238, Оп. 1, № 526, Воинская книга (сер. XVII в.).

Издания

Буссов 1961

Буссов К., *Московская хроника. 1584–1613*, Смирнов И. И., ред., Москва, Ленинград, 1961.

Устав 1777–1781

Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, 1–2, изд. под смотрением В. Рубана, С.-Петербург, 1777–1781.

Fronsperger 1573

Fronsperger L. von, *Kriegßbuch ander Theyl*, Frankfurt am Mayn, 1573.

Литература

Беляков et al. 2021

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М., *Переводчики Посольского приказа в XVII в. Материалы к словарю*, Москва, 2021.

Змеев 1895

Змеев Л. Ф., *Русские врачевники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности*, С.-Петербург, 1895.

Исаченко 2000

Исаченко Т. А., Травник из Уваровского собрания под № 623. Его судьба и перспективы, Купряшин Т. Б., Смирнов Ю. М., ред., *Уваровские чтения — III. «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность»*, Муром, 2000, 224–227.

——— 2009

Исаченко Т. А., Является ли харьковский список Травника 1534 г. автографом перевода Николая Бюлова?, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 36, 2009, 97–109.

Клитина 1979

Клитина Е. Н., Симон Азарьин (Новые данные по малоизученным источникам), *ТОДРЛ*, 34, 1979, 298–312.

Лисейцев 2009

Лисейцев Д. В., Нарративные источники второй половины XVI — начала XVII века о приказной системе Московского государства, Козлов С. А., ред., *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*. Сборник статей, Москва, 2009, 18–45.

Лобин 2012

Лобин А. Н., «Воинские книги» 1607–1620 гг. Опыт заимствования европейской военно-теоретической науки, Филюшкин А. И., ред., *Смутное время в России. Конфликт и диалог культур*, С.-Петербург, 2012, 163–168.

Лукьянов 1959

Лукьянов П. М., *Краткая история химической промышленности СССР*, Москва, 1959.

Морозов 2016

Морозов Б. Н., К вопросу об изучении списков и иллюстраций «Травника Любчанина», Исаченко Т. А., ред., *Средневековая письменность и книжность XVI–XVII вв. Источниковедение*, 2, Владимир, 2016, 36–73.

Назаров 1969

Назаров В. Д., О датировке «Устава ратных и пушечных дел», *Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков*, Москва, 1969, 218–221.

Немировский 1997

Немировский Е. Л., *Анисим Михайлов Радишевский (около 1560 — около 1631)*, Москва, 1997.

Николаев 2008

Николаев С. И., *Польско-русские литературные связи XVI–XVII вв. Библиографические материалы*, С.-Петербург, 2008.

Русаковский 2018

Русаковский О. В., «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 73, 2018, 53–63.

——— 2021

Русаковский О. В., «Имена составам, которые сгуждаются к огненным хитростям» в составе «Воинской книги» Михаила Юрьева и Ивана Фомина (1607). Ранний опыт составления естественно-научного индекса в русской книжности, Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М., ред., *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. Материалы международной научной конференции. Москва, 29–30 сентября 2021 г.*, Москва, 2021, 147–155.

——— 2022

Русаковский О. В., Иллюстрации к русским рукописям военных трактатов XVII века. От миниатюры к чертежу, Байдова А. А., Ефимова Е. А., Лопухова М. А., ред., *Fabrica mundi. Иллюстрирование научных идей в Средневековье и Новое время. Материалы научной конференции*, Москва, 2022, 307–330.

Сапожникова 2016

Сапожникова О. С., Лицевой травник Сергия Шелонина. Список с перевода русского врача XVI в., *Вестник Альянс-Архео*, 15, 2016, 11–40.

——— 2019

Сапожникова О. В., Европейское издание эпохи Возрождения (*Liber de arte distillandi*). Причины избирательности русского перевода, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 78, 2019, 175–193.

Худин 2021

Худин К. С., *Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник*, диссертация на соискание степени кандидата исторических наук, ИВИ РАН, 2021.

Brugh 2019

Brugh P., *Gunpowder, Masculinity, and Warfare in German Lands, 1400–1700*, Rochester, NY, 2019.

Dumschat 2006

Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskauer Russland*, Stuttgart, 2006.

Jähns 1889

Jähns M., *Geschichte der Kriegswissenschaften vornemlich in Deutschland*, München, Leipzig, 1889, 1.

Klein 1994

Klein U., *Verbindung und Affinität. Die Grundlegung der neuzeitlichen Chemie an der Wende vom 17. zum 18. Jahrhundert*, Basel, Boston, MA, Berlin, 1994.

Klein, Lefèvre 2007

Klein U., Lefèvre W., *Materials in Eighteenth-Century Science. A Historical Anthology*. Cambridge, MA, 2007.

Leng 2002

Leng R., *Ars belli. Deutsche taktische und kriegstechnische Bilderhandschriften und Traktate im 15. und 16. Jahrhundert*, 1, Wiesbaden, 2002.

Smith 2009

Smith P. H., Vermillion, Blood and Lizards. Matter and Meaning in Metalworking, Klein U., Spary E. C., eds., *Materials and Expertise in Early Modern Europe*, Chicago, Ill, London, 2009, 29–49.

Словари, справочники и базы данных

Ельяшевич 1993

Ельяшевич Б. С., *Караимский биографический словарь*, Москва, 1993.

PhytoLex

PhytoLex Этноботаническая база данных, <https://phytolex.eusp.org>.

СлРЯ XI–XVII вв.

Словарь русского языка XI – XVII вв., 1–, Москва, 1975–.

Deutsches Wörterbuch

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm, hrsg. von Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21: <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB>.

Handwörterbuch 1927–1942

Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, Bächtold-Stäubli H., Hoffmann-Krayer E., Hrsg., Berlin, New York, 1927–1942, 1.

References

- Belyakov A. V., Guskov A. G., Liseitsev D. V., Shamin S. M., *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v 17 v. Materialy k slovariu*, Moscow, 2021.
- Brugh P., *Gunpowder, Masculinity, and Warfare in German Lands, 1400–1700*, Rochester, NY, 2019.
- Dumschat S., *Ausländische Mediziner im Moskau-Russland*, Stuttgart, 2006.
- Elyashevich B. S., *Karaimskii biograficheskii slovar'*, Moscow, 1993.
- Isachenko T. A., Travnik iz Uvarovskogo sobraniia pod № 623. Ego sud'ba i perspektivy, Kupriashin T. B., Smirnov Yu. M., eds., *Uvarovskie chteniia – 3. "Russkii pravoslavnyi monastyr' kak iavlenie kul'tury: istoriia i sovremennost'"*, Murom, 2000, 224–227.
- Isachenko T. A., Is the Kharkov Ms of the Russian Hortus Sanitatis 1534 an Autograph Copy of the Translation by Nicolaus Buelow?, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 36, 2009, 97–109.
- Klein U., *Verbindung und Affinität. Die Grundlegung der neuzeitlichen Chemie an der Wende vom 17. zum 18. Jahrhundert*, Basel, Boston, MA, Berlin, 1994.
- Klein U., Lefèvre W., *Materials in Eighteenth-Century Science. A Historical Anthology*. Cambridge, MA, 2007.
- Klitina E. N., Simon Azar'in (Novye dannye po maloizuchennym istochnikam), *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury*, 34, 1979, 298–312.
- Leng R., *Ars belli. Deutsche taktische und kriegstechnische Bilderhandschriften und Traktate im 15. und 16. Jahrhundert*, 1, Wiesbaden, 2002.
- Liseitsev D. V., Narrativnye istochniki vtoroi poloviny 16 – nachala 17 veka o prikaznoi sisteme Moskovskogo gosudarstva, Kozlov S. A., ed., *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.)*. *Sbornik statei*, Moscow, 2009, 18–45.
- Lobin A. N., "Voinskie knigi" 1607–1620 gg. Opyt zaimstvovaniia evropeiskoi voenno-teoreticheskoi nauki, Filiushkin A. I., ed., *Smutnoe vremia v Rossii. Konflikt i dialog kul'tur*, St. Petersburg, 2012, 163–168.
- Lukyjanov P. M., *Kratkaia istoriia khimicheskoi promyshlennosti SSSR*, Moscow, 1959.
- Morozov B. N., K voprosu ob izuchenii spiskov i illiustratsii "Travnika Liubchanina", Isachenko T. A., ed., *Srednevekovaiia pis'mennost' i knizhnost' 16–17 vv. Istochnikovedenie*, 2, Vladimir, 2016, 36–73.
- Nazarov V. D., O datirovke "Ustava ratnykh i pushhechnykh del", *Voprosy voennoi istorii Rossii 18 i pervoi poloviny 19 vekov*, Moscow, 1969, 218–221.
- Nemirovsky E. L., *Anisim Mikhailov Radishevskii (okolo 1560 – okolo 1631)*, Moscow, 1997.
- Nikolaev S. I., *Pol'sko-russkie literaturnye sviazi 16–17 vv. Bibliograficheskie materialy*, St. Petersburg, 2008.
- Rusakovskiy O. V., "Military Books" of 1607/1602 and Its German Original: Comparison, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 73, 2018, 53–63.
- Rusakovskiy O. V., "Imena sostavam, kotorye sgozhdaitsia k ognennym khitrostiam" v sostave "Voinskoi knigi" Mikhaila Iur'eva i Ivana Fomina (1607). Rannii opyt sostavleniia estestvenno-nauchnogo indeksa v russkoi knizhnosti, Belyakov A. V., Guskov A. G., Liseitsev D. V., Shamin S. M., eds., *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa 16 – nachala 18 stoletii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 29–30 sentiabria 2021 g.*, Moscow, 2021, 147–155.
- Rusakovskiy O. V., Illiustratsii k russkim rukopisiam voennykh traktatov 17 veka. Ot miniatiury k chertezhu, Baidova A. A., Efimova E. A., Lopukhova M. A., eds., *Fabrica mundi. Illiustrirovaniie nauchnykh*

idei v Srednevekove i Novoe vremia. Materialy nauchnoi konferentsii, Moscow, 2022, 307–330.

Sapozhnikova O. S., Litsevoi travnik Sergiia Shelonina. Spisok s perevoda ruskogo vracha 16 v., *Vestnik Alyans-Arkheo*, 15, 2016, 11–40.

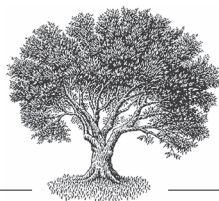
Sapozhnikova O. S., Renaissance European Edition (Liber de arte distillandi): Reasons of the Se-

lectivity of the Russian Translation, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 78, 2019, 175–193.

Smith P. H., Vermillion, Blood and Lizards. Matter and Meaning in Metalworking, Klein U., Spary E. C., eds., *Materials and Expertise in Early Modern Europe*, Chicago, Ill, London, 2009, 29–49.

Oleg Rusakovskiy, Dr. Phil.,
независимый исследователь,
Ереван
Армения / Armenia
ruso0504@gmail.com

Received February 8, 2023

Заметки
о славянских изданиях
кирилловского шрифта
XVI–XVIII столетий из
собрания РГАДА:
III. О попытке торговли
украинскими и
белорусскими книгами
в Москве в начале
1673 года (находка двух
«фантомных» изданий
киевской печати конца
1660-х — начала 1670-х
годов)*

Андрей Алексеевич Булычев
Российский государственный архив
древних актов,
Москва, Россия

Notes on Slavonic
Editions of the Cyrillic
Font of the 16th–18th
Centuries from the
Collection of RGADA:
III. About an Attempt
to Trade Ukrainian
and Belarusian Books
in Moscow in Early
1673 (the Discovery of
Two “Phantom”
Editions of the Kiev
Press of the Late
1660s — Early 1670s)

Andrey A. Bulychev
Russian State Archives of Ancient
Documents,
Moscow, Russia

* Первоначальный вариант статьи написан в 2017 г. для одного из отечественных фestschrift'ов, однако по независящим от автора причинам текст не был опубликован. Ныне вниманию коллег предлагается ее обновленная и исправленная редакция.

Цитирование: Булычев А. А. Заметки о славянских изданиях кирилловского шрифта XVI–XVIII столетий из собрания РГАДА: III. О попытке торговли украинскими и белорусскими книгами в Москве в начале 1673 года (находка двух «фантомных» изданий киевской печати конца 1660-х — начала 1670-х годов // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 210–245.

Citation: Bulychev A. A. (2023) Notes on Slavonic editions of the Cyrillic font of the 16th–18th centuries from the collection of RGADA: III. About an attempt to trade Ukrainian and Belarusian books in Moscow in early 1673 (the discovery of two “phantom” editions of the Kiev press of the late 1660s — early 1670s). *Slověne*, Vol. 12, № 1, p. 210–245.

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.10

Резюме

Статья посвящена изучению истории неудачной попытки торговли в столице Московского царства продукцией «друкарен» Малой и Белой России, предпринятой в декабре 1672 — марте 1673 г. по инициативе архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля. Благодаря документам, сохранившимся в Записной книге Малороссийского приказа за октябрь 1672 — апрель 1673 г., хранящейся в РГАДА, удалось не только восстановить в деталях события, связанные с этим эпизодом отношений старшей братии главного монастыря Малороссии со светскими и духовными властями Русского государства, но и атрибутировать значительную часть доставленных тогда лаврскими «купцами» изданий. Важным результатом проделанной работы стало обнаружение в фонде Библиотеки Московской Синодальной типографии уцелевших до настоящего времени 176 (из 377 привезенных в 1672 г.) экземпляров книг, среди которых оказались два издания, известных сегодня библиографам только по упоминанию в архивном источнике XVII в.

Ключевые слова

Киево-Печерская лавра, архимандрит Иннокентий Гизель, Московский Печатный двор, митрополит Сарский и Подонский Павел, духовная цензура, книжная торговля

Abstract

The article studies an unsuccessful attempt to trade printed products of Ukrainian and Belorussian printing-houses in the capital of the Tsardom of Moscow, initiated by Archimandrite Innokenty Gizel of the Kyiv-Pechersk Lavra, between December 1672 and March 1673. Thanks to documents preserved in the *Book of Records (Kniga zapisnaja)* of the *Malorossijskij prikaz* for October 1672—April 1673 (RGADA), it was possible not only to reconstruct the events of this episode in the relationship of the elder brethren of the main monastery of Ukraine with the secular and ecclesiastic authorities of the Russian state, but also to attribute a significant part of the books delivered by the Lavra “merchants” at that time. The practical result of the work was the discovery in the Library of the Moscow Synodal Printing-House of 176 copies of books that have survived to date (out of 377 brought in 1672), among which there were two editions so far known to bibliographers only by mention in an archival written source of the 17th century.

Keywords

Kyiv-Pechersk Lavra, Archimandrite Innokenty Gizel, Moscow Print Yard, Metropolitan Paul of Sarsk and Don, theological censorship, book trade

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде-коллекции «Малороссийские дела» (№ 124) хранятся документы об отправке в декабре 1672 г. архимандритом Киево-Печерской лавры Иннокентием Гизелем партии печатных книг для продажи в Москву [КЗМП 1672–1673: 381b–383a, 528a–539b; далее ссылки на листы документов в тексте]¹.

¹ Опубликовано в Приложении 1 к настоящим заметкам.

История этого коммерческого предприятия была подробно изложена Ф. И. Титовым еще в 1918 г. [Титов 1918: 353–362, f. 422; ср.: Эйнгорн 1894: 9–14]. Долгие годы после выхода его монографии историки пребывали в убеждении, что дальнейшее изучение сюжета не имеет смысла. Ситуация изменилась после находки в одном из фондов Библиотеки Московской Синодальной типографии (БМСТ), ныне хранящемся в РГАДА, двух изданий, известных по упоминаниям в документах Малороссийского приказа именно в связи с этой торговой операцией. Появилась насущная необходимость вновь обратиться к событиям, связанным с доставкой в начале февраля 1673 г. украинских книг в Москву, чтобы не только уточнить детали этой предпринимательской инициативы, но и выявить все возможные сохранившиеся экземпляры изданий, доставленных тогда из Киева в Москву.

События реконструируются следующим образом. 17 декабря 1672 г. архимандрит Иннокентий Гизель посетил киевскую воеводскую «избу», где обратился к воеводе, окольнику князю Г. А. Козловскому, «с товарищи» со «словесным» челобитьем. Настоятель Печерской обители просил разрешения пропустить в Москву монастырских служек — лаврских типографов Т. Андреева (Кушпу) и А. Степанова (Мушина) «для их монастырских дел». Под обтекаемой формулировкой скрывалось намерение старшей братии направить в столицу Русского государства большой транспорт с 383 экземплярами книг и некоторым количеством печатных «листов»². Царский администратор не стал чинить препятствий, и служки без помех отправились в дорогу.

По прибытии в Москву 4 февраля 1673 г. Т. Кушпа и А. Мушин явились в Малороссийский приказ. Спустя два дня, 6 февраля, они подали судье, окольнику А. С. Матвееву, «роспись» привезенной печатной продукции, включавшую тридцать шесть³ отдельных изданий (без учета «листов») [КЗМП 1672–1673: 382а–383а]. Прежде чем допустить свободную торговлю украинскими книгами в столице (а быть может, и в других городах Великой России), посланцев архимандрита Иннокентия обязали представить по одному экземпляру каждого издания для предпродажного освидетельствования управляющему московским Печатным двором — митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу.

Около двадцати дней понадобилось архиерею-цензору для проведения порученной «справы». По ее завершении, к 26 февраля, он составил собственную «роспись» просмотренным книгам с краткими

² Подсчет экземпляров, отправленных в Москву в начале зимы 1672 г., см.: [Булычев 2011: 30].

³ Только из «росписи» освидетельствованным украинским книгам митрополита Павла Крутицкого становится ясно, что киевляне привезли «канонцы» не одного, а двух изданий — 1670 и 1672 гг. [КЗМП 1672–1673: 531а].

комментариями относительно соответствия их содержания как религиозным стандартам, принятым в Великороссии, так и степени текстуального совпадения с изданиями «московской и греческой печати», если таковые находились. Тут впервые — но не в последний раз в этой истории — исследователь сталкивается с труднообъяснимыми фактами. В перечне крутицкого митрополита отчего-то обследована лишь тридцать одна книга (также без «листов») [КЗМП 1672–1673: 528а–533б]. О причинах этого можно только догадываться. При сравнении чересчур лаконичной «росписи», поданной печерскими «друкарями» 6 февраля, с более пространственным перечнем преосвященного Павла, следует, что освидетельствования избежали «Новые Заветы», «Завет Четырехдесятицу как соблюдать», «Агапиты» и «Беседы на апостолские Деяния». Какую еще книгу не получил для «справы» владыка, остается неясным.

Из перечисленных выше изданий, пожалуй, лишь «Беседы на Деяния святых апостол» Иоанна Хризостома (Киев: Тип. Лавры, 24.III.1624) [Исаевич, Запаско 1981: 42: № 139; Каменева, Гусева 1976: 20: № 37] имели некоторые шансы на освобождение от предпродажной цензуры. Действительно, этот внушительного размера фолиант имел давнюю историю бытования в великорусских пределах, никогда не вызывая никаких нареканий у читателей — клириков или мирян. Более того, в самом конце 1660-х гг. царь Алексей Михайлович намеревался — правда, безуспешно — принудить архимандрита Иннокентия Гизеля выполнить государственный заказ — заняться переизданием именно Бесед Златоуста [Титов 1918: 341–350].

«Агапиты», которые, как выясняется, предполагалось продавать в Москве «в тетратех» [КЗМП 1672–1673: 539б], отождествляются с публикацией памятника византийской гомилетики — сочинением диакона Агапита «Царю Иустиниану [...] Главизны поучительны по краегранисию еллински изложены, славенски же пръвее напечатаны» (Киев: Тип. Лавры, 1628) [Исаевич, Запаско 1981: 46: № 168; Каменева, Гусева 1976: 23: № 50].

По поводу же книг Священного Писания можно предположить, что, скорее всего, Т. Кушпа и А. Мушин привезли в Москву последнее по времени лаврское издание новозаветных текстов, выпущенное двумя «тиснениями» 20 декабря 1658 г. [Исаевич, Запаско 1981: 72: № 392, 393; Гусева, Каменева, Полонская 1981: 12, 13: № 102, 103].

Вернемся к книгам, прошедшим цензурную проверку. Павел Крутицкий признал семнадцать украинских изданий (из тридцати одного) идеологически сомнительными. Несмотря на неприятные для лаврских негоциантов итоги освидетельствования, царь Алексей Михайлович не захотел причинить сколько-нибудь заметную «поруху» репутации

киевского монастыря. Вместо отправки посланцев Иннокентия с «заповедным» товаром назад, монарх повелел взять у них все привезенные экземпляры семнадцати «неисправных» книг «по цене» в казну с последующей передачей на Печатный двор. По предварительной оценке, их общая стоимость составила 119 рублей 20 алтын 2 деньги. Причем по государеву указу Т. Кушпа и А. Мушин должны были получить на руки не деньги, а их эквивалент соболиными шкурками из Сибирского приказа. Кроме того, монарх повелел передать им, «чтоб они [Т. Кушпа и А. Мушин, а на самом деле лаврские власти. — А. Б.] впредь таких книг не привозили» [КЗМП 1672–1673: 535a].

Любопытно, что в числе «неисправных» книг оказалось и сочинение самого Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку, или Покаяние Святое, примиряющее Богу человека»⁴ (Киев: Тип. Лавры, 1669) [Исаевич, Запаско 1981: 82: № 458], которое несколькими годами ранее было благосклонно принято царем и патриархом. Тогда только что напечатанную книгу вместе с подобающим посланием монарху Гизель отправил в Москву со специальной делегацией, которую возглавлял блюститель Антониевой пещеры соборный старец Кирилл [АЮЗР 8: 134–135: № 31]. В ответ российский самодержец не только направил печерскому архимандриту благодарственную грамоту, но и разрешил беспрепятственную продажу этого издания на территории Великой России. Как еще отметил Ф. И. Титов, помимо подносных экземпляров, Кирилл явно взял с собой партию книг для коммерческой реализации [Титов 1918: 340–341]. Однако в феврале митрополит Павел (или лицо, которому архиерей поручил цензуру украинских изданий)⁵ по поводу «Мира с Богом человеку» Гизеля заметил: «О Святом Крещении в них [«справленных» экземплярах. — А. Б.] напечатано погружение со обливанием заедино. А иные подобные тому сомнительные дела есть» [КЗМП 1672–1673: 529a–529b].

Благодаря указанию в «Росписи» крутицкого владыки форматов и времени выхода большинства книг появляется возможность атрибутировать больше половины изданий, выкупленных монархом в Государеву казну. Кроме «Мира с Богом человеку» в числе книг, запрещенных к свободному распространению «на Москве» в 1673 г., оказались: Большой Требник <Евхологион> Петра Могилы (Киев: Тип. Лавры, 16.XII.1646), Требник «малый» (Киев: Тип. Лавры, 14.V.1652), Триодь постная (Киев: Тип. Лавры, 18.I.1648), Триодь цветная <Пентикостари-

⁴ Далее в тексте — «Мир с Богом человеку».

⁵ Для краткости далее в тексте «Роспись» освидетельствованным книгам от 26 февраля будет фигурировать под именем митрополита Павла без повторения замечания о возможном участии других лиц в ее составлении.

он> (Львов: Тип. М. Слезки, 11.III.1642), Служебник <Литургиарион> (Киев: Тип. Лавры, 1653), Акафисты (Киев: Тип. Лавры, 21.V.1663).

Среди «заповедных» украинских изданий встречаются несколько публикаций, атрибуция которых неоднозначна. Так, «Псалтирь в четь малую», выпущенную «в Печерском монастыре при митрополите Петре Могиле в лето от Рож[д]ества Христова 1643-е», весьма заманчиво отождествить с хорошо известным в библиографии «Полууставом, или Правилем истинного живота христианского»⁶ [иначе — Псалтирью с воследованием] (8°. Киев: Тип. Лавры, 1643) [Исаевич, Запаско 1981: 63, 64, 68–69, 70, 71, 74–75; № 302, 314, 354, 371, 380, 383, 411; Каменева, Гусева 1976: 29–30, 32–33; № 79, 82, 93, 94; Гусева, Каменева, Полонская 1981: 11, 14; № 96, 97, 108]. Еще больше оснований соотнести с книгой, упомянутой в «росписи» преосвященного Павла, публикацию классического варианта Псалтири, которая была издана по прямому «повелению» митрополита Петра Могилы (12°. Киев, 1643) [Каменева, Гусева 1976: 30–31; № 83]. Однако оба предложенных варианта имеют плохо устраняемые противоречия. Так, неясно, почему ни крутицкий владыка, ни безвестные приказные авторы реестра изданий, переданных в казну, не отметили особый богослужебный тип знаменитого ветхозаветного памятника. Столь же непонятно, как книги «в четь малую» могли в реальной жизни уменьшиться в размере до двенадцатой доли листа.

«Книга в полдесть в тетратех Толкование Божественныя Литургии» остается одним из изданий, не поддающихся точной атрибуции. Прежде автор этих строк отождествил его с известной брошюрой Феодосия Софроновича «Выклад о Церкви» (2-е изд. — Киев: Тип. Лавры, 18.VIII.1667 и IV.1668) [Булычев 2011: 31]. Однако сегодня такая атрибуция вызывает возражения. Во-первых, «книга [...] в тетратех» предполагает наличие в книжном блоке как минимум двух тетрадей, тогда как «Выклад о Церкви» напечатан только на одной. Во-вторых, владыка Павел всегда указывал место и год выпуска для всех изданий, в которых эта информация была приведена, и не сообщал ее в тех случаях, когда она отсутствовала в самой книге. Между тем оба издания «Выклада о Церкви» точно датированы, отчего умолчание о времени их публикации становится маловероятным.

Сейчас трудно сказать, чье именно сочинение с толкованием главного богослужения в Православной Церкви держал в руках архипастырь. Однако сделанное им в «росписи» замечание по поводу — в том числе — «Литоргий толковых», что «те [...] тетрати на Москве не делаваны», позволяет с уверенностью исключить публикацию «Толкования

⁶ Далее в тексте — Полуустав.

о чине Божественя Литургии» константинопольского патриарха Паисия (изложенного в послании к московскому собрату и коллеге Никону). К началу 1673 г., как известно, это произведение трижды издавалось московскими типографами [Зернова 1958: 82, 86: № 266, 278, 279]. К тому же ситуация, когда лаврский настоятель сознательно отправляет в российскую столицу книгу, которая адресована опальному, а на момент присылки — изверженному из сана по церковному суду первоиерарху, абсолютно нереальна.

Фатальные утраты архивных материалов об издательской деятельности лаврской типографии в XVII в. весьма затрудняют атрибуцию тетрадей «О Иуде-предатели». Причем проблема не столько в распознавании сочинения — «Сказании неложном [...] о Иуде, бывшем предателе Господа нашего Иисуса Христа» Иеронима Стридонского⁷, сколько в определении, какое именно из многочисленных украинских изданий привезли Т. Кушпа «с товарищи» в Москву. Судя по отсутствию в митрополичьей «росписи» «справленным» книгам ссылки на место и год выпуска «Сказания о Иуде-предателе», архипастырь-цензор имел дело с анонимным изданием [ср.: Гусева, Каменева, Полонская 1981: 35: № 176; Исаевич, Запаско 1981: 116: № 760]. Книговеды традиционно сходятся во мнении, что типографский материал и особенности печати уверенно указывают на происхождение этой небольшой книжки из лаврской «друкарни».

В современной библиографии эта анонимная публикация «Сказания о Иуде-предателе» датируется самым концом XVII столетия. Попробуем разобраться, чем руководствуются авторы описательных статей, настаивая на столь поздней хронологической атрибуции.

Декоративные элементы в любом средневековом (применительно к реалиям Восточной Европы) издании служат, как правило, надежным историческим источником для уточнения времени его публикации. Впрочем, в нашем случае единственные украшения в книжке — ломбарда Б [Иероним Стридонский: [1a]] и концовка [Ibid.: [6b]] — вряд ли всерьез интересовали специалистов. Каталог ломбард в украинских старопечатных изданиях, к сожалению, до сих пор не создан, но концовка числится под № 352 в альбоме, созданном на материалах коллекции «стародруков» кирилловского шрифта Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ныне — Российская государственная библиотека). Эта концовка использовалась в точно датированных книгах «киевской печати» весьма длительный период, с 1646 по 1688 г. [Каменева, Гусева 1976: 55, 149: № 352; Гусева, Каменева, Полонская 1981: 54: № 352]. Как несложно убедиться, формальные основания для датировки выхо-

⁷ В тексте — Сказание о Иуде-предателе.

да конкретно этого издания «Сказания о Иуде-предателе» последними годами XVII в. отсутствуют. Единственным аргументом для нее оказывается суждение одного из пионеров отечественной научной библиографии И. П. Каратаева. В «Хронологической росписи славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491–1730» он, в частности, писал: «Сказание о Иуде предателе, блаженного Иеронима, без означения места и года выхода, печать киевская, около 1700 г., in-4°, 12 стр.» [Каратаев 1861: 145: № 1136]. В отличие от современных книговедов, авторитет Каратаева не оказал воздействия на неизвестного сотрудника Библиотеки Московской Синодальной типографии, занимавшегося составлением рабочей картотеки-каталога собрания печатных изданий на кириллице. По его мнению, публикация этого произведения Иеронима была выпущена раньше издания, упоминаемого Каратаевым: «№ 638 / 640⁸ Св. Иеронима — Сказание о Иуде предателе, без означ[ения] года и места печати. Издание *ранее* [выделено нами. — А. Б.] известного библиографам (ок[оло] 1700 г. см., напр[имер], хронол[огический] указ[атель] Каратаева № 1136); вероятно XVII в. Помещ[ено] в начале Синописа, Киев, 1680 г.»⁹.

Косвенным подтверждением правоты анонимного библиографа БМСТ должен служить факт хранения на ее полках под № 638 ста сорока двух экземпляров (данные государственного учета на 1 августа 2021 г.) безвыходного издания Сказания о Иуде-предателе **в тетрадиях**. Иными словами, внешние особенности имеющихся ныне в наличии в РГАДА экземпляров полностью совпадают с описанием двухсот «тетрадей» Сказания о Иуде-предателе, пополнивших Государеву казну на Печатном дворе 16 марта 1673 г. [КЗМП 1672–1673: 539b]. Разумеется, как и подобает книгам, изъятым из общественного пользования, в них нет ни намек на следы бытования [ныне: РГАДА. БМСТ/спк. № 1014–1155]. Если наши сомнения в общепризнанной датировке хорошо известного в библиографии издания Сказания о Иуде-предателе верны, то оно не могло быть опубликовано позднее декабря 1672 г.

Пять книг, выкупленных в казну весной 1673 г., сегодня считаются утраченными: Псалтирь учебная «в полдесть» (Киев: Тип. Лавры, 1667), Букварь «на словенском языке» (Киев: Тип. Лавры, 1670), «Ирмосы на Светоносную Неделю и Каноны на Пасху»¹⁰ и «Канунник в осмушечку» (2-е изд. Киев: Тип. Лавры, 1670 и 1672). Все они упоминаются лишь в

⁸ Второй шифр книг подписан карандашом, старый шифр сохранен.

⁹ См. дореволюционную рабочую картотеку-каталог Библиотеки Московской Синодальной типографии на букву И / I.

¹⁰ В «росписи» книг, представленной Т. Кушпой и А. Мушиным в Малороссийский приказ, — «Каноны на Лазарево воскресение и Святую Пасху» <вариант названия в «росписи» изданий, переданных в Государеву казну на Печатный

«росписи» митрополита Павла и в приказном сдаточном перечне, откуда сведения о них почерпнули Я. Д. Исаевич и Я. П. Запаско, включившие их в свой Сводный каталог «стародруков» [Исаевич, Запаско 1981: 78, 82, 83, 87–88: № 439, 466, 471, 502, 503, 505].

Однако не всегда обращение Я. Д. Исаевича и Я. П. Запаско к документам о пребывании Т. Кушпы и А. Мушина в столице России в феврале–марте 1673 г. приводило к корректным результатам. Так, для Сводного каталога украинских старопечатных изданий они составили описание Полуустава (Киев: Тип. Лавры, 1672). Следом украинские ученые поместили отдельную описательную статью со сведениями о Псалтири с воследованием, напечатанной печерскими типографами в том же году, со ссылкой на «роспись» крутицкого владыки в передаче Ф. И. Титова [Исаевич, Запаско 1981: 88: № 504, 505]. К сожалению, книговеды не учли, что «Полууставом, или Правилom истиннаго христианскаго жития» украинские типографы XVII в. называли Следованную Псалтирь. А причиной путаницы стали лингвистические предпочтения цензора-архиерея, использовавшего более привычное для великорусского уха название общеупотребительной в богослужебной практике книги.

Удивительно, но среди «заповедных» изданий оказались и восемь экземпляров «Агапитов»¹¹ в тетрадах, которые были заявлены Т. Кушпой и А. Мушиным в перечне украинских изданий, привезенных на продажу в Москву. Как уже отмечалось ранее, эта публикация памятника византийской гомилетики, осуществленная при непосредственном участии выдающегося малороссийского православного книжника иеромонаха Памвы Берынды в далеком 1628 г., избежала предпродажной цензуры. Однако отсутствие суждения о ней преосвященного Павла не избавило «Главизны поучительны» от включения в число книг не вполне ортодоксального содержания. Причины, повлиявшие на такое решение, не совсем понятны.

Остальные издания, благополучно прошедшие архипастырскую цензуру, царь распорядился продавать «на Москве» без каких-либо ограничений [КЗМП 1672–1673: 538b]. Настоящее разрешение на свободную торговлю привезенными книгами логично распространялось на всю печатную продукцию, не выкупленную в Государеву казну. Помимо «Бесед на Деяния святых апостол» Иоанна Златоуста и Новых Заветов, о которых шла речь ранее, в числе таких изданий оказались: Печерский Патерик (Киев: Тип. Лавры, 1661), «Меч духовный» архиепископа Лазаря Барановича (Киев: Тип. Лавры, 1666), Книга гоми-

двор — «Ирмосы на Лазерово воскресение и на Святую Пасху кануны» [КЗМП 1672–1673: 382b, 539b].

¹¹ Об атрибуции «Агапитов» см. выше.

лий аввы Дорофея (Киев: Тип. Лавры, 1628), отчего-то причисленная к книгам «киевской печати» «История о Варлааме и Иоасафе» (Кутеин: Богоявленская тип., 22.VII.1637) [Галенченка, Непарожная, Радзевич 1986: 105: № 125], Житие святого Владимира, князя Киевского (Киев: Тип. Лавры, 1670), «Анфология, сиречь молитвы» (Киев: Тип. Лавры, 24.V.1636), «Грамматики, или Писменница языка словенского тщателем въкратце издана» (Кременец, 1638), Октоих <Шестоднев> (Киев: Тип. Лавры, 1670), «Ключ разумения» Иоанникия Галятовского (Киев: Тип. Лавры, 3.I.1659). Еще два издания, не взятые в казну: «Книга Катахизиз [...] па-белоруску» и «Книга О покаянии в осмушку» легко отождествляются соответственно с «Събранием короткой науки о артикулах веры православно-кафолической» митрополита Петра Могилы и Исайи Козловского (Киев: Тип. Лавры, 1645, два «завода») и «Наукой о тайне Св. Покаяния, то есть О правдивой и сакраментальной исповеди» (Киев: Тип. Лавры, 15.II.–1.III.1671) [Исаевич, Запаско 1981: 46, 57, 59, 66, 73–74, 78, 83, 86: № 171, 252, 260, 333, 334, 395, 402, 431, 469, 472, 489; Каменева, Гусева 1976: 23, 31: № 51, 86, 88; Гусева, Каменева, Полонская 1981: 13, 14–15, 17, 18: № 104, 107, 109, 116, 117, 120]. Любопытно, что к категории изданий, признанных вполне приемлемыми для продажи, был отнесен и лаврский Октоих 1670 г., снабженный в «росписи» пресвященного Павла ремаркой: «с новоисправленными [книгами “московской печати”. – А. Б.] несходно» [КЗМП 1672–1673: 533а].

Отметим, что среди изданий, не взятых в казну на Печатный двор, по-видимому, оказались и все четыре книги, напечатанные на латинице – польскоязычные публикации «Zebranie krótkiey nauki o artikulach wiary prawosławno katolickiey chrzescianskiey» Петра Могилы и Исайи Козловского (Киев: Тип. Лавры, 1645), «Żywoty Świętych ten Apollo pieie, jak ci działali niech tak kozdy dzieie» Лазаря Барановича (Киев: Тип. Лавры, 1670), «Messiasz prawdziwy Iezus Chrystus syn Zozy» Иоанникия Галятовского (Киев: Тип. Лавры, 1671/1672) и двуязычное учебное пособие «Elementa puerilis institutionis» (Киев: Тип. Лавры, 1670) [Исаевич, Запаско 1981: 67, 84, 88: № 345, 476, 479, 509]. Состав и внешний вид последнего издания, известного лишь по упоминанию в «росписи» митрополита Павла, остается загадкой.

Отождествление дефектного экземпляра печатной книги похожего содержания, без начала и конца, проведенное библиотекарями РГАДА во второй половине 1970-х гг. именно с киевским «Elementa puerilis institutionis» 1670 г. [РГАДА. БМСТ/ин. № 2845 <экземпляр во владельческом конволюте XVII в.>], кажется отнюдь не бесспорным¹². Дело в том, что из

¹² См. современный карточный каталог соответствующего фонда в Архивохранилище старопечатных и редких изданий РГАДА.

всех иноязычных изданий только книга-билингва «Elementa puerilis institutionis» привлекла внимание цензора, отметившего, что в помещенном в нем «Исповедании Православныя веры напечатано: *Его же Царствию не будет конца*, и бес прилога: *истинаго*» [КЗМП 1672–1673: 532a]. Иначе говоря, текст Символа Веры в киевском издании полностью совпадал с чтением этого молитвословия, отредактированного справщиками патриарха Никона. Более того, можно с осторожностью предположить, что в отличие от экземпляра, ныне хранящегося в РГАДА, одним из языков учебного пособия был южнорусский извод церковнославянского языка. Притом что в отношении же остальных книг крутицкий митрополит ограничился только указанием на авторство и год выхода.

Если в распознавании польского и латинского языков владыка Павел не испытывал видимых затруднений, то малороссийскую «простую мову» в книгах, напечатанных кирилловским шрифтом, он последовательно определял как «белоруский» язык. Московские интеллектуалы XVII в. называли «белорусцами» неказацкое население Малой и Белой России, воспринимая восточных славян, проживающих на недавно присоединенных территориях Речи Посполитой, как единый народ. Термин «черкасы» (вар. «черкашенин») они применяли для обозначения исключительно запорожских казаков, приписывая ему функцию больше политической, сословной дефиниции. Семантику этнонима «белорусец», разумеется, применительно к конкретной исторической эпохе, нагляднее всего раскрывает второе деяние московского Освященного собора 1620 г. — «Указ, како изыскивати и о самех белорусцев, иже приходящих от Полскаго и от Литовскаго государства в Православную веру нашу греческаго закону в державу Московскаго государства и хотящи бытии с нами вкупе христианы» [Требник иноческий 1639: 242a–246b (третья фолиация)]¹³. Посвященный регламентации способов присоединения к Русской православной церкви эмигрантов из Речи Посполитой, этот памятник средневекового отечественного канонического права адресовался исключительно проживавшим на ее территории восточнославянским народам — приверженцам греческой ортодоксии. Впрочем, и сами образованные малороссы тогда, скорее всего, испытывали ощущение как минимум общности культуры с близким по вере и крови населением Белой России. Не случайно, что среди привезенных книг «киевской печати» оказалось белорусское кутеинское издание «Истории о Варлааме и Иоасафе». Время деления общего культурного и книжного наследия Южной и Юго-Западной Руси по формальному национальному признаку на украинское и белорусское наступит гораздо позже.

¹³ Подробнее: [Булычев 1989: 38–39, 43].

Узнав о планах рассчитаться за выкупленные в казну издания не деньгами, а соболями, не позднее 10 марта 1673 г., Т. Кушпа и А. Мушин подали от имени архимандрита Иннокентия царю новую челобитную с просьбой заменить ценную пушнину запасами бумаги, пригодной для использования в типографии. Объявление целью затеянного торгового предприятия покупку бумаги в Москве — когда ее свободно можно было приобрести в Киеве у проверенных временем, надежных поставщиков из Речи Посполитой — выглядит малоправдоподобным. Истинная причина отправки в столицу Московского царства столь внушительной партии книг, думается, кроется в попытке наладить устойчивое присутствие крупнейшего издательства Малороссии на книжном рынке Великой России и потеснить естественного монополиста — столичный Печатный двор. Однако, потерпев в этом начинании явную неудачу, эмиссары настоятеля Лавры, заявив о себе как о «людях не торговых», ни в коем случае не желали задерживаться в Москве из-за неожиданно возникшей перспективы заниматься реализацией еще и собольих шкур [КЗМП 1672–1673: 535а–536а].

Царь принял объяснение киевлян, согласившись расплатиться с ними бумагой, а не пушниной. Искомый товар в столице России нашелся у иноземки «Ивановской жены Фансведина»¹⁴, которой предполагалось вместо денег вручить все те же соболя из Сибирского приказа. Однако, как следует из собственноручной расписки Т. Кушпы от 12 марта 1673 г., оставленной в Малороссийском приказе, он получил от иностранной негоциантки «сто дватцать две стопы да четыре дести» бумаги за 110 рублей, выданных из денежной казны названного приказа [КЗМП 1672–1673: 537b–538a]. Очевидно, владельце бумаги условия сделки также не показались выгодными: отказавшись от звериных шкурок, она потребовала выплаты в ходячей монете. Любопытно, что при окончательном расчете с печерскими служками предварительная сумма за купленные в казну издания уменьшилась на 9 рублей 20 алтын и 2 деньги. Между тем, сравнивая «роспись» с ценами на книги, подлежащими передаче на Печатный двор, с перечнем изданий, перенесенных туда в действительности, мы находим разницу лишь в шесть «тетратетей О Июде-предатели» общей стоимостью 12 алтын (вместо двухсот шести экземпляров этого издания в библиотеку государственной типографии поступило только двести) [КЗМП 1672–1673: 534b, 539b]. Куда исчезли оставшиеся 9 рублей 8 алтын 2 деньги, остается невыясненным.

¹⁴ Имеется в виду Мария ван Сведен, вдова голландского купца Иоганна ван Сведена (ум. 1668 г.), владелица устроенной мужем бумажной мельницы на реке Пахре. Любопытно, что выделанную там бумагу современники считали недостаточно хорошего качества, т. е. явно не вполне пригодной для книгоиздания [Лукичев 2004: 387–390 и особенно 389; ср.: Ibid.: 392].

Всего Т. Кушпа и А. Мушин приобрели в Москве триста стоп бумаги для нужд лаврской «друкарни». Причем большую часть средств на эту покупку они привезли с собой из Киево-Печерской обители [КЗМП 1672–1673: 536b]. Как только столь необходимая Иннокентию Гизелю типографская бумага оказалась в руках его эмиссаров, те, не мешкая, 15 марта 1673 г. подали новую челобитную царю от имени своего настоятеля с прошением о скорейшем отпуске одного из них в Малороссию с купленной бумагой, пока сохранялся удобный зимний путь. Вероятно, подводы, на которых они привезли книги и «листы» на продажу в российскую столицу, не принадлежали монастырю. В противном случае Т. Кушпе и А. Мушину не было бы необходимости просить монарха снабдить отъезжающего потребным количеством подвод на обратную дорогу [КЗМП 1672–1673: 536a–537a].

Алексей Михайлович и на этот раз удовлетворил ходатайство челобитчиков — с той лишь разницей, что Москву должны были покинуть оба печерских служки. В помете дьяка И. Евстафьева на челобитной от 15 марта шла речь об отъезде из столицы в Киев одного человека. Между тем на следующий день, 16 марта 1673 г., память из Малороссийского в Ямской приказ извещала заинтересованную инстанцию об указе самодержца, из которого следовало, что монарх «указал отпустить с Москвы Киево-Печерского монастыря служек Тимофея Андреева с товарищи, *дву человек* [выделено мной. — А. Б.]». Для транспортировки приобретенной бумаги им выделялось из Ямского приказа шесть подвод с требованием возвратить их по принадлежности после завершения поездки [КЗМП 1672–1673: 537a]. В тот же день, 16 марта, состоялась передача всех экземпляров шестнадцати «сомнительных» книг в Государеву казну на Печатный двор [КЗМП 1672–1673: 538a–539b].

В сохранившихся доселе документах не находится никаких ясных указаний на дальнейшую судьбу украинских и белорусских изданий, привезенных Т. Кушпой и А. Мушиным, а потом разрешенных к свободной продаже «на Москве». Киевляне могли самолично участвовать в торговле ими только между 26 февраля и 15 марта. Отсутствие при покупке бумаги упоминаний о деньгах, вырученных за проданные книги, косвенно свидетельствует о малой успешности попытки печерских служек заняться коммерцией на территории Великороссии (при условии, разумеется, что эти попытки действительно были). Ничего не известно и об отправке нереализованных экземпляров обратно в Киев. Вообще же книжная торговля в XVII столетии, будь она организована в Великой России или на Украине, была делом долгим и хлопотным: печатные издания по большей части товар дорогой и оттого плохо продаваемый. Как нетрудно заметить, и на складах Лавры, и на столичном

Печатном дворе скапливались «залежалые» книги прошлых лет, так и не нашедшие своего покупателя [Титов 1918: 342, 345; Луппов 1983: 106–109 и др.]. Собственно говоря, предприятие, затеянное архимандритом Иннокентием, имело целью попытаться сбыть «на Москве» часть именно таких изданий. Только в «росписи» книг, «справленных» владыкой Павлом, таких книг, выпущенных в 1620–1650-х гг., насчитывается 13. К ним следует еще добавить минимум 3 подобных издания, внесенных в «роспись» книг, которая была подана печерскими служками в Малороссийский приказ сразу по приезду в столицу (подсчет мой). Таким образом, в результате несложных подсчетов выясняется, что треть печатной продукции, доставленной тогда в Москву, была позаимствована из старых «неликвидных» запасов лаврской типографии.

В свете сказанного затруднительно представить себе, чтобы чуть больше, чем за две недели, Т. Кушпа и А. Мушин сумели бы оперативно распродать разрешенные четырнадцать наименований украинских и белорусских изданий кирилловского шрифта (подсчет мой), часть из которых была привезена в столицу Русского государства явно не в одном экземпляре. Пожалуй, в условиях столь жесткого цейтнота у печерских служек имелось лишь два выхода: первый — забрать непроданные экземпляры с собой обратно в Малороссию, и второй — уступить их оптом в лавку Печатного двора или другим местным книготорговцам. В обоих случаях проследить дальнейшую судьбу этих книг весьма проблематично.

На иной результат можно рассчитывать при попытке выявить в современных библиотечных фондах РГАДА, поглотивших книжное собрание БМСТ, издания, перенесенные из Малороссийского приказа на Печатный двор 16 марта 1673 г. Книги, взятые тогда в Государеву казну из-за явной или мнимой идеологической ущербности, фактически навсегда исключались из общественного пользования. Вследствие этого на их листах по определению отсутствуют любые владельческие инскрипты и пометы, а их внешний вид должен был соответствовать зафиксированному в «росписи» преосвященного Павла от 26 февраля или приказному перечню от 16 марта. Разумеется, трудно рассчитывать на то, что время пощадит все экземпляры «заповедных» изданий, перечисленных в сдаточной «росписи» Малороссийского приказа, однако отыскать некоторые из них вполне возможно.

В ходе выявления удалось обнаружить книги из партии украинских книг, переданных на Печатный двор 16 марта 1673 г. И это не только упомянутые ранее сто сорок два экземпляра в тетрадях Сказания о Иуде-предателе (из 200) или восемь экземпляров «Мира с Богом

человеку» Иннокентия Гизеля¹⁵ (из 10), но и девять экземпляров Требника (Киев, 14.V.1652)¹⁶ <из 17>, а также единственные экземпляры Триоди цветной (Львов, 11.III.1642)¹⁷ <из 1> и Службника (Киев, 1653)¹⁸ <из 1>, два экземпляра Акафистов (Киев, 21.V.1663)¹⁹ <из 8>, пять экземпляров Полуустава <Псалтири с воследованием> (Киев, 1672)²⁰ <из 13>, четыре экземпляра Псалтири (4^о. Киев, 30.III.1667)²¹ <из 8> и четыре экземпляра Канонника (12^о. Киев, 1672)²² <из 13>.

Особенную ценность представляют находки Псалтири 1667 и Канонников 1672 гг., не описанных ранее в библиографических справочниках. До настоящего времени эти два издания были известны лишь по упоминаниям в материалах «дела» о привозе украинских и белорусских книг в Москву в начале 1673 г., откуда информация о них стала известна библиографам. Авторы Сводного каталога украинских «стародруков», не имея возможности описать киевскую Псалтирь 1667 г. *de visu*, позаимствовали ее типологическую характеристику «учебная» из «росписи» митрополита Павла Крутицкого. Между тем, на наш взгляд, новонайденное издание представляет собой очередное переиздание знаменитого ветхозаветного памятника без усвоения ему какой-либо выраженной специализированной направленности. Об этом ясно свидетельствует содержание печатной книги, весьма точно отраженное в его заголовке: Псалтир бл(а)женнаго пр(о)рока и ц(а)ря Д(а)в(и)да с

¹⁵ Ныне: РГАДА. БМСТ/спк. № 942, 943, 944, 945, 946, 964, 966, 968. Все перечисленные экземпляры «Мира с Богом человеку» в классических украинских переплетах. Формально еще три единицы хранения из того же фонда этого издания (№ 947, 948 и 967) соответствуют обоим атрибутирующим признакам. Однако, судя по переплетам, они были привезены на территорию Великокоросии в тетрадах, а в передаточной приказной «росписи» от 16 марта 1673 г. явно речь велась об уже переплетенных книгах [КЗМП 1672–1673: 539а]. Между тем ни о каких спешных переплетных работах с украинскими и белорусскими изданиями, доставленными в Москву в феврале 1673 г., ничего не известно (подробнее об украинских переплетах см.: Гальченко 2005).

¹⁶ Ныне: РГАДА. БМСТ/спк. № 2262–2270. Судя по дореволюционной рабочей картотеке-каталогу Библиотеки Московской Синодальной типографии на букву Т, до 1917 г. в собрании числилось 10 экземпляров лаврского Требника 1652 г.

¹⁷ Ныне: РГАДА. БМСТ/спк. № 1822. На л. 2b форзаца помета: «Казенная».

¹⁸ Ныне: РГАДА. БМСТ/спк. № 1956.

¹⁹ Ныне: РГАДА. БМСТ/спк. № 56, 57. В этом же фонде хранится еще один экземпляр (№ 55) со следами бытования, в позднем кожаном переплете XVIII в. с государственным двуглавым орлом на верхней крышке, выполненном блинтовым тиснением.

²⁰ Ныне: РГАДА. БМСТ/спк. № 638, 639, 640, 641, 642.

²¹ Ныне: РГАДА. БМСТ/спк. № 835–838.

²² Как выяснилось в ходе описания экземпляров Канонника 1672 г., это издание оказалось представлено двумя вариантами: с публикацией утренних и вечерних молитв (РГАДА. БМСТ/спк. № 378, 379) и без оной (РГАДА. БМСТ/спк. № 380, 381).

песни и псалмы избранными на праздники Г(о)с(по)д(с)киа и с(вя)тых Б(о)жиих, и с Пасхалиею. [...] Пятое типомъ издадеся в лето от создания мира 7175, а от Рож(дества) Х(ристо)ва 1667 мар(та) 30 дн(я)²³. Последние сомнения относительно типа публикации 1667 г. исчезают после сравнения ее с лаврскими отдельными изданиями простой Псалтири 1624, 1643, 1690 и 1693 гг. [Каменева, Гусева 1976: 30: № 83²⁴; Гусева, Каменева, Полонская 1981: 28, 29–30 : № 153²⁵, 159²⁶; Ісаєвич, Запаско 1981: 43, ill. 141²⁷, 107, ill. 685²⁸]. Эти богослужебные сборники типологически принадлежат к одной группе, отличной от известных ныне специализированных Псалтирей, выпускавшихся на Украине в XVII столетии. Наконец, судя по Сводному каталогу «стародруков», до марта 1667 г. печерские типографы только четыре раза отдельно выпустили простую Псалтирь без добавления новозаветных текстов [Ісаєвич, Запаско 1981: 42–43, 48, 61, 71: № 141, 190, 281, 379].

Выявлением в книжном собрании РГАДА украинских изданий, выкупленных, а затем переданных в Государеву казну весной 1673 г., завершается изучение истории отправки лаврским архимандритом Иннокентием Гизелем транспорта с украинскими и белорусскими книгами в Москву для розничной продажи. Чаяниям старших насельников Киево-Печерской обители не суждено было сбыться. Отсутствие единого церковно-культурного стандарта в Великой, Малой и Белой России привело к весьма грустному для них, но предсказуемому результату. Традиционная настороженность московских светской и духовной властей в отношении содержания печатной продукции, выпущенной на недавних территориях Речи Посполитой (а частично и в годы польско-литовского владычества), на практике обернулась процедурой предпродажного освидетельствования и привела к парадоксальным результатам: 377 экземпляров книг были изъяты из общественного пользования, однако благодаря этому 176 из них (подсчет мой) сохранились до настоящего времени.

²³ Подробное описание вновь обретенных лаврских изданий см. в Приложении 2 к настоящему заметкам.

²⁴ Псалтирь. Киев, 1643.

²⁵ Псалтирь. Киев, 1690.

²⁶ Псалтирь. Киев, 1693.

²⁷ Псалтирь. Киев, 28.VI.1624.

²⁸ Псалтирь. Киев, 1693.

Библиография

АЮЗР 8

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической Комиссией, 8: 1668–1669, 1648–1657, С.-Петербург, 1875.

Булычев 1989

Булычев А. А., О публикации постановлений Церковного собора 1620 г. в Мирском и Иноческом трембниках (М., 1639), *Герменевтика древнерусской литературы*, 2: XVI — начало XVIII веков, Москва, 1989, 35–62.

— 2011

Булычев А. А., Заметки о славянских изданиях кирилловского шрифта XVI–XVIII столетий из собрания РГАДА: II. О «подносном» экземпляре киевского Анфологиона 1619 года, *Книжная старина*, 2, С.-Петербург, 2011, 22–31.

Галенченка, Непарожная, Радзевіч 1986

Галенченка Г. А., Непарожная Т. В., Радзевіч Т. К., склад., Александровіч С. Х., Ватацы Н. Б., Хаўратовіч І. П., навуц. рэд., *Кніга Беларусі 1517–1917: Зводны каталог*, Мінск, 1986.

Гальченко 2005

Гальченко О. М., *Оправа східнослов'янських рукописних книг та стародруків в Україні: історія, структура, опис*, Київ, 2005.

Гусева, Каменева, Полонская 1981

Гусева А. А., Каменева Т. Н., Полонская И. М., сост., Сидоров А. А., науч. ред., *Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина*, 2, 1: Киевские издания 2-й половины XVII в., Москва, 1981.

Зернова 1958

Зернова А. С., сост., Киселев Н. П., ред., *Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв.: Сводный каталог*, Москва, 1958.

Иероним Стридонский

Сказание неложное от мужа праведна и свята западня церкве великаго учителя Иеронима о Иуде бывшем предатели Господа нашего Иисуса Христа описанное, с. и., с. а.

Исаевич, Запаско 1981

Исаевич Я. Д., Запаско Я. П., *Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні*, 1: 1574–1700, Львів, 1981.

Каменева, Гусева 1976

Каменева Т. Н., Гусева А. А., сост., Сидоров А. А., науч. ред., *Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина*, 1: 1574 — I-я половина XVII в., Москва, 1976.

Каратаев 1861

Каратаев И. П., *Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами 1491–1730*, С.-Петербург, 1861.

КЗМП 1672–1673

Книга записная Малороссийского приказа за октябрь 1672 — апрель 1673 г., РГАДА. Ф. 124, Малороссийские дела. 1672 г. Кн. 21.

Лукичев 2004

Лукичев М. П., К истории бумажного производства и торговли бумагой в России в XVII веке, *Идем, Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению*, Москва, 2004, 385–398.

Луппов 1983

Луппов С. П., publ. и исслед., *Читатели изданий московской типографии в середине XVII века*, С.-Петербург, 1983.

Титов 1918

Титов Ф. И., *Типография Киево-Печерской лавры: Исторический очерк (1606–1616–1916 г.г.)*, 1: 1606–1616–1721 г. г., 1, Киев, 1918.

Требник иноческий 1639

Требник иноческий, Москва: Печат. Двор, 20.VII.1639.

Эйнгорн 1894

Эйнгорн В., *Книги киевской и львовской печати в Москве в третью четверть XVII в.*, Москва, 1894.

References

Bulychev A. A., O publikatsii postanovlenii Tserkovnogo sobora 1620 g. v Mirskom i Inocheskom trebnikakh (M., 1639), *Germenevika drevnerusskoi literatury*, 2: 16 – nachalo 18 vekov, Moscow, 1989, 35–62.

Bulychev A. A., Zametki o slavianskikh izdaniakh kirillovskogo shrifta 16–18 stoletii iz sobraniia RGADA: II. O "podnosnom" ekzempliare kievskogo Anfologiona 1619 goda, *Knizhnaia starina*, 2, St. Petersburg, 2011, 22–31.

Isaevich Ya. D., Zapasko Ya. P., Pam'iatky knyzhkovoho mistetstva: Katalog starodrukiv, vydanykh na Ukraini, 1: 1574–1700, Lviv, 1981.

Guseva A. A., Kameneva T. N., Polonskaya I. M., Sidorov A. A., eds., *Ukrainskie knigi kirillovskoi pechati 16–18 vv.: Katalog izdaniy, khraniashchikhsia v Gosudarstvennoi biblioteke SSSR imeni V. I. Lenina*, 2, 1: Kievskie izdaniia 2-i poloviny 16 v., Moscow, 1981.

Halenchenka H. A., Neparozhnaia T. V., Radzevich T. K., Aleksandrovich S. Kh., Vatsy N. B., Khauratovich I. P., eds., *Knih Belarusi 1517–1917: Zvodny katalog*, Minsk, 1986.

Halchenko O. M., *Oprava skhidnoslov'ians'kykh rukopysnykh knykh ta starodrukiv v Ukraini: istoriia, struktura, opys*, Kyiv, 2005.

Lukichev M. P., K istorii bumazhnogo proizvodstva i togovli bumagoi v Rossii v 17 veke, Idem, *Boiarskie knigi 17 veka. Trudy po istorii i istochnikovedeniiu*, Moscow, 2004, 385–398.

Luppov S. P., publ., *Chitateli izdaniy moskovskoi tipografii v seređine 17 veka*, St. Petersburg, 1983.

Zernova A. S., Kiselev N. P., eds., *Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v 16–17 vv.: Svodnyi katalog*, Moscow, 1958.

Андрей Алексеевич Булычев, заведующий
Архивохранилищем старопечатных и редких изданий
Российского государственного архива древних актов
119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17
Россия / Russia
andreykrabov@mail.ru

Received June 27, 2021

ПРИЛОЖЕНИЕ 1¹

№ 1

После 1672 г., 17 декабря. Челобитная киевского воеводы окольного князя Г. А. Козловского «с товарищи» царю Алексею Михайловичу об отъезде в Москву служек Киево-Печерской лавры Т. Кушпы и А. Мушина с траспортом печатных книг, предназначенных для продажи.

(л. 381b) Февраля в 4 день.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцу холопи твои, Гришка Козловский с товарищи, челом бьют.

В нынешнем, государь, во 181-м году декабря в 17 день бил челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя, // (л. 382a) и Белья Росии самодержцу Киево-Печерского монастыря архимандрит Инокентей Гизель з братиею. А нам, холопом твоим, в словесном челобитье сказал, чтоб ты, Великий Государь, пожаловал ево, архимандрита, з братиею, велел того их Печерского монастыря служек Тимофея Андреева, Алексея Степанова отпустить к Москве для их монастырских дел. И мы, холопи твои², Печерского монастыря служек Тимофея и Алексея к Москве отпустили. А отписку, государь, велели мы, холопи твои, подать. И им, Тимофею и Алексею, явитца в Приказе Малыя Росии околничему Артемону Сергеевичу Матвееву да дьяком думному Григорью Богданову да Якову Поздышеву, да Ивану Евстафьеву³.

№ 2

1673 г., 6 февраля. Роспись украинским печатным книгам, привезенным в Москву на продажу, поданная служками Киево-Печерской лавры Т. Кушпой «с товарищи» в Малороссийский приказ.

(л. 382a) Роспись книгам, какову подали в Приказе Малыя Росии Киево-Печерского монастыря // (л. 382b) слушки Тимофей Кушпа с товарищи в нынешнем во 181-м году февраля в 6 день⁴.

Требники великия и малыя,
Треоди цветныя и постныя,
Патерики, Мир з Богом,

¹ Настоящая публикация выполнена в согласии с рекомендациями «Правил издания исторических источников» (Москва, 1990) для подготовки к печати текстов документов XVII в.

² Буква *т* исправлена из буквы *л*.

³ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁴ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

Мечь духовный, служебники,
Новые Заветы,
Псалтиры с следованием и с окафисты,
Акафисты, акафисты малыя,
Аввы Дорофея, канонцы,
О Варламе и о Асафе,
Катехизы русские и полские печати,
Элементары, буквари,
Литоргии толковые,
Жития святаго Владимирера,
Каноны на Лазорево воскресение и Святую Пасху,
О Июде сказания, //
(л. 383а) Каноны студийския,
Завет Четырдесятницу как соблюдать, грамматики словенския⁵,
Агапиты, шестодневы,
Мессии,
Жития святых отец виршами,
Беседы на апостолския Деяния⁶,
О покаянии,
Трефолои,
Ключи разумению,
Листы печатныя⁷.
Такова роспись переписана набело и отдана околничему того ж числа.

№ 3

До 1673 г., 26 февраля. Роспись украинским печатным книгам, освидетельствованным крутицким митрополитом Павлом на Московском Печатном дворе.

(л. 528а) Роспись книгам киевские печати⁸.

Требник большой в десть печатан при митрополите Петре Могиле в лето от Рожества Христова 1646-го году. На Москве те требники давно есть⁹. О исповедании Православныя веры. Несть прилога *истиннаго*¹⁰.

Другой Требник в четверть печатан в Печерском монастыре при архимандрите Иосифе Тризне в лето 1652-го. Исповедание Православныя

⁵ В тексте: *словесныя*.

⁶ В тексте: *Беседы апостолския на Деяния*.

⁷ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁸ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁹ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

¹⁰ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

веры в нем не напечатано. А чины в обоих требниках, в большом и в малом, с пополнением перед греческим, которые ныне греческие на словенский язык // (л. 528b) переведены, и меж собою разнитца. А в большом Требнике в Чину ¹¹Святого¹¹ Крещения погружение¹² и обливание заедино напечатано¹³.

Треодь посная печатана в Киеве в Печерском монастыре при архимандрите Иосифе Тризне в лето 7156-е, а от Рождества Христова 1648-го. З греческою¹⁴ и с рускою печатью несходна. И *аллилуия*¹⁵ напечатано дважды, в третие — *Слава Тебе, Боже*. И в седмичных днех напечатано: *кануны со охтай говорить*. И во многих местех несходно¹⁶.

Треодь цветная печатана во Львове за благословением киевского митрополита Петра Могилы в лето 1642-е // (л. 529а) от Рождества Христова. Тако ж несходно з греческою и с рускою печатью местами¹⁷.

Патерик Печерской печатан в¹⁸ Печерском монастыре при архимандрите Инокентие Гизеле в лето от создания мира 7169-е, а от Рождества Христова 1661-е. Московской печати не бывало, справливать не с чем. А на Москве они давно есть¹⁹.

Книга Мир з Богом печатана в Печерском монастыре при архимандрите Инокентие Гизеле в лето от создания мира 7177-е, а от Рождества Христова 1669²⁰-е. Те книги на Москве есть и того ж выходу. О Святом Крещении в них напечатано по[гружение]²¹ // (л. 529b) со обливанием заедино. А иные подобные тому сомнительные дела есть²².

Книга Мечь духовный печатан в Печерском монастыре, творение архиепископа Лазаря Барановича Черниговского, в лето от создания мира 7174-е, а от Рождества Христова 1666-е. Те книги на Москве есть же и по монастырем²³ розданы²⁴.

Служебник в полдесть печатан в Печерском монастыре при архимандрите Иосифе Тризне в лето от создания мира 7161-е, а от Рождества Хри-

¹¹ Написано по смытому тексту.

¹² Буква *z* написана поверх буквы *c*

¹³ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

¹⁴ Буква *e* написана поверх буквы *n*.

¹⁵ Концевая буква *я* написана поверх буквы *Ѣ*.

¹⁶ Далее в тексте отступ в две полные строки.

¹⁷ Далее в тексте отступ в две полные строки.

¹⁸ Буква *в* написана поверх буквы *м*.

¹⁹ Далее в тексте отступ в две полные строки.

²⁰ Цифра 600 (х) написана по смытой цифре 60 (ѧ).

²¹ Слово не дописано, конъектура наша.

²² Далее в тексте отступ в одну полную строку.

²³ Первая буква *м* написана поверх буквы *н*.

²⁴ Далее в тексте отступ в две полные строки.

стова 1653-е. Во исповедание Православные веры прилога несть. А в чинех с новоисправленными книгами с московскими²⁵ несходно²⁶. //

(л. 530а) Псалтырь со воследованием в большую четь печатана в Киеве в Печерском монастыре при архимандрите Инокентие Гизеле в лето от Рождества Христова 1672-е. Символ Православных веры с прилогом. Псалтырь и воследование в ней напечатано с московскою печатью несходно. А в прежних выходях тоя Псалтыри во Исповедании Православных веры прилогу не было и во иных местех разни многие. А печатаны во одном месте в том же монастыре²⁷.

Псалтырь учебная в полдесть печатана в Киеве в Печерском монастыре при архимандрите Инокентие Гизиле в лето от создания мира 7175-е, а от Рождества Христова 1667-е. С московскою // (л. 530б) печатью несходно²⁸.

Псалтырь в четь малую печатана в Киеве в Печерском монастыре при митрополите Петре Могиле в лето от Рождества Христова 1643-е. К той же Псалтыри приложены кануны новоизданные, а в них, в молитвах при Святой Литургии, Исповедание Православных веры с прилогом. А в прежних канунниках в их печати²⁹ в том месте прилогу не бывало. Все пересмотрить надобно, все ль таковы?³⁰

Книга аввы Дорофея в полдесть печатана в Киеве в Печерском монастыре в лето от создания мира 7136-го. На Москве те книги давно есть. //

(л. 531а) Книга Кануны, Акафисты болшие в полдесть печатаны в Печерском монастыре при архимандрите Инокентие Гизеле³¹ в лето от создания мира 7171-е, а от Рождества Христова 1663-е. Которые есть на Москве кануны и акафисты новоисправленные с теми несходны. А иных, которые в той книге есть кануны и акафисты на Москве не делаваны³².

Канунник в осмушечку печатан в Печерском монастыре в лето от Рождества Христова 1670-е. Начало отнято, где подобно быти Исповеданию Православных веры, а о том выходе в полных канунниках. И в выходе 1672-го году Исповедание Православных веры // (л. 531б) печатано со прилогом. Все ж осмотрить, все ль таковы?³³

Книга о Варламе³⁴ и о Асафе в полдесть печатана в Печерском монастыре в лето от Рождества Христова 1637-е. На Москве давно есть и спору об них не бывало. А печатаны по-белоруску³⁵.

²⁵ Попытка исправления из *московскою*.

²⁶ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

²⁷ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

²⁸ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

²⁹ Буква *и* написана поверх буквы *е*.

³⁰ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

³¹ Первая буква *е* написана поверх буквы *а* (?).

³² Далее в тексте отступ в одну полную строку.

³³ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

³⁴ В тексте: *Ворламе*.

³⁵ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

Книга Катахисиз в тетратех в четь на полском языке печатано в Печерском монастыре в лето от Рождества³⁶ Христова 1645-е³⁷.

Другая такая ж па-белоруску печатана того ж году. А в них во Исповедании Православныя веры прилогу несть и лице свое знаменовати³⁸ тремя персты напечатаны. А на Москве те книги давно есть. //

(л. 532а) Книга в досках Элементарии в четь, на полском и на латынском языке, печатаны в Печерском печатана в Киеве³⁹ в лето от Рождества Христова 1670-е. А в нем во Исповедании Православныя веры напечатано: *Его же Царствию не будет конца*, и бес прилога: *истиного*⁴⁰.

Книга Букварь на словенском языке печатана того ж году в том же Печерском монастыре. А в ней во Исповедании Православныя веры напечатано со прилогом: *Его ж Царствию несть конца* и бес *истинного*.

Книга в полдесть в тетратех Толкование Божественныя Литургии.

Такова ж тетрать Житие Святаго⁴¹ Владимирера. //

(л. 532b) Тетрать о Июде-предатели⁴².

Те⁴³ все четыре тетрати на Москве не делаваны.

Тетратка в осмушечку, в ней Ирмосы⁴⁴на⁴⁴ Светоносную Неделю и Канун на Пасху⁴⁵.

Анфилогий, сиречь Молитвы, и поучение душеполезное печатано в Печерском монастыре при митрополите Петре Могиле в лето⁴⁶от Рождества⁴⁶ Христова 1636-е. Исповедание Православныя веры бес прилогу и молитва *Господи Иисусе, Боже наш, помилуй нас*⁴⁷.

Книга Грамматика словенская в досках в четь печатана в Кременце в лето от Рождества // (л. 533а) Христова 1638-е⁴⁸.

Книга Шестоднев печатана в Печерском монастыре при архимандрите Инокентие Гизиле в лето от создания мира 7178-го, а от Рождества [Христова]⁴⁹ 1670-го. С новоисправленными несходно, а на Москве давно есть⁵⁰.

³⁶ Буква *в* написана поверх буквы *а*.

³⁷ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

³⁸ Вторая буква *и* написана поверх буквы *т*.

³⁹ Так в тексте.

⁴⁰ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁴¹ Окончание *-го* написано по окончанию *-и*.

⁴² Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁴³ Буква *є* написана поверх буквы *е*.

⁴⁴ Текст повторен дважды.

⁴⁵ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁴⁶ Написано по смыслу текста.

⁴⁷ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁴⁸ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁴⁹ Конъектура наша.

⁵⁰ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

Книга Месияш на полском языке печатана в Киеве в Печерском монастыре в лето от Рождества Христова 1672-е, творение Ианикея Голятовского⁵¹.

Книга в полдесть Жития Святых Отец виршами на полском языке, творение Лазаря Барановича, архиепископа Черниговского, печатана в Киеве в Печерском монастыре в лето от Рождества // (л. 533b) Христова 1671-го⁵².

Книга О покаянии в осмушку переплетена в кожу, печатана в Печерском монастыре при архимандрите Инокентие Гизиле в лето от Рождества Христова 1671-е⁵³.

Книга в десть Ключь разумения печатана в Печерском монастыре в лето от Рождества Христова 1659-е, творение Иоаникея Галатовского⁵⁴.

№ 4

До 1673 г., 27 февраля. Роспись освидетельствованным украинским печатным книгам, выкупленным в Государеву казну, с указанием их стоимости.

(л. 534а) Роспись книгам по ценам⁵⁵.

Требник большой, цена ему 7 рублей.

17 требников⁵⁶ малых в четь, цена по 26 алтын по 4 денги. Всего за них 13 рублей 20 алтын.

Треодь посная, цена 5 рублей.

Треодь цветная, [це]на 6 рублей.

10 книг Мир с Богом, цена⁵⁷ по 2 рубли с полтиною. Всего них 25 рублей.

Служебник в полдесть, цена пол (?) 2 рубли.

13 псалтырей со воследованием, цена по рублю по 13 алтын по 2 денги.

Всего за них 19 рублей.

Восемь⁵⁸ псалтырей учебных в полдесть.

3 псалтири в малую четь. Цена по осми гривен. Всего за них 8 рублей 26 алтын 4 денги. //

(л. 534b) Восемь⁵⁹ акафистов болших по рублю. Итого за них 8 рублей.

Тринатцать канунников малых, цена по 8 алтын по 2 денги. Всего за них 3 рубли 8 алтын 2 денги.

Семь⁶⁰ букварей по 4 алтына. Всего за них 28 алтын.

⁵¹ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁵² Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁵³ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁵⁴ Далее в тексте отступ в семь полных строк.

⁵⁵ Буква *ц* написана поверх буквы *с*.

⁵⁶ Буква *о* написана поверх буквы *а* (?).

⁵⁷ В тексте: *цана*.

⁵⁸ В тексте: *восм*.

⁵⁹ В тексте: *восм*.

⁶⁰ В тексте: *сем*.

Тритцать шесть тетратей Литургия толковых по 5 алтын. Всего⁶¹ за них 5 рублей 13 алтын.

Восемь⁶² агапитов по 3 алтына по две денги. Всего за них 26 алтын 4 денги.

Двести шесть тетратей О Июде по 2 алтына. Всего за них 12 рублей 12 алтын.

Пятдесят ирмосов на Лазарево воскресение и на Святую Пасху, цена по 2 алтына. Всего за них 3 рубля 2 алтына. //

(л. 535а) Всего за те книги по цене доведетца дать денег 119 рублей 20 алтын 2 денги⁶³.

Помета на росписи дьяка Ивана Евстафьева такова:

181-го февраля 27 день, по указу Великого Государя, околничей Артемон Сергеевичь Матвеев приказал те книги взять Великого Государя в казну и отослать на Печатной Двор. А цену за них дать соболями из Сибирского приказа. А сказать, чтоб они [Т. Кушпа и А. Мушин. — А.Б.] впредь таких книг не привозили⁶⁴.

№ 5

Не позднее 1673 г., 10 марта. Челобитная от имени киевпечерского архимандрита Иннокентия Гизеля царю Алексею Михайловичу о расчете за книги, выкупленные в казну, не соболями, а бумагой для лаврской типографии, поданная Т. Кушпою «с товарищи» в Москве.

(л. 535а) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцу бьет челом богомолец [твой]⁶⁵, // (л. 535b) Печерского монастыря архимандрит Инокентей Гизель.

В нынешнем, государь, во 181-м году послал я, богомолец твой, Печерского монастыря служек, своих печатных мастеров Тимошку⁶⁶ Андреева да Алешку Степанова. А с ними послал печатные книги к Москве продать, а продав те книги купити бумага. А нам, богомолцем твоим, бумага нужна надобно. И те книги у⁶⁷ служек наших взяты в Малороссийской⁶⁸ приказ. А указано за те книги выдать соболями, а нам, богомолцем твоим, соболями имать невмочь – мы люди не торговые, бумага купить не на что.

⁶¹ Буква с написана даважды поверх буквы *о*.

⁶² В тексте: *восм*.

⁶³ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁶⁴ Далее в тексте отступ в две полные строки.

⁶⁵ Конъектура наша.

⁶⁶ В тексте: *Матюшку*.

⁶⁷ Буква *у* написана поверх смытой буквы *и*.

⁶⁸ В тексте: *малоросиской*.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержец, пожалуй нас, богомолцев своих, вели, государь, нам за те книги выдать // (л. 536а) бумагою по цене. Царь государь, смилуйся, пожалуй⁶⁹.

На челобитной помета дьяка Ивана Евстафьева:

181-го марта в 10 день, по указу Великого Государя, дать им [киевско-печерским служкам. — А. Б.] за те книги по прежней цене, вместо соболей, бумагою. А бумагу⁷⁰ взять у иноземки⁷¹ у Ивановой⁷² жены Фансведина. А ей по цене за ту бумагу дать соболми из Сибирского приказа⁷³.

№ 6

Не позднее 1673 г., 15 марта. Челобитная от имени киевпечерского архимандрита Иннокентия Гизеля царю Алексею Михайловичу об отпуске одного из служек Киево-Печерской лавры из Москвы в Киев с потребным количеством подвод для перевозки приобретенной для лаврской типографии бумаги, подана Т. Кушпой «с товарыщами» в Москве.

(л. 536а) Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцу бьет челом богомолец твой ис Киева Печерского монастыря архимандрит⁷⁴ Инокентей Гизель⁷⁵.

В нынешнем, государь, во 181-м году послал я, богомолец твой, Печерского // (л. 536б) монастыря служек, печатных мастеров Тимошку Андреева да Алешку Степанова. А с ними послал печатные книги к Москве продать, и, продав всякие печатные книги, купить на те денги бумаги на печатные книги. И мне, богомолцу твоему, з братьею бумага нужно надобно. И те, государь, наши мастерские⁷⁶ служки купили бумаги на наши монастырские⁷⁷ денги, что дано им из монастыря.

Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, богомолца своего, вели, государь, с Москвы отпустить одного монастырского служку и дать подводы, чтоб тое бумаги, покамест дорога не рушилась и реки, довести до Киева в целости. Царь государь, смилуйся, пожалуй. //

⁶⁹ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁷⁰ В тексте: *бумага*.

⁷¹ Окончание *-ки* написано поверх смытого окончания *-ца*.

⁷² В тексте: *Ивановой*.

⁷³ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁷⁴ В тексте: *архимарит*.

⁷⁵ Буква *Г* написана поверх буквы *С*.

⁷⁶ Так в тексте, возможно имелось ввиду: *монастырские*.

⁷⁷ В тексте: *манастырские*.

(л. 537а) *На челобитной помета дьяка Ивана Евстафьева такова:*

181-го марта в 15 день, по указу Великого Государя, велеть ево отпустить без задержанья и дать ему и под бумагу⁷⁸ подводы на чем мочно поднятца, применяясь к тому, сколько ему до Москвы дано подвод дано было⁷⁹.

№ 7

1673 г., 16 марта. Память из Малороссийского приказа в Ямской приказ с изложением царского указа о выделении Т. Кушпе и А. Мушину шести подвод до Киева, под бумагу для лаврской типографии, при условии непременного возврата тех подвод в Москву.

(л. 537а) 181-го марта в 16 день. В Ямской приказ⁸⁰.

Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя, и Белья России самодержец указал отпустить с Москвы Киева-Печерского монастыря служек Тимофея Андреева с товарищи, дву человек. А от Москвы⁸¹ до малороссийских⁸² городов дать им да под бумагу⁸³ под триста стоп шесть подвод // (л. 537б) с оборотом. За приписью дьяка Якова Поздышева⁸⁴.

№ 8

1673 г., 12 марта. Расписка Т. Кушпы в получении от иноземки Фансведен ста двадцати двух стоп и четыре «дести» бумаги для лаврской типографии на деньги, взятые в Малороссийском приказе.

(л. 537б) 181-го марта в 12 день взял я на Москве, по приказу околничего Артемона Сергеевича Матвеева, киевопечерского монастыря слушка Тимофей Андреев сын, бумаги сто дватцать две стопы да четыре дести. А цена той бумаге стопа по тритцати алтын, и всего того доведетца за бумагу взяты сто десять рублей. А брал я, Тимофей, тое бумагу у иноземки Ивановские жены Фансведина⁸⁵ по присылке⁸⁵ Приказу Малыя России подьячего Тимофея Нестерова.

А под тою роспискою ево, Тимофеева, рука:

⁷⁸ Буква *б* написана поверх буквы *м*.

⁷⁹ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁸⁰ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁸¹ В тексте: *Масквы*.

⁸² В тексте: *малоросиских*.

⁸³ В тексте: *мумабу*.

⁸⁴ Далее в тексте отступ в две полные строки.

⁸⁵ Текст повторен дважды.

По которой росписке руку свою прикладаю, Тимофей Андреев, слушка Киево-Печерского // (л. 538а) монастыря. А те денги за бумагу сто десять рублей взял ис Приказу Малыя Росии⁸⁶.

№ 9

1673 г., 16 марта. Память «с оборотом» из Малороссийского приказа в Приказ книгопечатного дела о передаче на Печатный Двор украинских печатных книг, выкупленных в казну у служек Киево-Печерской лавры.

(л. 538а) 181-го марта в 16 день. На Печатной двор⁸⁷.

В нынешнем во 181-м году февраля в 4 день в Приказе Малыя Росии явил Киево-Печерского монастыря служка Тимошка Андреев киевской печати книги, а сказал: велено ему те книги на Москве продать. И по указу Великого Государя, для свидетелства, те книги наперед сего к тебе, преосвященному Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому, отосланы. И февраля в 26 день в Приказе ж Малыя Росии домовых твоих митрополичьих дел дьяк Алексей Земцов подал роспись. А в росписи о тех книгах // (л. 538b) подписано под статьями, и на поле отмечено: с новоисправленными московскими, з греческими книгами те киевские книги разнятца, а иные книги свободны.

И Великий Государь указал: те ⁸⁸киевской⁸⁸ печати книги, которые ⁸⁹отмечаны⁸⁹ свободно, продавать на Москве. А которые несходны и не справчи-вы, и в них есть сумнителство и разнь с московскими и з греческими книгами, и те все киевской печати на белоруском и полском языке по росписи послать на Печатной Двор в свою, Великого Государя, казну. А цену за них дать соболми из Сибирского приказа. А киевляном, которые книги привезли, сказано, чтоб они таких книг к Москве не привозили.

И по указу Великого Государя, те киевские печати книги в Печатной приказ к тебе, преосвященному // (л. 539а) Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому, и к тебе, Дмитрею Ерофеевичю [Алмазову]⁹⁰, и к дьяку [Максиму Протопопову]⁹¹ посланы с подьячим с Васильем Баутиным. И роспись тем книгам под сею памятью с оборотом⁹².

⁸⁶ Далее в тексте отступ в две полные строки.

⁸⁷ Далее в тексте отступ в одну полную строку.

⁸⁸ Написано по смытому тексту.

⁸⁹ Написано по смытому тексту.

⁹⁰ Конъектура наша.

⁹¹ Конъектура наша.

⁹² Далее в тексте отступ в одну полную строку.

№ 10

1673 г., 16 марта. Роспись украинским печатным книгам, выкупленным в казну и переданным на Печатный Двор.

(л. 539а) Роспись книгам, которые посланы на Печатный Двор Великого Государя в казну, киевской печати на белорусском и полском языке.

Требник большой в десьть.

Семнатцать требников малых в четь.

Треодь посная в десьть.

Треодь цветная в десьть.

Десять книг Мир з Богом в десьть.

Служебник в полдествь.

Тринатцать псалтырей со воследованием в болшую четь.

Восемь⁹³ псалтырей учебных в полдествь. //

(л. 539б) Три псалтири в малую четь.

Восемь⁹⁴ книг Кануны, Акафисты болшие в полдествь.

Тринатцать канунцов малых в осмушку.

Семь букварей на словенском языке.

Тритцать шесть тетратей Литоргия толковые.

Восемь⁹⁵ тетратей Агапитов.

Двести тетратей О Июде-предатели.

Пятдесят тетратей в четь ирмосов на Лазарево воскресение и на Святую Пасху кануны.

РГАДА. Ф. 124, Малороссийские дела, 1672 г.
Кн. 21. Л. 381б–383а, 528а–539б. Копии

⁹³ В тексте: *восм.*

⁹⁴ В тексте: *восм.*

⁹⁵ В тексте: *восм.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

№ 1

Псалтирь. — Киев: Тип. Лавры, 30 марта 1667 [Ψалтирь / бл(а)женнагв пр(о)рока и ц(а)ря / Д(а)в(и)да / с п̄снми и ψалмы / избранными на праздници Г(о)с(по)д(е)к̄иа / и с(вя)тыхъ Б(о)жихъ, и с Пасхалією. / Бл(а)гословеніємъ и повеленіємъ / в Хр(и)стѣ Превел(иком), егв м(и)-л(ости) г(о)с(по)д(и)на ѿца / Иннокентіа Гізіела, / М(и)л(о)ст(ию) Б(о)ж(ією) Архімандрита с(вя)тыа Велик(ія) / Чудотвор(ня) Лавр(ы) Кієво-Печерскіа. / Патое тупомъ издадеса / в лѣто ѿ Созданіа міра 7175, / а ѿ Рож(дества) Х(ристо)ва 1667 мар(та) в 30 д(е)н(ѣ)].

4°. — Сигн.: [;]¹⁺⁴ А⁴–Сс⁴Тт⁴⁺¹. — [1₁]–[5₁], 1–247 = 252 л.

Тит. л. — в художественной рамке (Каменева, Гусева 1976: № 802), печать в две краски. Лл. издания — в линейных рамках. Колонтитулы между верхними линейными рамками по центру, декорированы фрагментами орнамент. рамок. Сигнатуры: на л. 2₁а и 4₁а в 1-й тетр., на первых трех лл. во всех остальных тетр. Колонциферы — в правом верхнем углу лл., на л. 247а — колонцифер отсутствует. Л. 100 пронумерован как 110.

14, 16, 20, 22, 26 строк. 10 строк = 85 мм. (86, 72, 70, 63, 51 мм). Ширина набора 112 мм.

Декоративное оформление:

— заставки: л. [2₁а], 7а, 74б, 125а, 156б (Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 843), 1а, 230а (Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 825), 14а, 102а (Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 849), 23а (не атрибутирована), 31б, 109б, 131б (Каменева, Гусева 1976: № 206), 39б, 94а, 141б (Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 846), 50а (Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 845), 59а, 117а, 148а, 224б (Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 844), 66б (Каменева, Гусева 1976: № 207), 83б (Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 842), 163а (Каменева, Гусева 1976: № 208), 182а (Каменева, Гусева 1976: № 149), 228а (фрагм. орнамент. рамок на месте колонтитула).

— концовки: л. 49б, 224а (Каменева, Гусева 1976: № 280), 5₁а, 31а, 58б, 83а, 131а, 181б, 227б, 247б (фрагменты орнамент. рамок).

— гравюры: л. [1₁б] (Успение Пресвятой Богородицы; Каменева, Гусева 1976: № 434а), [5₁б] (Царь Давид; Каменева, Гусева 1976: № 710).

— ломбарды:

*большие: л. [2₁а] (Б), 1а (Б, киноварь), 7а (И), 14а (В), 23а (К), 31б (Р), 39б (Г), 50а (В), 59а (П), 66б (Т), 74б (Н), 83б (В), 94а (П), 102а (Б), 109б (Г), 117а (И), 125а (Р), 131б (Б), 141б (К), 148а (Х), 156б (Б), 162б (М), 163а (П), 203б (Н).

**малые: л. [3₁б] (В), 1б (В), 2б (Г), 3а (В), 3б (Г), 4б (Г), 5а (Г), 6а (Г), 9б (Н), 10а (С), 10б (Д), 11а (Р), 11б (Г), 12а (С), 13а (У), 17а (Н), 18а (ОҮ),

18b (Г), 19b (Б), 21b (Г), 22a (Г), 24a (С), 25a (Г), 26a (К), 27a (П), 27b (В),
28b (Н), 30a (Б), 32b (Б), 34a (С), 36a (Р), 36b (Н), 41a (Р), 42a (Т), 43b (Б),
44a (И), 45a (С), 45b (Б), 47b (⦿), 48b (Б), 50b (В), 51b (У), 52b (Б), 54a (П),
55b (Ч), 56a (Р), 56b (Б), 57a (В), 60a (П), 60b (А), 61b (И), 62b (Б), 63b (У),
64a (Н), 65a (Б), 65b (ОҮ), 67b (В), 68b (Б), 69a (Д), 71b (С), 74a (Б), 76a (Б),
77b (К), 79a (В), 80b (И), 81a (В), 82a (Г), 87b (Б), 89a (П), 90a (Р), 91a (Б
x 2), 92b (К), 93a (Б), 95a (W), 95b (Г), 96b (М), 99b (Г), 101a (Ж), 103a (Г),
103b (Б), 104b (П), 105b (В), 106a (Г), 107a (В), 107b (Г), 108a (Б), 108b (М),
111a (Б), 112b (Б), 114b (И), 119b (И), 122a (Г), 123a (Б), 125b (И), 126a (Б),
126b (X), 127a (В), 128b (В), 129a (Б), 129b (X; И), 135b (Р), 136b (Т), 139a
(П), 142a (В), 142b (В), 143a (К; ⦿), 143b (Н), 144a (В), 144b (А; Б), 145a (М),
145b (И), 146a (Г; П), 147b (С x 2), 149a (И), 150b (Н), 151a (И), 151b (Г),
153a (И), 154a (Г), 155a (Г), 155b (Г), 157b (В), 159a (X), 159b (X), 160a (П),
160b (X), 161b (В), 162a (X), 164b (В), 168b (У), 170a (Г), 172a (⦿), 173a (В),
174a (Б), 176a (Б), 176b (Б), 178a (В), 178b (Б), 179b (М), 181a (Г), 183a (П),
184b (С), 186a (В), 187a (В), 191a (Б), 193a (⦿), 194b (Б), 195a (Б), 197a (Г),
199b (Г), 201a (В), 205b (Б), 207a (Н), 209a (В), 210b (В), 212a (С), 213a (Б),
215a (У), 217a (Т), 220a (В), 229b (П).

Состав:

- [1₁a] – тит. л.;
[1₁b] – гравюра;
[2₁a] – Уставъ С(вя)тыхъ О(те)ць Б(о)гомъ преданныи всѣмъ хота-
щимъ пѣти Ѹалтирь в молчаніи живущим инокомъ и всѣмъ б(о)гободзненнымъ
православнымъ хр(и)с(т)іаномъ;
[3₁a] – Чинъ особнагъ в келіи пѣніа Ѹалтырнагъ;
[5₁b] – гравюра;
1a – Д(а)В(и)ДА ПР(о)РОКА И Ц(а)РА ПѢСНЬ / *Псалтирь*;
163a – *Библейские песни*;
182a – Мнѣгомилостивое, пѣваемое в праздники Г(о)с(по)д(с)кїа и в
дни нарочитыхъ с(вя)тыхъ;
183a – Бл(а)женнагъ Макарія С(вя)щенномніа, ч(е)стнагъ Філософа и
Ритора, господина Никифора Товлемида избраніе Ѹалмѣв на Г(о)с(по)д(с)
кїа Праздники и в памяти с(вя)тыхъ;
224b – Припѣла Праздникомъ Г(оспо)дскимъ и всѣмъ с(вя)тымъ наро-
читымъ, имущимъ полчеліи. Твореніе Філоѳеа Монаха;
228a – Кругъ С(о)лнцу, зоедмѣ численникомъ;
229b – ⦿ ключи пасхалиномъ;
230a – Пасхалиа азбучнаа зрачаа и неисходнаа до конца вѣка;
247b – *колофон в шесть строк*: Напечатана бысть книга сіа / В Право-
славной и с(вя)той Великой Лаврѣ / Кіновія Кіево-Печерскагъ / Ставро-
пугіон Архіеп(и)с(ко)па Кѡнстантіно/полскагъ, патріархи [так в тексте. –
А. Б.] Вселенскагъ / В лѣт(о) 7175, Індікт(а) 4, м(е)с(я)ца март(а) 30.

Библиография: Исаевич, Запаско 1981: № 439.

Особенности экземпляров:

Все экз. настоящего издания (БМСТ/спк № 835–838) имеют общие особенности типографского набора, обрезы книжных блоков окрашены (№ 835, 838 — зеленым, № 836, 837 — красным пигментом). Инскриптов и помет нет.

Экз. «одеты» в кожаные переплеты XVII в. двух видов, специально предназначавшиеся для Псалтирей. Первый вид представлен экз: № 835, 838. На верхней крышке переплетов — ромбовидный средник «Царь Давид», над которым оттиснуто *Ўалтырь* (изображение и название книги в «звездно-цветочном» декоре), орнамент из череды басменных прокаток — «головы венценосных особ в коронах» по краям. На среднике, литерах, элементах «звездно-цветочного» декора следы позолоты. Левее оттиснутого текста — инскрипт почерком XVIII в.: *Кіевская*. Нижняя крышка орнаментирована теми же оттисками басменных прокаток, что использовались для украшения краев верхней крышки. Кожа на крышках обоих переплетов немного потерта. В качестве л. 1 форзаца (№ 835) и л. 2 нахзаца (№ 838) использованы тит. л. лаврского изд. «Месиа правдивый Иисус Христос, Сын Божий» Иоанникия Галятовского (Киев, 4.V.1669), л. 2 форзаца и л. 1 нахзаца отсутствуют. На переплетах — латунные застежки с геометрическим орнаментом (в экз: № 835 одна застежка оторвана, в экз: № 838 сохранились обе). Второй вид представлен экз: № 836, 837. На верхней крышке переплетов — ромбовидный средник «Царь Давид», над которым оттиснуто: *Ўалтырь* (изображение и название книги, заключенное в рамку, — в «цветочном» декоре). На среднике, литерах, рамке, элементах «цветочного» декора следы позолоты. На нижней крышке — орнамент из оттисков басменных прокаток — «муж анфас, стоящий в рост, с латинским крестом в правой руке». Кожа на крышках обоих переплетов сильно потерта с обширными утратами. В качестве л. 1 форзаца и л. 2 нахзаца использованы лл. украинских изданий (№ 837, 836). В экз: № 836 л. 1 форзаца — тит. л. лаврского изд. «Месиа правдивый Иисус Христос, Сын Божий» Иоанникия Галятовского (Киев, 4.V.1669). В обоих экз. нет л. 2 форзаца и л. 1 нахзаца. На переплетах — латунные застежки с геометрическим орнаментом (сохранилось по одной застежке на переплете).

№ 2 а

Канонник. — Киев: Тип. Лавры, 1672 <Преч(е)стныи / акаѳисты / И(исусу) Сладкому / Прес(вятой) Б(огороди)ци / и Каннны на всю / Седмицу / и првч(ие) Сп(аси)телныа мол(ь)бы. / Въ С(вя)т(ой) Вел(икой) Ч(у)до(творной) / Лавръ Кіе(во)-Печер(ской) / Лѣт(а) ѿ Рож(дества) Х(ристо)ва 167[2]>.

12^о. — Сигн.: [1]¹ O² П¹²–Ю¹² X⁵ Ź¹² Ψ¹² Θ⁴ V¹². — [1₁], [O₁]–[O₂], 193–194, 95, 196, 97, 198–263, 284, 265–330, 330, 332, 332, 334–339, 330/40, 341–399, 390/10, 400–411, 402, [X₁]–[V₁₂] = 273 л.

Тит. л. в художественной рамке (не атрибутирована), печать в одну краску. Колонтитулы по центру л. Сигнатуры в тетр. о 12 лл. пронумерованы на первых 7 лл.; вместо сигнатур У₅ и У₆ напечатаны соответственно У₄ и У₇. На л. 357 (Ђ₉) проставлена сигнатура Ђ₂. Колонцифры — в правом верхнем углу л. Лл. 195, 197, 264, 331, 333, 340, 412 ошибочно пронумерованы соответственно как 95, 97, 284, 330₂, 332₂, 330/40, 402. На л. 358 колонцифры отсутствуют.

13, 14, 15, 16 строк. 10 строк = 53 мм. (49, 46, 38 мм). Ширина набора 37 мм.

Декоративное оформление:

— заставки: л. [O₁a], 197a, 207a, 250a, 262a, 297a, 303a, 315b, 327b, 344a, 358a, 370b, 382b, 404b, 410b, 412a, [Ђ₁a], [Ђ₃a], [Ђ₅a], [Ђ₇a], [Ђ₉a], [Ђ₁₁a], [У₁a], [У₂b], [У₄a], [У₆b], [У₈a], [У₁₀b], [У₁₂b] (фрагменты орнамент. рамок).

— концовки: л. 249a, 302b, 357b, 411b, [А₄b], [У₁₂b], [V₁₂a], [V₁₂b] (фрагменты орнамент. рамок).

— гравюры: л. [1₁b] (Благовещение, гравер А. К.; не атрибутирована), 249b (Второе явление Христа; Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 1293), 343b (Святитель Николай Мирликийский; Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 1294).

— ломбарды: л. [O₁a] (C), 205a (W), 207a (B), 207b (A), 237a (H), 246a (Π), 248a (W), 250a (I), 260b (B), 269b (B), 270a (A), 296a (Γ), 299a (Б), 300b (P), 314a (C), 335b (B), 370b (Б), 372b (P), 373b (Б), 378a (Γ), 379a (Γ), 380b (B), 395b (B), 398a (B), 390/10a (B; H), 400b (Γ), 401a (Б), 402a (B), 405a (Б), 407a (Π), 407b (T), 408a (B), 410b (M), 412a (И), [V₁₂b] (Б).

Состав:

[1₁a] — тит. л.;

[1₁b] — гравюра;

[O₁a] — Акаѡистъ Пре(свя)тѣи Б(огороди)ци;

249b — гравюра;

250a — Акаѡистъ Г(оспод)у н(а)шему Ии(су)с(у) Хр(и)сту с Службою Во-
кр(е)сною;

303a — Правило къ С(вя)т(о)му А(н)гг(е)лу Хранителю своему;

315b — Канѡнъ покааннии. Твореніе с(вя)т(о)го Андреа Критскаго;

327b — Честныи Параклис Пр(е)с(вя)той Вл(а)д(ы)ч(и)ци нашей Б(о)-
городици;

343b — гравюра;

344a — Канѡнъ С(вя)тому Николѣ [Мирликийскому], пѣваемыи в Чет-
вертокъ;

358a — Правило Ч(е)стному и Животворѡщ(ему) Кр(е)сту Г(оспод)ню,
пѣваем(ое) в Пѣтокъ;

370b — Последоваіе къ Б(о)ж(е)ственному Причащенію;

404b — Егда же получиш[и] дражаишаг(о) Привѣщеніа Животворных
Таин дарованіе / Молитвы по Божественному Причащенію;

412a – Исповѣданіе грѣхѡв повседневное;
 [Ǧ₁a] – Соборникъ дванадесатем мѣсѡцемъ;
 [Θ₁a] – Пасхалиѡ <зрачаѡ> [начинается с 1672 г.];
 [V₁₂b] – *Послеловіе*: Б(о)гу в Тро(и)ци Еди/ному ѿ благо/словившихъ
 и труди/вшихсѡ в дѣли сем, / еже далъ начати и / совершити, честь, / слава и
 поклон н(ы)нѣ / и пр(и)снѡ, и во вѣки вѣ/комъ. Амин(ь).

Библиография: Исаевич, Запаско 1981: № 503.

Особенности экземпляров:

Все экз. этого варианта издания (БМСТ/спк № 380, 381) имеют общие особенности типографского набора, обрезы книжных блоков окрашены зеленым пигментом. Инскриптов и помет нет. В экз: № 381 л. 389–392 выпадают из книжного блока.

Экз. «одеты» в кожаные переплеты XVII в. двух видов. Первый вид представлен экз: № 380. На верхней крышке переплета – ромбовидный средник «Святой в архиерейском облачении» (изображение, элементы декора верхней крышки позолочены). В качестве лл. форзаца и нахзаца использованы фрагменты лл. московского (?) печатного изд. Кожа на крышках переплета потерта. Обе застежки утрачены. Второй вид представлен экз: № 381. На верхней крышке переплета – ромбовидный средник с орнаментом (средник, элементы декора верхней крышки позолочены). Лл. форзаца и нахзаца бумаги XVII в. (на л. 2 форзаца филигрань «цветок в круге», не атрибутирована). Кожа на крышках переплета немного потерта. Две латунных застежки с «глазковым» орнаментом.

№ 26

Канонник. — Киев: Тип. Лавры, 1672 <Преч(е)стныи / акаѡисты / И(ису)су Сладкому/ Прес(вя)т(ой) Б(огороди)ци / и Канѡны на всю / Седмицу / и прѡч(ие) Сп(а)си/телны мол(ь)бы. Въ с(вя)т(ой) Вел(икой) Ч(у)до(творной) / Лаврѣ Кие(во)-Печер(ской) / лѣт(а) ѿ Рожд(ества) Х(ристо)ва 167[2]>.

12^о. — Сигн.: [1]¹ M¹ H¹²–Ю¹² X⁵ Ǧ¹² Ψ¹² Θ⁴ V¹² . — [1₁], [M₁], 169–191, 182, 193, 194, 95, 196, 97, 198–263, 284, 265–330, 330, 332, 332, 334–339, 330/40, 341–399, 390/10, 400–411, 402, [Ǧ₁]¹–[V₁₂] = 288 л.

Тит. л. в художественной рамке (не атрибутирована), печать в одну краску. Колонтитулы по центру л. Сигнатуры в тетр. о 12-ти лл. пронумерованы на первых 7-ми лл.; вместо сигнатур У₅ и У₆ напечатаны соответственно У₄ и У₇. На л. 357 (Ъ₉) проставлена сигнатура Ъ₂. Колонцифры – в правом верхнем углу л. Лл. 195, 197, 264, 331, 333, 340, 412 ошибочно пронумерованы соответственно как 95, 97, 284, 330₂, 332₂, 330/40, 402. На л. 358 колонцифер отсутствует.

13, 14, 15, 16 строк. 10 строк = 53 мм. (49, 46, 38 мм.) Ширина набора 37 мм.

Декоративное оформление:

– заставки: л. [M₁a], 175b, 191a, 197a, 207a, 250a, 262a, 297a, 303a, 315b, 327b, 344a, 358a, 370b, 382b, 404b, 410b, 412a, [ǰ₁a], [ǰ₃a], [ǰ₅a], [ǰ₇a], [ǰ₉a], [ǰ₁₁a], [Ψ₁a], [Ψ₂b], [Ψ₄a], [Ψ₆b], [Ψ₈a], [Ψ₁₀b], [Θ₁a], [V₁₂b] (фрагменты орнамента рамок).

– концовки: л. 249a, 302b, 357b, 411b, [Δ₄b], [Ψ₁₂b], [V₁₂a], [V₁₂b] (фрагменты орнамента рамок).

– гравюры: л. [1₁b], 190b (Благовещение, гравер А. К.; не атрибутирована), 249b (Второе явление Христа; Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 1293), 343b (Святитель Николай Мирликийский; Гусева, Каменева, Полонская 1981: № 1294).

– ломбарды: л. [M₁a] (Б), 169b (В), 171a (Г), 171b (Г), 172b (Б), 173a (А), 175b (Б), 176b (К), 177b (Г), 178a (Г), 178b (Г), 180b (Т), 181a (Г), 184b (М), 187a (А), 191a (С), 205a (W), 207a (В), 207b (А), 237a (Н), 246a (Π), 248a (W), 250a (I), 260b (В), 269b (В), 270a (А), 296a (Г), 299a (Б), 300b (P), 314a (С), 335b (В), 370b (Б), 372b (P), 373b (Б), 378a (Г), 379a (Г), 380b (В), 395b (В), 398a (В), 390/10a (В; Н), 400b (Г), 401a (Б), 402a (В), 405a (Б), 407a (Π), 407b (Т), 408a (В), 410b (М), 412a (И), [V₁₂b] (Б).

Состав:

[1₁a] — тит. л.;

[1₁b] — гравюра;

[M₁a] — Молитвы на сон градуше;

175b — Молитвы утр(е)нии;

190b — гравюра

191a — Акаѳистъ Прес(вя)тѣй Б(огороди)ци;

249b — гравюра;

250a — Акаѳистъ Г(оспод)у н(а)шему Їи(су)с(у) Хр(и)сту с Службою Воскр(е)сною;

303a — Правило къ С(вя)т(о)му А(н)гг(е)лу Хранителю своему;

315b — Канѳнъ покаянный. Твореніе с(вя)т(о)го Андреа Критскаго;

327b — Честныи Параклис Пр(е)с(вя)тои Вл(а)д(ы)ч(и)ци нашеи Б(о)городици;

343b — гравюра;

344a — Канѳнъ С(вя)тому Николѣ [Мирликийскому], пѣваемыи в Четвертокъ;

358a — Правило Ч(е)стному и Животворѣ(ему) Кр(е)сту Г(оспод)ню, пѣваем(ое) в Пѣток;

370b — Послѣдоваіе къ Б(о)ж(е)ственному Причащенію;

404b — Егда же получиш[и] дражайшаг(о) Привѣщеніа Животворных Таин дарованіе / Молитвы по Божественному Причащенію;

412a — Исповѣданіе грѣхѡв повседневное;

[$\tilde{\zeta}_1$ a] – Сборникъ дванадесатем мѣсцемъ;

[Θ_1 a] – Пасхалиѣа <зрачаа> [начинается с 1672 г.];

[V_{12} b] – *Послесловие*: Б(о)гу в Тро(и)ци Еди/ному ѿ благо/словившихъ и труди/вшихса в дѣли сем, / еже далъ начати и / совершити, честь, / слава и поклон н(ы)нѣ / и пр(и)снѡ, и во вѣки вѣ/комъ. Амин(ь).

Библиография: Исаевич, Запаско 1981: № 503.

Особенности экземпляров:

Все экз. этого варианта издания (БМСТ/спк № 378, 379) имеют общие особенности типографского набора, обрезы книжных блоков окрашены зеленым пигментом. Инскриптов и помет нет.

Экз. «одеты» в кожаные переплеты XVII в. двух видов. Первый вид представлен экз: № 379. На верхней крышке переплета – ромбовидный средник «Святой в архиерейском облачении» (изображение, элементы декора верхней крышки позолочены). В качестве лл. форзаца (1–3) и нахзаца (1–2) использованы фрагменты лл. московского (?) печатного изд. Кожа на крышках переплета весьма сильно потерта. Обе застежки утрачены. Второй вид представлен экз: № 378. На верхней крышке переплета – ромбовидный средник с орнаментом (средник, элементы декора верхней крышки позолочены). Лл. форзаца (1–4) и нахзаца (1–2) бумаги XVII в. (на л. 1 нахзаца фрагмент филиграни «цветок в круге», не атрибутирована). Кожа на крышках переплета потерта. Сохранилась одна латунная застежка с «глазковым» орнаментом.

In memoriam

**Владимир
Антонович Дыбо
(1931–2023)**

Нияз Илдарович Киреев

Высшая нормальная школа,
Париж, Франция
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Niyaz Kireyev

École normale supérieure – PSL
Paris, France
HSE University,
Moscow, Russia

Оливье Азам

Высшая нормальная школа,
Центр лингвистики при Сорбонне,
Париж, Франция

Olivier Azam

École normale supérieure – PSL,
CeLiSo – Centre de Linguistique
en Sorbonne,
Paris, France

**Владимир Александрович
Плунгян**

Институт русского языка имени
В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Vladimir A. Plungian

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences,
Moscow, Russia

DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.11

Вечером 7 мая 2023 года, через неделю после своего 92-летия, в Тарусе скончался выдающийся российский славист и индоевропеист академик Владимир Антонович Дыбо (официальная должность его на момент кончины — главный научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН).

Масштаб его личности и значимость сделанного им огромны. Ниже мы хотели бы предложить самый предварительный общий очерк его научного пути (с минимально необходимыми биографическими подробностями), концентрируясь на славистической стороне его деятельности. Всестороннее изучение и оценка вклада В. А. Дыбо в современную лингвистику (и прежде всего в ту ее область, которую обычно называют сравнительно-историческим языкознанием), несомненно, последуют в будущем.

При попытке оценить личность В. А. Дыбо прежде всего обращают на себя внимание два его главных качества: необычайная цельность и необычайное упорство. Решив еще в 1950-е годы заняться исторической акцентологией (трудной областью, которая требовала огромных усилий первопроходца), Владимир Антонович на протяжении семидесяти лет неустанно трудился над решением разнообразных проблем в этой области, методично и систематично следуя своей исследовательской программе. В итоге именно он во многом определил облик славистики и индоевропейской акцентологии, какой мы ее знаем сейчас, и оказал огромное влияние на изучение внешних связей индоевропейской языковой семьи. Его работы послужили толчком для появления целых научных школ и направлений.

Владимир Антонович родился 30 апреля 1931 года в селе Пироговке, которое ныне входит в Шосткинский район Сумской области Украины. Его отец, участник Гражданской и двух мировых войн, Антон Тимофеевич Дыбо (1900–1977), писал о себе: «По линии отца я, видимо, коренной украинец». По линии матери он был внуком польского шляхтича [Дыбо 2017: 48]. Владимир Антонович вспоминал, что его «[о]тец достаточно хорошо говорил и писал по-русски, но все рассказы его о детстве, о работе на Украине, о первой мировой войне, о гражданской войне были на украинском языке. Мать — тоже украинка, но очень быстро приспособлялась к диалекту той местности, где мы проживали» [Дыбо 2013a].

Вскоре после рождения Владимира Антоновича семья уехала из Украины, опасаясь преследований: Антон Тимофеевич во время Гражданской войны участвовал вместе с войсками Нестора Махно в подавлении восстания атамана Григорьева, что при новой власти стало далеко не безопасным эпизодом биографии. Прожив некоторое время в

Карелии, семья осела в городе Павлово тогдашнего Горьковского края (сегодня это районный центр Нижегородской области, неофициально называемый обычно Павлово-на-Оке) [Дыбо 2017: 47].

В 1939 году Владимир Антонович пошел в школу в Павлове [Дыбо 2020: 40]. Он вспоминал, что в школе учил немецкий, интересовался математикой и физикой. Кроме того, он также пытался самостоятельно учить эсперанто. Прочитал «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского¹, «Историю немецкого языка» В. М. Жирмунского², «Язык» Ж. Вандриеса³ [Дыбо 2013а].

В 1949 году Владимир Антонович окончил школу и, следуя уже сформировавшимся у него интересам, поступил на историко-филологическое отделение Горьковского университета⁴.

Стоит напомнить о том положении, в котором находилась лингвистическая наука тогда в СССР. С конца 1920-х годов пользовался государственной поддержкой, а в 1930-е годы стал единственной дозволенной языковедческой теорией марризм — псевдонаучная концепция, в числе прочего как раз отрицавшая основные положения классического сравнительно-исторического языкознания (понятие родства языков, модель дивергенции в виде «генеалогического древа», существование языковых семей и т. п.). Противники марризма подвергались нападкам (Д. В. Бубрих, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий и многие другие) и репрессиям (Е. Д. Поливанов, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский и др.), публикации их работ активно препятствовали. Научная компаративистика была фактически разгромлена (как и многие другие области языкознания, бурным развитием которых в России было отмечено начало XX века).

¹ Впервые опубликованный в 1914 году и радикально переработанный в 1928, этот знаменитый очерк впоследствии неоднократно переиздавался Учпедгизом. Последнее издание (с предисловием академика Ю. Д. Апресяна) вышло в свет в 2001 году.

² В. М. Жирмунский. История немецкого языка: Учебник. Л.: Учпедгиз, 1938. (Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз, 1939.) «Знакомство с немецким языком, подкрепленное книгой В. М. Жирмунского, определило, по-видимому, мой интерес к сравнительно-историческому языкознанию с его приматом языковой формы и к таким явлениям, как аблаут и, позднее, ударение, тон (но интерес к аблауту, насколько мне помнится, возник еще при чтении книги А. М. Пешковского)» [Дыбо 2013а].

³ Ж. Вандриес. Язык: лингвистическое введение в историю: пер. с фр. / примеч. П. С. Кузнецова; под ред. и с предисл. Р. О. Шор. Москва: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. Это живо написанное учеником Мейе введение в проблематику исторического языкознания начала XX века пользовалось большой популярностью на протяжении всей первой половины XX века у лингвистов, входивших в науку.

⁴ «Тут может быть задан вопрос, почему я поступил в Горьковский университет, а не, например, в МГУ. От Горького до Павлова-на-Оке 5 часов на поезде и регулярно ходят различные автомашины, так что всегда можно было доставить или прихватить тючок картофеля или другое съестное с родительского огорода — в те голодные годы это было важно» [Дыбо 2013а].

Столкнувшись с этим, Владимир Антонович собрался было после первого курса переходить на физико-математическое отделение, однако в мае 1950 года началась известная дискуссия в газете «Правда», а в июне, с выходом «Марксизма и вопросов языкознания» Сталина, марризм был отменен, а сравнительно-историческое языкознание отчасти реабилитировано: по крайней мере научные гипотезы, принятые в мировой лингвистике до 1914 года, стали считаться вновь дозволенными. Владимир Антонович остался на историко-филологическом факультете, но занимался преимущественно самообразованием.

О том, что уже в студенческие годы Владимир Антонович заинтересовался акцентологией, свидетельствует его курсовая работа «Акцентологическая система русского глагола» [Дыбо 1953]⁵. Из библиографии к этой работе можно составить некоторое впечатление о тогдашнем круге чтения Владимира Антоновича — отметим, в частности, ссылки на украинского акцентолога Л. А. Булаховского, на русиста В. В. Виноградова, на слависта А. А. Шахматова, на французского индоевропеиста Антуана Мейе. Упоминаются также Р. Ф. Брандт, Ф. Ф. Фортунатов, а также Д. В. Бубрих, защитивший в 1924 году диссертацию по кашубскому ударению (впоследствии же — крупнейший исследователь финно-угорских языков). Выбор акцентологии в контексте того времени понятен и не может не вызывать уважение. Эта очень трудная дисциплина (многим филологам казавшаяся сухой и формальной) максимально далека от какой бы то ни было идеологии и в известной степени приближается к модели естественных наук с их законами, описывающими сложную, неоднородную, противоречивую, но в целом поддающуюся рациональному познанию реальность.

В 1954 году Владимир Антонович окончил Горьковский университет, но не смог остаться в аспирантуре (так как, по его словам, «получил комсомольский выговор»⁶) и был отправлен по распределению учителем в вечернюю школу в Марийской АССР. В его воспоминаниях фигурируют два населенных пункта, которые ныне входят в Марий Эл: деревня Кожласола (Волжский район) и поселок городского типа Красногорский (Звениговский район). Приехав на работу в деревню, Владимир Антонович «разослал в крупнейшие университеты СССР письма с вопросом, планируется ли прием в аспирантуру по индоевропейскому сравнительно-историческому языкознанию, и с предложением своей темы “ларингальная гипотеза”. Из МГУ ответил Вяч. Вс. Иванов, кото-

⁵ Этот любопытный документ в настоящее время доступен на сайте, поддерживаемом М. В. Ослоном (<https://groman.es.org/>).

⁶ Анна Владимировна Дыбо позднее вспоминала это так: «[В] аспирантуру не взяли за то, что он отрывался от коллектива: вместо того чтобы ходить на их собрания, ходил учить арабский и греческий на исторический факультет» [Бурас 2022: 281].

рый прислал указание на статью Згусты⁷, которая содержала обширную библиографию по этой теме, и ряд указаний на условия, необходимые для этой работы (в основном чтение научной литературы на всех европейских языках и научное знание индоевропейских языков, в том числе хеттского)» [Дыбо 2013а].

В течение 1954–1955 учебного года Владимир Антонович преподавал в деревне и заказывал из Библиотеки им. Ленина по межбиблиотечному абонементу литературу по ларингальной теории. Статьи ему присылали в виде микрофильмов; в распоряжении Владимира Антоновича был детский диапроектор, или, как их называли в СССР, фильмоскоп, но в деревне электричества не было, и аппарат приходилось направлять на пламя керосиновой лампы.

Как потом рассказывал Владимир Антонович, в это время он прочитал «Индо-хеттские ларингалы» Стёртеванта⁸ и «Сравнительный индогерманско-семитский словарь» Мёллера⁹. Надо сказать, что тогда не прошло еще и тридцати лет с того момента, когда хеттский согласный *h* был впервые сопоставлен Куриловичем с индоевропейскими «сонантическими коэффициентами» Соссюра и ларингальная теория совсем недавно перешла из маргинальных гипотез в разряд популярных идей, в которые поверило научное сообщество. Но многие детали принятой сегодня ларингальной реконструкции тогда еще не были известны.

В двадцать четыре года, в 1955 году, Владимир Антонович отослал в МГУ реферат, приехал на экзамены (как рассказывала А. В. Дыбо, в комиссии, кроме Иванова, были В. А. Звегинцев и Н. С. Чемоданов [Бурас 2022: 282]) и, несмотря на проблемы с экзаменом по марксизму, благодаря хлопотам Вяч. Вс. Иванова был принят в аспирантуру при кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания.

Сам Вяч. Вс. Иванов при этом только весной того же 1955 года защитил диссертацию по хеттскому языку. Он учился на романо-германском отделении в 1947–1951 годах. В ту пору стараниями нескольких сотрудников факультета, которые начинали работу еще до эпохи марксизма (М. Н. Петерсон, П. С. Кузнецов, С. Б. Бернштейн, А. И. Смирницкий) удалось возродить сравнительно-историческое языкознание и, в частности, индоевропеистику. В 1952 году защитила диссертацию санскритолог В. А. Кочергина, одновременно с Ивановым диссертацию по славистике защитил В. Н. Топоров, а в следующем году защитилась индолог Т. Я. Елизаренкова.

⁷ По-видимому, имеется в виду следующая публикация: [Zgusta 1951].

⁸ Sturtevant E. H. *The Indo-Hittite laryngeals*. Baltimore: Waverly, 1942.

⁹ Одна из сравнительно ранних работ по проблемам внешнего родства индоевропейских языков: Möller H. *Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1911.

На кафедре русского языка в тот момент одной из аспиранток была Валерия Григорьевна Чурганова (1931–1998), в будущем — крупная ученая-морфонолог со сложной судьбой (в результате политических «проработок» у нее было мало возможностей заниматься научной работой и приходилось концентрироваться на преподавании; Валерия Григорьевна преждевременно ушла из жизни в возрасте 66 лет). Она стала женой Владимира Антоновича. В 1959 году у них родилась дочь Анна, впоследствии выдающийся лингвист-тюрколог и алтаист, ныне член-корреспондент РАН.

В 1957 году в «Вопросах языкознания» вышла короткая рецензия Владимира Антоновича на «Индогерманский словарь» Юлиуса Покорного, а в следующем году были напечатаны сразу три других обзора — этимологического словаря древнегреческого языка Фриска, словаря крито-микенских надписей Владимира Георгиева и литовского этимологического словаря Френкеля. Однако в аспирантуре Владимир Антонович все же решил заняться не ларингалами, а тем, что его, судя по студенческой работе 1953 года, уже интересовало прежде: историей русского ударения.

Как позже написал В. Н. Топоров, рубеж 1950-х и 1960-х годов — «осевое время» нашего языкознания» [Топоров 1997: 9]. Это, по-видимому, верно не только для «нашего» языкознания. В 1957 году вышла книга, которая значительно повлияла на облик всей мировой лингвистики второй половины XX века: это «Syntactic Structures» Ноама Хомского (но в том же году появилась в печати и знаменитая статья Якобсона о шифтерах, во многом преодолевшая рамки классического структурализма и заложившая основы современной грамматической типологии). В науке о славянском ударении тоже произошла своя революция: в том же году вышел *magnum opus* норвежского лингвиста Кристиана Станга «Slavonic Accentuation».

Для того чтобы понять значение этого труда, необходимо знать о ситуации, сложившейся в славянской (и балтийской) акцентологии к 1950-м годам. Подход к материалу с позиции младограмматиков, с позиции классической исторической фонетики, когда диахронические изменения в области ударения объяснялись через фонетические правила и условия, завел акцентологию в тупик. Бессистемное нагромождение фонетических законов, хаос, царивший в этой области, создали ей репутацию запутанной и темной дисциплины. Достижение же Станга, если резюмировать кратко, состоит в следующем: он показал, что все изменяемые лексемы (поздне)праславянского языка без остатка делились на три группы (сначала по-русски их называли *акцентуационными парадигмами*, но сейчас принят термин *акцентные парадигмы*, а. п.) в

зависимости от того, как менялось или не менялось место ударения при спряжении или склонении (несколько огрубляя, скажем, что а. п. *a* — фиксированное ударение на основе, а. п. *b* — фиксированное ударение на окончании, а. п. *c* — подвижное ударение). По существу, Станг создал целостный морфологический (а не фонетический) взгляд на славянскую акцентуацию.

1–10 сентября 1958 года, когда Владимиру Антоновичу было 27 лет, в Москве прошел первый послевоенный Международный съезд славистов. Это было событием громадной важности, потому что в Москву приехали крупнейшие зарубежные лингвисты, классики славистики: Фасмер, Станг, Якобсон (кстати, автор нескольких работ по славянской акцентуации), Вайян, Мазон, Махек, Штибер, Лер-Сплавинский, Отрембский, Кипарский, Белич, Ивич, Унбегаун и многие другие. Из Киева приехал немолодой уже тогда Булаховский.

Судя по резюме выступления [Дыбо 1962], Владимир Антонович рассказывал на съезде, в частности, об одном из своих ранних ценных наблюдений: он уточнил и расширил правило Н. Ван-Вейка о распределении праславянских глаголов по разным моделям образования аориста в зависимости от акцентуации (распределение форм 2/3sg типа **ви vs. питъ**)¹⁰. Уже тогдашнее выступление демонстрирует приверженность морфонологическому взгляду на славянское ударение.

В 1958 году Дыбо окончил аспирантуру, не защитив диссертацию. В декабре этого года Вяч. Вс. Иванов был уволен с факультета — в частности, за открытое несогласие с официальной оценкой романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и поддержку научных взглядов Р. О. Якобсона. В книге М. М. Бурас [2019: 108], содержащей уникальные материалы к биографии А. А. Зализняка, мы находим свидетельство, что министру культуры СССР было направлено письмо протеста против увольнения Иванова за подписью И. А. Мельчука, В. А. Дыбо и А. А. Зализняка.

Дыбо устроился в Институт славяноведения АН СССР старшим научно-техническим сотрудником, с 1959 года он был в должности младшего научного сотрудника. Сотрудником этого института Владимир Антонович оставался всю жизнь. Там же с ним работал принятый за несколько месяцев до того Владислав Маркович Иллич-Свитыч, а с 1960 года — и Андрей Анатольевич Зализняк (тогда еще, впрочем, не интересовавшийся специально сравнительно-исторической акцентологией). Владислав Маркович стал ближайшим другом Владимира Антоновича

¹⁰ Более новые данные о правиле Ван-Вейка см. в [Ackermann 2014: 120–137]. В работе [Дыбо 1961] описано связанное с правилом Ван-Вейка наблюдение: от глаголов праславянской а. п. *a* и *b* образовывались формы простого аориста (типа Зрl **могж**), а от глаголов а. п. *c* — формы сигматического аориста древнего типа (типа Зрl **нѣсѧ**).

и соратником по изучению сравнительно-исторической акцентологии. С. Б. Бернштейн даже пишет, что интерес к акцентологии у Иллич-Свитыча возник именно под влиянием Дыбо [Бернштейн 1967: 347].

Всякий человек (а человек науки в особенности) в молодости оказывается перед необходимостью жизненного выбора. Кто-то делает этот выбор сразу и твердо, кто-то в середине жизни резко меняет траекторию, кто-то упорно старается соединять несоединимое, отказываясь, как говорят французы, *trancher*... Как кажется, В. А. Дыбо был среди тех, кто делает свой выбор рано, без колебаний и навсегда. Его естественной средой, его главным жизненным выбором стала классическая компаративистика. Этот выбор он отстаивал не только тогда, когда его не одобряла государственная идеология, но и позже, в 1960-е годы, когда научная среда в столице (в том числе и в Институте славяноведения) стала гораздо разнообразнее, появилась модная семиотика, на сцену ворвался машинный перевод, все кругом заговорили о формализации, моделях, оппозициях и конфигурациях, Владимир Антонович относился к модным веяниям довольно скептически и хранил верность старому доброму сравнительно-историческому языкознанию. Хотя в его случае, пожалуй, в эти старые мехи удалось влить новое — и даже радикально новое — вино.

Вскоре после своего 31-летия, 10 мая 1962 года, В. А. Дыбо защитил кандидатскую диссертацию «Проблема соотношения двух балто-славянских рядов акцентных соответствий в глаголе». Оппонентами диссертации были В. Н. Топоров и С. Д. Кацнельсон, будущий автор «Сравнительной акцентологии германских языков» (1966). «Название диссертации придумал Андрей [Анатольевич Зализняк]» [Булатова 2023: 463]. В том же году выходит его обширная статья «О реконструкции ударения в праславянском глаголе». Кроме многочисленных ценных частных наблюдений (например, аргументы в пользу общепризнанной ныне реконструкции начального ударения в формах 1sg презенса глаголов акцентной парадигмы *s* вида *zóvu*, которую тогда приходилось отстаивать), в ней в сжатой форме содержатся две ключевые для балто-славянской акцентологии идеи: о происхождении а. п. *a* и *b* из единой неподвижной парадигмы (впоследствии известной как «закон Дыбо» или «закон Иллич-Свитыча — Дыбо») и о «законе Васильева — Долобко» (название предложено В. А. Дыбо; смысл закона, говоря современными терминами, в том, что в сочетаниях клитики с энклиномем¹¹ ударение падает на клитику, по типу *ná gору* или *воду же́*).

В 1963 году Иллич-Свитыч защитил диссертацию «Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм»

¹¹ Сам этот термин в докладе на следующем съезде славистов предложит Р. О. Якобсон [1963: 672].

(оппонентами были В. Н. Топоров и индоевропеист Б. В. Горнунг). В течение первой половины 1960-х Дыбо и Иллич-Свитыч смогли установить два основополагающих факта исторической акцентологии: (а) существование в прабалтославянском двух акцентных парадигм (одной с неподвижным ударением на основе и другой с подвижным ударением)¹²; (б) единство акцентной системы словоизменения и словообразования в пра(балто)славянском: а. п. производного слова зависела от а. п. производящего. И уже в совместном докладе на следующем Международном съезде славистов в сентябре 1963 года в Софии они высказали предположение, что балто-славянская подвижная парадигма может восходить еще к индоевропейской эпохе, а следы акцентной мобильности в других древних индоевропейских языках могли быть с нею связаны. Впоследствии эта смелая проекция в праиндоевропейскую древность станет программным тезисом Московской акцентологической школы.

В течение 1960-х годов Владимир Антонович опубликовал ряд работ, где подробно рассматривается материал старовеликорусских, старосербских и среднеболгарских акцентуированных рукописей. Следует отметить, что классическая акцентология черпала данные в основном из литературных языков или современных диалектов. До Дыбо, пожалуй, единственным акцентологом, последовательно привлекавшим для анализа акцентуированные рукописи, был Леонид Лазаревич Васильев (1877–1920), которого Дыбо очень ценил¹³ и на которого неоднократно ссылался. Христиан Станг писал о важности этих данных, однако сам пользовался ими ограниченно, просто из-за труднодоступности этих источников для норвежского слависта. Дыбо, однако, в своих реконструкциях в значительной степени опирается на рукописи и старопечатные книги, и уже в статье 1962 года приводит материалы из Чудовского Нового Завета XIV века — древнейшего памятника, отражающего восточнославянское ударение.

Как свидетельствует Виллем Вермеер, работы Дыбо и Иллич-Свитыча по акцентологии в середине 1960-х заинтересовали амстердамского лингвиста Карла Эбелинга, ученика Якобсона. Параллельно с Дыбо, Эбелинг и его ученики начали заниматься этими темами, и вскоре один из них, Фредерик Кортландт, стал крупным специалистом по индоевропейской акцентологии и основал знаменитую ныне Лейденскую школу [Vermeer 1998: 245–246; ср.: Yamazaki 2017]. По мнению Вермеера, Дыбо

¹² Как отмечает Поль Гард, именно московские акцентологи сыграли ключевую роль в объединении балтийских и славянских акцентных данных в единую целостную систему [Garde 2011: 99].

¹³ Заслуживает внимания его очерк: Загадка Л. Л. Васильева // Отцы и дети московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 302–307.

и Кортландт стали двумя самыми продуктивными акцентологами второй половины XX века [Vermeer 1998: 240].

Можно привести и суждение Томаса Оландера, другого представителя Лейденской школы: «The works of Illič-Svityč and Dybo have exerted decisive influence on later Balto-Slavic accentological investigations. Dybo's Law and the Moscow scholars' view on the correspondences between the Baltic, Slavic and Proto-Indo-European accent paradigms are accepted by prominent scholars such as Garde, Ebeling, Kortlandt, Rasmussen and others» [Olander 2009: 34].

Внезапная смерть В. М. Иллич-Свитыча в результате несчастного случая в 1966 году побудила Владимира Антоновича заняться его наследием; с этого момента в научные интересы Дыбо прочно входит ностратическая проблематика, сегодня неразрывно связанная с его именем. Как известно, в последние годы жизни Иллич-Свитыч больше всего внимания уделял изучению внешних связей индоевропейской семьи. Идеи о возможности установить такие связи высказывались в научной литературе еще в начале XX века, однако работы по этой теме носили достаточно импрессионистический характер. Иллич-Свитыч же работал над большим сравнительным словарем ностратических языков, в число которых он включал, кроме индоевропейских, уральские, алтайские, картвельские, афразийские и дравидийские.

Первый том словаря был издан в 1971 году, второй — в 1976, а третий — в 1984. В работе над первыми двумя томами, кроме Дыбо, принимал участие Арон Борисович Долгопольский (работавший тогда в секторе африканских языков Института языкознания АН СССР, а в 1976 году эмигрировавший в Израиль). Подготовка этого словаря, а также конференция, проведенная в связи с выходом первого тома, и, наконец, Ностратический семинар, первоначально проходивший дома у Владимира Антоновича в Мытищах, сформировали кружок единомышленников, который впоследствии получит название Московской школы компаративистики (в число ее основателей часто включают также Вяч. Вс. Иванова, у которого учился Дыбо, и А. А. Зализняка, который в области дальнего родства языков никогда не работал, но был связан с участниками этой группы тесными личными узами¹⁴ и глубоким интересом к диакроническим процессам). К концу 1970-х годов на первый план среди ее представителей выйдет Сергей Анатольевич Старостин (1953–2005).

¹⁴ Интересно, что среди нескольких мемуарных статей об Иллич-Свитыче, которые появлялись в первые десятилетия после его трагической гибели (большинство из них написал, конечно, В. А. Дыбо), есть одна совместная публикация под названием «Вклад В. М. Иллич-Свитыча в сравнительно-историческую грамматику индоевропейских и ностратических языков» (1973); под ней стоят три фамилии — это А. Б. Долгопольский, В. А. Дыбо и А. А. Зализняк.

Однако часто забывают о непосредственной связи между Московской школой компаративистики и Московской школой сравнительно-исторической акцентологии. В 1970-е годы переходит от синхронных исследований к диахронным Андрей Анатольевич Зализняк, и как раз в этой области ему удалось сделать чрезвычайно много. С 1975 года он начал систематически заниматься исследованием великорусских акцентуированных рукописей и старопечатных книг, в августе 1976 года он сделал знаменитое открытие об акцентуации рукописи Мерила Праведного XIV века¹⁵. В 1970-е годы приступает к акцентологическому обследованию старосербских рукописей Римма Владимировна Булатова¹⁶.

Владимир Антонович параллельно с работой над Ностратическим словарем (и выросшими из этой работы публикациями по отдельным аспектам исторической фонетики, например, уральских языков) продолжал заниматься индоевропейской акцентологией. В 1970 году выходит первая его статья, где высказывается смелая гипотеза о том, что разноместное смыслоразличительное словесное ударение в пушту продолжает индоевропейскую систему (эта идея восходит еще к Моргенштерне, но не была им аргументирована). В 1983 году выходит первая работа Дыбо по истории германского ударения (реконструируемого в основном благодаря закону Вернера и другим сегментным изменениям в германских языках, связанным с ударением), а еще в 1961 году была напечатана работа по кельто-италийской акцентуации.

К 1970-м годам стал ясен кардинальный принцип балто-славянского ударения: все морфемы обладали определенной «акцентуационной валентностью» (в более поздних терминах А. А. Зализняка — акцентной маркировкой), не выводимой из их фонемного состава, — доминантной или рецессивной (в терминах Зализняка — плюсовой или минусовой), — а ударение было привязано к первой доминантной морфеме в тактовой группе (у Дыбо этот принцип назван «контурным правилом парадигматического акцента», у Зализняка используется термин «базисное правило»). Этот принцип позволяет с помощью небольшого и изящного аппарата дать «чрезвычайно компактное и изящное объяснение почти всем наблюдаемым фактам древнерусской (и шире — праславянской)

¹⁵ В том же году выйдет самая первая его публикация (короткие тезисы) по этому поводу; полноценные статьи будут опубликованы в 1978–1979 и в 1985 (в 1990 году объединены в монографию).

¹⁶ «Именно Дыбо действительно указывал на ценность для исторической акцентологии материалов древних памятников письменности и диалектов» [Булатова 2023: 462]. Широкое использование этих памятников письменности стало таким образом отличительной чертой всей московской школы. Как отмечает хорватский лингвист Мате Капович, «[a]naliza i korištenje takvih izvora je izvan moskovske akcentološke škole, nažalost, rjeđa pojava» [Kapović 2015: 71]. См., однако, далее об исследователях 1980-х — 1990-х годов.

акцентуации» [Зализняк 2019: 27]. Как писал позже М. В. Ослон, «материал, состоящий из крайне разнообразных отдельных фактов, подчинялся небольшому набору весьма простых правил. Все словоформы праязыка теперь стали представимы в виде цепочки морфем с акцентными свойствами (“валентностями”) одного из двух возможных типов, что исчерпывающе определяет поведение их ударения. Это позволило В. А. Дыбо приступить – впервые в истории языкознания – к реконструкции целой акцентной системы праязыка» [Ослон 2011: 10].

Первая ясная формулировка «базисного правила», насколько мы можем судить, содержится в англоязычной публикации [Dybo et al. 1978], написанной Владимиром Антоновичем вместе с Сергеем Львовичем Николаевым (приступившим тогда к изучению восточнославянских диалектных акцентных систем) и Сергеем Анатольевичем Старостиным. По-русски оно приведено в конце фундаментального компендиума Дыбо «Славянская акцентология»: эта книга была по политическим причинам опубликована лишь в 1981 году (Владимир Антонович был «подписантом» и не находился на хорошем счету у партийного начальства), хотя написана, судя по всему, существенно раньше. Она представляет собою «die erste vollständige, Flexion und Derivation umfassende Rekonstruktion des urslavischen Akzentsystems» [Hock 1992: 8].

20 февраля 1979 года в Институте славяноведения и балканистики АН СССР Владимир Антонович защитил докторскую диссертацию «Опыт реконструкции системы праславянских акцентных парадигм». Реконструкция прабалтославянской акцентной системы и возможность ее связи с кельтской, италийской, иранской, германской, а также ведийской и древнегреческой (эти два языка служили опорными в классической младограмматической акцентологии), поставила вопрос, по каким принципам строилась праиндоевропейская словесная просодия. Для этого, однако, требовался поиск типологических параллелей – похоже устроенных систем за пределами индоевропейских языков. К 1973 году относится первая заметка Дыбо, где в качестве таковой рассматривается абхазо-адыгская акцентная система¹⁷.

В работе [Dybo et al. 1978] дополнительно рассматривается аваро-андийская просодия (идея сопоставления которой с балто-славянской принадлежит С. А. Старостину), а также упоминаются тоновые системы близкородственных западносахарских языков тубу и канури.

¹⁷ «Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента» [Дыбо 1973]. Поль Гард отмечал, что в изысканиях по сравнительно-исторической акцентологии, «[e]n dehors du domaine indo-européen, on ne peut signaler que de rares tentatives récentes, par exemple celle de V. A. Dybo à propos des langues caucasiennes occidentales» [Garde 1990: 69].

В этой работе, насколько мы можем судить, впервые в печати высказывается следующая гипотеза. Морфонологические свойства («валентности» в авторской формулировке) прабалтославянских морфем восходят к праиндоевропейским регистровым тонам, т. е. авторы предполагают развитие в соответствии с (типологически засвидетельствованным) сценарием, согласно которому морфемы, произносившиеся в праиндоевропейском с высоким тоном, давали в прабалтославянском плюсовые (притягивающие ударение) морфемы. Эта идея стала вторым программным тезисом Московской акцентологической школы.

Генезис этой идеи у Дыбо, однако, существенно более ранний. В последней сноске к монументальной «Славянской акцентологии» утверждается, что подобная гипотеза уже была у Владимира Антоновича в 1962 году. Впервые подробно он ее изложил устно в цикле лекций, прочитанных в 1973–1977 годах на заседаниях Ностратического семинара¹⁸.

В 1976 году выходит двухтомная монография французского слависта Поля Гарда по акцентологии (написанная в 1973-м), в предисловии к которой автор указывает, что он полагается на достижения московских ученых, и благодарит В. А. Дыбо за многочисленные советы [Garde 1976: VIII]. Этот «brilliant compendium [...] heavily supported Illič-Svityč and Dybo» [Sukač 2013: 2]¹⁹.

В 1980-х годах Владимир Антонович продолжил публиковать работы, развивающие все эти темы, т. е. историю славянского ударения по памятникам письменности, его связь с другими индоевропейскими языками, типологические параллели в языках разных семей, внешние связи индоевропейской семьи. Кроме Р. В. Булатовой и С. Л. Николаева, в 1980-е годы под руководством Дыбо начала заниматься словенскими акцентуированными памятниками письменности Галина Игоревна Замятина. Старовеликорусскими рукописями занималась под руководством А. А. Зализняка Елена Алексеевна Аксёнова (дисс. 1982), Елена Викторовна Стадникова (Тугай, дисс. 1984), лехитской просодией занимался Константин Константинович Богатырёв (дисс. 1988). С конца

¹⁸ Опубликованные М. В. Ослоном конспекты лекций Дыбо 1974–1975 (на упомянутом выше сайте), вероятно, являются частью этого цикла: <https://gomanes.org/pub/Dybo/Дыбо%20В.А.%20Лекции%20по%20славянской%20исторической%20акцентологии.1.pdf>

¹⁹ «Via Garde, the ideas were adopted by Halle and Kiparsky, also in a distorted view and often with “their own inventions”, like the Basic Accentual Principle, and due to the scientific authority of those scholars, were further spread among non-specialists. So, for example, the situation resulted in the generally accepted fact that Kiparsky is the author of dominance and recessivity of morphemes, and a similar mechanism was developed by Garde. Dominance and recessivity found their way into various aspects of non-linear phonology as well as OT without even mentioning the works of the real inventors» [Ibid.].

1980-х годов русской диалектной акцентуацией занимается Александра Валерьевна Тер-Аванесова.

В 1985 году вышла книга А. А. Зализняка «От праславянской акцентуации к русской», сыгравшая ключевую роль в популяризации достижений Московской акцентологической школы. В это же время зарубежные слависты, опираясь на методологию московских исследователей, в первую очередь Дыбо и Зализняка, активизируют работу по изучению акцентуированных рукописей. Отметим работы [Hinrichs 1985; Birnbaum 1988; Schweier 1987; Стенсланд 1990; Линдгрэн 1990; Ambrosiani 1991; Hock 1992; Barth 1992].

В 1990 году вышла коллективная монография Дыбо, Замятиной и Николаева «Основы славянской акцентологии», задуманная как подготовительный том для большого Акцентологического словаря славянских языков, только первый выпуск которого увидел свет²⁰. Это время ознаменовано пересмотром некоторых старых идей и возникновением в Московской школе некоторых новых концепций.

В 1992 году Ностратический семинар переместился в РГГУ (где он проходил до 2018 года, пока не переехал в НИУ ВШЭ). Начиная с этого момента Владимир Антонович преподавал в РГГУ сравнительно-исторические курсы, в разные годы он руководил там кафедрой славянских языков и Центром компаративистики. В 2000 году вышла фундаментальная монография «Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис», подводящая итоги изысканиям Владимира Антоновича к тому моменту. Издание было задумано как многотомное, однако вышел только один том. В том же году В. А. Дыбо был избран членом-корреспондентом РАН.

Несмотря на уже немалый возраст, в 2007 и 2010 годах при содействии Мате Каповича и других хорватских лингвистов Владимир Антонович поучаствовал в двух южнославянских диалектологических экспедициях. 5 мая 2011 года в РГГУ прошли чтения к 80-летию Владимира Антоновича, в июле того же года в Москве прошел VII Международный семинар по балто-славянской акцентологии, приуроченный к юбилейной дате. В 2011 году последовало избрание действительным членом РАН.

Даже в последние годы, на девятом десятке, Владимир Антонович продолжал работать. В 2012 году в Нови-Саде он прочитал программный доклад «Балто-славянская акцентная система и итоги индоевропейской акцентологической реконструкции»²¹. Ряд поздних статей Дыбо посвящены возможности отождествлять праязыки и

²⁰ Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода / отв. ред. Р. В. Булатова. М.: Наука, 1993. Вып. 1.

²¹ Впоследствии опубликован: [Дыбо 2014].

археологические культуры и другим общим методологическим проблемам сравнительно-исторического языкознания. В 2009 году под его руководством защитил кандидатскую диссертацию Михаил Владимирович Ослон, в 2022 — Анастасия Константиновна Поливанова. Кроме того, сохранял Владимир Антонович и характерную для него с юности независимую жизненную позицию: в 2013 году он вошел в «Клуб 1 июля» — сообщество академиков, консолидированно выразивших свой протест предлагавшейся реформе РАН. Одно из его тогдашних интервью по этому поводу заканчивается словами: «[Н]аука, независимо от политических взглядов и симпатий отдельных ее представителей, вынуждена быть левой, так как она заинтересована получать интеллектуальные таланты из всего общества, из всех его слоев и классов» [Дыбо 2013б].

27–28 апреля 2021 года Институт славяноведения провел симпозиум «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков», посвященный 90-летию Владимира Антоновича Дыбо. На конференции выступали, кроме московских акцентологов, лингвисты из Нидерландов, Хорватии, Чехии, Словакии, Польши, Литвы, Германии, Австрии, Франции, США. Готовится сборник трудов симпозиума, который, к сожалению, Владимир Антонович уже не увидит.

М. В. Ослон составил обновляемый список²² трудов Владимира Антоновича (свыше двухсот работ), последние статьи в нем датируются 2021 годом, однако нам известно, что Владимир Антонович оставил после себя и неопубликованные материалы.

В лице Владимира Антоновича мировая лингвистика лишилась живого классика, человека, определившего то, как мы теперь привыкли думать о балтийском и славянском ударении, автора целостной монументальной модели индоевропейской просодии — одного из крупных достижений сравнительно-исторического языкознания XX века, а также последнего из отцов-основателей Московской школы сравнительно-исторического языкознания.

Дыбо стоял у истоков эпохи, когда двумя ключевыми научными центрами индоевропейской акцентологии стали Москва и Лейден, причем «the Dutch school can be regarded as an early offshoot of the Moscow school» [Vermeer 1998: 247]. На значение трудов Владимира Антоновича и его непосредственных учеников красноречиво указывает тот факт, что самая свежая зарубежная монография по индоевропейской акцентологии, опубликованная не далее как 25 сентября 2023 года, содержит описание прабалтославянского ударения, начинающееся словами

²² См. <https://tromanes.org/pub/Dybo/Библиография%20работ%20В.А.Дыбо.pdf>. Там же библиография текстов о Владимире Антоновиче.

«[t]he picture presented here follows the views of the Moscow Accentological School, which may be considered standard» [Villanueva Svensson 2023: 12]. «Most western accentologists, regardless on what they think about the earlier stages of (Balto-)Slavic and Indo-European accentuation, in effect take Dybo's reconstructions as a given (almost as if they were themselves attested—like Old Church Slavic) and proceed from there to try to connect the Slavic accentual system with the wider Indo-European frame» [Karović 2023: xiii–xiv].

«Его имя во всем мире знает каждый, кто знает слово “акцентология”» [Ослон et al. 2011: 118]. Труды Владимира Антоновича Дыбо будут вдохновлять еще не одно поколение ученых, занимающихся лингвистической компаративистикой, а вся его жизнь — образец цельного и бескомпромиссного служения науке, одной науке и ничему, кроме науки. По удачной формулировке из [Михайлова, Мудрак 2011], Владимир Антонович — «человек судьбы» в том смысле, что он с ранних лет выбрал свое предназначение в этом мире, неукоснительно следовал ему и его исполнил.

Библиография

Бернштейн 1967

Бернштейн С. Б., В. М. Иллич-Свитыч [1967], Idem. *Труды по истории славистики (К 100-летию со дня рождения ученого)*, Москва, 2011, 346–348.

Булатова 2023

Булатова Р. В., *Воспоминания, Славянское и балканское языкознание, 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо*, Москва, 2023, 460–480.

Бурас 2019

Бурас М. М., *Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах её участников*, Москва, 2019.

——— 2022

Бурас М. М., *Лингвисты, пришедшие с холода (= Великие шестидесятники)*, Москва, 2022.

Дыбо 1953

Дыбо В. А., *Акцентологическая система русского глагола. Рукопись*, Горький, 1953 (<https://gromanes.org/pub/Dybo/Дыбо%20В.А.%20Акцентологическая%20система%20русского%20глагола.pdf>).

——— 1961

Дыбо В. А., Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста, *Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР*, 30, Москва, 1961, 33–38.

——— 1962

Дыбо В. А., [Резюме выступления на подсекции «Фонетика и фонология славянских языков» IV Съезда славистов], *IV Международный Съезд славистов. Материалы дискуссии, 2: Проблемы славянского языкознания*, Москва, 1962, 350–352.

——— 1973

Дыбо В. А., Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения

- и проблема реконструкции индоевропейского акцента, *Кузнецовские чтения 1973: История славянских языков и письменности*, Москва, 1973, 8–10.
- 2013а
Дыбо В. А., *Путь в языкознание, Троицкий вариант – Наука*, 141, 2013, 9 (<https://www.trv-science.ru/2013/11/put-v-yazykoznanie>). [Издается лицом, признанным 24 марта 2022 года Минюстом РФ «иностранным агентом»].
- 2013б
Дыбо В. А., «Истина поступка – дело» [Ответы на вопросы газеты «Троицкий вариант – Наука», *Троицкий вариант – Наука*, 141, 2013, 3. [Издается лицом, признанным 24 марта 2022 года Минюстом РФ «иностранным агентом»].
- 2014
Дыбо В. А. Балто-славянская акцентная система и итоги индоевропейской акцентологической реконструкции, *IWoBA VIII. Реферати VIII међународног скупа о балтословенској акцентологији (Славистички зборник. Нова серија, књига I)*, Нови Сад, 2014, 17–94.
- 2017
Дыбо В. А., *Между революцией и войной: из семейных воспоминаний*, публ. А. С. Крыловой, *Живая старина*, 4 (96), 2017, 46–48.
- 2020
Дыбо В. А., *Из семейных воспоминаний о 1930-х гг. и о войне*, публ. А. С. Крыловой, *Живая старина*, 1 (105), 2020, 39–42 (<https://youtu.be/9opBe4-qPvI?si=bg5JyBYERvdJ3QNt>).
- Зализняк 2019
Зализняк А. А., *Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь*, 2-е изд. Москва, 2019.
- Линдгрэн 1990
Линдгрэн Н., *Акцентологическая характеристика севернорусской рукописи XVII века* (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic studies, 20), Stockholm, 1990.
- Михайлова, Мудрак 2011
Михайлова Т. А., Мудрак О. А., *Человек судьбы, Полит.ру*, 29 апреля 2011 (<https://polit.ru/articles/nauka/chelovek-sudby-2011-04-29/>).
- Ослон et al. 2011
Ослон М. В., Капович М., Николаев С. Л., *К юбилею Владимира Антоновича Дыбо, Славяноведение*, 6, 2011, 108–110.
- Стенсланд 1990
Стенсланд Л., *Акцентировка и акцент. Акцентологический анализ Службеника XV в. Chil. 323* (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies, 19), Stockholm, 1990.
- Топоров 1997
Топоров В. Н., *К юбилею Владимира Антоновича Дыбо, Балто-славянские исследования, 1988–1996 гг.*, [10/12]: [*Сборник научных трудов к 60-летию В. А. Дыбо*], Москва, 1997, 9–12.
- Якобсон 1963
Якобсон Р. О., *Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии, American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists*, Hague, 1963, 153–178. Цит. по изд.: [Jakobson R., *Selected writings. 1: Phonological Studies*, 3 ed., Berlin, New York, 2002, 664–687].
- Ackermann 2014
Ackermann K., *Die Vorgeschichte des slavischen Aoristsystems*, Leiden, 2014.
- Ambrosiani 1991

- Ambrosiani P., *On Church Slavonic Accentuation. The Accentuation of a Russian Church Slavonic Gospel Manuscript from the Fifteenth Century*, Stockholm, 1991.
- Barth 1992
Barth B., *Eine akzentuierte russische Handschrift des Sobornoe Uloženie 1649 goda aus der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts* (Diss. Univ. Konstanz, Konstanz, 1992).
- Birnbaum 1988
Birnbaum D. J., *Textual and Accentual Problems of Muz. 3070 and Zogr. 757* (Mass. PhD thesis, Cambridge, 1988).
- Dybo et al. 1978
Dybo V. A., Nikolayev S. L., Starostin S. A., A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems, *Estonian papers in phonetics. 1978*, Tallinn, 1978, 16–20.
- Garde 1990
Garde P., La méthode historico-comparative en accentologie, *Cercle linguistique d'Aix-en-Provence. Travaux, 8: Linguistique comparée*, Aix-en-Provence, 1990, 57–71. [republ.: *Le mot, l'accent, la phrase. Études de linguistique slave et générale*, Paris, 2006].
- 2011
Garde P., Spécificités de l'accentologie, *Baltistica, 7 Priedas*, 2011, 87–102.
- Hinrichs 1985
Hinrichs J. P., *Zum Akzent im Mittelbulgarischen*, Amsterdam, 1985.
- Hock 1992
Hock W., der, *Flexionsakzent im mittelbulgarischen Evangelie 1139 (NBKM)*, 1: *Akzentgrammatik*, München, 1992.
- Kapović 2015
Kapović M., *Povijest hrvatske akcentuacije: fonetika* (= Biblioteka Theoria/Theōria. Novi niz), Zagreb, 2015.
- 2023
Kapović M., Vladimir Antonovič Dybo (1931–2023): In memoriam, *Journal of Language Relationship, 21/1–2*, 2023, xii–xiv.
- Olander 2009
Olander T., *Balto-Slavic accentual mobility* (= Trends in linguistics. Studies and monographs, 199), Berlin, New York, 2009.
- Schweier 1987
Schweier U., *Zum Flexionsakzent in der großrussischen Literatursprache des 16. und des 17. Jahrhunderts. Beschreibung und vergleichende Einordnung der Akzent systeme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580–81 und der Moskauer Bibel von 1663* (= Specimina philologiae Slavicae, Supplementband, 22), München, 1987.
- Sukač 2013
Sukač R., *Introduction to Proto-Indo-European and Balto-Slavic Accentology*, Cambridge, 2013.
- Vermeer 1998
Vermeer W., Christian Stang's revolution in Slavic accentology, J. I. Bjørnflaten, G. Kjetsaa, T. Mathiassen, eds., *The Olaf Broch Symposium. A Centenary of Slavic Studies in Norway*, Oslo (= Det Norske Videnskapsakademi, 2: Hist.-Filos. Klasse, Skrifter, Ny Serie, 20), 1998, 240–254.
- Villanueva Svensson 2023
Villanueva Svensson M., *The Rise of Acuteness in Balto-Slavic*, Leiden, 2023.
- Yamazaki 2017
Yamazaki Y., Balto-Slavic Accentology, Schools of, M. L. Greenberg, L. A. Grenoble, eds., *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online* (http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_031910; first published online: 2017).

Zgusta 1951

Zgusta L., La théorie laryngale, *Archiv orientální*, 19, 428–472.

References

- Ackermann K., *Die Vorgeschichte des slavischen Aoristsystems*, Leiden, 2014.
- Ambrosiani P., *On Church Slavonic Accentuation. The Accentuation of a Russian Church Slavonic Gospel Manuscript from the Fifteenth Century*, Stockholm, 1991.
- Bernstein S. B., V. M. Illich-Svitych [1967], *Idem, Trudy po istorii slavistiki (K 100-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo)*, Moscow, 2011, 346–348.
- Bulatova R. V., *Vospominaniia, Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie*, 23. Balto-slavianskaia komparativistika. *Aktsentologija. Dal'nee rodstvo iazykov. Pamiaty Vladimira Antonovicha Dybo*, Moscow, 2023, 460–480.
- Buras M. M., *Istina sushchestvuet. Zhizn' Andreia Zalizniaka v rasskazakh ee uchastnikov*, Moscow, 2019.
- Buras M. M., *Lingvisty, prishedshie s kholoda (= Velikie shestidesiatniki)*, Moscow, 2022.
- Dybo V. A. *Udarenie slavianskogo glagola i formy staroslavianskogo aorista, Kratkie soobshcheniia Instituta slavianovedeniia AN SSSR*, 30, Moscow, 1961, 33–38.
- Dybo V. A., [Reziume vystupleniia na podsektzii «Fonetika i fonologija slavianskikh iazykov» IV s'ezda slavistov], *IV Mezhdunarodnyi S'ezd slavistov. Materialy diskussii*, 2: *Problemy slavianskogo iazykoznanii*, Moscow, 1962, 350–352.
- Dybo V. A., Balto-slavianskaia aktsentnaia sistema s tipologicheskoi tochkoi zreniia i problema rekonstruktsii indoevropejskogo aktsenta, *Kuznetsovskie chteniia 1973: Istoriia slavianskikh iazykov i pis'mennosti*, Moscow, 1973, 8–10.
- Dybo V. A., Balto-slavianskaia aktsentnaia sistema i itogi indoevropejskoi aktsentologicheskoi rekonstruktsii, *IWoBA VIII. Proceedings of the 8th Intentional Workshop on Balto-Slavic Accentology*, Novi Sad, 2014, 17–94.
- Dybo V. A., Nikolayev S. L., Starostin S. A., A tonological hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems, *Estonian papers in phonetics*. 1978, Tallinn, 1978, 16–20.
- Garde P., La méthode historico-comparative en accentologie, *Cercle linguistique d'Aix-en-Provence. Travaux*, 8: *Linguistique comparée*, Aix-en-Provence, 1990, 57–71. [republ.: *Le mot, l'accent, la phrase. Études de linguistique slave et générale*, Paris, 2006].
- Garde P., Spécificités de l'accentologie, *Baltistica*, 7 *Priedas*, 2011, 87–102.
- Hinrichs J. P., *Zum Akzent im Mittelbulgarischen*, Amsterdam, 1985.
- Hock W., der, *Flexionsakzent im mittelbulgarischen Evangelie 1139 (NBKM)*, 1: *Akzentgrammatik*, München, 1992.
- Jakobson R., *Selected writings*. 1: *Phonological Studies*, 3 ed., Berlin, New York, 2002, 664–687.
- Kapović M., *Povijest hrvatske akcentuacije: fonetika (= Biblioteka Theoria/Theōria. Novi niz)*, Zagreb, 2015.
- Kapović M., Vladimir Antonovič Dybo (1931–2023): In memoriam, *Journal of Language Relationship*, 21/1–2, 2023, xii–xiv.
- Lindgren N., *An accentological study of a 17th century North Russian manuscript (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic studies*, 20), Stockholm, 1990.
- Olander T., *Balto-Slavic accentual mobility (= Trends in linguistics. Studies and monographs*, 199), Berlin, New York, 2009.
- Osłon M. V., Kapović M., Nikolaev S. L., To the jubilee of Vladimir Antonovich Dybo, *Slavianovedenie*, 6, 2011, 108–110.
- Schweier U., *Zum Flexionsakzent in der großrussischen Literatursprache des 16. und des 17. Jahrhunderts. Beschreibung und vergleichende Einordnung der Akzent systeme der Ostroger Bibel (Neues Testament) von 1580–81 und der Moskauer Bibel von 1663 (= Specimina philologiae Slavicae, Supplementband*, 22), München, 1987.
- Steensland L., *Accentuation and Accent. Accentological Analysis of the 15th-Century Missal. Chil. 323 (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies*, 19), Stockholm, 1990.
- Sukač R., *Introduction to Proto-Indo-European and Balto-Slavic Accentology*, Cambridge, 2013.
- Toporov V. N., 60th birthday anniversary of V. A. Dybo, *Balto-slavianskie issledovaniia, 1988–1996 gg.*, 10/12: *Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiiu V. A. Dybo*, Moscow, 1997, 9–12.
- Vermeer W., Christian Stang's revolution in Slavic accentology, J. I. Bjørnflaten, G. Kjetsaa, T. Mathiasen, eds., *The Olaf Broch Symposium. A Centenary of Slavic Studies in Norway*, Oslo (= Det Norske Videnskapsakademi, 2: *Hist.-Filos. Klasse, Skrifter, Ny Serie*, 20), 1998, 240–254.
- Villanueva Svensson M., *The Rise of Acuteness in Balto-Slavic*, Leiden, 2023.
- Zaliznyak A. A., *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*, 2nd ed., Moscow, 2019.
- Zgusta L., La théorie laryngale, *Archiv orientální*, 19, 428–472.

Нияз Илдарович Киреев, étudiant

École normale supérieure — PSL

75005, Paris (45, rue d'Ulm)

France

студент

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, г. Москва, Старая Басманная, 21/4с1

Россия / Russia

niyazkireyev@gmail.com

Olivier Azam, maître de conférences

École normale supérieure — PSL

Paris (45, rue d'Ulm)

maître de conférences

CeLiSo — Centre de Linguistique en Sorbonne,

Paris (28, rue Serpente)

France

azamoam@club-internet.fr

Владимир Александрович Плунгян, академик РАН, профессор,

доктор филологических наук,

заместитель директора

Института русского языка имени В. В. Виноградова

Российской академии наук

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

Россия / Russia

plungian@iling-ran.ru

Received May 11, 2023

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВЪНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 12. № 2
Институт славяноведения РАН, 2023

Подписано в печать 29 • XII • 2023 г. Формат 70 × 100/16.
Объем 16,75 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119334, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.